

№ 18 (137) 2012

Выпуск 15

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:
НИУ «БелГУ».

Издательский дом «Белгород».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полушин,
и.о. ректора НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
и.о. проректора по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Ответственные секретари:

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических
наук, профессор

О.В. Шевченко
зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

А. П. Короченский,
декан факультета журналистики
НИУ «БелГУ», доктор филологических
наук, профессор

Заместители главного редактора:

И. А. Назорный,
профессор кафедры русского языка
и методики преподавания
филологического факультета
НИУ «БелГУ», доктор филологических
наук, профессор

О. Н. Прохорова,
профессор кафедры английского языка
и методики преподавания факультета
романо-германской филологии
НИУ «БелГУ», доктор филологических
наук, профессор

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика

Психология

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philology Journalism Pedagogy

Psychology

Содержание

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Субъектная перспектива безличных односоставных предложений с модально-предположительными частицами.

И. А. Назорный 5

Роль фразеологической когнитивной метафоры в формировании художественных концептов.

К. К. Стебунова 11

Лингвоэстетика разговорного дискурса.

В. К. Харченко 18

К вопросу о способах актуализации лексических новообразований в разговорной речи.

Ю. Н. Шаталова 25

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Процесс становления английского инфинитива с точки зрения исторической лингвистики.

А. М. Ааматов, Ю. И. Гурова 32

Языковая политика на территории Африки в колониальный период.

Ж. Багана 40

Структурно-семантические особенности медицинской терминологической лексики (на материале немецкого языка).

С. М. Величкова,

Е. Н. Таранова 47

Аргумент АКТОР в позиционных структурах именных сложных слов немецкого языка.

Л. В. Воронина 55

Анализ сочетаемости лексемы *work* и варианты ее перевода в различных контекстах.

Е. С. Данилова 63

Сегменты концептуального пространства, объективируемого лексической единицей «Sinn», в творчестве И. В. Гёте.

Т. А. Нойгебауер,

И. П. Солодовник 69

Опыт компаративно-семантического анализа «универсальных» глаголов в английском и французском языках.

О. Н. Прохорова, И. В. Чекулай,

И. А. Куприева 76

Объективация эмоционально-чувственной картины мира в современном английском языке.

О. Ю. Ромашина 82

Языковая картина мира и национальная гастрономия.

А. П. Седых,

Л. Р. Ермакова 89

Фразеологические единицы микрополя «Счастье» в составе фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека» (на материале французского языка).

И. И. Синельникова 94

Релятивные образы и концептосфера языка.

Т. Н. Скокова 100

Теоретические аспекты понятийного/ терминологического аппарата для анализа Spanglish.

М. В. Солженицына 107

Классификация основных способов компрессии информации в текстах малого формата современной французской прессы.

Е. В. Толстолуцкая,

Ю. Г. Синельников 115

Типология актантных структур в румынском языке.

Аурелия Хангану 121

И. Ф. Исаев,
заведующий кафедрой педагогики
НИУ «БелГУ», доктор педагогических
наук, профессор

Н. И. Исаева,
профессор кафедры возрастной
и социальной психологии факультета
психологии НИУ «БелГУ»,
доктор психологических наук,
профессор

Члены редакционной коллегии:

М. Геруля,
доктор гуманитарных наук, профессор
Силезского университета, Катовице
и Высшей гуманитарной школы,
Сосновец (Польша)

К. Жиро,
доктор философии, профессор Барселон-
ского Автономного университета, директор
Департамента средств массовой информации,
коммуникации и культуры (Испания)

В. И. Лозовая,
доктор педагогических наук, профессор
Харьковского национального университе-
та, член-корреспондент Академии педаго-
гических наук (Украина)

У. Перси,
доктор филологии, профессор
Университета Бергамо (Италия)

А. А. Тертычный,
доктор филологических наук, профессор
факультета журналистики Московского
государственного университета

А. В. Фёдоров,
доктор педагогических наук, профессор,
проректор по научной работе Таганрог-
ского государственного педагогического
института, президент Российской
ассоциации медиапедагогики

Консультант

Е. А. Кожмякин,
заведующий кафедрой коммуникатив-
стики, рекламы и связей с общественно-
стью факультета журналистики Белгород-
ского государственного национального
исследовательского университета,
доктор философских наук, профессор

Ответственный секретарь

И. И. Карпенко,
доцент факультета журналистики
Белгородского государственного
национального исследовательского
университета, кандидат
филологических наук

Подготовка к печати *Т.Г. Лагутиной*
Оригинал-макет *И. И. Карпенко*,
Н.А. Гапоненко

e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Подписано в печать 28.09.2012
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact.
Усл. п. л. 26,97
Тираж 1000 экз.
Заказ 386

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 81470

Оригинал-макет тиражирован
в издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Социально-эпистемологические характеристики медийных дискурсов.

Е. А. Кожмякин 134

Построение эффективной аргументации в российском и американском пе-
чатном дискурсе СМИ. **И. О. Окунева 140**

Конкуренция в арабоязычном спутниковом телеэфире.

Шафель Али Шаиф Хусейн 151

Дискурс и исследовательский инструментарий медиалингвистики.

Т. В. Шмелева 157

ПЕДАГОГИКА

Особенности повышения квалификации научно-педагогических кадров
вузов в Великобритании: исторический и политический аспекты.

Е. В. Козлова, И. В. Ирхина 164

Моделирование институциональных структур в высшей школе.

Е. О. Ларина, Е. И. Ерошенкова, И. Ф. Исаев 168

Теоретические и практические аспекты профессионально-личностной под-
готовки будущего учителя к инновационной деятельности.

С. А. Перекальский, Н. Л. Шеховская 174

Модель обеспечения системы гарантии качества преподавания в вузе на
основе компетентного подхода: критерии и показатели.

М. И. Ситникова, Л. В. Верзунова 180

Профессиональная компетентность учителя информатики и его конвенцио-
нальные роли в условиях новой информационной реальности.

Н. А. Толстова, Т. Н. Разуваева 188

ПСИХОЛОГИЯ

Нравственное самоопределение будущего специалиста как условие иннова-
ционного стиля профессиональной деятельности: социально-
психологический аспект. **А. Н. Еремينا, Н. И. Исаева 196**

Психологические аспекты изучения женского бесплодия.

И. В. Карголь 202

Особенности формирования мотивационно-ценностного компонента готов-
ности будущих учителей информатики к развитию информационной обра-
зовательной среды современной школы. **В. В. Малицаки,**

Т. Н. Разуваева 209

Адаптация российских студентов к социокультурным условиям вуза.

Е. П. Непочатых 214

Сведения об авторах **224**

Информация для авторов **227**

№ 18 (137) 2012
Issue 15

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University.
Belgorod National Research University Press.
The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,
Acting Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,
Acting Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Assistant Editors

V.M. Moskovkin,
Professor of World Economy Department of Belgorod National Research University, Doctor of Geographical Sciences

O.V. Shevchenko,
Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Chief editor:

A. P. Korochenskiy,
Dean of Faculty of Journalism, Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Deputies of chief editor:

I. A. Nagorniy,
Faculty of Philology, Department of Russian Language and Teaching, Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Belgorod State University
Scientific bulletin

Humanities

Philology Journalism Pedagogy Psychology

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика

Психология

Contents

RUSSIAN PHILOLOGY

Subjectivity Perspective of impersonal mononuclear Sentences with modal speculative Particles. **I. A. Nagorniy 5**

The Role of phraseological cognitive Metaphor in Forming literary text concepts. **K. K. Stebunova 11**

Linguistic Aesthetics of colloquial Discourse. **V. K. Kharchenko 18**

On the Forms of lexical innovations Actualization in colloquial Speech. **Yu. N. Shatalova 25**

ROMANIC-GERMAN PHILOLOGY

Diachronic Study of the infinitive Constructions from the historical linguistics Perspective. **A. M. Amatov, Yu. I. Gurova 32**

Language Policy on the Territory of Africa during the colonial Period. **G. Baghana 40**

The structural and semantic Features of medical terminological Vocabulary (based on German Language Materials). **S. M. Velichkova, E. N. Taranova 47**

Argument Aktor in the propositional Structures of nominal compound Words in German. **L. V. Voronina 55**

Classification of «With»-Structures: a Transformational grammar Approach. **E. S. Danilova 63**

Segments of the conceptual Space, represented by the lexical Unit «Sinn», in Goethe's Works. **T. A. Neugebauer, I. P. Solodovnik 69**

Comparative semantic analysis of “universal” verbs in the English and French languages. **O. N. Prokhorova, I. V. Chekulai, I. A. Kuprieva 76**

Objectivation of emotional-sensitive World Image in modern English. **O. Y. Romashina 82**

Linguistic world View and national Gastronomy. **A. P. Sedykh, L. R. Ermakova 89**

The french emotional phraseological Units meaning Happiness in the field Aspect. **I. I. Sinelnikova 94**

Relation Images and the concept Sphere of the Language. **T. N. Skokova 100**

Theoretical Overview to build a Glossary for Spanglish Analysis. **M. Solzhentsyna 107**

The Classification of main Speech Compression Ways used in small-sized Texts of modern French Press. **E. V. Tolstoluckaja, Yu. G. Sinelnikov 115**

Typology of Actantial Structures in the Romanian Language. **A. Hanganu 121**

O. N. Prohorova,

Professor, Faculty of Roman and German Philology, Department of English Language and Teaching, Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

I. F. Isaev,

Faculty of Psychology, Head of Department of Pedagogics Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

N. I. Isaeva,

Faculty of Psychology, Head of Department of Age and Social Psychology, Doctor of Psychological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M. Gierula,

Doctor of Humanities, professor of Silesian University, Katowice, professor of High School of Humanities, Sosnowiec (Poland)

X. Giro,

PhD, professor of Autonomous University of Barcelona, director of Department of Mass Media, Communication and Culture (Spain)

V. I. Lozovaya

Doctor of Pedagogy, professor of Kharkov National University, member of Academy of Pedagogical Science (Ukraine)

H. Persi,

Doctor of Philology, professor of University of Bergamo (Italy)

A. A. Tertychniy,

Doctor of Philosophical Sciences, professor of Faculty of Journalism of Moscow State University

A. V. Fedorov,

Doctor of Pedagogy, professor, vice-rector of Taganrog State Pedagogical Institute, president of Russian Association of Media Pedagogy

Consultant:

E. A. Kozhemyakin,

Faculty of Journalism, Head of Department of Communication Studies, Advertising and Public Relations, Doctor of Philosophical Sciences, professor (Belgorod National Research University)

Responsible secretary:

I. I. Karpenko,

Associate Professor of the Faculty of Journalism (Belgorod National Research University)

Prepared for release *T.G. Lagutina*
Dummy layout by *I. I. Karpenko,*
N. AGaponenko
e-mail: Korochemsky@bsu.edu.ru

Passed for printing 28.09.2012
Format 60x84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 26,97
Circulation 1000 copies
Order 386

Subscription reference in Rospechat' agency catalogue – 81470

Dummy layout is replicated at Belgorod National Research University Publishing house "Belgorod"
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

JOURNALISM AND PR

Social epistemological Features of media Discourses.

E. A. Kozhemyakin 134

Creating effective reasoning in the Russian and American press Discourse.

I. O. Okuneva 140

The Competition in Arabic Language satellite TV.

Shafel Ali Shaif Houseyn 151

Discourse and research Tools of media Linguistic. **T. V. Shmelova 157**

PEDAGOGICS

Academic staff development Features in the UK: historical and political Aspects.

E. V. Kozlova, I. V. Irkhina 164

Modelling of institutional Structures at the higher School. **E. O. Larina,**

E. I. Eroshenkova, I. F. Isaev 168

Theoretical and practical Aspects of future teachers' personal Development and professional Training for innovation Activities. **N. L. Shehovskaya,**

S. A. Perekalskiy 174

Model for System of assurances Quality of Teaching in higher education Institutions on the Basis of a competent Approach: Criteria and Indicators.

M. I. Sitnikova, L. V. Verzunova 180

Professional Competence of an informatics Teacher and his conventional Roles in Conditions of new informational Reality. **N. A. Tolstova,**

T. N. Razuvaeva 188

PSYCHOLOGY

Moral self-determination the Future Specialist as the innovative Style

of professional Activity: social and psychological Aspects. **A. N. Eremina,**

N. I. Isaeva 196

Psychological Reactions to Infertility. **I. V. Kargol 202**

The Peculiarities of Forming of value-motivational Component of Readiness of future informatics Teachers to the Development of informational and educational Environment of contemporary School. **V. V. Maliataki,**

T. N. Razuvaeva 209

Adaptation of the Russian Students to the sociocultural Conditions of the University. **E. P. Nepochatykh 214**

Information about Authors **224**

Information for Authors **227**

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

СУБЪЕКТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА БЕЗЛИЧНЫХ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С МОДАЛЬНО-ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫМИ ЧАСТИЦАМИ

И. А. Нагорный

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru*

Статья посвящена рассмотрению субъектной перспективы безличного односоставного предложения с модально-предположительными частицами. Модально-предположительные частицы описываются как актуализаторы особой субъектной зоны в односоставном глагольном предложении, как элементы, сближающие диктумные и модусные смыслы.

Ключевые слова: модально-предположительные частицы, субъектная перспектива, односоставное предложение, диктум, модус, смысл.

Введение

Субъектная перспектива – аспект анализа предложения, с одной стороны, уже достаточно детально исследованный в отечественной русистике, а с другой стороны, требующей дальнейшей разработки, в том числе применительно к отдельным типам предложений в современном русском языке.

Обращение к вопросу о субъектной перспективе односоставных предложений представляется целесообразным, так как основные параметры, положенные в основу типологизации данных предложений (степень отстраненности деятеля от действия, определенность, неопределенность, обобщенность деятеля, внеличностность события), не могут служить препятствием для внедрения в диктум односоставного предложения «точки зрения» говорящего, его субъективного мнения, то есть модально-кваликативного фактора. Субъект эксплицирует свое присутствие вербализацией собственной точки зрения на событие, что неизбежно ведет к сближению объективного и субъективного слоев смысла в зоне односоставных предложений, «притягиванию» диктума модусом, а также к усложнению субъективной перспективы односоставного предложения. Исследование данной проблемы представляется продуктивным, так как позволяет более пристально взглянуть на такие синтаксические явления, как снижение степени безличности собственно безличных предложений, экспликация зоны говорящего в других глагольных односоставных предложениях.

Основная часть

На фоне обозначенных проблем целесообразно проследить особенности функционирования модально-предположительных частиц (*едва ли, вряд ли, словно, точно, авось, небось, будто, якобы* и под.) в безличном односоставном предложении в аспекте расширения и углубления его субъектной перспективы. Основанием для актуализации данной проблемы послужила способность модальных частиц фиксировать в предложении субъектную сферу говорящего. Указанная способность позволяет рассматривать модальные частицы как средство соотношения высказываемого с действительностью в аспекте персональности.

Наличие субъективно-модального компонента устанавливает факт вербализации авторской точки зрения на событие и, следовательно, является показателем авторства произведенной модальной квалификации. В результате происходит некое «соприкосновение» фактора

говорящего и фактора адресата, проявляется позиция говорящего: «я так считаю», «я хочу довести свою точку зрения до собеседника», «я желаю, чтобы собеседник понял, что я именно так квалифицирую событие». Функционирование модально-предположительных частиц в этом плане проявляет один из аспектов категории персональности: соотнесение автора субъективно-модальных характеристик с говорящим.

С категорией персональности тесно связана проблема авторства, точки зрения говорящего, которая в настоящее время получила отражение в некоторых направлениях лингвистики, изучающих способы представления автора в структуре предложения, исследующих категорию субъекта, описывающих парадигмы авторизации, модусные рамки, средства дифференциации сущности и ипостасей субъекта-говорящего, модальные трансформации предложения [1]. Комплексные субъектные типологии, появившиеся относительно недавно, отталкиваются от языковой классификации, которая имеет широкую лингвистическую традицию. Типология субъектов, по мнению Н. К. Онипенко, должна опираться на «отнесенность субъекта к зоне диктума или зоне модуса», «семантико-синтаксический статус субъекта, вытекающий из его онтологического статуса» и «референциальную характеристику субъекта» [2, с. 230]. Включение безличных односоставных предложений с предположительными частицами в классификацию, основанную на типологии субъектов и способе экспликации субъекта, преследует определенные цели. В их числе – установление статуса, которому соответствуют модально-предположительные частицы в семантической структуре поля персональности безличного односоставного предложения. Последнее же невозможно осуществить без обращения к центральным проблемам субъектной перспективы предложения и определения сущности понятия «субъект» [3, с. 123 – 128].

Экспликация и соотнесение в предложении диктумного субъекта («субъекта сообщаемого факта») и модусного субъекта («субъекта факта сообщения») позволяют выстроить субъектную перспективу предложения, «прочертить» ось между *Он* субъекта исходной модели и *Я* говорящего» [2, с. 231]. Данная ось есть перспектива между *Я*-личности и *Не-я*-вещи, поэтому должна рассматриваться как одна из сторон модусной характеристики предложения. Установление функциональной роли модально-предположительных частиц в развитии субъектной перспективы безличного предложения и обоснование критериев экспликации данными частицами определенных субъектных сфер в конкретных разновидностях безличных односоставных предложений представляется важным, так как в итоге оказывается связанным с общими проблемами авторства, обнаружения и описания способов диалогизации монолога.

Немаловажное значение здесь приобретает и вопрос о связи субъектной перспективы предложения с предикативностью. Суть его заключается в следующем. Модальность обуславливает присутствие в предложении субъектной сферы говорящего, что влечет за собой экспликацию развернутой или свернутой модусной рамки, в которой вербализуется способ соотношения высказываемого с действительностью. Персональность же, устанавливая соотношение между сферами диктума и модуса в предложении, определяет тип действующего (воспринимающего и т. д.) субъекта, а также факт совпадения или несовпадения субъектных сфер, то есть тоже «работает» на предикативность предложения.

Субъектная перспектива предложения бывает разной степени сложности [2, с. 229 – 301]. Минимальная степень сложности, базирующаяся на минимальном количестве диктумных субъектов, характерна для предложений, не осложненных вербализованным модусно-рамочным элементом. В таких предложениях эксплицирован только субъект (субъекты) базовой модели. Ряд безличных односоставных предложений (так называемые «мнимо-безличные» предложения) в этом аспекте имеют четкий грамматический фиксатор наличия диктумной субъектной сферы – словоформу в дательном падеже («дательный субъекта») (*Мне хорошо; Ему холодно; Тебе не спится?*).

О расширенной субъектной перспективе целесообразно вести речь тогда, когда в семантической структуре безличного односоставного предложения помимо диктумных субъектов эксплицируются субъекты модусной сферы, в первую очередь субъект-говорящий: **Вряд ли возможно это сделать; Едва ли ему нужно туда идти; Словно бы подтаяло на улице.** Так как нормой для диктума является невыраженность модусной субъектной сферы (стремление диктума к модусному нулю), то ее экспликация всегда оказывается обусловленной интенциями говорящего, который считает необходимой вербализацию собственной точки зрения на описываемое событие. Усложнение субъектной перспективы безличного односоставного предложения связано с увеличением количества субъектов, каждый из которых фиксирует отношение к модусу. Усложнение субъектной перспективы, таким образом, связано с увеличением сложности модуса предложения.

Необходимо определить нашу позицию относительно намеченных проблем. В безличных односоставных предложениях модально-предположительные частицы являются элементами, либо расширяющими, либо уточняющими субъектную перспективу [4]. Для безличных предложений оказывается возможной актуализация при помощи частицы так называемого субъекта модусной зоны (S_4) – субъекта-говорящего, квалифицирующего субъекта. В данных предложениях так или иначе дано указание на факт присутствия говорящего, причем само наличие в структуре предложения модально-предположительной частицы уже предполагает такое указание – через вербализацию в предложении авторской точки зрения на событие.

Возможность наличия практически в любом безличном предложении субъектной зоны S_4 обусловлена еще и тем, что отношения, в которые включены данные предложения, всегда устанавливаются говорящим, автором этого предложения. Субъект зоны S_4 при этом находится вне других субъектов, представляя автономное модусное ядро.

Субъектная зона S_4 репрезентирует сферу говорящего, которая представляет собой высшую ступень в иерархии субъектов. Универсальность зоны S_4 состоит в том, что фактически все субъектные зоны оказываются открытыми для ее внедрения. В то же время сфера говорящего не является самодостаточной в том смысле, что она реализуется на базе других субъектных зон глагольного односоставного предложения, принадлежащих области диктума. Субъект S_4 в данном типе предложений также несамодостаточен, так как его точка зрения не может быть эксплицирована сама по себе, вне объекта ее приложения. В этом, кстати, заключается одна из причин универсальности и открытости субъектной зоны S_4 . Модусный субъект при этом должен быть наделен чертами, характерными для субъектов реактивного и информативного регистров: показателями регистровой принадлежности; способом участия в квалификации описываемого события; экспликацией собственной точки зрения на денотативную ситуацию; принадлежностью «точки зрения» автору высказывания. Модусный субъект, знаком присутствия которого в односоставном безличном предложении являются модально-предположительные частицы, обладает указанными чертами.

Исходя из сказанного, модально-предположительные частицы в семантической структуре безличного предложения необходимо охарактеризовать как средства экспликации факта присутствия говорящего, «точки зрения» автора высказывания. Таким образом, модально-предположительная частица – это средство выражения авторского «я», инструмент выражения авторской позиции («я так думаю», «я так считаю»), знак, указывающий на говорящего, на личную окрашенность безличного односоставного предложения: *Небось потеплело сегодня, - с надеждой проговорила она* (А. Иванов); *Как будто было необходимо это делать именно сегодня* (газет.текст). С одной стороны, модально-предположительные частицы – формальные показатели авторского мнения относительно квалифицируемого события. Это показатели авторского сомнения, предположения, неуверенности, то есть элементы, «проявляющие» позицию говорящего, указывающие на авторство производимой квалификации. С другой стороны, эти же средства выступают в предложении как показатели некатегоричности мнения говорящего, «невъязчивости» им своего «я» для того, чтобы предоставить собеседнику право самому решать, соглашаться ли ему с предоставленным видением события или нет. В этом плане модально-предположительные частицы – знаки дипломатичного приглашения адресата к раздумью с правом на отказ.

Авторство предлагаемой адресату квалификации служит основой того, что модально-предположительные частицы всегда относятся к я-модусного субъекта. Они не могут относиться к ты-собеседника или к он-отстраненного лица. Это обусловлено тем, что говорящий, как субъект речи, выполняет перед адресатом эпистемические обязательства, несет свою долю ответственности за истинность или ложность утверждаемой им пропозиции, или хотя бы за факт утверждения предлагаемой квалификации события. Любая попытка введения модальных частиц в смысловое пространство указанных лиц соотносит данные смысловые сущности со сферой говорящего, актуализирует данную сферу. Ср.: *Он ($S_3 = S_4$) думал, что ему **вряд ли** (S_4) удастся испытать такую радость еще хоть раз в жизни* (Л. Леонов), где сферы S_3 и S_4 хотя и совмещены, однако не полностью, а лишь частично. Результат - синтезация двух точек зрения (субъекта-авторизатора и субъекта-говорящего) в одну, достигаемое через актуализацию позиции субъекта S_4 , который, отождествляя свою точку зрения с точкой зрения авторизатора, вводит свою личность в смысловое пространство сферы S_3 .

Модификация по линии синтаксического лица в сфере модуса безличных предложений сосредоточена на противопоставлении Я- и Он-модусной рамки. Я-модусная рамка характеризуется слиянием субъекта сознания (субъекта мыслящего) и субъекта говорящего. Он-

модусную рамку образует несовпадение субъекта мыслящего и говорящего. Для *Он*-модусной рамки типично появление субъекта-авторизатора.

Предположительная частица в безличном односоставном предложении – вербализатор *Я*-модусной рамки. Субъект *Я*-модусной рамки отражает факт наличия мыслительной операции, указывает на «присутствие» говорящего, квалифицирующего событие, поэтому экспликация в безличных односоставных предложениях только лишь *Он*-модусной рамки (без одновременного эксплицирования *Я*-модусной рамки) исключается.

Я-модусная рамка, вербализуемая предположительной частицей, является рамкой свернутого типа. Присутствие именно такой формы представления говорящим своей позиции относительно объекта квалификации вполне объяснимо. Сворачивание модусной рамки обусловлено сферой функционирования безличного предложения с частицей. В большинстве случаев это сфера разговорной речи, диалога, где свернутая модусная рамка служит компактным средством обнаружения позиции говорящего.

Свернутая модусная рамка в безличных предложениях с модально-предположительными частицами, будучи внешней рамкой по отношению к диктуму, сосредоточена на актуализации субъективной информации, которая вводится для квалификации информации объективной. Субъект модуса и объект квалификации, с одной стороны, представляют собой сущности, отстраненные друг от друга как объект и его субъективная квалификативная характеристика, а с другой стороны, они, на наш взгляд, в большей степени, чем в сложных предложениях с развернутой внешней модусной рамкой (Ср.: *Мне кажется, что..., Я считаю, что...*), приближены друг к другу. Авторская модально-кваликативная характеристика события в безличных предложениях с предположительными частицами внедряется в диктум и его субъектные сферы.

Главная задача введения свернутой *Я*-модусной рамки в безличное предложение заключается в снятии на субъектном уровне противопоставленности объективного и субъективного слоев предложенческого смысла, имеющее место при развернутой рамке. Данный процесс завершается изменением соотношения диктума и модуса в пользу последнего: противопоставление диктума и модуса, имеющее место при развернутой *Я*-модусной рамке в сложном предложении, снимается, диктум безличного односоставного предложения с частицей смещается к модусу, начинает служить нуждам модуса. Результатом этого является, например, некоторое снижение степени безличности собственно безличных предложений (*Словно за вечерело во круг; Вряд ли подтаяло на улице*) и нивелирование параметра внеличности в мнимо-безличных односоставных предложениях с одновременным смещением последних к зоне определенности (Ср.: *Сергею сейчас вряд ли одностно; Чай, тебе не больно, моя голубка*).

Функционирование модально-предположительных частиц в составе безличных предложений в рамках развития субъектной перспективы во многом обусловлено факторами, характерными для синтаксических лиц и степеней отстраненности лица. Остановимся в связи с этим на специфике расширения рассматриваемыми частицами субъектной перспективы безличного глагольного односоставного предложения.

Модально-предположительные частицы в плане коррекции субъектной перспективы безличного односоставного предложения работают в двух направлениях. Первое включает непосредственное эксплицирование субъектной зоны говорящего (S_4), причем модальная частица является единственным средством вербализации авторской точки зрения и, следовательно, сферы модусного субъекта. Второе направление сосредоточено не столько на прямой экспликации предположительной частицей зоны S_4 , сколько на ее дополнительной актуализации. Это обусловлено тем, что в безличном односоставном предложении, кроме модальной частицы, имеются другие экспликаторы субъектной сферы говорящего. Модально-предположительные частицы в этом случае выступают в качестве локализаторов зоны S_4 .

Нужно отметить, что в мнимо-безличных односоставных предложениях с помощью предположительных частиц осуществляется локализация зоны S_4 . Локализация зоны происходит достаточно редко и только в определенной структурной разновидности мнимо-безличных односоставных предложений, там, где модусный субъект вербализован формой *мне*: *Мне (S_4) вряд ли (S_4) нужно было это знать* (А. Казанцев). В этом случае модальная частица не является единственным экспликатором зоны S_4 , а лишь актуализирует ее.

При экспликации субъектной зоны S_4 модальная частица в безличных предложениях является ее единственным вербализатором. Такой способ модальной квалификации характерен для той части безличных односоставных предложений, где предположительные частицы корректируют семантические поля модальных компонентов, образующих внутреннюю модусную рамку: *Нет, едва ли можно ожидать, что оружейные магазины в Америке закроются*

из-за того, что где-то, кто-то убил несколько человек (газет. текст); – *Разве можно так думать про людей?* – ответила девушка в кожаной куртке (журн. текст).

Фактор отстраненности действия от деятеля-говорящего служит одной из причин вербализации авторской точки зрения в виде свернутой Я-модусной рамки в глагольном односоставном предложении современного русского языка. В безличных предложениях субъектная зона S_4 при экспликации ее с помощью модально-предположительных частиц представляет самостоятельную область. Она выделяется как коммуникативный центр вне зависимости от того, в какой разновидности безличных предложений эксплицируется: *Вряд ли можно и должно требовать от учеников шестого класса полного раскрытия художественного образа* (М. Снежневская); *Положили начал и пошли каждый куда ему следовало на ночной покой, но только бог весть отчего и зачем всем что-то в ту ночь не спалось и было как будто жутко и беспокойно* (Н. Лесков); *Выбрал такой предлог, что будто бы надо самому ехать лекарств для лошадей у травщиков набрать, и поехал, но поехал не спроста, а с хитрым подходом* (Н. Лесков); – *А “счастья” нет! – шепчу я безнадежно: – Ужель найти его не суждено? И вдруг... сирень отброшена небрежно: Шаги – ты здесь... О счастье! Вот оно* (Т. Щепкина-Куперник); *Ведь в горах едва ли будет тепло ближайшую неделю, поэтому вопрос снаряжения приобретает особую остроту* (А. Казанцев).

Причиной свободного наложения авторской квалификации является безотносительность выражаемого действия к деятелю, субъекту. Зона S_4 свободно внедряется как в собственно безличные, так и в мнимо безличные предложения. И то, что, например, в собственно безличных предложениях субъектная перспектива фиксирована, заставляет вести речь, во-первых, о специфическом взаимодействии диктума и модуса в данной разновидности безличных предложений, а во-вторых, – о промежуточном положении подобных безличных предложений между собственно безличными и мнимо-безличными с дательным субъекта.

Таким образом, в безличных глагольных односоставных предложениях модально-предположительные частицы выступают и как экспликаторы, и как актуализаторы особой субъектной зоны говорящего. При этом экспликация данной зоны является более частотной операцией, нежели ее актуализация. Это объяснимо, поскольку при экспликации зоны говорящего базовым субъектом ее дополнительная актуализация при помощи частицы, как правило, требуется только в тех случаях, когда квалификация говорящим собственного мнения действительно необходима, исходя из прагматически обусловленных факторов, в первую очередь – фактора интенсификации. Говорящему, актуализирующему зону S_4 , важно, чтобы адресат обратил внимание на то, что производимая модализованная презентация собственного мнения представляется говорящему значимой в аспекте речевого воздействия.

Выводы

В заключение отметим, что намеченные проблемы в области субъектной перспективы безличного односоставного предложения являются, на наш взгляд, перспективными для исследования, поскольку связывают формально-грамматический аспект изучения предложения с функционально-семантическим и коммуникативно-прагматическим аспектами. Разработка данных аспектов позволит глубже проникнуть в синтаксическую природу односоставного предложения, точнее осмыслить диктумно-модусную организацию данных предложений, описать в действии процесс снятия четкой противопоставленности объективного и субъективного слоев предложенческого смысла. Предпринятый анализ безличных односоставных предложений позволяет сделать предположение о том, что глобальное явление антропоцентризма имеет способность распространяться и на данный тип предложения в аспекте усложнения его субъектной перспективы субъективно-модальными квалификаторами.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.; Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.; Гак В. Г. Человек в языке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – С. 73 – 80; Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.; Казаковская В.В. Способы выражения авторства в структуре предложения. – Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 274 с.; Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.; Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М.: Наука, 1975. – 231 с.; Маркелова Т. В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. – М.: Изд. МПУ, 1993. – 125 с.; Падучева Е. В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. – М.: Наука, 1991. – С. 164 – 168; Шмелева Т. В. Субъективные аспекты русского высказывания. – Автореф. дисс...докт. филол. наук. – М., 1995. – 35 с.

2. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.
3. Лекант П. А. Синтаксические категории субъекта, лица, агенса в структуре простого предложения //Лингвистический сборник: Проблемы русского языкознания. – Вып. 5. – М.: Изд-во МОПИ, 1976. – С. 123 – 128.

SUBJECTIVITY PERSPECTIVE OF IMPERSONAL MONONUCLEAR SENTENCES WITH MODAL SPECULATIVE PARTICLES

I. A. Nagorny

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru*

The article considers the single-composition of subjective perspective of impersonal sentences with modal speculative particles. Modal particles are described as tentative actualized specific subject-area in mononuclear verbal sentence, the elements which united dictum and modus meanings.

Keywords: modal particle tentative, subjective perspective, mononuclear dictum, modus, meaning.

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ¹

К. К. Стебунова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
stebunova@bsu.edu.ru*

Предпринимается попытка анализа идиоматических ресурсов художественного текста через призму когнитивной метафоры – речемыслительной базы фразеологизма. Структура художественных концептов рассматривается как результат развёртывания фразеологической когнитивной метафоры в дискурсивном пространстве. Отмечаются особенности фразеологической когнитивной метафоры в переводном тексте.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая когнитивная метафора, художественный концепт.

Метафоризация – неотъемлемая часть познавательной деятельности любого человека, как рядового носителя той или иной культуры, так и творчески одарённой языковой личности, какой является автор художественного произведения. Метафора – универсальный логический инструмент познания, на который обратил внимание ещё Аристотель: универсальность его проявляется в единой и характерной для всех индивидов процедуре сравнения. Что касается речевого произведения любого типа, метафора как знак вторичной номинации функционирует как средство художественной выразительности, обладающее огромным текстообразующим, стилеобразующим и эмоционально-экспрессивным потенциалом: «знаки вторичной и косвенно-производной номинации генерируют в себе особенно высокое поэтическое напряжение, источниками которого служат их социально-историческая обусловленность и денотативная образность» [1, с. 163]. В центре нашего внимания – фразеологическая когнитивная метафора (ФКМ).

Под текстообразующей функцией метафоры мы будем понимать её способность посредством развёртывания ассоциативно-образных связей выражать авторский замысел, тем самым реализуя такие основополагающие признаки текста, как цельность и связность. Метафора может реализовываться на протяжении целого текста либо же в рамках какого-либо его фрагмента. Так, например, знаковым в поэме «Мёртвые души» является финальный отрывок: *«Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? ...Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? ... Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства»* [7, с. 647]. Автором детально развёртывается КМ РУСЬ – ТРОЙКА: страна, движущаяся навстречу своему будущему, образно уподобляется Гоголем тройке лошадей, несущихся по дороге, ничего не замечая вокруг. В тексте зафиксированы ключевые слова, формирующие область-источник КМ: **кони, грива, колокольчик, медные груди, чуткое ухо, вихри, вытянутые лица, летящие по воздуху.**

В словесном творчестве, равно как и в процессе перевода, возникает проблема индивидуального авторства: «автор индивидуализирован в сознании читателя, поскольку он создаёт индивидуальный стиль» [15, с. 8]. Автор художественного текста, будучи нестандартной языковой личностью, обладает достаточно богатой языковой компетенцией, формирующей в его сознании оригинальную языковую картину мира. Его лингвокреативным мышлением создаются высокохудожественные образы, одновременно успешно ведётся поиск новых, индивидуально-авторских средств для их выражения. В. В. Виноградов указывает, что эпоха Гоголя в языковом плане отличалась необыкновенной сложностью, неоднородностью, борьбой стилей, способов языкового выражения, становления норм, в центре стояли проблемы обновления языка за счёт устно-разговорной речи, просторечия, ограничения в использовании церковнославянизмов, влияния других европейских языков на стилистику русского языка [6, с. 272]. В языке Н. В. Гоголя переплелись канцелярские выражения – «должностное» просторечие

¹ Опубликовано в рамках выполнения проекта ВКГИ 007-2012 по внутривузовскому конкурсу грантов «Инициатива» в НИУ «БелГУ» в 2012 г.

[6, с. 280], провинциальное фамильярно-бытовое просторечие, бытовая речь горожан и чиновничества, пародийный «благородный» язык. Ср.: *Я облегчила себе нос и я обошлась посредством платка* [7, с. 594]. Языковая личность писателя, таким образом, совмещает в себе знание стилистически языковых средств и виртуозное владение риторическими приёмами (целенаправленное употребление языка, отбор единиц, необходимых для достижения нужного коммуникативного и эстетического эффекта) и психологические аспекты личности – сознание и мышление.

В сознании отражается перцептивный и языковой опыт человека. В нём кодируются «практические, житейские знания, составляющие жизненный опыт человека» [1, с. 243]. Автор облакает их в языковую форму согласно собственным интенциям и установкам. Исходя из этого, можно утверждать, что существуют художественные концепты, формирующие дискурсивное пространство художественной картины мира, степень индивидуальности которых градуируется от авторских ключевых смыслов, заложенных в тексте (а индивидуальны они потому, что речь идёт об авторе как о конкретной языковой личности), до уникальных концептов. Последние создаются в рамках текста конкретного произведения и ассоциируются у всего языкового сообщества с данным текстом, в силу чего получили название прецедентных.

С позиций когнитивного подхода при анализе идиоматических средств языка так или иначе приходится обращаться к метафоре и метонимии, поскольку исследование значения фразеологических единиц начинается с реконструкции прототипической ситуации, легшей в основу образования ФЕ, и определения направления переноса. Фразеологический образ, возникший в результате метафоризации прототипической ситуации, структурирует значение ФЕ. Так, М. В. Никитин к числу когнитивных метафор причисляет те, которые выступают как средство категоризации реальности на основе сравнения и аналогии объективных признаков, присущих познаваемому объекту, не зависящих от наблюдателя (онтологическая разновидность) или зависящих от него (синестетическая разновидность), вынося за пределы когнитивной метафоры метафору эмотивную [12, с. 206]. При этом необходимо учитывать, что в номинации фрагмента действительности идиомой заключен как собственно логический, так и эмоциональный компонент значения – ФЕ объективирует некоторый фрагмент действительности, который становится её внутренней формой [10, с. 136], а также выражает коннотативные смыслы. Особенности функционирования в тексте фразеологических единиц обусловлены их сущностью. В семантической структуре идиом выделяется «зона объективно-субъективной модальности, которая состоит из трёх типов модальности: рационально-оценочная, деонтическая и эмотивная» [10, с. 154]. В сфере художественного дискурса реализуются не только собственно языковые оценочные, эмотивные, экспрессивные смыслы идиом: автор текста накладывает на этот комплекс смыслов свои собственные, он использует языковые ФЕ для выражения своего отношения к описываемому и происходящему. Отбор ФЕ в художественном тексте для раскрытия художественных образов интерпретируется как «речевой поступок, характеризующий, как таковой, того, кто этот поступок совершает, по его личностным (интерсубъектным), межличностным и социальным аспектам» [14, с. 30]. В результате фразеологическая репрезентация индивидуально-авторских концептов характеризует Н. В. Гоголя как речевую личность в совокупности его представлений, понятий, психологических характеристик, ценностных установок и т. д., сформировавшуюся в русле определённой лингвокультуры.

Поскольку объектом нашего анализа является творчество Н. В. Гоголя в целом, мы рассматриваем художественные концепты в рамках дискурсивного пространства его произведений. Дискурсивное пространство характеризуется идейной преемственностью, индивидуально-авторским стилистическим своеобразием и метафоричностью. По нашему мнению, необходимо выделить такие гоголевские художественные концепты, как «Русь», «Мертвые души», «Власть», «Бытовой разум». Наряду с ними необходимо выделить особые прецедентные концепты, прочно связанные в сознании носителей отечественной лингвокультуры с определённым текстом: «Манилов», «Собакевич», «Коробочка» и т. п. Пользуясь терминологией В. И. Красных, назовём такие концепты феноменологическими, поскольку они «формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической и собственно лингвистической природы, т. е. об исторических событиях, реальных личностях, законах природы, произведениях искусства, в том числе и литературных, и т. д.» [13, с. 33]. Рассмотрим некоторые из них.

По выражению В. Бенигсена, «бытовой разум – первый друг... безумия» [4, с. 164]. Одна из особенностей гоголевского художественного мира – умение сочетать несочетаемое: писатель невозмутимо ставит в один ряд рациональное и иррациональное. Афера Чичикова с покупкой мёртвых душ вселяет в жителей города N суеверный страх, повседневные житейские

несчастья оказываются из ряда вон выходящими и доводят до сумасшествия Чарткова, Поприщина, Башмачкина, а события заведомо фантастические, напротив, воспринимаются довольно обыденно и не кажутся странными или вызывающими подозрений. Мотив безумия происходящего пронизывает, например, «Петербургские повести». Неудивительно, что у персонажей порой голова идёт кругом. Фразео-семантическая группа, описывающая умственные способности человека, в рассматриваемом дискурсивном пространстве представлена очень широко.

Е. Ф. Арсентьева, вслед за А. Д. Райхштейном, выделяет такой феномен фразеологии, как двойной антропоцентризм: с одной стороны, денотат ФЕ соотносим с человеческой деятельностью, а с другой – фразеологическое значение содержит коннотации, оценивающие эту деятельность [2, с. 4]. В этом отношении интересна фразео-семантическая группа ‘умственные способности’, моделирующая концепт «Бытовой разум».

В языке с понятием «голова» связываются такие сферы речемыслительной деятельности, как номинации человека по характеру и его умственным способностям, характеристика умственных способностей, внутреннее психическое состояние и переживания людей, – сферы, нуждающиеся в образной косвенно-производной вербализации. Строго говоря, понятия «голова» и «ум», «разум» находятся друг с другом в метонимических отношениях (перенос по смежности: «ум» как сущность – «голова» как источник и хранение ума, в довольно традиционном представлении носителей данной этнокультуры). Однако в процессе вторичного семиозиса происходят и другие виды переноса.

1. Фразеологическую когнитивную метафору ГОЛОВА – ВМЕСТИЛИЩЕ [см. 10, с. 394] актуализируют следующие ФЕ со значением возникновения в сознании определённых идей или мыслей: *взойти в голову, выйти из головы, приходит в голову, лезть в голову, сидеть гвоздём в голове*; их упорядоченного хранения, обеспечивающего последовательность и логичность (или нелогичность, хаос и беспорядок): *сообразить в голове, ералаш в голове*; а также наполнения этого вместилища новой информацией: *набраться разуму*. Ср.: *Я не понимаю, как я мог думать и воображать себе, что я титулярный советник. Как могла **взойти** мне **в голову** эта сумасбродная мысль?* [7, с. 384]; *Я было уже совсем хотел идти в департамент, но разные причины и размышления меня удержали. У меня все **не могли выйти из головы** испанские дела. Как же может это быть, чтобы донна сделалась королевою? Не позволят этого* [7, с. 384]; *Постигнутый стыдом и робостью, он остановился, потупив глаза; но как утратить это божество и не узнать даже той святыни, где оно опустилось гостить? Такие мысли **пришли в голову** молодому мечтателю, и он решил преследовать* [7, с. 284]; *А между тем мысли сами **лезут в голову**, одна другой приятнее* [7, с. 365]; *Какая-то тёмная мысль, как гвоздь, сидела **в голове** его* [7, с. 241]; *Чартков принялся за дело, усадил оригинал, **сообразил** несколько всё это **в голове*** [7, с. 327]; *Но старые коллежские секретари, титулярные и надворные советники идут скоро, потупивши голову: им не до того, чтобы заниматься рассматриванием прохожих; они еще не вполне оторвались от забот своих; **в их голове ералаш и целый архив начатых и неоконченных дел**; им долго вместо вывески показывается картонка с бумагами или полное лицо правителя канцелярии* [7, с. 281]; *А вот, лучше, я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука так наука! Там вам школа; там только **наберетесь разуму*** [7, с. 155];

2. ФЕ, реализующие ФКМ ГОЛОВА – МЕХАНИЗМ – это ФЕ, подразумевающие активное осмысление действительности при помощи особо предназначенного для этого механизма, или инструмента, который можно испортить, сломать: *ломать голову*: *Он **ломал голову** и не мог придумать, как ему избавиться от этого русского офицера* [7, с. 297];

3. ФКМ УМ – ДОРОГА. ФЕ, семантически связанные с обозначением неразумного поступка, логически эксплицируют представление о разуме как о пути. Идя по правильному пути, можно достичь цели. С пути можно сбиться, свернуть. Также данные ФЕ связаны с выражением безумия, отсутствия разума – *доходить своим умом, сходить с ума, спятить с ума*. Ср.: *Хотя, конечно, он знал, что за Петровичем водилась блажь заломить вдруг черт знает какую непомерную цену, так что уж, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: «**Что ты с ума сходишь, дурак такой!**»* [7, с. 355]; *Городничий. О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются. Аммос Федорович. Да ведь сам собою **дошел, собственным умом*** [7, с. 419];

4. ФКМ УМ – ВОДА. ФЕ, которые структурированы метафорой, основанной на представлении об уме как о жидкости, как о воде, которая может быть ясной или мутной: *помутиться умом*. Ср.: *Ум его **помутился**: глупо, без цели, не видя ничего, не слыша, не чувствуя, бродил он весь день* [7, с. 291];

5. ФКМ ГОЛОВА – ГОСУДАРСТВО. Голова ассоциируется с государством, в котором порядок должен обеспечивать правитель. Метафорически царь в голове обозначает ум, разум, мысли, соображения. Отсюда обозначение недалёкого, глупого человека при помощи ФЕ *без царя в голове*. Ср.: *Хлестаков, молодой человек лет двадцати трех, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове...* [7, с. 416];

6. ФЕ *ветер в голове* <бродит>, выражающая характеристику легкомысленного, несерьёзного человека, заставляет задуматься о прототипической ситуации. Согласно рассмотренной выше ФКМ ГОЛОВА – ВМЕСТИЛИЩЕ, можно выделить метафорический ряд ВМЕСТИЛИЩЕ – ПУСТОТА – СКВОЗНЯК: *У тебя вечно какой-то сквозной ветер раздуливает в голове* [7, с. 455].

Обратим внимание, что особенностью метафор, репрезентирующих концепт «Бытовой разум», является то, что в качестве области-источника выступает конкретное понятие.

Как отмечает В. А. Кошелев, в гоголевском дискурсе коллективный образ чиновничества соотносится с таким признаком, как абсурд: окружающий мир по большей части не совпадает с желаниями людей, отсюда делается вывод, что он неразумен. Чтобы преодолеть эту неразумность, можно пойти по рациональному либо иррациональному пути. Гоголь всячески подчёркивает эту иррациональность и противоречивость, которая обуславливает «поиски новых, неожиданных связей между вещами и понятиями» [8, с. 3]. Таким образом, с концептом «Бытовой разум» тесно сопряжён ещё один ключевой концепт, возникающий в процессе рефлексии над гоголевским дискурсивным пространством – «Власть». Некоторые грани содержания указанного концепта актуальны до сих пор, поэтому голос Н. В. Гоголя звучит удивительно современно.

Смыслы, конституирующие содержание концепта «Власть», рождаются в ходе интерпретирования художественного текста и выражаются большим количеством экспрессивно-окрашенных ФЕ, совмещающих два типа информации – сведения о мире и об отношении автора к этому миру [15, с. 68]. Данный концепт, будучи сам по себе многослойным, представлен фразеологическими средствами очень разнообразно; эксплицированными оказываются как ядерные, так и периферийные смыслы концепта.

КФМ ВЛАСТЬ – ВЕРХ. В когнитивной картине мира данная ориентационная метафора закрепилась очень чётко. Общество, в котором формировалась русская лингвокультура, устроено иерархически, существует так называемая вертикаль власти, где каждый человек (в нашем случае речь пойдёт о чиновнике) занимает строго определённое место. В качестве компонента выделенной ФЕ присутствует лексема «птица», что расширяет фразеологический образ: если ты летаешь выше, чем другие, получаешь при этом в своё распоряжение больше пространства, воздуха и света, значит, у тебя больше умений и способностей, значит, ты лучше других и имеешь право смотреть свысока. Ср.: *Какие мы с тобой теперь птицы сделали! а, Анна Андреевна? Высокого полёта, чёрт побери!* [7, с. 458].

С представлением об определённой планке, об уровне, которому должно соответствовать, связана ФЕ *не уронить себя*. Ср: *Приезжий гость и тут не уронил себя: он сказал какой-то комплимент, весьма приличный для человека средних лет, имеющего чин не слишком большой и не слишком малый* [7, с. 507].

Приняв во внимание вышеуказанную КМ РАЗУМ – ВЕРХ и решив несложную пропорцию, получаем ВЛАСТЬ = РАЗУМ. Перейдя из собственно языковой сферы в дискурсивную, обнаруживаем противоречие, ср.: *Я вот уж пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку – а! только рукой махну* [7, с. 423]; *Во-первых: городничий – глуп, как сивый мерин* [7, с. 463]; *Вот и седой человек, а до сих пор не набрался ума* [7, с. 587].

Прототипическая ситуация, подвергающаяся метафоризации, открывает нам логическую схему для проникновения в подтекст. Таким образом, Гоголь пошатнул представление о представителях власти как о достойных, мудрых, способных справляться с возложенными на них обязанностями, и показал, что избыток хитрости мешает их здравому восприятию действительности: *Мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов так, что весь свет готовы обворовать, поддевал на удю* (ФКМ ЧЕЛОВЕК – ДОБЫЧА) [7, с. 465]; *И сколько раз уже наведенные нисходившим с небес смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди бела дня попасть вновь в непроходимые захолустья, умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачась вслед за болотными огнями, умели-таки добратся до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: где выход, где дорога?* [7, с. 627] (ФКМ ОБМАН – ТУМАН).

КФМ ВЛАСТЬ – НЕЧТО ТЯЖЁЛОЕ. Данная синестетическая метафора в языковом плане может разворачиваться в двух направлениях: а) понятие власти предполагает влияние, значительный вес в обществе, а представителем власти является значительное лицо; б) власть накладывает на её носителя определённую ответственность, ср.: *бремя власти*. В нашем случае в тексте реализуется первое: *Чичиков тотчас увидел, что чиновники были просто любопытны, подобно всем молодым чиновникам, и хотели придать более весу и значения своим занятиям* [7, с. 584].

Помимо собственно КМ, идиоматические средства в структуре концепта «Власть» группирует и метонимический перенос: ВЛАСТЬ – ФУНКЦИЯ (каратель). В данном случае область-источник развивает целую систему более узких синестетических ФКМ, ставших основой для ярко-экспрессивных ФЕ: *Теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы* [7, с. 457] (НАКАЗАНИЕ – ГОРЬКОЕ); *Нужно разве, чтобы они вечно были перед глазами Чичикова и чтоб он держал их в ежовых рукавицах...* [7, с. 592] (НАКАЗАНИЕ – КОЛЮЧЕЕ); *Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он, для порядка, всем ставит фонари под глазами – и правому и виноватому* [7, с. 425] (УДАР – СВЕТ); *...Не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почёсывался* [7, с. 426] (НАКАЗАНИЕ – НЕЧТО СЫПУЧЕЕ).

Идиоматические средства эксплицируют ядерные смыслы ряда прецедентных художественных концептов. Художественный образ, созданный писателем, составляет один из концептуальных слоёв. Образ с одной стороны и лексема, ассоциативный и эмоционально-оценочный компоненты с другой стороны соотносятся друг с другом у реципиента в процессе получения собственного наглядно-чувственного опыта и опыта рефлексии над текстом. На основе переоценки переживаний и впечатлений образ конструируется в сознании читателя [12, с. 63]. Нужно сказать, что ФКМ является не единственным инструментом для развёртывания образного компонента подобных концептов. Так, в основе некоторых из них лежит метонимия как структурирующая семантическое ядро логическая операция.

Например, Манилов – персонаж «галереи помещиков» из поэмы «Мёртвые души». С точки зрения языковой семантики, это имя нам ничего не скажет, разве что можно попытаться вскрыть внутреннюю форму слова по ассоциации с глаголом «манить», «заманить». В сознании русскоговорящих в ядре концепта закрепилось представление о беспочвенном бездейтельном мечтателе, который старается быть приятным в общении, разговаривает о возвышенных вещах, но не доводит дело до конца. Феномен «маниловщины» объясняет метонимия ЧЕЛОВЕК – КАЧЕСТВО (в данном случае отсутствие чётких качеств). Благодаря идиоматике центральный смысл данного прецедентного концепта – ‘человек без определённой жизненной позиции, нечто невразумительное’, – сконцентрирован в одном фрагменте текста, где присутствуют сразу три ФЕ: *Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни сё, ни в городе Богдан ни в селе Селифан. ...скажешь: «Чёрт знает что такое!» – и отойдёшь подальше* [7, с. 512].

Ноздрёв – ещё один образ «галереи помещиков». Ядерные концептуальные характеристики: лгун, игрок, хам, безудержный, напористый, нахрапистый, вспыльчивый, азартный. В его адрес дважды использована ФЕ *лить пули*, причём один раз эта характеристика принадлежит словам автора, второй – самому Ноздрёву, который, оказывается, прекрасно понимает, что завирается, что может просто так оклеветать приятеля, но остановиться не может, ср.: *И наврет совершенно без всякой нужды: вдруг расскажет, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти, и тому подобную чепуху, так что слушающие наконец все отходят, произнесши: «Ну, брат, ты, кажется, уже начал пули лить»* [7, с. 541]; *Ах, да! я ведь тебе должен сказать, что в городе все против тебя; они думают, что ты делаешь фальшивые бумажки, пристали ко мне, да я за тебя горой, наговорил им, что с тобой учился и отца знал; ну и, уж нечего говорить, слил им пулю порядочную* [7, с. 627].

В основе возникновения данной ФЕ, с одной стороны, лежит метонимический перенос ДЕЙСТВИЕ – СОПРОВОЖДАЮЩЕЕ ДЕЙСТВИЕ: ФЕ «появляется в XIX в. на основе оборота лить колокола. Выражение лить колокола связано с суеверным обычаем, распространённым на Руси в XIV веке, распускать при отливке колокола различные слухи, небылицы» [5, с. 478]. Якобы чем наглее ложь, чем неожиданнее небылицы и слухи, тем звонче будет голос колокола. С другой стороны, на этот образ наслаивается метафора РЕЧЬ – РЕКА: «глагол лить развивает в славянских языках устойчивую ассоциацию с ложью на основе исходного семантического признака ‘заставлять течь, литься’». Аналогия потока речи с текущей жидкостью чрезвычайно распространена. Развитие фразеологизма следует рассматривать как «наращение» глагола лить в значении «лгать, обманывать» [5, с. 478].

Вопрос об индивидуально-авторском и универсальном встаёт не только при рассмотрении идиоматических средств как важной характеристики стиля автора, но и при попытке перевода художественного текста на другой язык. В нашем случае это неблизкородственный английский. При анализе межъязыковых соответствий непрямой номинации методически целесообразно сопоставить ФКМ, лежащие в основе той или иной образной единицы. Рассмотрим некоторые межъязыковые соответствия в зоне фразеологической когнитивной метафоры.

Так, базовая ФКМ ГОЛОВА – ВМЕСТИЛИЩЕ (HEAD – STORE) подтверждается переводными контекстами, в которых функционируют следующие ФЕ: *come to one's head, flock to one's head, get out of one's head*. Ср.: *Such were the thoughts that **flocked to our dreamer's head*** [16, с. 121]; *I simply cannot **get this Spanish business out of my head*** [16, с. 270]; *The thoughts **come to his head** of their own will, each one more pleasing than the last* [16, с. 253].

Однако в этой же фразео-семантической группе происходит перегруппировка ФЕ на основе замены базовой КМ:

1) на месте ведущей онтологической ФКМ HEAD – STORE возникает синестетическое представление MIND – HARD и оппозиция фразеологических компонентов HARD – SOFT: *What's the matter with you, man, **have you gone soft in the head?*** [16, с. 256];

2) онтологическая ФКМ ГОЛОВА – ГОСУДАРСТВО передаётся через контаминацию ориентационной метафоры HEAD – TOP и ФКМ SILLY – WEAK, ср.: *без царя в голове – **a bit weak in the top storey*** [16, с. 314];

3) ФКМ ГОЛОВА – ПУСТОТА никак не определяется в переводном тексте. Вместо неё переводчиком использована экспрессивная метафора SILLY – FEATHER и SILLY – NIT: *You never know anything, that's your trouble, **featherbrained nit-wit!*** [16, с. 378].

Оппозиция ВЕРХ – НИЗ характерна и для английского языка [9, с. 396], причём ВЕРХ оценивается как нечто хорошее, полезное, приносящее прибыль, а НИЗ – плохое, бесполезное. Так, в английском тексте по тому же принципу, что и в русском, работают ФКМ POWER – HIGH и POWER – WEIGHT: *Anna Andreyevna, **we're birds of a quite a different feather** now, eh? **Flying high** we are now, damn it all!* [16, с. 382]; *Chichikov could see at once that the officials were merely inquisitive, like all young officials, and that they wished to **attach greater importance and weight** to themselves and their actions* [17, с. 142].

Выделенные нами ранее синестетические метафоры, структурирующие слой концепта «Власть», связанный с метафорой НАКАЗАНИЕ, в переводном тексте опираются на иной когнитивный признак: *I'm going **to make it sticky** for those toads, those snakes in the grass with their petitioning and informing* (НАКАЗАНИЕ – НЕЧТО ЛИПКОЕ) [16, с. 382]; *The only way is for Chichikov to keep a sharp eye on them constantly and **to rule them with a rod of iron*** (НАКАЗАНИЕ – ЖЕЛЕЗО) [17, с. 156]; *His being a civil servant won't cut no ice with the guvnor: it'll be up with his shirt-tails and he's **get such a tanning** he's be smarting for days* (НАКАЗАНИЕ – ДУБЛЕНИЕ) [17, с. 331].

Как было неоднократно отмечено, репрезентация идиоматическими средствами любой картины мира (языковой либо концептуальной) носит фрагментарный характер. Несмотря на это, ФЕ являются очень важным средством вербализации художественных концептов, поскольку представляют собой неотъемлемую особенность идиостиля Н. В. Гоголя.

Бесспорно, метафорические средства языка, функционируя в дискурсивном пространстве художественного текста, формируют имплицитные смыслы. «Особая роль в этом принадлежит ключевым метафорам, задающим аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождающими более частные метафоры» [3, с. 14]. Кроме того, через анализ межъязыковых метафорических соответствий из неблизкородственных языков можно выделить как универсальные когнитивные метафоры, сходным образом структурирующие общий пласт действительности, так и уникальные, иначе категоризирующие её фрагменты. Особенно сложными для перевода художественного текста оказываются когнитивные метафоры второго типа.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
2. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. – 128 с.
3. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5 – 32.
4. Бенигсен В. Гоголь: реальность воображения // Знамя. – 2009. – №4. – С. 163 – 177.
5. Бирих А. К. Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб: Фолио-Пресс, 1999. – 704 с.

6. Виноградов В. В. Язык Гоголя // Виноградов В. В. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя: Избранные труды. – АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М.: Наука, 1990. – С. 271 – 330.
7. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2009. – 1231 с.
8. Кошелев В. А. «Понимать не понимаю, а отвечать могу»: образ русского чиновника у Н. В. Гоголя и писателей «гоголевского направления» // Литература в школе. – 2009. – №2 – С. 2 – 15.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387 – 415.
10. Латина О. В. Идиомы и экспрессивная функция языка // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 136 – 156.
11. Москвин В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. – М.: Издательство ЛКИ, 2012. – 200 с.
12. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с.
13. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
14. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
15. Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – 216 с.
16. Gogol N. A Selection. – М.: Progress Publishers, 1980. – 396 p.
17. Gogol N. V. Dead souls. A poem / Translated and Edited by Christopher English / Introduction by Robert Maguire. – Oxford University Press, 2009. – 450 p.

THE ROLE OF PHRASEOLOGICAL COGNITIVE METAPHOR IN FORMING LITERARY TEXT CONCEPTS

K. Stebunova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
stebunova@bsu.edu.ru*

The paper attempts to analyze idiomatic resources of literary text through the prism of cognitive metaphor which is verbal and cogitative basis of idioms (phraseological cognitive metaphor). The structure of literary text concepts is considered as the result of explication of phraseological cognitive metaphor in the discourse area. The translation peculiarities of phraseological cognitive metaphor are noted.

Keywords: phraseology, phraseological cognitive metaphor, literary text concept.

УДК 811.114

ЛИНГВОЭСТЕТИКА РАЗГОВОРНОГО ДИСКУРСА¹

В. К. Харченко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Harchenko@bsu.edu.ru*

На материале разговорных реплик, зафиксированных с мая по август 2012 г., анализируются механизмы экспрессии современной спонтанной речи по 48 параметрам: словотворчество, гиперболы, метафоры, диминутивы и др. Представлены и прокомментированы количественные показатели по группам: используемые весьма часто, часто, редко, весьма редко.

Ключевые слова: разговорный дискурс, метафора, сравнение, вокатив.

Креатив разговорного дискурса можно рассматривать как сложное, но и весьма совершенное устройство речепорождения, вбирающее целую систему целеполаганий, оригинальность использования языковых средств и ансамбль получаемых в итоге характеристик. Художественный дискурс текстозависим, подчинён созданию и обслуживанию текста, тогда как разговорный дискурс зависим ситуативно, что, однако, не делает его примитивнее. Вычленив признаки разговорного креатива, мы обнаруживаем эту «цветущую сложность» будто бы простого, обыденного общения [1].

Напрашивается вопрос по материалу: распространяется ли креатив на негатив? Безусловно. Но интересно как раз то, что в разговорном негативе больше автоматизма, что снижает творческую составляющую. Через сильное слово говорящий выразил отрицательные эмоции, и тема закрыта. Женщина-реализатор знакомой: Куда ты пошла! Идала? (20.01.11). На улице женщина лет 30 ровеснице: Пошли! А то куда мы перепёрли! (02.10.10).

Грубоватые интонации могут сочетаться с комизмом олицетворения, как в следующем диалоге: Студентка подруге: Короче, я пыталась искать в Интернете, но у меня сдох телефон. То ли он вообще умер, то ли... (25.11.10) Творческое отношение не может не охватывать ни грубости, ни сквернословия, ни хезитации (заполнения пауз), хотя эти феномены тяготеют, повторим, к автоматизму их использования.

В своей статье «О загадочном удовольствии говорить» К. Г. Фрумкин раскрывает четыре причины такого удовольствия:

- 1) у человека есть способность говорить, а любую способность приятно развивать;
- 2) говорить – это подчинять себе внимание слушателей, то есть это не что иное, как проявление власти, а всякая власть приятна;
- 3) говорить – это значит оставлять свой след в жизни, запечатлеть свою уникальность,
- 4) и, наконец, говорить – это иметь возможность изменять картину мира в сознании окружающих, корректируя их понимание [2].

Всё это и справедливо, и убедительно. Но есть ещё одно «удовольствие», точнее желание получить удовольствие от того, КАК ты говоришь, а это «как» тут же становится украшением и увеличительным стеклом того, ЧТО говорится. Наше исследование показало, что человек получает удовольствие, разнообразя речь то метафорой, то цитатой, то звукоподражанием, то дополнительной приставкой к глаголу, то... И таких «то» набирается... около пятидесяти.

Термин «языковая игра», конечно же, точен и объёмен, но, помимо феномена игры, здесь ещё присутствует стремление говорить с наслаждением. Здесь также присутствует (повторим ранее уже сказанное!), стремление, по-видимому, общенациональное, поскольку охвачены самые разные страты, создать особый разговорный язык – не такой, на котором пишется художественный текст, не такой, на котором говорят на совещаниях, и не такой, который развивается сейчас через ситуации компьютерного общения.

Ставя своей целью исследовать механизмы экспрессии разговорной речи, отражающие лингвоэстетику разговорного дискурса в целом, мы провели исследование, фиксируя на протяжении трех месяцев «все» проявления «типично разговорного» в репликах окружающих. СКВЕРНОСЛОВИЕ МЫ НЕ ФИКСИРОВАЛИ. Признаемся, что поначалу в качестве примеров

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта НИУ «БелГУ».

мы хотели опубликовать наиболее яркие высказывания разных лет и ситуаций, вошедших в составленную нами электронную базу «Мозаика разговорной речи» (авторское свидетельство № 2012620966), и база здесь могла бы предоставить большой выбор. Но потом мы решили отдать предпочтение не яркости, а свежести и последовательности, «просчитав» показатели сплошной выборки разговорных реплик с 1 мая по 31 июля 2012 г. Летние месяцы позволили чаще бывать на улице, больше считывать прохожих, разнообразия, тем самым, состав потенциальных информантов. Приведём сейчас по одному примеру на каждую из 48 выделенных рубрик.

Аграмматизм: Учительница из Краснодарского края: Зарплата средняя, говорят, 14 тысяч! Где она? Пять тысяч на всё про всё! Но у нас всё МОЛЧИТСЯ... (07.05.12).

Архаизм: Председатель дис. совета, г. Курск, о требовании хорошей записи защиты: Микрофоны есть, и, как просит Константин Константинович, держать их ближе к УСТАМ! (23.05.12).

Бином: Учительница, 31 г.: А тут губернатор ехал... Мы перед этим два месяца БЕЛИЛИ-КРАСИЛИ. Нас на третьем этаже всех ЗАКРЫЛИ-ЗАПРЯТАЛИ (07.05.12).

Вокатив: Женщина-реализатор лет 40 мужчине лет 50: Вот, РЫБОЧКА, сдача! <...> (Покупательнице лет 55) Да нет, РЫБОЧКА, сейчас сезон. Всё как мёд! (12.07.12).

Гендиадис: Доцент: Летом я тоже собиралась ЧИСТИТЬ-БРЫСТИТЬ... (25.05.12).

Градация: Женщина-реализатор, лет 45, о грунтовых помидорах: Они не будут СТЕКЛЯННЫМИ, ПЛАСТМАССОВЫМИ. Ещё пакетик, зая? (09.06.12).

Диалектизм: Бывший музыковед 57 лет о сыне-биологе 30 л.: Он, как говорят в народе, ЗАЦВЯХ здесь! А из Германии приехал – глаза горели! (29.07.12).

Дисфемизм: Постовой по сотовому о драмтеатре: Да я стою возле ДРАМСАРАЯ здесь... (09.05.12).

Жаргонизм: Старшеклассник ровеснику: ...Мне со шведами так СТРЕМНО сейчас! (10.05.12).

Звукоподражание: День военно-морского флота. Мужчины 35 и 30 лет на лавочке в сквере вспоминают, кто где служил. Старший: Мы как БМВ вывозим... И над Эдиком такая фигня! Эдик задний ход дал: ДЖ-Ж-Ж! (29.07.12).

Интенсив: Профессор о коллеге и проверке работ: Она так быстро проверяет ЕГЭ! ПУЛЯЕТ одну работу за другой! (05.06.12).

Каламбур: Выпускница, поступающая в аспирантуру, которой зав. кафедрой подписывает выписку из протокола: Всё! Спасибо! Завтра пойдём СДАВАТЬСЯ! (сдавать документы) (18.07.12).

Комплимент: На юбилейном банкете: Один человек мне про здоровье рассказывал. А у меня такая формула вдруг возникла, я ему говорю: «Здоровье – это характер!». А он: «У ВАС ПРЕКРАСНЫЙ ХАРАКТЕР!» – «Откуда Вы знаете? Вы меня первый раз видите!» Смеялись. (25.05.12).

Компрессия: Стоматолог: Я же говорил: нагрузка большая будет. Надо внизу хоть СЪЁМНИКИ (съёмные протезы) поставить! (14.06.12).

Контаминация: Дипломница, оговорка: В ПОЭЗИИ ТАКИХ КОСМОНИМОВ ВСТРЕЧАЕТСЯ ГОРАЗДО ЧАЩЕ (в поэзии гораздо больше + встречаются гораздо чаще) (28.05.07).

Литота: Пенсионер, в прошлом механик на флоте, г. Курск: Немного ПОДРАЗГРУЗИЛИ, сделали одностороннее движение, так машин-то прибавилось! (22.05.12).

Междометие: Беседа с индивидуальным предпринимателем: А тут Т. придумал, что, мол, мы придумали – УХ! И под это денег дали – ОХ! И проходило, потому что он имя заработал, и все его отчёты проходили! А он два корпуса общежития построил. Но риск какой! Общежитие и сейчас можно дешево построить, если исключить коррупционную составляющую (10.05.12).

Метафора: Мама старшеклассницы, победившей на Всероссийской олимпиаде по русскому языку: Ой, там такая БОЙНЯ! Рубили всех. Сорок пять человек из Москвы, из Белгорода одна Машка... (28.05.12).

Метонимия: Продавщица в подземном переходе рассказывает о парикмахере: Она мне УШИ НЕ ОБРЕЗАЕТ. Она вот этой машинкой... (26.07.12).

Нарратив: На скамейке в сквере женщина лет 75, в прошлом инженер промышленного транспорта, беседует со студенткой лет 18: Донецк знаешь? Шахты? Мы делали реконструкцию подъездных путей к шахтам. А шесть километров пешком иди! А там типа электричка рабочая ходит. А он говорит: СЛАБО тебе остановить поезд? Я показываю, нам давали такие знаки, что пути неисправны. Потом говорю: Простите! Я специально! Подвезите нас! Там столько ... было! И подвезли! Так весь институт гудел: Аллочка теперь и самолёт остановит! (31.07.12).

Оксюморон: Водитель по сотовому: Вчера гремел, вроде как сорвался, но это было ТРЁХМИНУТНОЕ МГНОВЕНЬЕ. ЭТО БЫЛО ТРЁХМИНУТНОЕ МГНОВЕНЬЕ. Там ужасаются уже. Если дождя не будет... (10.05.12).

Олицетворение: Торгующий овощами с огорода, лет 65: А вы думаете: ОНО САМО ПРЫГНЕТ? И собирать не надо? (09.07.12).

Ошибка: Мама лет 20, подходя к магазину, сердито дочке лет четырех: Что ты каждые пять метров ПЛАКАЕШЬ? (26.05.12).

Перифраза: Провожающий, лет 50, таможеннику о контроле: Через два человека поставьте. – А вы кто? – Я вообще человек, ЧЕЛОВЕК РОССИИ. – Не командуйте. – Я не команду – я вам советую. Через два человека поставьте! (24.07.12).

Перцепция: Преподаватель, женщина, 33 г., Ставрополье: В горы пойдёшь – ТАКОЙ ЗАПАХ ОТ СОСЕН! ТЕБЯ ПРОСТО ПРЁТ ОТ ЭТОГО ЗАПАХА, этого ощущения! (07.05.12).

Повтор: Компания молодёжи. Молодой человек, лет 20, шутливо: Что ты ГОВОРИЛА, Марина? ГОВОРИ, ГОВОРИЮ! (16.06.12).

Полилог: Две женщины, лет 45 с девочкой лет 7 подходят к бронзовой скульптуре дворника с котом: Кто кошку погладит, желания сбываются! – Тенё-ёк! – Стань, загадай же, погладь (дочке)! Мимо идёт женщина, лет 60, зло: Кому делать нечего – статуи лижет! Продавщица сувениров с упрёком: Человек тоже мне! (24.07.12).

Пословица: Профессор, г.Тула: Потом она вернулась туда стричь купоны. Миллион в месяц... В общем, (живу) по пословице: ЖАЛУЕТ ЦАРЬ, ДА НЕ ЖАЛУЕТ ПСАРЬ! (23.05.12).

Приставка: О ситуации с доплатами в Москве: Такая система будет и у нас. Если кому-то ДОДАТЬ, то от другого отнять. Все переругались на кафедре (30.06.12).

Профессионализм: Стоматолог лет 38 клиентке 62 л.: Закрывайте! Ещё насидитесь с открытым ртом! <...> Когда я УХОЖУ ИЗО РТА – закрывайте! (26.07.12).

Сентенция: Профессор лет 55 в лифте коллеге: А Вы заплатили? ДЕМОКРАТИЯ – ЭТО КОГДА РАБОТАЮТ ТОЛЬКО ЗА ДЕНЬГИ! Сначала заплати, а потом объясняй, что надо (16.05.12).

Синонимия: Бывший музыковед 57 лет: Мы же своих детей, ДЕЛАЛИ, ЛЕПИЛИ! А сейчас рожают и не думают, что им дать (29.07.12).

Словотворчество: Уборщики территории у вокзала, женщины, лет 35: Белое я прополо-скаю – и сразу ЧЁРНОСТЬ... (08.06.12).

Соматизм: Женщина лет 70 в маршрутке сорокалетней: Вы НОЖКИ туда СДЕЛАЙТЕ – пусть дама пройдёт! Та отвечает в рифму: Сейчас будет поворот – и дама упадёт! (21.07.12).

Сравнение: Профессор, г. Киев, лет 60: Это не Марина Владимировна, а Марина Васильевна плавает так... Заплывает, что голова КАК ТОЧКА! (27.06.12).

Термин: О клеёнке, женщина-реализатор, лет 45: Сейчас я расстелю, вы посмотрите. Вы же свой стол ВИЗУАЛЬНО должны знать! (17.07.12).

Ударение: В маршрутке женщины лет 40: Привет, Алён! – Привет! Сто лет тебя не видела. Ты в отпуске? – Две недели побыла (показывает два пальца) – не заметила! – А я с шестого пойду. – Я тоже, попозжа! (27.07.12).

Фразеологизм: Профессор из Азербайджана, 65 лет, женщина в автобусе по дороге на конференцию: Он из Москвы, он любит, чтоб всё ЧИН ЧИНАРЁМ! (29.06.12).

Гезитация: Студент по сотовому: Я там В ПРИНЦИПЕ прочитал, там три страницы: раз-два-три! Я ничего не понял, но... (24.05.12).

Цитация: Женщина лет 70 провожающему её мужу: «Ой, спасибо!» Муж подхватывает: «СУЛЕЙМЕНУ / ОН ПОМОГ СЕГОДНЯ МНЕ!». А вы не подслушивайте! (29.06.12).

Экзотизм: Реализатор женщина лет 50 ровеснику: Юричка! – У меня денек ЁК! – «ЁК» даже для Люси, Юрча? (13.07.12).

Эллипсис: Реализатор удобрений и средств защиты, женщина лет 38: На химии далеко не уедешь! Литр молока в день (надо)! Через двадцать дней ВЫ – МОИ! Приходите! (привезут товар). (29.07.12).

Эпитет: Девушка лет 18 женщине лет 75: Голову помыла – чешется невероятно. От по-та. Волос не вымывается – он выгорает! – А ты знаешь, я раз в десять-двенадцать дней мою. У меня вообще сухие волосы. Ты красишь? – Вроде красишь – первые две недели ходишь ЧИСТО ТЁМНЫЙ, ЧИСТО КАШТАН! – А чего ж ты не хочешь свои, СВЕТЛО-РУСЫЕ? Это ж прекрасно! (31.07.12).

Этикет: Женщина, лет 50, в маршрутке по сотовому: Аллё! ДОБРОЕ! Спасибо, дорогая! Спасибо! Ага... ага! <...> Ну, у нас тоже «всё впереди»! НУ, ДАВАЙ! ТЕБЕ ТОЖЕ ХОРОШО ПОГУЛЯТЬ! (20.07.12).

Юмор: На банкете о закрытии диссертационного совета: Как хорошо пьётся на фоне УХОДЯЩЕЙ АТЛАНТИДЫ! Жена моя просит: Господи, прикрой совет! НА ЧТО ГОСПОДЬ БОГ СКАЗАЛ: Я ВАМ НЕ ФУРСЕНКО! (23.05.12).

Именно по таким параметрам систематизирован собранный материал в электронной базе «Мозаика разговорной речи», насчитывающей свыше 3,6 тыс. высказываний.

Перед представлением количественной картины напомним, что далее просчитан материал за три месяца проведения «естественного эксперимента», когда мы фиксировали всё, заслуживающее внимания лингвиста, но не провоцировали реплики для чистоты эксперимента.

Представив своего рода панораму исследовательского интереса, остановимся теперь на лингвоэстетическом векторе воздействия, отображённом в корпусе собранного материала. Итак, мы работали

- во-первых, с КОЛЛЕКТИВНЫМ НОСИТЕЛЕМ разговорного варианта русского языка,
- во-вторых, сохраняли условия ЕСТЕСТВЕННОСТИ наблюдения, то есть не предпочитали одного информанта другому, другим,
- в-третьих, ДЕРЖАЛИ НАГОТОВЕ «ВСЕ» 48 АСПЕКТОВ, равно мечтая пополнить каждый.

Вот почему те количественные показатели, которые мы далее приведём, могут вызвать удивление и несогласие. По-видимому, у читателя статьи найдётся знакомый, который в течение нескольких минут может дать с десятков примеров хезитации, тогда как у нас хезитация не лидирует.

Образовался своего рода ковёр из групп с весьма равномерной представленностью.

Прежде чем приводить и комментировать «цифирь», поясним принцип подсчёта.

Для иллюстрации рубрик ЭБ мы исходили из принципа не дублировать, не повторять высказывание, даже если оно одновременно просится в две рубрики содержит два, а то и три показателя различных рубрик. В таких случаях брался наиболее яркий аспектный сигнал высказывания. Это делалось во избежание бесконечного узнавания реплик («А я это уже читал!»). Однако для подсчётов действительного присутствия тех же метафор и сравнений, диминутивов и вокативов наряду с представленными в рубриках примерами были просчитаны и примеры, растворённые в других рубриках. Представим эти количественные сведения списком: аграмматизм 23+11 (34), архаизм 5+1 (6), бином (15), вокатив 39+3 (42), гендиадис (4), гипербола 16+9 (25), градация 13+1 (14), диалектизмы 16+2 (18), диминутив 23+36 (59), дисфемизм 28+22 (50), жаргонизм 20+4 (24), звукоподражание 15+1 (16), интензив 26+5 (31), каламбур 12+1 (13), комплимент 9+2 (11), компрессия 11+4 (15), контаминация 5+3 (8), литота 15+2 (17), междометие 29+12 (41), метафора 43+52 (95), метонимия 14+2 (16), нарратив (21), неологизм (6), оксюморон 3+1 (4), олицетворение 15+3 (18), перифраза 9+1 (10), перцепция 20+2 (22), повтор 20+42 (62), полилог (6), пословица 5+2 (7), приставка 29+5 (34), профессионализм 11+1 (12), сентенция 36+8 (44), синонимия (25), словотворчество 15+19 (34), соматизм 15+6 (21), сравнение 30+11 (41), термин (7), ударение 7+7 (14), фразеологизм 20+10 (30), хезитация 18+4 (22), цитация 15+6 (21), экзотизм (6), элтиписис 7+3 (10), эпитет 36+13 (49), этикет 26+4 (30), юмор (34).

Общее число высказываний, включающих дубли, – 1140.

Пики «интересного» составили: метафора – 95, повтор 62, диминутив 59, дисфемизм 50, эпитет 49, сентенция 44, вокатив 42, сравнение, междометие по 41. На этом чаще всего «играют» говорящие!

Вторую группу с несколько меньшей частотностью составили: аграмматизм, словотворчество, приставка, юмор – по 34, интензив 31, фразеологизмы, этикет по 30.

На эти две группы наиболее частотных расцветок речи приходится 710 реплик (высказываний), что составляет 62,4 % от общего числа фиксаций. Здесь просматривается «золотое сечение» материала по разговорному дискурсу.

На 16 рубрик приходится 62,4% высказываний, на «оставшиеся» 32 рубрики – 37,6% реплик.

Далее, многое идёт ровным средним слоем. Говорящие используют следующие экспрессивные средства не так часто, как средства первой и второй групп, но время от времени прибегают именно к ним. Это гипербола, синонимия по 25, жаргонизм 24, перцепция, хезитация по 22, цитация, соматизм, нарратив по 21.

Всего 181 единица. Это творческие механизмы второго порядка, используемые несколько реже первых.

Следующую группу по убывающей составили: олицетворение, диалектизм по 18, литота 17, звукоподражание, метонимия по 16, компрессия, бином по 15, градация, ударение по 14, каламбур 13, профессионализм 12, комплимент 11.

Всего 179 единиц, почти равное количество с предыдущей группой.

Малым слоем представлены: перифраза, эллипсис по 10, контаминация 8, пословица, термин по 7, неологизм, архаизм, экзотизм, полилог по 6.

Наконец, минимальным, однако не нулевым слоем представлены: оксюморон, гендиадис – по 4.

Рубрику «ошибка» мы не учитывали, поскольку речь сейчас пойдёт о намеренном расцвечивании разговорной речи специфическими средствами, а намеренная ошибка попадает в первую рубрику: аграмматизм.

Теперь отложим в сторону «нарратив» и «полилог» в силу их «сверхрепликовости», отложим также «юмор», поскольку последний невозможно просчитать в реальных масштабах (эти аспекты необходимы для реализации иных исследовательских задач, почему мы и включили их в электронную базу данных), и представим полученные данные, носящие в том числе лингвоэстетическую, экспрессивную составляющую, сгруппировав в четыре группы из пяти, в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Механизмы экспрессии разговорной речи

Используемые весьма часто	Используемые часто	Используемые реже	Используемые весьма редко
метафора	аграмматизм	олицетворение	перифраза
повтор	приставка	диалектизм	эллипсис
дими́нутив	словотворчество	литота	контаминация
дисфемизм	интенсив	звукоподражание	пословица
эпитет	фразеологизм	метонимия	термин
сентенция	этикет	бином	неологизм
вокатив	гипербола	компрессия	архаизм
сравнение	синонимия	ударение	экзотизм
междометие	жаргонизм	градация	оксюморон
	гезитация	каламбур	гендиадис
	перцепция	профессионализм	
	цитация	комплимент	
	соматизм		

Прокомментируем наиболее рельефные из полученных количеств («цифр»):

1. Проведённое летом 2012 г. исследование показало, что «царствующая на первом месте» метафора, её большой отрыв от других признаков разговорной речи, первенствующая её роль не только в художественном, но и в разговорном дискурсе еще раз подтверждает правоту исследований, посвящаемых ведущей роли метафор в процессе познания, в структуре языковой личности говорящего;

2. Исследование показало, что в разговорной стихии речи весьма велика роль повтора. Акустическая культура требует и понимания, и запоминания, и повтор работает по этим направлениям, являясь ещё и средством воздействия на адресата речи. При этом он не очень заметен, поскольку формы его разнообразны: обыгрывание однокоренных слов, повтор детерминантов в предложениях, переспрос и пр.;

3. Интересно и показательно почти равновесное использование дими́нутивов и дисфемизмов, что позволяет говорить о взаимно компенсирующей природе этих экспрессивных средств;

4. Значимое место, точнее более значимое, нежели предполагалось, занимают сентенции как знак уникальной акустической культуры;

5. Близки друг к другу по использованию в спонтанных диалогах термины, неологизмы, архаизмы, экзотизмы – «приправы» к речевой монотонности и ожидаемости;

6. Неожиданно в последнюю группу «угодили» пословицы. В отличие от фразеологизмов, хорошо представленных в спонтанной речи, паремии оказались едва ли не исключениями. По-видимому, пословиц теснит цитация крылатых слов;

7. Гипербола и интенсив уступили свои позиции обилию дими́нутивных форм, но та же литота весьма отстаёт от них;

8. Слабо представлен комплимент. Разумеется, он не для чужих ушей, но даже элементарные формы комплимента ожидалось в большем объеме. Хотя, когда «поезд ушёл», подумалось, что сюда можно было бы включить и похвалу.

Ещё раз отметим: материал набирался путём «считывания», точнее, сослушивания реплик.

Мы не пытались специально «набрать» материал. Мы стремились только не упустить чего-либо ценного в редкие, в общем-то, минуты «выхода в люди»: маршрутка, пляж, рынок, экзамены, совещания, телефон, улица («по дороге...»), поездка на конференцию в Казань. Повторим, что мы старались также уделять равное внимание рубрикам. Тем показательнее РАЗНООБРАЗИЕ самих групп и НАСЫЩЕННОСТЬ первого, наиболее весомого слоя.

Теперь осмыслим хаотичность, алогизм самих признаков, свойственных разговорной стихии речи:

диминутив – гипербола,
цитата – дисфемизм,
сентенция – хезитация,
метафора – звукоподражание.

Таковыми полюсами (продуманное и автоматическое, высокое и «низкое», интеллектуальное и инстинктивное) создаются УСЛОВИЯ ДЛЯ МОДУЛЯЦИИ, порождения вариативности, зарождения языков в языке.

Далее, будто бы всё вертится в рамках треугольника с вершинами: говорящий, слушающий, ситуация. Так кто же слушающий?

Ребёнок: свой / чужой,
школьник: свой / чужой,
родственник,
знакомый,
незнакомый,
полузнакомый (например, продавец в магазине),
коллега,
сосед,
попутчик.

Получается, что наполнение «аспекта» как признака разговорной речи подчинено и возрасту, и гендеру, и ситуации, и степени знакомства. Мысль банальна, но важным как раз становится то обстоятельство, что все эти различия и обуславливают вариативную динамику разговорного языка с проекцией на закрепление в языке в целом.

Синергетическое зарождение порядка из хаоса на следующем витке требует нового «хаоса», игрового, вынужденного беспорядка, который трудно прогнозировать, но, однако, трудно фиксировать, в каком бы параметре или аспекте он не был бы представлен.

Выступая 29.06.2012 на конференции в Казанском (Приволжском) федеральном университете, проф. Дамина Шайбарова (Германия) высказала мысль, что мы мало промысливаем и исследуем вариативность языка, хотя это основополагающее свойство любого развитого этноса. Это весьма ценная (методологически, прежде всего!) мысль. Полагаем, что обилие и bipolarность признаков разговорной речи обеспечивают запас вариантов (и соответственно в перспективе отдельных модулей) функционирования языка.

Назвав книгу и Электронную базу «Мозаикой разговорной речи», мы и сами не ожидали, как много подробностей, оттенков, частных, не говоря уже о выделенных, задействованных «аспектах», будет образовывать пестроту её содержания.

Собственно, это не только мозаика аспектов, но и мозаика возрастов информантов, их профессий, ситуаций записи реплики. «Возникает некая хаотичная мозаика, которая первоначально человеку, оказавшемуся в состоянии этого хаоса, представляется катастрофой. Но в истории так не бывает. Всякого рода мозаичность – это не катастрофа, а «форма постепенного слияния и возникновения какой-то новой конфигурации, нами ещё не мыслимой» [3]. В нашем случае «конфигурация» – это, прежде всего, переключка «аспектов», рубрик прогнозного анализа. Наиболее частотны следующие пересечения: цитация – сентенция, комплимент – метафора, литота – приставка, фразеологизм – соматизм, интенсификация – дисфемизм, дисфемизм – жаргонизм, синонимия – градация, вокатив – этикет, словотворчество – юмор, сравнение – гипербола, метонимия – компрессия, компрессия – профессионализм...

Можно взять и веерные, гроздевые пересечения.

Фразеологизм – гендиадис (*супер-пупер*), гипербола и этикет (*Сто лет тебя не видела!*), жаргонизм (*на понтах*), комплимент (*глаз не отведёшь!*) и соматизм (*руки отваливаются*), метафора (*последний залп*), оксюморон (*методом научного тыка*)...

Мозаичный подход, подкрепляемый Электронной базой данных, даёт возможность рассмотреть и более системно представить, во-первых, менее изученные «узоры», пересечения аспектов, во-вторых, совокупную панораму таких пересечений.

Список литературы

1. Харченко В.К. Современная повседневная речь. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 184 с.
2. Фрумкин К.Г. О загадочном удовольствии говорить // Нева. – 2010. – № 12. – С. 139 – 146.
3. Кондаков И. «Говорит Игорь Кондаков» Периодика // Новый мир. – 2001. – № 8. – С. 222.

LINGUISTIC AESTHETICS OF COLLOQUIAL DISCOURSE

V. K. Kharchenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Kharchenko@bsu.edu.ru*

Based on the material of colloquial utterances recorded from May to August 2012 the mechanism of expressiveness measures of the modern spontaneous speech was analyzed using 48 parameters including word formation, hyperbolae, metaphors, diminutives and etc. Quantitative data is introduced and commented on according to frequency scale: Very Frequently; Frequently; Rarely; Very Rarely.

Keywords: colloquial discourse, metaphor, comparison, vocative.

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ АКТУАЛИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Ю. Н. Шаталова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
shatalova_yu@bsu.edu.ru*

Статья посвящена особенностям функционирования лексических новообразований в разговорной речи. Рассматривается роль контекста в порождении новых слов и понимании их семантики. Описываются способы актуализации лексических новообразований в повседневном общении.

Ключевые слова: словотворчество, разговорная речь, контекст, лексическое новообразование, актуализация новообразований.

Разговорная речь отличается от других разновидностей литературного языка своей относительной лексической бедностью. В повседневном общении используется лишь ничтожная часть словарного богатства русского языка. С одной стороны, в условиях непосредственного общения говорящий не имеет времени на обдумывание фразы, на подбор наиболее выразительных слов, с другой стороны, как правило, не испытывает в этом необходимости. Лексическая недостаточность не вызывает непонимания слушающего, так как точность выражения достигается параллельным использованием мимики, жестов, интонированием.

В то же время в речи действует противоположная тенденция: характерной чертой разговорной речи является потенциальная свобода словоупотребления, выражающаяся, в частности, в легкости и массовости создания слов, удовлетворяющих сиюминутные коммуникативные потребности говорящего. Причины данного явления кроются в механизмах выбора нужного слова, протекающих в сознании говорящего в ходе речепорождения.

Выбирая необходимую единицу, говорящий идёт от содержания, которое ему необходимо выразить, к языковой форме реализации [1, с. 36]. В поисках нужного слова он в первую очередь обращается к лексикону как хранителю языковых единиц. Слова функционируют в процессе речепроизводства как готовые языковые знаки. Речевая деятельность в идеальной своей форме есть использование данной системы готовых знаков. Но параллельно работе этого лексического уровня функционирует, как бы его подстраховывая, морфемный уровень, включающий в себя словообразовательные элементы и правила их сочетаемости. В обычной ситуации словообразовательные связи не более чем фон, поддержка выбираемых слов; они приглушаются и подавляются актуализирующейся лексикой. Но, как пишет Б. Ю. Норман, «в определенные моменты словообразовательная составляющая «выходит на поверхность», становится явной, демонстрирует свою относительную автономность» [2, с. 60]. Подобное происходит главным образом в двух случаях. Во-первых, деривационное значение может напрямую соотноситься с замыслом говорящего и коммуникативной ситуацией и потому опережать выбор конкретного лексического значения. Иллюстрацией действия данного механизма служат, например, многочисленные диминутивы, используемые в русской разговорной речи. Во-вторых, словообразовательные связи помогают говорящему, когда выбор конкретной лексемы по каким-либо причинам задерживается: индивидуум может испытывать затруднения в связи с «выпадением» из памяти нужного слова, либо в связи с лексическими лакунами в языке, либо под действием морфологических или стилистических запретов. В этом случае в речи появляется словообразовательный неологизм, созданный только что и специально для данного случая.

Несмотря на устойчивый интерес лингвистов к вопросам неологии и словотворчества (работы С. И. Алаторцевой, Е. А. Земской, С. В. Ильясовой, Л. Ю. Касьяновой, Н. З. Котеловой, В. В. Лопатина, А. Г. Лыкова, Р. Ю. Намитоковой, Л. И. Плотниковой, Е. В. Сенько и др.), практически не изученным остается явление словотворчества в повседневной разговорной речи, когда говорящий создаёт новое слово спонтанно, не обдумывая и не обрабатывая его форму. Исследование данной проблемы представляется нам весьма важным и актуальным, ведь именно в стихийном разговорном словотворчестве раскрывается деривационный потенциал языковой системы, а само словотворчество является «частью общего целенаправленного языкового

процесса созидания, обусловленного внутренними потребностями как самого человека, так и языка» [3, с. 44].

Целью данной работы является рассмотрение механизма актуализации деривационной структуры новообразований в сознании говорящего, выделение способов актуализации новообразований в их двусторонней направленности к процессам порождения и восприятия нового слова.

Изучение функционирования лексических единиц в разговорной речи требует неременной опоры на контекст. По замечанию Б. Ю. Нормана, говорящий в каждый конкретный момент своей речевой деятельности находится под влиянием того, что уже было произнесено, и того, что предположительно последует за данной фразой [4, с. 175]. Только в контексте очевидна логика развития диалога, осуществляемое коммуникативное намерение говорящего и эффективность или неэффективность речевого поведения коммуникантов. Привлечение контекста дает возможность описать процесс словотворчества не статично, а в динамике – как средство для выражения меняющихся потребностей говорящего.

Связь с контекстом – важнейшая отличительная черта лексических новообразований. Без породившего их контекста такие слова зачастую непонятны, лексическое значение взятого вне контекста слова будет иметь «вероятностный характер» [5, с. 19]. Как пишет Н. И. Фельдман, «тесная связь слов-самоделок с контекстом, из которого они как бы вырастают, делает их уместными и особо выразительными на своем месте, однако вместе с тем, как правило, препятствует им оторваться от контекста и обрести жизнь вне его» [6, с. 66].

Контекстуальная зависимость новообразований носит двоякий характер. С одной стороны, именно организация контекста способствует созданию в речи нового слова: общность пресуппозиции, ассоциации, возникшие в связи со сказанным, употреблённые ранее слова – всё это может послужить стимулом к словотворчеству. С другой стороны, чтобы акт коммуникации был успешен, контекст должен способствовать восприятию новообразования, в нём должны присутствовать вербальные либо невербальные опоры, способствующие верной семантизации новообразования адресатом. Так, вновь созданное слово в речи может сопровождаться употреблением мотивирующего слова, однокоренного слова и т. д. Такие опоры выполняют функцию актуализаторов деривационной структуры новообразования, способствуют его верной идентификации, конкретизируют значение.

Достаточно обстоятельно приемы актуализации деривационной структуры новообразований изложены в диссертационной работе М. А. Петриченко. Исследователь вводит понятие лексической актуализации, подчеркивая ее обусловленность «объективностью существования структурно-семантической схемы построения слов, их компонентов и интерпретирующей роли контекста» [7, с. 110].

Развивая теорию актуализации новообразований, Р. Ю. Намитокова предложила разграничить актуализацию авторских новообразований лексической единицей в тексте (лексическая актуализация), актуализацию авторских новообразований содержанием текста (текстовая актуализация), актуализацию новообразований фоновыми знаниями, культурной памятью читателя или слушателя (затекстовая актуализация) [8]. Однако заметим, что исследования М. А. Петриченко и Р. Ю. Намитоковой проводились на материале художественных (поэтических) текстов, соответственно, понятие актуализации рассматривалось авторами только с позиции восприятия текста читателем: под актуализаторами в указанных работах понимаются контекстуальные опоры, способствующие декодированию семантики новообразования.

Диалогичность природы разговорной речи диктует нам необходимость рассмотрения способов актуализации новых слов под несколько иным углом зрения. Проведенный нами анализ речевых контекстов, содержащих факты словотворчества, позволяет утверждать, что ассоциаты, актуализирующие новую деривационную структуру в сознании говорящего, служащие стимулом к созданию нового слова, одновременно в процессе диалогического общения способствуют семантизации новообразования слушающим. Достигается это общностью пресуппозиции общающихся. Таким образом, мы полагаем, актуализаторы имеют двунаправленное действие: с позиции говорящего, они способствуют порождению нового слова, с позиции слушающего, выполняют функцию семантизаторов новообразования.

В зависимости от характера участия контекста в создании нового слова представляется логичным деление новообразований на две большие группы: 1) новообразования, созданные на основе ассоциатов, лексически репрезентированных в речевом контексте; 2) новообразования, созданные на основе не выраженных материально ассоциатов. Рассмотрим ниже типичные формы актуализации выделенных групп лексических инноваций.

1. Актуализация новообразований, созданных на основе лексически репрезентированных ассоциатов.

Стимулом к порождению нового слова в речи часто служит употребленная в контексте лексема: она либо наталкивает говорящего на создание однокоренного деривата, либо выполняет функцию структурного образца для создаваемого новообразования, либо, путем включения в сознании парадигматических связей, способствует созданию синонимичных/ антонимичных слов. С точки зрения слушающего, слово-стимул выступает актуализатором значения новообразования, оно подготавливает адресата к восприятию нового слова и способствуют его адекватной интерпретации. В живой разговорной речи такая актуализация проявляется, как правило, на уровне микроконтекста (новое слово и актуализатор его структуры находятся в пределах одного высказывания).

В зависимости от того, что именно представляет из себя лексический актуализатор, можно выделить несколько подтипов лексической актуализации.

1) Лексическая корневая актуализация

В данном случае мы имеем дело с корневым актуализатором, то есть однокоренным словом, представленным в речевом контексте и чаще всего находящимся в препозиции. Приведем примеры подобной актуализации новообразований (актуализатор выделен подчеркиванием): – *Занят совершенно другими проблемами/ диссертацию забросил// Так/ не аспирант/ а аспирантоид какой-то//*; – *Столько лет считал его своим другом/ а он оказался лжедругом//*; – *Потом заехали на погранзаставу// А там шашлык жарят и баню топят// Мы набанились/ налопались мяса/ и вернулись в итоге в одиннадцать//*; – *Это огромное преимущество позволило назвать его не просто кандидатом в депутаты/ а оберкандидатом//*; – *Праздник закончился/ тоска// Настроения нет в послепраздник//*; – *Не просто инфантильный/ а сверхинфантильный//*; – *Старость – не радость// Я старенький-нераденький//*; – *Кошка таскает котят/ Они потом мяукают под окном// Из-за этой таскальщицы ночью вставать пришлось/ котят относить//*.

Если во всех приведенных примерах и корневой актуализатор, и само новообразование присутствуют в реплике одного говорящего, то другую тенденцию представляют случаи, когда однокоренное мотивирующее слово употребляется в реплике-стимуле, а новообразование создается в ответной реплике: А: – *У меня алыверды//* Б: – ***Алывердируйте!***; А: – *Хватит все делать для других/ для других// Пора и о себе подумать/ для себя что-то сделать//* Б: – *Ну я же не длясебятник//*; А (о посещении студентом занятий): – *Он в прошлом году не сильно посещал//* Б: – *Да он и в этом не испосещался//*; А: – *Мне как-то стыдно надевать юбку или шорты с незагорелыми ногами//* Б: – *А я считаю/ окружающие переживут незагорелость моих ног//*; А: – *Ну как прошло мероприятие? Б: – Да прошло/ и/ слава Богу! Отмероприятиялись//*; А: – *Ну и о чем она рассказывала? Б: – О том, что такое чакры/ карма/ и как их чистить//* А: – ***Чакроочистительная** лекция/ короче.*

Рассматривая корневые актуализаторы, Р. Ю. Намитокова выделяет также корневую цепочную актуализацию. Данный тип актуализации характеризуется наличием цепочки однокоренных слов, вводящих новообразование. По замечанию А. Н. Сокальской, такая актуализация «не только семантизирует новообразование, но и является отражением развернутой цепи авторской мысли, в которой он пытается подобрать необходимое слово и в поиске создает новое» [9, с. 11]. Не отвергая саму возможность подобной актуализации новообразования в живой речи, отметим ее крайне слабую репрезентацию в нашем языковом материале (подобным образом актуализировано лишь несколько слов): – *Каждому нужно показать/ что он не зря деньги получает/ что что-то делает// Вот и разводят тут вид бурной деятельности// Все такие деятели/ все передеятели//*; – *Он нигде не работал на полную ставку// в трех местах на полставки подрабатывал// Такой работник... Скорее/ подработник//*

2) Лексическая структурная актуализация

Лексическая структурная актуализация имеет место в том случае, когда в контексте функционируют слова, структурно идентичные новообразованию. К данному типу актуализации новообразований можно отнести слова, созданные способом субституции, то есть «путём замены в исходном слове морфемы или неморфемного сегмента морфемой или неморфемным сегментом, по аналогии со структурой конкретного слова, при этом ассоциации с вытесненной частью остаются ощутимыми, они принимают участие в создании нового мыслительного содержания» [10, с. 18]. Субститутивная, или заместительная, деривация в лингвистике получила еще одно название – словообразование по конкретному образцу [11, с. 248].

По месту упоминания в речи слова-образца выделим две характерные ситуации (хотя, безусловно, нельзя ограничить ими весь круг возможных ситуаций):

а) в диалогической речи слово-образец содержится в реплике-стимуле (чаще в вопросной реплике), новообразование, соответственно, – в реплике-реакции. В этом случае говорящий, создающий слово, преследует вполне определенную цель – пошутить: А: – *Вот так она проявила свою добродетель*// Б: – *Ага*// *Свою злодетель*//; А: – *Вот этот список/ который нужно подготовить/ иногородних студентов... Если из области/ то это иногородние? Их включать?* Б: – *Нет/ только инообластных*//; А: – *На выходных опять клубничать собираешься?* Б: – *Ага! Или кабакничать*//; А: – *Вы однофамильцы?* Б: – *Нет/ мы разнофамильцы*//; А: – *Это опечатка?* Б: – *Нет/ это недопечатка*//; А: – *Сейчас здорового молодого человека и не встретишь// не язва желудка/ так плоскостолие*// Б: – *Если бы только плоскостолие/ плоскоумие / вот в чём проблема;* А: – *По-моему/ ты переборщицл*// Б: – *А по-моему/я недоборщицл*//;

б) новообразование создается в речи говорящего после употребления им же слова-образца. При этом по синтаксической функции новое слово и слово-образец являются однородными членами предложения. Оказываясь более экспрессивным, новообразование способствует созданию своеобразной градации в выражении чувств говорящего: – *Необходимо затреть эти посиделки и попивалки*//; – *Студентки ходят декольтированные/ животированные*// (с обнаженным животом); – *Эта книга у меня не настольная/ а встольная*//; – *Вызвали неотложку/ так они приехали через час! Не спецпомощь/ а спецнемоощь какая-то!*

Параллельное употребление в контексте слова-образца как актуализатора и слова, построенного по его словообразовательной модели, способствуют верной семантизации новообразования адресатом, основанием для которой служит сопоставление структуры функционирующих в рамках микротекста слов;

3) синонимическая актуализация

Появление новообразования может быть актуализировано в речи словом-синонимом. Новообразование в такой ситуации выступает как экспрессивно маркированный член синонимического ряда: – *Хочется отдохнуть от всего/ набраться сил / набездельничаться*//; – *Не нравится он мне*// *Всегда угрюмый/ неприветливый/ хмуряга*. В этом случае новообразование включается в парадигматический контекст, и его значение раскрывается благодаря наличию у него и его смысловых партнеров общих сем [12, с. 16];

4) антонимическая актуализация

Лексическое новообразование может быть создано как антоним к ранее употребленному слову, таким образом, понимание значения узуального слова обеспечивает правильную семантизацию новообразования-антонима. Например: – *Ну/ как бы мало взяточника наказывать*// *Нужно еще и самих подкупателей брать за жабры*//; – *Это обратные билеты/ а где тудашие*;

5) резюмирующая актуализация

Данный способ актуализации мы назвали резюмирующим, исходя из обобщающей функции, выполняемой новообразованием. В нашей картотеке многочисленны примеры контекстов, когда новообразование служит однословным наименованием вышесказанному, своеобразно подытоживающим мысль говорящего: – *Не люблю всяких там комариков, жуков, тараканов... У меня букашкофобия*; – *Принтер заклинило*// *Много бумаги засунули*// *Передозняк!*; – *Лекарств куча*// *Нужных/ ненужных*// *Можно уже аптеку на дому открывать*// *Таблеткомания* *налицо*//. Стимулом к созданию нового слова в подобных случаях выступает не отдельная лексема, а целый микротекст («*Не люблю всяких там комариков, жуков, тараканов...*»), он же позволяет слушающему адекватно декодировать заложенную в новообразование семантику.

В высказывании употребление новообразования такого типа зачастую сопровождается определенными маркерами, вводными словами и сочетаниями (*короче, одним словом, так сказать*), настраивающими адресата на восприятие нового слова: – *Для меня онлайн-игра/ просто способ отвлечься/ время провести*// *Так сказать/ времьюбойник*//; – *Это магистранты первого года обучения*// *Наши магистрыта/ так сказать*//; А: – *Вы переехали?* Б: – *Ну/ почти... Часть вещей уже перевезли*// *Но не все*// *Короче/ недопереехали* *чуть-чуть*//; – *Да она постоянно придирается*// *То не так/ это*// *Одним словом/ мозговныо-сительница*//; – *Ну и какова крепость напиток? Так сказать/ упойная* *сила*;

2. Актуализация новообразований, созданных на основе материально не выраженных ассоциатов.

Материальная выраженность актуализатора лексического новообразования не является обязательной. Речевое новообразование может быть создано и семантизировано на базе затек-

стовых ассоциатов. Затекстовая актуализация подразумевает опору на фоновые знания, на информацию, выходящую за рамки текста, основанную на личном опыте говорящих.

Анализ речевых контекстов с новообразованиями свидетельствует о том, что так называемые *потенциальные слова* зачастую создаются без лексически репрезентированной поддержки. Образование таких слов – «нормальный и массовый речедейательностный процесс, опирающийся на использование продуктивных деривационных моделей» [2, с. 64]. Созданные по регулярным, продуктивным моделям, потенциальные слова имеют, как правило, прозрачную внутреннюю форму, понятны для адресата независимо от контекста, без каких-либо дополнительных толкований, маркеров и т. д.

Рассмотрим контекст с новообразованиями, созданными по продуктивным моделям: – *В магазинах вижу исключительно **высококаблучную** обувь или **бескаблучные** модели*//. В новообразовании *бескаблучный* присоединение префикса *бес-* обеспечивает значение отсутствия того, что названо мотивирующим прилагательным, а сумма значений слов, мотивировавших сложное новообразование *высококаблучный*, позволяет безошибочно семантизировать его – «на высоком каблучке».

Присоединение префикса *до-* в новообразовании *додекретный* однозначно указывает на семантику предшествования: – *У нас на работе постоянно включено радио*// *Моя подруга в **додекретный** период вечно вела войну за радиостанцию с другим коллегой*//.

Новообразование такого типа, не требующие специальных опор для создания и семантизации, в речи многочисленны, например: – *Чтобы получилась такая композиция/ нужно взять лист ириса/ и **застеплерить** его/ чтобы не развернулся*//; – *Раньше вообще не уделяла внимания своей внешности/ а сейчас вся такая **намакияженная***; – *Ну/ ладно*// ***Нахвасталась***// *Пойду дальше работать*//; – *Он меня три часа ждал/ **обревновался** весь*//; – *Мы уже почти **обуютими** квартиру*//; – *Муж уехал на вахту/ предварительно скачав собрание сочинений Толстого*// *Для меня это **подвигоподобно***//; – *Жутко раздражает этот **смехошепот** в кинотеатре*//; – *В дорогу чеснок? Бедные твои **сокупейники!***

В речевой практике возможны случаи, когда, создав на базе затекстовых ассоциатов слово, «словотворец» осознает необходимость его семантизации для правильного понимания собеседником и сам «расшифровывает» новообразование, дает развернутое толкование его значения. Приведем примеры: (о принтере) – *Он у нас **бумагожор***// *Хватает сразу по пять листов*//; А: – *Не знаешь/ где они подрабатывают?* Б: – *Промоутеры*// ***Листовицки***// *Листовки раздают*; – *У нас сегодня был **маннокашный** день*// *Утром манку поели/ вечером ребенок опять попросил сварить*//; (рассказывая о продавце): – *Одна беда*// *У него вся обувь **маломерит***// *Их 39-ый на мой 38-ой прям впритык*//; – *Он такой **мелочник***// *За десятидневный паек/ который он недополучил перед отъездом/ всем мозг вынес по телефону*//; – *Та еще **мужичница***// *Мужичница/ это аналог бабника*; – *Мы сегодня **поварствуем** вместе*// *Сергея мясо запекает/ я картошку тушу*//; – *А моя собака/ **тапкогрыз***// *Грызет домашние тапочки*; – *У меня там есть знакомая **форумчанка**/ ну/ то есть девушка на форуме*//.

Актуализаторами речевых новообразований могут также явиться характеристики ситуации общения (окружающая обстановка, происходящие события, деятельность, объединяющая говорящего и слушающего). Например, говорящий указывает на горящие бенгальские огни: – *Смотри/ какой **искропад!*** Другая ситуация: – *Сначала на собеседование ставьте **резюмистов**/ а потом остальных*//. Совместная рабочая деятельность участников ситуации делает созданное говорящим новообразование *резюмист* понятным адресату: он знает, что речь идёт о претендентах, приславших своё резюме.

Рассмотрим еще один пример затекстовой актуализации. Преподаватель своим коллегам по кафедре: – *Я своих дипломников уже **проантиплагиатила***//. Новообразование *проантиплагиатить* создано по регулярной модели *про-...-и(ть)* со значением действия, наделённого признаком, который назван мотивирующим существительным. Прозрачность структуры подсказывает возможное значение – «проверить на наличие плагиата». Однако только знание конситуации позволяет адресатам абсолютно верно декодировать вложенный говорящим смысл: преподаватель проверила дипломные работы на наличие плагиата в системе «Антиплагиат.ВУЗ».

Сложную ассоциативную природу имеет происхождение слов, образованных путем креации, то есть наделения лексическим значением произвольного набора звуков: – *Я кричу-кричу/ а он/ **зафистолупил**/ ничего не видит/ ничего не слышит*//; – *Прыгал/ прыгал на диване*// *А потом как/ **перешвартодрыгнулся!*** Ужас! Создание подобных слов характери-

зуется взаимодействием лексического, словообразовательного, фонетического уровней в сознании говорящего. Так, стимулом к созданию слова *зафистолупил* предположительно могла послужить возникшая ассоциация с глаголом *зарядить* в значении «начать непрерывно производить одно и то же действие». Вне конституации семантизация данного новообразования вряд ли возможна, однако сопровождающий жест (движение рукой вперёд) в сочетании с дальнейшим пояснением («ничего не видит/ ничего не слышит») позволяет определить значение данного глагола: *зафистолупить* – «быстро пойти». Глагол *перешвартодрыгнуться*, возможно, был актуализирован ассоциацией с глаголом *перекувыркнуться*. Контекстуальное окружение («прыгал на диване»), эмоциональное сопровождение («ужас!») данного новообразования в речи позволяет верно интерпретировать заложенное говорящим значение: *перешвартодрыгнулся* – «упал кувырком».

Актуализатором новообразования может также послужить «всплывшая» в сознании говорящего фраза, характеризующая ситуацию, предмет разговора. Например: – *Тарахтит без умолку/ не переговоришь// Она/ конечно/ та еще головозабивательница//*. В данном контексте новообразование *головозабивательница* семантически является свернутой, однословной характеристикой, равнозначной развернутому «тарахтит без умолку/ не переговоришь», то есть значение нового слова отчасти семантизируется самим текстом. Однако адекватная семантизация новообразования *головозабивательница* предполагает знание устойчивого разговорного выражения *забить голову* (в значении «притупить умственные способности большим количеством ненужных сведений»), ассоциация с которым стала стимулом к созданию нового слова.

Аналогичным образом создано новообразование *ручка-крюка*. Его структура и значение актуализированы фраземой *руки-крюки* (характеристика неумелого человека): – *Ты/ конечно/ рукодельница// Не то/ что я/ ручка-крюка //*.

Следует учитывать, что обязательными составляющими коммуникативного акта в живой разговорной речи являются невербальные компоненты: мимика, жесты, просодика речи. Исследуемый материал показывает, что они также могут способствовать актуализации новообразований (в качестве дополнительных средств).

Нами отмечен факт изменения тембра и высоты голоса при произнесении новообразования: – *Для телевидения у тебя слишком писклявый голос// Не помешало бы немножко обасить*. В данной ситуации вторая часть высказывания («не помешало бы немножко обасить») была произнесена говорящим измененным, более низким голосом, что, безусловно, способствовало актуализации значения данного новообразования.

В роли дополнительного актуализатора значения новообразования, усилителя определенных смыслов в живой разговорной речи может выступать жест. Например: – *Мои новые духи/ это просто/ наркоаромат // Готова нюхать/нюхать...* Произнесение части высказывания «это просто наркоаромат» предварялось и сопровождалось движением головы говорящего, имитирующим головокружение, и мимикой удовольствия. Такое сопровождение актуализировало сему удовольствия, дальнейшее развернутое толкование новообразования *наркоаромат* («готова нюхать/нюхать») усилено невербальными средствами.

Подводя итог сказанному, заметим, что среди разговорных лексических новообразований, наиболее многочисленна группа потенциальных слов, созданных без опоры на лексически представленный в контексте стимул. Лёгкость создания таких слов при отсутствии контекстуальной поддержки обусловлена активностью словообразовательных связей в сознании говорящего. В речи слова, созданные по продуктивным моделям, зачастую не воспринимаются как новые, они понятны и по структуре, и по содержанию, а сам говорящий не осознаёт создание такого слова как речетворчество.

Следующими по частотности являются группы новообразований, созданных способами лексической однокорневой и лексической структурной актуализации. Материальное присутствие мотиватора является сильнейшим толчком к словотворчеству. В речи новизна слов данных групп ощутима, именно присутствие слова-стимула позволяет верно декодировать заложенное говорящим значение.

Анализ способов актуализации лексических новообразований позволяет уточнить существенные моменты словообразовательного акта, формирующего структуру и семантику нового слова, и представляется перспективным для изучения механизма речетворчества.

Список литературы

1. Плотникова Л. И. Новое слово: порождение, функционирование, узуализация. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2000. – 208 с.

2. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – 228 с.
3. Вендина Т. И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 42 – 71.
4. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 344 с.
5. Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). – М.: Высшая школа, 1976. – 120 с.
6. Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 64 – 73.
7. Петриченко А. М. Деривационная структура и стилистические функции речевых новообразований в современной советской поэзии (на материале поэзии А. Вознесенского и Е. Евтушенко): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Алма-Ата, 1981. – 310 с.
8. Намитокова Р. Ю. Актуализаторы авторских новообразований в тексте и авторские новообразования как актуализаторы текста (на материале авторских новообразований Евгения Евтушенко) // Вестник Адыгейского гос. университета: сетевое электронное научное издание. – 2007. – № 3. – Режим доступа: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2007.3/506/namitokova2007_3.pdf
9. Сокальская А. Н. Словотворчество как компонент научного идиостиля Г.Д. Гачева: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01. – Майкоп, 2007. – 23 с.
10. Изотов В. П., Панюшкин В. В. Неузальные способы словообразования: конспекты лекций к спецкурсу. – Орел: Изд-во ОГУ, 1997. – 40 с.
11. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 328 с.
12. Касьяненко Н. Е. Отонимные окказионализмы и окказиональные онимы в русском языке: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01. – Днепропетровск, 1991. – 18 с.

ON THE FORMS OF LEXICAL INNOVATIONS ACTUALIZATION IN COLLOQUIAL SPEECH

Yu. Shatalova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
shatalova_yu@bsu.edu.ru*

The paper deals with the peculiarities of lexical innovations functioning in colloquial speech. It considers the role of context in both derivation and comprehension of new words semantics. The author describes the forms of lexical innovations actualization in everyday communications.

Keywords: word creation, colloquial speech, context, lexical innovation, actualization of lexical innovations.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.1

ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ИНФИНИТИВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

А. М. Амагов¹
Ю. И. Гурова²

*¹⁾ Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

*²⁾ Санкт-Петербургский
гуманитарный университет
профсоюзов*

*e-mail:
amatov@bsu.edu.ru
gurovayulia@yandex.ru*

Статья посвящена диахроническому изучению инфинитивных конструкций путём комплексного анализа английского инфинитива с точки зрения исторической лингвистики.

Ключевые слова: диахроническое изучение, глагольные единицы, лингвистические показатели, сравнительно-исторический метод.

Исследования языковой эволюции, или языкового развития необходимы не только для достижений в области исторического языкознания, но и для прогностических исследований. Понимание закономерностей развития языковой системы дает нам ключ к разгадке многих, казалось бы, необъяснимых явлений в языках мира. По А. Мартине, «...остается несомненным, что язык, эволюционируя, изменяется непрерывно. Исследование любого языкового элемента в его функционировании позволяет обнаружить различные процессы, которые могут в конце концов привести к тому, что данный язык станет совершенно неузнаваемым» [1].

Эволюцию в широком философском смысле следует понимать как видоизменение систем в направлении максимальной приспособленности к существованию. Происходит это изменение за счет избирательного сохранения более приспособленных и уничтожения менее приспособленных систем. Для того чтобы система эволюционировала, она должна, как минимум, обладать следующими свойствами:

- открытостью (способностью получать энергию извне и отдавать её вовне);
- репродуктивностью (способностью воспроизводить себе подобные системы);
- изменчивостью;
- конкурентностью (способностью конкурировать с другими аналогичными системами).

При этом, например, биологическая эволюция – лишь частный случай эволюции в широком смысле слова, поскольку эволюционирующие системы не обязательно должны быть живыми и даже материальными. Например, идеи и компьютерные вирусы подчиняются тем же закономерностям. Подчиняется им, судя по всему, и естественный язык.

Естественный язык со всем основанием можно считать самоорганизующейся системой, которая при формальном описании может быть смоделирована как динамическая. Во-первых, язык представляет собой открытую систему, он не замкнут на себе, непрерывно взаимодействует с обществом, с человеком – своим творцом и носителем, а отдельные языки также постоянно взаимодействуют и друг с другом. Во-вторых, язык состоит из неограниченного множества

элементов – в самом деле, нельзя сказать даже для отдельного языка, какое количество морфем, слов или синтагм составляют верхнюю границу. В-третьих, язык – система нелинейная: даже зная точное состояние системы того или иного языка в данный момент, невозможно абсолютно точно предсказать его дальнейшее развитие. Более того, в развитии языка можно проследить смену устойчивых и неустойчивых состояний. Наконец, в-четвёртых, конкурентность языка проявляется в способности одних языков вытеснять другие в тех или иных сферах употребления, на тех или иных этапах развития общества.

Из сказанного следует, что даже незначительные изменения в системе языка могут вызывать её радикальную перестройку и способствовать образованию новых структур. Более того, причинно-следственные связи в самоорганизующейся системе обычно работают нелинейно, представляя собой скорее сеть причин и следствий. В работе представлен новый взгляд на некоторые эмпирические данные, на некоторые известные проблемы для выявления источника для целого ряда изменений в системе языка – становление инфинитива как самостоятельной глагольной формы.

Согласно мнению Д. Лайтфута и многих других лингвистов, можно предположить, что частица *to* первоначально не являлась постоянным маркером инфинитива в древнеанглийском языке (далее ДА), т. к. историческое развитие инфинитива привело к морфологическому изменению от формы флективного инфинитива (*V-en*) к инфинитиву с частицей *to* (*to+V*). Данная точка зрения характеризует возникновение *to* для чисто формального и малозначимого использования предлога, так как частица *to* на сегодняшний день «превратилась в пустое, грамматическое приложение к инфинитиву» [6]. «Едва ли можно сказать, что данная морфема имеет значение в самостоятельной позиции» [2], она просто «выполняет синтаксическую функцию вспомогательного слова для инфинитива» [8]. Тем не менее, в своем анализе относительно ДА инфинитива Таро Кагеяма [7] выделил следующие функции элемента *to*: использование *to* в качестве временного показателя, в качестве комплементаризера или вспомогательной частицы для согласования слов в предложении. Д. Денисон [3] говорит о «явно случайном использовании данного предлога в СА английской литературе» и дает следующие примеры:

(1) *Make hem to boyle togeder.*

Make it boil;

(2) *Make hem clene and parboile hem*

...make it clean and parboil it.

То же явление мы можем ситуативно наблюдать и в современном английском языке:

(3) *Spammers made me to install small anti-spam system you are now speaking about (Antispam message);*

(4) *... she had no business to make him feel like that – a wife and a husband being one person (Galsworthy).*

В древнеанглийский и среднеанглийский (далее СА) период *to* является предлогом. Вследствие определенных языковых изменений старый предлог *to* начинает осмысляться не как предлог, а как особая частица при инфинитиве. Таким образом, предлог утрачивает свое первоначальное значение, поэтому в отношении диахронического анализа развития инфинитива мы будем придерживаться традиционного мнения, и называть *to* предлогом. В синхронном анализе современного английского языка – частицей, т. к. в современной английском языке возможны разные случаи использования *to*, но наиболее частый – обозначение направления движения (*come to me, go to Europe* и т. д.), в данном случае *to* выполняет функцию предлога. С инфинитивами используется не предлог *to*, а частица, т.к. на сегодняшний день *to* в современном английском языке является приинфинитивной частицей. Частица *to* перед глаголом очень важна, поскольку она эквивалентна русскому глагольному окончанию *-ть* (а также некоторым другим), показывающему неопределенную форму глагола.

В немецком, нидерландском или даже французском языке часто используются предлоги для обозначения отношения между двумя событиями и существуют определенное количество глаголов, которые в силу их значения требуют наличие предлога в предложении, например:

(5) *Ich glauibe berechnend zu sein;*

(6) *I think I am prudent.*

Благодаря изменениям, которые произошли в истории английского языка, почти каждый глагол требует присутствие предлога в предложении, который являлся в ДА литературе просто одной из составляющих частей инфинитивной конструкции.

Две особенности, характерные для современного инфинитива, следует иметь в виду: во-первых, использование предлога *-to-* часто является обязательным (за исключением некоторых глаголов), особенно в функции подлежащего:

(7) *To be or not to be: that is the question.*

Во-вторых, инфинитив не используется так часто, как в немецком и нидерландском языке в аналогичных конструкциях, т.к. может быть заменен герундием. Использование инфинитива в функции подлежащего указывает на то, что нет необходимости подчеркивать действие, предшествующее действию инфинитива, но в современном английском языке оно неразрывно связано с виртуальным действием, поэтому автоматически совпадает с действием инфинитива. Именно поэтому инфинитив не может выполнять номинативную функцию без *to*.

Исторические факты английского и французского языка указывают на то, что инфинитив на более ранних этапах языка функционально был ближе к существительному. Во-первых, он использовался с флективной формой инфинитива в соответствующих контекстах: в английском языке после *-to-* присутствует управление (дательный падеж), например:

(8) *God sende folce tō frōfre. (Beowulf)*

God (NOM) sende (PRET) folce (DAT) tō frōfre (DAT)...

God sent him to the people for solace...

Английский нефлективный инфинитив по сравнению с немецкой формой наоборот все чаще стал использоваться, при этом потеряв собственные номинативные функции. Предлог *-to-* устанавливает соответствующее расстояние в плане содержания между существительным и глаголом. Французский предлог *-de-* выполняет немного иную роль, т.к. используется для более общего характера с целью получения формы инфинитива, неспособной к морфологическому существованию, так, например, в английском языке временная характеристика глагола включает только показатель реального времени (прошедшее и настоящее) и исключает показатель возможного времени (будущее).

Во французском языке предлог *-de-* не образует форму инфинитива, но необходим для глагольного использования, т. к. в предложении инфинитив может выполнять те же функции, что и существительное, т. е. быть подлежащим, частью составного сказуемого, дополнением, определением, обстоятельством. Предлог *-to-* решает основную проблему английского языка – становление инфинитива, например:

(9) *I need to go.*

На данный момент частица *-to-* не всегда присутствует в глагольной конструкции, кроме того без нее инфинитив перемещается в более номинальную плоскость, например, нельзя убрать *to* в примере:

(10) **Be or not to be.*

Современная форма инфинитива не только потеряла номинальную флексию в английском языке, но, в общем, и субстантивированную функциональность, которой она обладала в ДА языке, т. к. не может использоваться непосредственно в функции подлежащего или дополнения, только если посредством предлога *to*.

Возвращаясь к сравнению двух предлогов в английском и французском языке, необходимо обратить внимание на интересный факт: значение французского предлога *-de-* характеризует начало (пространственного, временного, логического и др.) действия, а английский предлог *-to-* обозначает конечную фазу действия. Французскому глаголу необходим предлог *-de-* для образования предикативной конструкции, а английскому инфинитиву необходим *to* для номинальной функциональности. Таким образом, ДА предлог *-to-* стал постоянно использоваться в инфинитивной конструкции, т.к. инфинитив благодаря общим историческим тенденциям потерял свою номинальную силу, которая с точки зрения семиотики находилась в самой флексии.

Согласно вышеуказанным данным возникает вопрос: форма *to-Infinitive* (далее *to-Inf*) встречается чаще в позиции подлежащего с предлогом *to* или без него в ДА и ранний среднеанглийский (далее РСА) период. Если инфинитивная конструкция встречается намного чаще в позиции подлежащего, то причину изменения инфинитивной формы необходимо искать во взаимосвязи между флективной формой инфинитива и собственно инфинитивом. Если же инфинитивная конструкция в позиции подлежащего встречается намного чаще без предлога *to*, то эту причину необходимо искать собственно в самой форме инфинитива.

Очень интересный факт можно обнаружить согласно литературным источникам: ДА инфинитив очень редко стоит в позиции подлежащего с предлогом *to* или без него. Наиболее важно обратить внимание на формы инфинитива в позиции подлежащего с *to*. На самом деле форма *to-Inf* впервые стала появляться, а затем и развиваться в функции подлежащего. Простая форма инфинитива стала появляться в позиции подлежащего только по аналогии с конструкцией *to-Inf* в этой же позиции и никогда не выполняла наиболее важную роль в предложении, только в поэзии для метрики.

Данные факты указывает на два феномена в развитии инфинитива:

1) форма ДА инфинитива не была достаточно субстантивирована для того, чтобы конкурировать с формой девербального существительного – герундия (формы с основой на -und и -e);

2) форме ДА инфинитива необходим был предлог to для использования в функции подлежащего, но это не означает, что предлог to добавлял к значению инфинитивной формы субстантивированную функциональность, но в данном контексте можно утверждать о субстантивированной функциональности посредством предлога to.

Если обратиться к дискуссионному вопросу о функциональности инфинитивной конструкции и вспомнить о том, что инфинитивная конструкция выполняет функцию так называемой «дистанции события» между личной формой глагола и инфинитивом, то необходимо помнить, что в ДА период девербиальное существительное больше не являлось перспективной частью речи для передачи значения закономерных событий в контексте предложения, т.к. для данной цели использовалась простая (голая) форма инфинитива (инфинитив без to).

Развитие номинативной функциональности инфинитива стало проявляться еще в конце ДА периода; систематическое использование морфологических флексий начало постепенно исчезать. Очевидно, существует взаимосвязь между начальной точкой отсчета и самой трансформацией языка. Тот факт, что причастие настоящего времени обозначает многие идентичные функции инфинитива, говорит о том, что использование данной конструкции частично обусловлено трансформационным сдвигом в языке. Настоящее причастие содержит в своем значении реализованный и нереализованный компонент действия, тогда как инфинитив только нереализованный компонент. В современном английском языке причастие включает в свое значение номинативную функциональность, тогда как инфинитив потерял данное свойство, хотя конструкция to-Inf имеет номинативную характеристику, в виду того, что ее можно использовать в роли подлежащего.

Необходимо отметить, что номинативная функциональность глагола зависит от некоторых факторов:

- 1) собственно от способности самой формы быть существительным;
- 2) от способности формы глагола обозначать действие, происходящее в настоящее время (содержит в своем значении реализованный и нереализованный компонент действия).

Конструкция to-Infinitive выполняет функцию так называемой «дистанции события» между личной формой глагола и инфинитивом, при этом сам предлог to фокусирует свое значение больше на конечной точке совершения действия, это значит, что неопределенное действие произошло (в пространстве или во времени) перед конечной точкой совершения действия. Конструкция to-Infinitive выполняет функцию подлежащего в ДА и РСА периоды, но какова грамматическая причина использования ее в данной функции, и относится ли данное наблюдение к другим германским языкам? Если инфинитивная конструкция часто использовалась в функции подлежащего еще до трансформационного сдвига, то нет сомнений, что предлог to не только придал субстантивированную силу инфинитиву, но и еще некоторые неопределенные характерные черты.

Для того, чтобы восстановить номинативную функциональность инфинитива, в английском языке стал более интенсивно использоваться предлог to перед инфинитивом. Еще до трансформационного сдвига данный элемент использовался, главным образом, как посредник между двумя глаголами (для семантической смысловой связки). После определенных событий в истории языка, просто невозможно было использовать данную конструкцию инфинитива в номинативном контексте, следовательно, появились две различные стратегические формы, в зависимости от выразительно-стилистических средств контекста: инфинитив с to использовался в случае более непредсказуемых действий или же использовалась инфинитивная форма (герундий). Следующей ступенью развития стало невозможность использования инфинитива без to. Данное изменение является результатом трансформационного сдвига в языке, когда глагол мог приблизиться к инфинитиву настолько близко насколько это возможно для изложения событий контекста, создавая совпадение двух действий одновременно, которые раньше часто в речи старались избежать.

Являются ли данные изменения родственными или же имело место одно изменение с двумя последствиями. Совершенно очевидно, что инфинитив СА периода не обладал такими же предметно-репрезентативными свойствами как ДА форма инфинитива. В ДА и РСА период инфинитив был морфологически маркирован, т.к. обладал определенными флексиями, аффиксами, которые несли в себе определенную информацию. Например, форма латинского су-

ществительного *dominorum* дает больше информации (множественное число, родительный падеж), чем форма существительного *master*. Английские словоформы в отношении различных категорий дают о себе абстрактную информацию общего характера в виде неопределенной формы. Следовательно, потеряв флексию, инфинитив лишился своей первородной предметно–репрезентативной формы

Сравнивая две формы инфинитива с предлогом *to* и без нее, Патрик Дафли [4] придерживается мнения, что *to-Inf* создает дистанцию для смыслового глагола в предложении, а в случае сослагательного наклонения обладает статусом неопределенности, т.к. рассматривает действие в конечной точке его совершения. На самом деле, посредник между глаголами предлог *to* менее значим для создания дистанции между глаголами, чем для флективной дистанции, которая имела отношение не только к форме инфинитива, но и ко всей глагольной системе английского языка. Эффектом флективной дистанции стало полное разрушение флективной системы английского глагола, которое привело к уменьшению различий между формами, а в отношении инфинитива увеличения смыслового расстояния между глаголами.

Проведем сравнительно–сопоставительный анализ одного из произведений СА периода. Из четырех изданий произведения «Бегущий по свету» («*Cursor Mundi*», XIV в.) совершенно очевидно, что три издания похожи, но четвертое отлично от других. Произведение «Бегущий по свету» – является поэмой из 3000 стрóf, излагающей библейскую легенду на северном диалекте английского языка. Путем сплошной выборки мы взяли 1000 стрóf из четырех изданий, используя различные части текста и проанализировали использование инфинитивных конструкций с предлогами. Доктор Хупе, исследовав все четыре издания пришел к следующей диалектной дистрибуции данных вариантов [5].

Вариант *Cotton Verspasian* (вариант С) относится к северному диалекту, написан в XIV в., копия появилась в графстве Ланкашир (*Lancashire*) XV в.

Вариант *Fairfax* (вариант F) по соотношению приближен к Южному диалекту, написан в XIV в., копия появилась в западной части Англии начало XV в.

Вариант *Göttingen* (вариант G) относится к северному диалекту, но приближен к восточному, копия появилась в графстве на востоке Англии Линкольншир (*Lincolnshire*) начало XV в.

Вариант *Trinity* (вариант T) является вариантом Нортумбрийского диалекта, копия появилась в средней части Англии на юге Мидлендса (*South–Midland*) начало XV в.

В анализе были использованы эпизоды:

- Prologue: LL. 1–270;
- Of the Fall of Lucifer: LL. 411–510;
- Isaac, Esau and Jacob: LL. 3409–3910;
- Aaron's Rod, and the Death of Moses: LL. 6881–6920;
- The Choice of David's Successor: LL. 8331–8434.

Так как оригинал и копии поэмы «Бегущий по свету» датирован поздний XIV – ранний XV вв., поэтому напрямую относятся к СА периоду, именно в данный период предлог *to* перед инфинитивом играл значительную роль в развитии морфологии и синтаксиса английского языка. Но проблема в том, что не только один предлог *to* использовался перед глаголом в то время. Следующие предлоги используются перед инфинитивом в варианте *Cotton Verspasian* (вариант С): *at* – 10, *for to* – 22, *for till* – 1, *to* – 65. Данная категория предлогов относится в основном к истокам нордического диалекта. Всего предлогов из 1000 стрóf – 661, предлогов инфинитивной категории 150, что дает 29.69% от общего количества инфинитивных конструкций

Рассмотрим подробнее каждый из предлогов.

Предлог *for to*: используется в значении “для того, чтобы” (*in order to*). Если взять пример из индоевропейской семьи для данного предлога, то он будет выглядеть следующим образом:

(11) *We wanted to buy something.*

В то время, как в шведском языке пример будет выглядеть так:

(12) *Vi gick for att köppa nådönting.*

Выделенные части являются эквивалентом данного предлога, хотя в других современных германских языках едва ли можно найти идентичные конструкции.

Предлог *at*: в Оксфордском словаре английского языка данный элемент утратил свою силу в южных и западных диалектах. В этимологическом словаре указано, что данный тевтонический (древнегерманский, немецкий) предлог указывал на действие по направлению к чему–либо (*towards, further*), затем он постепенно был заменен в речи на предлог *to*, так же как и в скандинавских диалектах *to* был заменен на *at*. Данное утверждение может быть прямым до-

казательством о скандинавском влиянии на развитие английского языка, особенно если учесть, что *at* является инфинитивным маркером в современном скандинавском языке: *at* – *att*.

Предлог *for till*: используется в значении предлога *to*, имеет идентичную функциональность с *for to*, хотя восходит к истокам нордического диалекта, где на месте привычного *to* мы можем найти *till*.

Рассмотрим предлоги, которые встречаются в варианте Fairfax (вариант F). Всего предлогов из 1000 строф – 659, предлогов нашей инфинитивной категории 137, что дает 20.78% от общего количества инфинитивных конструкций, из них *for to* в значении цели или направления движения – 18; *for till* – 3; *at* – 6 конкурирует по значению с *to* – 75.

Рассмотрим предлоги из варианта Göttingen (вариант G). Всего предлогов из 1000 строф – 676, предлогов нашей инфинитивной категории 135, что дает 19.97% от общего количества инфинитивных конструкций, из них *for to* – 24, *at* – 1, *to* – 82 (есть некоторая схожесть с вариантом F).

Рассмотрим предлоги, которые встречаются в варианте Trinity (вариант T). Всего предлогов из 1000 строф – 646, предлогов нашей инфинитивной категории 92, что дает 14.27% от общего количества инфинитивных конструкций (наблюдается некоторое количественное уменьшение с другими вариантами), из них *for to* – 13, *to* – 99.

Сравнивая четыре издания, сразу бросается в глаза невероятное отличие в изданиях MS-C и MS-T. Издание MS-C, которое относится к северному диалекту (скандинавское влияние), насчитывает одну треть инфинитивных конструкций из общего количества глагольных лексических единиц, что составляет в процентном соотношении больше половины всех инфинитивных конструкций в тексте.

Рис. 1. Категории предлогов в издании MS-C

Рис. 2. Категории предлогов в издании MS-T

В издании MS-T использование инфинитивных конструкций занимает только десятую часть из общего количества глагольных лексических единиц. В данном издании отсутствуют конструкции с предлогами *at*, *for till*.

Рис. 1. Категории предлогов в издании MS-F

Рис. 2. Категории предлогов в издании MS-G

Издания MS-F и MS-G очень похожи, количество инфинитивных конструкций в тексте составляет 3% (3,11%).

Таблица

Использование предлогов перед инфинитивом (Cursor Mundi)

Издание / Предлоги	at (Inf)	for to	to (Inf)	VP to	for till
MS-C	10	22	65	0	1
MS-F	6	18	75	0	3
MS-G	1	24	82	1	0
MS-T	0	13	99	0	0
Всего:	17	77	321	1	4

Обзор четырех изданий указывает на следующие интересные факты:

1) наиболее часто *to* используется в MS-T издании (92%), когда в других изданиях наиболее часто используется *for to* (L. 6192),

(13) *Son be a mikel wodside þai made þair loges for to bide.* MS-C

be an mykil wode side þai made þaire loges for to bide. MS-F

Bi a mekil wodis side þai made þair logis for to abide; MS-G

Bi a mychel wodes side þei made hem logges to abide MS-T

2) встречается еще один вариант: нет предлога, в то время как в других изданиях стоит предлог *to* (L. 5330);

(14) *He praid þe god men þat þar wer To lith a quil his word til her.* MS-C

He prayed þe godemen at þer were a litel stounde his worde at here. MS-F

He praid to gode men þat þar were To listen a quile his word to here. MS-G

he preied þo þat þere were lent To here a litil of his entent MS-T

(L. 9542)

(15) *Moght he in pes his kingrik yeme, Ne rightwisdome þar-in to deme.* MS-C

Might he in pees his kyngdom yeme Ne right-wis domus þer-ynne deme MS-F

Miht he in pes his kingriche heme, Na rihtwis dome þar-in to deme. MS-G

Mihte be in pees his kyngdom heme Ne rihtwis domes þerynne deme MS-T

3) в варианте MS-C наиболее часто используется инфинитив с предлогом *at* (10%); в варианте MS-F также можно отметить использование инфинитива с предлогом *at* (6%) или его эквивалентом *atte*, но в меньшей степени, тогда как в вариантах MS-G и MS-T данный предлог практически отсутствует.

(16) *Ai quen iosep was wont at weind* MS-C (L.12543)

Josep wanted the wind

(17) *In mining þat es at vnderstand,* MS-C (L.6175)

In mining that is to understand

(18) *He sal yow wene at ouertake,* MS-C (L.6255)

He saw you were to overtake

(19) *Yee send a man at hit receiue* MS-C (L.7746)

You send a man to receive it

(20) *...a litel stounde his word at here* MS-F (L. 5330)

a little while his word to hear

(21) *...he biddis e atte wende on-nane* MS-F (L. 7995, в издан. Trin = wend)

he bids thee to wend anone

(22) *If we finde any corne atte selle* MS-F (L, 4936)

If we find some corn to sell

(23) *Yee send a man at hit receiue* MS-C (L. 7746)

You send a man to receive it.

Предлог *at* используется для передачи значения направления движения с СА период, но имеет принципиальное отличие от *to*. Предлог *to* выполняет функцию так называемой «дистанции события», которая показывает наступательный характер действия и устанавливает определенную дистанцию события (которая может быть минимальна), тогда как предлог *at* не обладает такой широкой функциональностью. Предлог *at* в большей степени использовался с глаголами динамического характера (*to seek, to go, to receive, to send* и др.).

В какой-то степени динамика действия глагола передавалась при помощи вспомогательного предлога *at*, но ведь сам по себе глагол динамичен и поэтому нуждается в посреднике, который подчеркивает не столько даже дистанцию события, а конечную его фазу, т.е. в предлоге *to*. Именно таким образом можно объяснить постепенное исчезновение предлога *at* в конце СА периода.

Основываясь на данных анализа произведения «Cursor Mundi» (XIV в.) мы проследили постепенное уменьшение в использовании (постепенное исчезновение) инфинитива с предлогом *for to* в СА период.

Следовательно, предлог *to* использовался с инфинитивом для того, чтобы вернуть его номинативную функциональность (которой обладает на данный момент герундий) для установления дистанции события перед инфинитивом, хотя первоначально значение глагола в данном случае обозначало действие без его реализации. Для восполнения значения действия были использованы два способа:

1) первый способ (с хронологической точки зрения) – предлог *for* перед глагольной конструкцией *to+Infinitive*. Необходимо было использовать именно два предлога перед инфинитивом, т.к. реципиент воспринимает инфинитив без предлога *to* в более абстрактном значении согласно контексту: *for* – для передачи динамики действия по направлению к цели и предлог *to* (реже *unto*) для форсирования совершения действия;

2) второй способ – трансформационный сдвиг в языковой системе английского языка, благодаря которому инфинитив приобрел некоторые первоначальные характерные черты, а некоторые потерял. Основной причиной использования предлога *to* перед инфинитивом является маркировка дистанции события (хотя первоначально использовался для восполнения утраченного инфинитивом номинальной функциональности).

В какой-то степени на наглядных примерах мы наблюдаем борьбу нескольких предлогов на право использоваться перед глаголом, но победил сильнейший. Тем не менее, трансформационный сдвиг напрямую не относится к процессу номинализации инфинитива и использование предлогов *for to* и *at* перед глагольной основой. В основном он только влияет на уменьшение использования данных предлогов перед инфинитивом с их постепенным исчезновением.

В целом, в начале ДА и на протяжении всего СА периода инфинитив теряет номинативную функциональность, приобретая при этом вербальную значимость. Именно в данный отрезок времени инфинитив и предлог *to* постепенно становятся взаимозависимыми в содержании их отдельных отрезков значения, что приводит к возникновению особого вида связи, обеспечивающей континуум – когезии. Процесс становления использования предлога *to* совместно с инфинитивом завершился к концу XV – начало XVI вв. Но данное слияние не соотносится напрямую с трансформационным сдвигом, который имел место в данный отрезок времени в системе английского языка. Языковой сдвиг имеет отношение только к изменению функциональной значимости содержания предлога *to*, который приобретает способность лексически и грамматически управлять формой глагол (инфинитива).

Список литературы

1. Мартине А. Основы общей лингвистики. Изд. 2-е. / А. Мартине. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 184 – 185.
2. Chomsky Noam. Syntactic Structures. – Pan-Korea Book Corporation, 1969. – P. 100.
3. Denison David. English Historical Syntax. – London, Longman, 1993. – 214 p.
4. Duffley Patrick J. The English Infinitive. – London, Longman, 1992. – P. 29.
5. Hupe H. Cursor Mundi. Essay on the Manuscripts and Dialect. Vol. VII. – London: Oxford University Press, 1962. – P. 103.
6. Jespersen Otto P., Niels Christophersen and Knud Schibbye Haislund. A Modern English Grammar on Historical Principles. Part VI. Morphology / O. Jespersen et al. – Taylor and Francis, 2006. – P. 154.
7. Kageyama Taro. AGR in Old English Infinitives. - *Lingua* 88, 1992. – P. 91 – 128.
8. Mittwoch Anita. On the Distribution of bare Infinitive Complements in English // *Journal of Linguistics* 27 (1), 1990. – P. 122.

DIACHRONIC STUDY OF THE INFINITIVE CONSTRUCTIONS FROM THE HISTORICAL LINGUISTICS PERSPECTIVE

A. M. Amatov¹

Yu. I. Gurova²

¹ *Belgorod National Research University*

² *Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences*

e-mail: amatov@bsu.edu.ru

gurovayulia@yandex.ru

The paper deals with the diachronic study of the infinitive constructions based on the example of the complex analysis of the English infinitive from the historical linguistics perspective.

Keywords: diachronic study, verbal units, linguistic indicators, a comparative-historical method.

УДК 81'272

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА НА ТЕРРИТОРИИ АФРИКИ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Ж. Багана

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
baghana@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается история проникновения и распространения европейских языков на территории Африканского континента, определяются особенности языковой политики французского колониального правительства.

Ключевые слова: колонизация, пиджинизация, языковая политика, распространение языка.

Исторический обзор распространения европейских языков на африканском континенте

Начало проникновения и дальнейшее распространение европейских языков на африканском континенте связано с колонизацией европейцами африканских стран. Переход европейских государств от феодальных отношений к капиталистическим, проявившийся в росте промышленного производства, развитии науки, расширении торговли, увеличении спроса на рабочую силу, сыграл особенно важную роль в стремлении европейцев отыскать новые земли. Огромный толчок развитию колониализма дали великие географические открытия. Португалия и Испания, не самые развитые в экономическом отношении, но обладавшие наибольшим опытом мореходства и морской торговли страны, стали «пионерами» колониальных захватов.

Экспансия в Африку Португалии, Англии, Франции и Бельгии имела экономические, политические и культурные последствия, в том числе и в языковом плане. Европейские языки на африканском континенте укрепились в основном в середине XIX столетия, причем распространение их происходило в неродственной социокультурной среде и было рассчитано на европеизацию местного населения. Исторический выход европейских языков за пределы национальных территорий явился первопричиной формирования отличительных черт этих языков в маргинальных ареалах и многими учеными рассматривается как начало появления территориальных вариантов привнесенных европейских языков.

Португальский язык первым из европейских языков проник на территорию Африки. В своей монографии «Языковая политика во франкоязычных странах Африки» В. Т. Клоков пишет: «Собственно говоря, колонизация началась с того момента, когда в XVI в. на Западном побережье Африки были созданы отдельные опорные пункты португальцев. Позднее, в XVII в. свои форты здесь основали голландцы, испанцы, англичане и французы» [1, с. 24].

Контакты между местным населением и португальцами в различные периоды колонизации отличались различной степенью интенсивности, но носили устойчивый характер вплоть до деколонизации. Многие бывшие африканские колонии провозгласили португальский официальным языком, и на данный момент он распространен в Анголе, Мозамбике, Гвинеи-Бисау, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи.

Португалоязычные страны Африки составляют часть существующего в мире сообщества, именуемого лузофонией. Как правило (в самом общем смысле), данное определение соотносится с областью использования португальского языка, лузофон подразумевает носителя португальского языка. В лузофонной Африке португальский язык представлен, с одной стороны, как единый коммуникативный инструмент в его литературной и народно-разговорной формах, а с другой – как система специальных вариантов, характеризующихся определенным социолингвистическим статусом в той или иной стране континента [2, с. 6].

В свою очередь А. А. Ярушин замечает, что вплоть до конца XVIII в. основной формой существования португальского на территории занимаемой современной Анголой, явился португалоязычный пиджин [3, с. 7]. Следует отметить, что подобная форма речи была распространена на всем Атлантическом побережье с преимущественной концентрацией в зонах городских поселений португальцев. Таким образом, на территориях, куда постепенно стали проникать англичане, испанцы, голландцы и французы, языковой контакт устанавливался с помощью португальцев, которые обосновались здесь и взяли на себя функцию переводчиков. Очевидно,

что вскоре европейцы, прибывшие на африканский континент, стали пользоваться португальскоязычным пиджином. Кроме того, языковой контакт начинает осуществляться посредством пиджинов, формирующихся на основе собственно английского, испанского, голландского и французского языков.

М. В. Дьячков, характеризуя контактные ситуации на Западноафриканском побережье, замечает, что здесь уже в XVI – XVII вв. активно протекали процессы, связанные с пиджинизацией европейских языков [4, с. 291]. При этом под *пиджинизацией* имеется в виду такой социолингвистический процесс, который осуществляется «при ситуативно-ограниченных и несистематических контактах между двумя или несколькими разноязычными общностями» [5, с. 66], в результате чего язык одной из этих общностей подвергается значительной редукции на всех уровнях и существенному изменению своей структуры. Процесс завершается формированием пиджина – редуцированного вспомогательного языка, выполняющего ситуативно ограниченные коммуникативные функции и не родного ни для кого из говорящих на нем [4, с. 291].

Выбор именно европейского языка, а не африканского как посредника в первых контактах между европейцами и африканцами обусловлен в первую очередь резким различием уровня экономического и технического развития европейских и африканских народов. В силовом отношении эти общества значительно уступали европейцам, превосходство которых росло по мере быстрого развития промышленности, науки и техники в Европе.

Однако научно-техническое превосходство европейцев над африканцами нельзя считать единственным и главенствующим основанием для выбора именно европейского языка между Европой и Африкой. Нельзя забывать, что, вывозя из Африки за бесценок золото, слоновую кость, страусовые перья и прочие дорого ценившиеся в Европе товары, европейцы стремились этот вывоз сделать наиболее эффективным. Для этого им надо было обеспечить себе привилегированное положение, в частности в сфере языкового общения.

Общение с помощью примитивных пиджинов продолжалось вплоть до начала XIX в., то есть до тех пор, пока не была запрещена работорговля и не были открыты первые школы, в которых африканцы впервые познакомились с литературными формами европейских языков.

Первые попытки Англии создать колонию в Африке восходят к временам английской Семилетней войны в 1642 – 1649 гг. Одной из главных целей английской экспансии был захват торговых путей, по которым осуществлялись поставки пальмового масла, пальмовых орехов, хлопка и другого растительного сырья. В Британской империи сложилось несколько типов колониальных владений. «Белые» доминионы («доминион» по-английски значит «владение»), в том числе Южно-Африканский Союз, пользовались относительной самостоятельностью.

Е. В. Хапилина в диссертации «Контакты европейских языков на территории Африки (на материале английских заимствований в африканских вариантах французского языка)» пишет: «Протекторатами обычно становились колониальные страны с относительно развитой государственной властью и общественными отношениями. В них существовало как бы два уровня колониального управления. Верховная власть принадлежала британским генерал-губернаторам; они в отличие от губернаторов доминионов, которые скорее представляли интересы британской короны, чем правили от её имени, были полновластными хозяевами подчинённых стран. Так называемая туземная администрация (местные правители, вожди) пользовалась ограниченной самостоятельностью, была наделена определёнными судебными и полицейскими полномочиями, правом сбора местных налогов, имела собственные бюджеты. Туземная администрация выполняла роль буфера между верховной властью европейцев и угнетаемым местным населением. Такая система управления получила название косвенной, или непрямой. Она была наиболее распространена в британских владениях, и английскую колониальную политику стали называть политикой косвенного (непрямого) управления. Данный тип политики непосредственно затрагивал и язык. Косвенное управление с его курсом на использование наиболее распространенных местных языков в системе администрации поощряло их применение в учебном процессе в начальной школе [6, с. 41].

На сегодняшний день английский язык распространен в таких африканских государствах, как Нигерия, Сьерра-Леоне, Гамбия, Южно-африканская республика, Судан, Сомали, Либерея, Намибия, Уганда.

Бельгийское проникновение в Африку относится к 70-м гг. XIX в., когда был установлен контроль над районом реки Конго. В 1908 г. эта территория была объявлена колонией и получила название Бельгийского Конго. После поражения Германии в первой мировой войне Бельгия расширяет свои владения за счет двух германских колоний в Восточной Африке, которые

граничили с Бельгийским Конго. В 1946 году они были объединены в так называемую подопечную территорию Руанда-Урунди [7, с. 27].

Начало проникновения французского языка в Африку относится к середине XVII века, когда французы вслед за португальцами стали организовывать морские экспедиции к берегам Африки, создавать фактории и заниматься торговлей, включая торговлю рабами. Целенаправленное завоевание Африки французами началось в 1830 г. на севере континента. Действия Франции, получившие название «Алжирской экспедиции», положили конец трехсотлетнему господству Османской империи и открыли путь к превращению Алжира в колониальное владение Франции. Французские владения затем распространились и на другие страны Северной и Северо-западной Африки, входящие в так называемый Большой Магриб – Тунис, Марокко и Мавританию.

В начале 60-х годов XIX столетия Франция начинает завоевывать внутренние территории Африки, однако поражение в войне с Пруссией (1871 г.) на некоторое время приостанавливает французскую колониальную агрессию, которая все же возобновляется после того, как в конце 1870-х гг. Франция оправляется от поражения на европейском фронте.

После Берлинской конференции (1884 – 1885 гг.) за Францией были закреплены владения в бассейне р. Конго, получившие название Французское Конго.

В 1895 – 1904 гг. образовалась Французская Западная Африка (к 1958 г. в ее состав входили Сенегал, Мавритания, Французский Судан, Французская Гвинея, Берег Слоновой Кости, Верхняя Вольта, Дагомея и Нигер). В 1896 г. колонией Франции был объявлен Мадагаскар. В 1910 г. образовалась Французская Экваториальная Африка (к 1958 году в ее состав входили Габон, Среднее Конго, Убанги-Шари, Чад).

Таким образом, к концу XIX – началу XX вв. сложилась вторая по величине (после английской) французская колониальная империя, в которую вошли обширные территории севера, запада и центра Африканского континента, а также остров Мадагаскар. Формально не все владения Франции оказались в одинаковом положении подчинения. Большая часть их получила статус колоний, другие именовались протекторатами. И, наконец, особый статус неотъемлемой части Франции получил Алжир [8, с. 189].

Распространение французского языка в странах Африки имеет свои отличительные черты. Во-первых, оно связано с насильственным подчинением целых стран и народов и их включением в колониальные империи Франции и Бельгии, создание которых было завершено в конце XIX – начале XX вв. Во-вторых, можно утверждать, что экспорт французского языка в колонии был направлен на «офранцузивание» или «францизацию» коренного населения нефранцузского происхождения, которое предполагало знание официального языка администрации, увеличение числа лиц, хорошо владеющих французским языком, употребление французской терминологии. Закрепление этого языка на совершенно иной социально-этнической и языковой почве не могло не предопределить ряд особенностей его дальнейшей эволюции. В-третьих, проникновение французский язык на африканский континент имело место в эпоху, когда развитие капиталистических отношений уже привело к образованию единого национального литературного языка, значительно потеснившего территориальные диалекты в пределах метрополии. Именно общенародный литературный французский язык, а не какой-либо его диалект стал предметом вывоза в страны Африки. Его основными «экспортерами» были чиновники колониальной администрации, военные, миссионеры [7, с. 18].

Внедрение французского языка в систему коммуникации стало результатом спланированных мероприятий. Колонизаторы всегда отдавали себе отчет, что степень их влияния на захваченных территориях во многом зависит от степени распространения французского языка на данной территории.

Дальнейшему распространению французского языка благоприятствовала и демобилизация из французской армии солдат-автохтонов, принимавших участие в первой мировой войне. По возвращении в свои селения они смогли занять там достаточно высокое положение, становясь служащими, учителями, переводчиками, управляющими на плантациях и предприятиях. С их помощью осуществлялась связь между колониальной администрацией и местным населением.

Язык демобилизованных солдат, так называемый «*français tirailleur*» или «*français militaire*», получивший распространение в экваториальной Африке [9, с. 495] или, точнее, в «Черной» франкоязычной Африке, обладает достаточной стабильностью для того, чтобы удовлетворительно описать его и кодифицировать [10]. Постепенно «*français militaire*» вышел за рамки общения с местным населением со стороны армии и стал языком администрации и торговцев. Согласно свидетельству миссионеров, данный вариант французского языка добрался до самых отдаленных деревень. Этот французский язык А. Х. Ба называл «*forofifon naspa*».

Таким образом, укоренение французского языка в жизни африканцев проходило двумя способами: через общение с коренными носителями (в период колонизации в африканские страны переселились сотни французов и бельгийцев, создавались языковые островки из французских администраторов, военных, учителей и т. п.) и в ходе целенаправленного внедрения колониальной администрацией французского языка в различные сферы жизни африканского общества [11, с. 89].

Языковая политика французской колониальной администрации

Языковая политика французской администрации с самого начала отличалась от политики британской и бельгийской администрации. В бельгийских и британских владениях не запрещалось использование местных языков на низших административных уровнях и в начальной школе. А во французских и португальских колониях местные языки были вытеснены отовсюду, кроме религии.

Французская администрация использовала главным образом методы прямого правления, с помощью армии и полиции подавляя сопротивление тех, кто не желал мириться с колониальным господством. Но, помимо практиковавшихся всеми колониальными державами методов военно-полицейского подавления и экономической эксплуатации, использовала и другие, достаточно тонкие средства воздействия на подчинённые народы, включая предоставление права ассимилироваться, т. е. уравниваться в той или иной мере в правах с европейцами. Правда, для этого надо было доказать свою подготовленность к этому по уровню образования и общественному положению, поэтому преимуществами ассимиляции пользовались немногие: например, в конце XIX – начале XX вв. – только жители четырёх городов Сенегала, которые имели французское гражданство, могли посылать по одному депутату во французский парламент. Французская колониальная политика прямого правления, предполагавшая ассимиляцию местного населения, строилась на исключительном использовании европейского языка во всех сферах жизни. Внедряя свой язык в колониальной Африке, местная администрация преследовала главным образом следующие задачи: создать для себя армию помощников из числа местного населения и привлечь самих африканцев в пропаганде европейской идеологии.

Следует отметить, что Франция приступила к осуществлению мероприятий, связанных с культурным проникновением в Африку задолго до военно-политической агрессии. Уже в 1817 г., в г. Сен - Луи (Сенегал) была открыта первая частная школа для африканцев. Это событие, безусловно, явилось следствием нового этапа во франко-африканских отношениях. «Вместо феодальной Франции на африканские рубежи выходит Франция капиталистическая» [12, с. 18]. Кроме того, были образованы центры по подготовке африканских учителей. Это – знаменитая школа Вильяма Понри Сен-Луи, а также школа в Браззавиле. Появились первые методические пособия по обучению французскому языку в африканских условиях.

В новых условиях Франция решила усилить не только военное присутствие в Африке, но и развернуть идеологическую пропаганду с целью насаждения среди африканцев мысли о положительных сторонах французского присутствия на континенте. Решать такого рода задачи и были призваны французские школы в Африке.

Во французских колониях преподавание было организовано исключительно на французском языке. Поскольку перед французскими учителями ставилась задача идеологической обработки таких идей, которые демонстрировали бы превосходство французской культуры над культурой африканских народов, выбор французского языка в школе для африканцев был единственно оправданным решением.

В условиях колониального режима использование французского языка в школе сопровождалось принудительными мерами, которые запрещали любое обращение к местным языкам, даже в педагогических целях. Употребление любого другого языка, кроме французского, как в частных, так и в государственных школах (даже во время перемен) было запрещено различными положениями от 1917 года. В африканских школах была широко распространена так называемая система «символа». Речь идет о каком-либо предмете, который учитель передавал ученику, имевшему неосторожность употребить слово из местного языка. Ученик должен был избавиться от этого предмета, символизирующего позор, передав его другому ученику, допустившему ошибку. В конце дня учитель устанавливал «маршрут» символа и сурово наказывал его носителей [13, с. 145].

Через систему образования колониализм стремился распространить европейскую культуру. Эта система, ограниченная строгим минимумом и ориентированная на удовлетворение нужд колонизации, отражала главным образом ценности европейской цивилизации и приводила к ослаблению влияния африканских культур в системе школьного образования

[14, с. 155]. Среди прочих достижений, привнесенных колонизацией, не последнее место занимает европейский образ жизни. Так, французский язык стал очевидным средством необходимой аккультурации.

Несколько позже на территории французских колоний были открыты школы с профессионально-техническим уклоном, «элитные» школы, в которых обучались дети африканских вождей. Параллельно светским частным школам в Африке стали открываться миссионерские школы под руководством религиозных обществ.

Однако преподавание в первых школах, основанных миссионерами, велось как на французском, так и на местных языках, что благоприятствовало быстрому распространению христианства. С этой целью миссионеры изучали местные языки и переводили текст Библии. Благодаря европейским священнослужителям, преподавание французского языка приобрело упорядоченный характер. С тех пор «использование французского языка получило широкое распространение» [15, с. 11], так как знание французского языка составляло гордость тех, кто более или менее мог произнести несколько слов. Как отмечает С. Гут: «Христианство, распространяясь благодаря французскому языку и письменности, рассматривалось как средство приближения к статусу «мунделе» (белого), то есть того, кто говорит по-французски, читает и пишет, руководит остальными и не занимается физическим трудом. Принять христианство означало присоединиться к белым, перенять манеры белых людей [16, с. 64].

К моменту образования французской колониальной империи в африканских светских школах обучалось около 2500 человек, а в миссионерских учебных заведениях – около 3000 человек [17, с. 160].

Многие из французских учителей были искренне убеждены в просветительской направленности своей деятельности. Позднее М. Бланпен отметит, что «все они любили Африку и африканцев, все они рассматривали себя в качестве проводников цивилизации и определенной религии» [18, с. 56].

Однако объективно мыслящие европейцы не могли не видеть, что превосходство европейских языков над африканскими является более чем относительным. Так, Жан Дар, давший в Сен-Луи первый урок в день открытия французской школы для африканцев, в конечном итоге пришел к справедливому выводу, что язык волоф, на котором говорили его ученики вне урока, по своей структуре в полной мере соответствовал решению тех задач, которое ставило перед ним африканское общество: на этом языке в полной мере выражались все те понятия и суждения, которые данное общество выработало и которыми оно оперировало в своей практике. Позднее африканский лингвист Ж.-П. Макута-Мбуку с полным основанием отметит, что любой язык, рассматриваемый в самом себе и по отношению к обществу, которое на нем говорит, представляет собой совершенный инструмент для выражения ценностей самого этого общества в области культуры, экономики, морали, религии и проч. И тот, кто говорит о совершенстве какого-либо языка, судит о нем с позиции тех языков, которые созданы для выражения идей и понятий иных культур и иных цивилизаций [19, с. 18].

Между тем, правители французских колониальных властей вовсе не стремились к массовому распространению грамотности среди африканского населения. Они были уверены, что всеобщая грамотность способна привести к социальному взрыву. Именно поэтому к обучению допускалось ограниченное число африканцев. Школы в основном посещали дети африканской элиты. В результате избирательного характера просвещения во французских колониях размежевались две группы населения, а именно образованная африканская элита, владеющая литературным французским языком, и большинство населения, не приобщенного к литературной форме французского языка. Так франко-африканское двуязычие становилось элитарным.

Элитарность франко-африканского двуязычия усугублялась тем, что французский язык был провозглашен единственным официальным языком французских колоний в Африке. Это значило, что все законы, документы и прочие постановления администрация издавала и распространяла исключительно на французском языке. Таким образом, речь шла о привилегированном положении французского языка. Л.-Ж. Кальве справедливо замечает, что язык становится орудием эксплуатации, если его поставить в привилегированное положение и распространить среди значительной части населения, в руках которой находится политическая и экономическая власть [20, с. 64].

Таким образом, соглашаясь с мнением В. А. Виноградова, В. Я. Прохоровского и А. И. Ковалева, мы приходим к выводу о том, что во франкоязычных странах Африки языковая политика строилась в соответствии с французскими колониальными принципами «прямого управления», согласно которым язык метрополии доминировал исключительно во всех сферах об-

щественно-политической и экономической жизни, а использование местных языков ограничивалось лишь сферой устного бытового общения [21, с. 251].

Выводы

Языковая политика Франции в колониальный период существенно отличалась от политики других европейских стран (Англии и Бельгии). Внедрение французского языка осуществлялось в условиях игнорирования местных языков, что непосредственно соответствовало принципу «прямого правления», выбранному французской администрацией, ориентировавшейся в своей деятельности на культурную ассимиляцию местного населения.

Распространение французского языка на территории Африки осуществлялось двумя путями: через систему образования и религию. Таким образом, с начала колониального периода школа и церковь превратились в центры распространения французского языка. Право на исключительное использование французского языка в официальной сфере и системе образования устанавливалось специальными постановлениями. Каких-либо мер, способствовавших развитию африканских языков, не предпринималось. Насаждение французского языка в Африке носило избирательный характер. Это означало, что к европейскому языку приобщались главным образом дети африканской элиты. Так, в 1930-е гг. XX столетия во Французской Западной Африке обучалась лишь 1/45 детского населения. В результате этого в Африке сформировались две группы населения: с одной стороны – незначительная часть колонизаторов и африканской элиты, владевшая литературным французским языком, а с другой – массы трудового населения, практически лишенные доступа к официальному языку страны. Тем не менее, последние стремились овладеть литературным вариантом французского языка, с которым были связаны экономические, политические и социальные привилегии.

Список литературы

1. Клоков В. Т. Языковая политика во франкоязычных странах Африки. – Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 2003. – 130 с.
2. Молодкин А. М. Взаимодействие языков разного типа в этнокультурном контексте. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – 184 с.
3. Ярушкин А. А. Португальский язык в Анголе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1984.
4. Дьячков М. В. Пиджинизация и креолизация как социолингвистические процессы // Теоретические проблемы социальной лингвистики. – М., 1981. – 229 с.
5. Алефиренко Н. Ф. Теория языка. Водный курс: Учеб. пособие для студ. филолог. спец. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 368 с.
6. Хапилина Е. В. Контакты европейских языков на территории Африки (на материале английских заимствований в африканских вариантах французского языка). Автореф. дис... канд. филол. наук. – Саратов, 2005.
7. Чередниченко А. И. Язык и общество в развивающихся странах Африки. – Киев: Изд-во при Киев. ун-те, 1983. – 165 с.
8. Веденина В. Г. Особенности французского языка: Пособие для учителя.. – М.: изд-во Просвещение, 1988. – 280 с.
9. Caprile J.-P. Situation du français dans l'Empire Centrafricain et au Tchad // Valdman A. Le français hors de France. – Paris: Champion, 1979. – P. 493-506.
10. Manessy G., Wald P. Le français en Afrique Noire, tel qu'on le parle, tel qu'on le dit. – Paris: l'Harmattan - IDERC, 1984. – 115 p.
11. Багана Ж. Французский язык в Африке: проблемы интерференции. – М.: Наука, 2006. – 163.
12. Луцков А. Д. Именные классы в языках банту и заимствованная лексика // Основы африканского языкознания. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – С. 75 – 91.
13. Багана Ж. Языковая интерференция в условиях франко-конголезского билингвизма: Дис... д-ра филол. наук. – Саратов, 2004. – 350 с.
14. Африка: Взаимодействие культур. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989. – 367 с.
15. Mouyéké P. L'éducation traditionnelle et l'enseignement de type occidental dans la société Bacongo au Congo français(1886-1930). Memoire de D.E.A., E.H.E.S.S. – Paris, 1977. – 360 p.
16. Guth S. La République Populaire du Congo: Ecole et Société. Thèse de troisième cycle. – Strasbourg: Université de Strasbourg II, 1973. – 480 p.
17. Африка: энциклопедический справочник. Т.1. А-К. / Гл. ред. А. Громыко. Ред. коллегия: В. М. Васаев, А. М. Васильев, Н. И. Гаврилов и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1986. – 672 с.
18. Blancpain M. Lumiere de la France, le français dans le monde. – P., 1967.
19. Calvet L.-J. Linguistique et colonialisme. Petit traité de glottologie. – Paris: Payot, 1974. – 250 p.

20. Makouta-Mboukou J.-P. Le français en Afrique Noire (Histoire et methodes de l'enseignement du français en Afrique noire). – Paris: Bordas, 1973. – 238 p.

21. Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхомовский В. Я. Социоллингвистическая типология: Западная Африка. – М.: Наука, 1984. – 128 с.

LANGUAGE POLICY ON THE TERRITORY OF AFRICA DURING THE COLONIAL PERIOD

G. Baghana

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
baghana@bsu.edu.ru*

The paper deals with the history of the European languages entry and spread over the African continent. The peculiarities of the French colonial administration language policy are considered.

Keywords: colonization, pidginization, language policy, language spread.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

С. М. Величкова
Е. Н. Таранова

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail:
velichkovasvetlana@yandex.ru
taranova@yandex.ru

В статье дается характеристика медицинской терминологии, анализируются медицинские термины с точки зрения их семантики и структуры.

Ключевые слова: термин, терминология, специальная лексика, структурно-семантические особенности.

Введение

Терминология в условиях ускорения научно-технического прогресса приобретает особое значение. Она является источником получения информации, инструментом освоения специальности. Любая область науки и техники находит своё выражение в терминах. Практически нет ни одной области знания, которую можно было бы изучать, не владея терминологией.

Медицинская лексика объединяет специальные и неспециальные медицинские названия, функционирующие в научной и других подсистемах языка. Основную часть медицинской лексики составляет медицинская терминология.

Медицинская терминология представляет собой специфический пласт лексики и в силу особенностей структурно-семантического, словообразовательного и стилистического характера отличается от общеупотребительных слов и, тем самым, занимает особое место в лексической системе языка.

Несмотря на большое количество трудов, посвященных медицинской терминологии в отечественной, и в зарубежной литературе, лингвистический аспект изучения терминологической лексики всё еще нуждается в глубинных её исследованиях.

Неисчерпаемость проблематики данного лексического пласта продолжает привлекать сегодня внимание лингвистов - исследователей к открытию её новых качеств, сторон, характеристик, особенностей как подсистемы языка.

Медицинская терминология – это пласт лексического фонда со своими специфическими особенностями. В каждом профессиональном подязыке существует номенклатурная лексика, соотносимая с определенными реалиями и объектами. Особенность словарного состава терминологии заключается в том, что её номены представлены в ней шире, многообразнее, чем в других лексических подсистемах.

Следует отметить, что на современном этапе медицинские термины широко распространены в разговорной речи, литературном языке, в сфере здравоохранения, медицинской деятельности, науки. Дальнейшее развитие медицинской терминологии требует соответствующего исследования и упорядочения.

По мнению профессора М. И. Чернявского, «неупорядоченность медицинской терминологии как в русском, так и в других языках продолжает оставаться серьезным препятствием при обмене научной информацией, при её машинной обработке, создаёт большие затруднения при адекватном научном переводе медицинской литературы» [12].

Теоретический анализ

Медицинская терминология анализируется нами в пределах той системы, в которую она естественным образом входит, то есть в составе лексики языка науки. Никакой другой лексической системе терминология по своей прямой функции не принадлежит, и принадлежать не может. У терминологии свое особое назначение, реализация которого возможна только в языке науки. Терминами именуются специальные понятия, которые возникают не в обиходе, а в соответствующих областях научной и практической деятельности. Принадлежность терминов к лексической системе языка науки обусловлена не только функционально, но и

тем, что они представляют собой знаки иной семиотической природы, основу которой составляет «взаимоднозначное соответствие знака и означаемого», и, которая «регламентирует свойства языкового знака, делая его термином», то есть, как утверждает В. П. Даниленко, «термин – это не особое слово, а слово в особой функции, под данной функцией понимается номинативная функция термина» [4].

Термины – слова или словосочетания, называющие специальные понятия какой-либо специальной области науки, техники, искусства. В основе каждого термина обязательно лежит определение (дефиниция) обозначаемой им реалии, благодаря чему термины представляют собой точную и в то же время сжатую характеристику предмета или явления. Каждая отрасль знания оперирует своими терминами, составляющими суть терминологической системы данной науки [9].

В каждой науке имеется своя узкоспециальная лексика. К ней относятся слова и понятия употребляемые только в данной науке, и ни в какой другой.

Медицинская терминология – совокупность слов и словосочетаний, используемых специалистами для обозначения научных понятий в области медицины и здравоохранения.

Как и любое слово, термин представляет собой языковой знак, имеющий содержание, или значение (семантику), и форму – звуковой комплекс. В отличие от слов общепотребительной лексики, значения которых соотносятся с общими понятиями, значения терминов составляют научные понятия. Основной формой существования термина является дефиниция, или научное определение, т. е. установление значения термина путем выделения отличительных существенных признаков понятия. Медицинская терминология – отраслевая естественно сложившаяся терминологическая система, выражающая исключительное многообразие почти всех классов понятий – родовых и видовых, общих, конкретных и абстрактных. Ее категориальный аппарат охватывает вещь, процесс, сущность, явление, признак, свойство, качество, количество, отношение, взаимодействие, причинность и некоторые другие категории. Систематизированный но определенным правилам перечень наименований, обозначающих объекты единой совокупности, относящихся к одной из областей науки, например к анатомии, гистологии, эмбриологии, микробиологии и др., носит название «номенклатура».

Звуковой комплекс термина может быть представлен одним словом или словосочетанием. Термин в виде словосочетания состоит из определяемого слова (имени существительного) и определяющих его слов (имени существительного в родительном падеже или имени прилагательного) либо того и другого вместе. В преобладающем большинстве термины представляют собой специально созданные в процессе научной деятельности наименования.

Современная медицинская терминология – результат многовекового развития мирового врачевания и медицинской науки. Независимо от того, на каком национальном языке представлена медицинская терминология, она включает в себя значительную долю общих по языковому происхождению лексических и словообразовательных единиц, а также общих структурных моделей. Это объясняется тем всеохватывающим устойчивым влиянием, которое оказывали на медицинскую терминологию в течение многих столетий и продолжают оказывать по сей день два классических языка античного мира – древнегреческий и латинский.

Летоисчисление европейской медицинской терминологии принято начинать с трудов Гиппократов и названного его именем «Сборника Гиппократов», откуда научная медицина унаследовала множество наименований. Немало сделал для пополнения медицинского словаря Аристотель. Следующий этап в истории медицинской терминологии связан с деятельностью двух выдающихся врачей александрийской медицинской школы эпохи эллинизма – Герофила (Herophilus) и Эразистрата. Они значительно дополнили медицинский словарь за счет лексики анатомического и физиологического содержания. Медицина Древнего Рима явилась лишь дальнейшим развитием медицины эллинизма и в меньшей степени представляла собой оригинальное явление. То же самое относится и к медицинской терминологии на латинском языке, как можно судить об этом по дошедшим до нас малочисленным медицинским сочинениям римлян, наиболее значительным из которых было сочинение «О медицине» Авла Корнелия Цельса. Наследником терминологических традиций эллинистических медицинских школ явился К. Гален. Он уточнил значения старых, возродил некоторые почти забытые или малопонятные для его современников гиппократовские наименования, ввел немало новых, например таламус. Значительное греческое терминологическое наследие сохранилось для последующих поколений врачей благодаря сочинениям на греческом языке выдающихся врачей византийского периода – Орибазия (Oribasius, 325 – 403 гг. н. э.), Немезия (Nemesius, ок. 370 г.), Аэция из Амиды (Aetius, 502 – 575 гг.), Александра Траллесского (Alexander Trallianus, 525 – 605 гг.), Павла Эгинского (Paulus Aeginensis, 625 – 690 гг.) и др. С 8 – 9 вв. термино-

творчество на греч. языке временно пошло на убыль. В 9—10 вв. на арабский язык были переведены почти все сочинения Гипократа и К. Талона. Именно на базе этих переводов происходило становление арабской медицинской литературы. Важным пособием при обучении медицине в Европе в период средневековья служили латинские переводы арабских сочинений, представлявших, в свою очередь, весьма часто переводы или компиляции греческих источников. Начиная с 15 в. роль и влияние арабской медицины и арабского языка начали быстро ослабевать. Сформировалась новая латынь — латынь Возрождения (15—16 вв.), претендующая на роль научного языка, общего для всех стран Европы. Одними из активнейших ее обновителей были анатомы, взявшие за образец впервые изданное в 1478 г. сочинение А. Цельса. Последовательную систематическую реформу анатомической терминологии на латинском языке провел А. Везалий. Начиная с позднего Возрождения язык медицины постепенно приспосабливался к потребностям развития национальных языков. К середине 19 в. латынь окончательно уступила (в разных странах в разное время) национальным языкам свою функцию письменного или устного языка научного сообщения, сохранив одновременно за собой важнейшую номинативную функцию — называние объектов науки в некоторых медицинских и биологических классификациях. Кроме того, классические языки остались основным интернациональным источником для пополнения медицинской терминологии. По сей день подавляющее большинство новых, впервые вводимых в медицинскую терминологию наименований несет на себе печать греческого или латинского происхождения. Греко-латинские интернационализмы легко проникают в терминологии на национальных языках и, модифицируясь в соответствии с их фонетико-морфологическими системами, становятся незаменимыми.

Вся совокупность медицинских терминов вместе с используемыми врачами терминами смежных наук (биологии, химии, физики, микробиологии, радиологии, генетики, психологии, техники и др.) представляет собой обширную макросистему, насчитывающую несколько сот тысяч наименований, включая синонимы и наименования лекарственных средств. Входящие в ее состав совокупности терминов отдельных наук и областей знания образуют частные микросистемы терминов. Каждый термин — элемент определенной микротерминосистемы (анатомической, терапевтической, акушерской, эндокринологической, гематологической и др.). Занимая определенное место в микросистеме, каждый термин находится в фиксированных родовидовых или иных связях с другими терминами данной микросистемы. Вместе с тем термины разных микросистем образуют определенные структуры отношений между собой на уровне макросистемы. В настоящее время эти структуры отражают двойственную тенденцию научного прогресса: дифференциацию медицинских наук, с одной стороны, и их интеграцию — с другой. Отпочковывающиеся от единого медицинского древа узкие специальности, хотя и опираются в той или иной степени на общий для них всех терминологический фонд, но развивают, прежде всего, свои узкоспециальные словари. Это облегчает обмен информацией в пределах микросистемы, но затрудняет взаимопонимание в рамках макросистемы медицинской терминологии в целом. При таких условиях появляется реальная опасность дублированного формулирования и обозначения понятий, отражающих одно и то же явление (синонимии) и многозначности (полисемии) некоторых терминов.

Быстрый количественный рост числа терминов, противоречивые переплетения терминов множества различных микросистем, гносеологическая специфика модальной деятельности, объекты которой часто не поддаются точной идентификации на основании объективных критериев, наличие соперничающих друг с другом гипотез, теорий, научных школ, отсутствие планомерной работы по упорядочению отдельных микросистем — все это обусловило серьезные трудности развития медицинской терминологии во второй половине 20 в. и ее недостатки. К их числу, в первую очередь, относится стихийный, почти не управляемый рост терминологического фонда, приводящий к постоянному засорению неполноценными, а зачастую ненужными терминами, а также неточность, расплывчатость, многозначность многих терминов, обилие синонимов и др.

Структурные особенности образования медицинских терминов в немецком языке

При описании структурных особенностей образования медицинских терминов в немецком языке следует исходить из того, что фонд терминообразования в значительной мере совпадает с фондом словообразовательных средств общеупотребительной лексики. Так, В. П. Даниленко отмечает, что в терминологии активны и продуктивны те же способы, что и в общей лексике: семантический, синтаксический, морфологический [4, с. 89 – 90]. Структурные типы слов дифференцируются в зависимости от количества и характера корневых морфем, а также в зависимости от наличия словообразовательных аффиксов.

Большинство терминов, которые появляются в словарном составе языка, образуются на базе уже имеющихся в нём слов.

С точки зрения формы термины делятся на термины-слова (однословные термины) и термины-словосочетания (терминологические сочетания). Примерами терминов-слов в немецком языке являются *der Krebs* «рак, злокачественная опухоль, развивающаяся из эпителиальной ткани», примерами последних — словосочетания *dicke Backe* «распухшая щека, флюс», *fallende Lunge* «эпилепсия» и др.

Среди однословных медицинских терминов, как и среди общеупотребительной лексики, можно выделить три группы лексических единиц: простые (непроизводные, корневые), производные и сложные [10, с. 57; 13, с. 32].

Простые (непроизводные) слова не разложимы на более мелкие единицы (морфемы). Одновременно они являются корневыми, так как не образованы от других основ. Корень (корневая морфема) характеризуется как «носитель вещественного лексического значения слова, центральная его часть, остающаяся неизменной в процессах морфологической деривации; ...простая, или непроизводная основа слова, остающаяся после устранения всех словообразовательных и/или словоизменительных элементов» [2, с. 242]. Как подчеркивает М. Д. Степанова, корневые слова «составляют ядро основного словарного фонда и служат центром словообразовательных гнезд» [10:58]. Примерами таких терминов медицинской лексики в немецком языке могут служить **термины-существительные**, обозначающие одушевленные предметы, указывающие в основном на профессиональную принадлежность: *die Hebamme* «специалистка по акушерству, имеющая среднее профессиональное образование»; *der Onkologe* «врач - специалист по онкологии», и неодушевленные предметы *die Karies* «разрушение ткани кости зуба»; *der Molar* «моляр, коренной зуб»; *das Rezept* «предписание врача о составе лекарства, об изготовлении какого-нибудь лекарственного средства»); **термины-прилагательные**: *gesund* «здоровый, обладающий здоровьем, не больной»; *krank* «больной, пораженный какой-нибудь болезнью»; *endokrin* «эндокринный, относящийся к железам внутренней секреции»; **термины-глаголы**: *husten* «издавать кашель, а также страдать кашлем»; *palpieren* «пальпировать; производя медицинское обследование, ощупывать какую-нибудь часть тела»; *infizieren* «инфицировать; вносить инфекцию, возбудителей инфекционных заболеваний».

Производное слово является специфической единицей словообразовательной системы. Производные термины образуются с помощью аффиксации (словообразовательных аффиксов, легко отделяемых от корня и обычно повторяющихся в разных словах), а также при помощи основосложения. По определению О. С. Ахмановой, «аффиксация с это морфологический процесс (соотв. явление), заключающийся в присоединении аффиксов к корням или основам» [1, с. 61]. Общее значение нового слова выводится из значений его компонентов: основ и словообразовательных аффиксов.

Основными способами образования производных терминов являются префиксация и суффиксация. Префиксы и суффиксы представляют собой служебные лексические морфемы, не совпадающие с основами самостоятельно функционирующих в языке лексических единиц. Сущность префиксации состоит в том, что «корню слова предшествует, присоединяясь к нему, словообразовательная морфема, изменяющая лексическое значение слова, но не влияющая на принадлежность слова к тому или иному грамматическому классу» [10, с. 73].

В ходе проведенного нами анализа, было установлено, что наиболее распространенными префиксами в терминообразовании медицинской лексики в немецком языке являются: **ab-** *abklopfen* «выстукивать, исследовать состояние внутренних органов, определяя характер звука, возникающего при ударах молоточка или пальцев по телу», *abtasten* «ощупывать, осматривать, исследовать»; **aus-** *ausatmen* «выдыхать, процесс удаления воздуха из легких в ходе дыхания», *ausheilen* «вылечивать, делать здоровым»; **be-** *behandeln* «лечить, применять медицинские средства для восстановления здоровья, принимать меры к прекращению болезни», *betäuben* «обезболить, сделать безболезненным»; **ein-** *einimpfen* «привить, ввести в организм вакцину для предупреждения или лечения какой-нибудь болезни», *einatmen* «вдыхать»; обеспечение поступления воздуха в легкие в результате увеличения объема грудной полости, вызванного сокращением диафрагмы и наружных межреберных мышц»; **er-** *erkranken* «заболеть, начать болеть», *(sich) erkälten* «простудиться, получить острые респираторные заболевания, возникающие, как правило, после охлаждения»; **ge-** *das Gesäß* «ягодица, одна из выпуклых частей тела человека между поясницей и бедрами», *die Geburt* «роды, физиологический процесс появления на свет младенца», *das Gebiß* «челюсть, костная основа центрального и нижнего отдела лица»; **über-** *das Übergewicht* «ожирение, избыточное отложение жира в организме»; **un-** *unblutig* «бескровный, лишенный крови или бедный кровью, а также очень бледный», *der*

Unfall «несчастный случай, непредвиденное стечение обстоятельств и условий, при котором причиняется вред здоровью человека или наступает его смерть»; *zu- zunehmen* «прибавлять в весе, поправляться».

Наряду с этим в терминообразовании медицинской лексики активно принимают участие интернациональные префиксы: **hypo-** *die Hypogalaktie* «гипогалактия, сниженная секреторная деятельность молочных желез в период лактации», **hyper-** *die Hyperämie* «гиперемия, увеличенное кровенаполнение какого-либо участка периферической сосудистой системы», **dys-** *die Dystrophie* «дистрофия, нарушение обмена, питания тканей, органов или организма в целом», *die Dysfunktion* «дисфункция, нарушение функций организма».

Наиболее продуктивным способом образования производных слов является суффиксация. Суффикс «не только создает новое слово, но и оформляет существующие части речи, в ряде случаев точно определяет при этом характер ее грамматических изменений» [10, с. 74]. К словообразовательным особенностям терминов относятся «отсутствие в построении термина оценочных суффиксов и сужение значений некоторых суффиксов» [7, с. 193].

В ходе исследования мы установили, что наиболее частотными суффиксами медицинских терминов-существительных являются исконные суффиксы: **-ung** (*die Blutung* «кровотечение, истечение крови из кровеносного сосуда»), **-heit** (*die Krankheit* «болезнь; жизнь, нарушенная в своем течении повреждением структуры и функций организма под влиянием внешних и внутренних факторов при реактивной мобилизации в качественно-своеобразных формах его компенсаторно-приспособительных механизмов»), **-keit** (*die Schwerhörigkeit* «глухота, полное отсутствие слуха или резкая степень его снижения, при которой невозможно восприятие речи»), **-e** (*die Schwäche* «слабость; недостаток физических сил, энергии», *die Kindslage* «предлежание плода; положение плода в родах, классифицированное по части тела, расположенной ближе к верхней апертуре малого таза и (или) первой опускающейся в малый таз»), **-schaft** (*die Schwangerschaft* «беременность, физиологический процесс в организме женщины, при котором из оплодотворенной яйцеклетки развивается плод») и заимствованные **-tät** (*die Letalität* «смертность, количество смертей»), **-tion** (*die Operation* «операция, лечебное или диагностическое мероприятие, связанное с травмированием тканей и органов больного»), **-ik** (*die Diagnostik* «диагностика, процесс распознавания болезни и оценки индивидуальных биологических и социальных особенностей субъекта, включающий целенаправленное медицинское обследование, истолкование полученных результатов и их обобщение в виде диагноза»), **-ie** (*die Therapie* «терапия, лечение больного, термин употребляется главным образом для обозначения так называемых консервативных методов лечения»), **-ur** (*die Mixtur* «микстура, жидкое лекарство из смеси нескольких веществ»).

По мнению Т. В. Грецкой, проанализировавшей в своей работе медицинские термины методом сплошной выборки из словаря, термины с данными суффиксами составляют 92 % от общего количества проанализированных терминов. [3:52]. Следует указать на некоторые семантические особенности медицинских терминов. Так, существительные с суффиксом **-ung** обозначают действие или состояние, например: *die Mißbildung* «уродство, тяжелый порок развития, обезображивающий внешний облик и часто не совместимый с жизнью». Существительные, образованные при помощи суффиксов **-heit** и **-keit**, обозначают качество, свойство или состояние: *die Blindheit* «слепота, отсутствие зрения». Заимствованный суффикс **-tion** указывает на процесс, например: *die Rehabilitation* «реабилитация; комплекс медицинских, педагогических и социальных мероприятий, направленных на восстановление (или компенсацию) нарушенных функций организма, а также социальных функций и трудоспособности больных и инвалидов». Существительные, образованные от основ прилагательных при помощи суффикса **-e**, обозначают свойство предмета, например: *die Blässe* «бледность».

В словообразовании терминов-прилагательных в немецком языке участвуют суффиксальный и префиксально-суффиксальный способы. В терминообразовании прилагательных участвуют суффиксы: **-ig** (*gallige Bauchfellentzündung* «желчный перитонит; острый перитонит, вызванный попаданием в брюшинную полость инфицированной желчи, например при перфоративном холецистите», *schlimmiger Katarrh* «слизистый катар; воспаление слизистых оболочек, характеризующееся образованием обильного экссудата различного характера (серозного, слизистого, гнойного, серозно-геморрагического и др.) и отеком его по поверхности слизистой оболочки»); **-lich** (*weibliches Organ* «женский орган; часть женского организма, представляющая собой эволюционно сложившийся комплекс тканей, объединенный общей функцией, структурной организацией и развитием», *tödliche Wunde* «смертельная рана; нарушение целостности кожи или слизистых оболочек на всю их толщину (часто и глубжележащих тканей и органов), вызванное механическим воздействием, повлекшее смерть»); **-bar** (*heilbare*

Krankheit «излечимая болезнь; заболевание, поддающееся лечению», *reizbare Schwäche* «раздражительная слабость; психопатологический синдром, характеризующийся сочетанием аффективной лабильности и раздражительности со снижением работоспособности, ослаблением концентрации внимания и повышенной утомляемостью») и др.

Следует отметить, что суффикс **-isch** добавляется как правило к заимствованным словам, например: *somatisc*he Anzahl «соматическое число; количество хромосом в соматических клетках, характерное для данного биологического вида», *gynäkologisc*her Untersuchungsstuhl «гинекологическое кресло; механическое устройство в форме кресла, предназначенное для проведения гинекологического или урологического обследования и некоторых хирургических операций на органах мочеполового аппарата, снабженное приспособлениями для создания и поддержания необходимого положения туловища и ног», *onkologisc*her Dienst «онкологическая служба; система лечебно-профилактических учреждений, деятельность которых направлена на своевременное выявление, профилактику и лечение опухолей». Наряду с этим суффиксом можно отметить и другие суффиксы: **-ös** *pulpös*er Kern «пульпозное ядро, остаток спинной хорды, содержащий промежуточное вещество - хондрин, небольшое число хрящевых клеток и переплетающихся коллагеновых волокон», **-al** *pleural*er Bluterguß «гематоторакс, кровоизлияние в плевральную полость», **-är** *medullä*res Karzinom «медуллярный рак, мозговая опухоль». Также необходимо указать на словообразовательную активность префикса *un-*, придающего отрицательное значение. Например: *ungesunde Gesichtsfarbe* «нездоровый, болезненный, вызванный нездоровьем цвет лица», *unspecifische Therapie* «неспецифический, нетрадиционный метод лечения».

Среди глагольных суффиксов можно выделить суффикс заимствованных глаголов **-ieren**: *operieren* «оперировать, подвергнуть оперативному вмешательству», *desinfizieren* «дезинфицировать, производить дезинфекцию чего-либо».

Немаловажную роль в словообразовании играют полусуффиксы – такие единицы, которые находятся в промежуточном положении, представляя собой словообразовательные средства с определенным лексико-категориальным содержанием. Они не утратили формальной функции, но в той или иной мере ослабили семантическую связь с самостоятельными лексемами. Участвуя в образовании терминов-прилагательных, они указывают на подобие, сопоставимость, сравнимость, например: *gutartige Geschwulst* «доброкачественная опухоль; опухоль, обладающая преимущественно экспансивным ростом, отодвигающая и раздвигающая (или сжимающая) окружающие ткани, не разрушая их, и не дающая, как правило, метастазов», *erbsenförmiges Bein* «гороховидная кость, самая мелкая кость запястья, по своему внешнему виду напоминающая горошину; соединяется с трехгранной костью».

Полусуффиксы **-los**, **-frei** придают прилагательным значение отсутствия признака, например: *zellenloses System* «система бесклеточная, смесь веществ, содержащая отдельные клеточные компоненты или структуры, напр. рибосомы», *wasserfreier Organismus* «обезвоженный организм; резкое уменьшение содержания воды в организме, обусловленное ее недостаточным поступлением или чрезмерным выведением».

Так же немаловажным является тот факт, что производные слова образуются не только при помощи одного суффикса или префикса: комбинации могут быть самые разнообразные. Например: префикс и суффикс *die Er-krank-ung* «заболевание; процесс, возникающий в результате воздействия на организм вредоносного (чрезвычайного) раздражителя внешней или внутренней среды, характеризующийся понижением приспособляемости живого организма к внешней среде при одновременной мобилизации его защитных сил».

К продуктивным способам терминологической номинации относится создание и использование в различных терминосистемах сложных слов. И. Ф. Динабург отмечает, что из всех существительных, характерных для терминосистем и составляющих 90 % медицинской терминологии, 75 % являются сложными словами [5, с. 49]. Довольно высокая активность сложения как способа производства лексических единиц обусловлена способностью одной цельноформленной единицей выражать сложные понятия, массовая потребность в которых связана с возрастающей специализацией.

К сложным словам относятся многокомпонентные термины, в состав которых входят две, три и более корневых морфемы – *der Herz-in-farkt* «инфаркт сердца; участок сердца, подвергшийся некрозу вследствие внезапного нарушения его кровоснабжения», *die Hals-nasen-ohren-heil-kunde* «оториноларингология; область клинической медицины, изучающая этиологию, патогенез, клиническое течение болезней уха, носа, околоносовых пазух, глотки и гортани и разрабатывающая методы диагностики, лечения и профилактики этих болезней». Преимуществом таких терминов является их семантически ёмкая структура, позволяющая создать

объемные по содержанию определения. Именно поэтому многосоставные термины особенно типичны для немецкой терминологии, в том числе для терминологии медицины. Благодаря сложной многокомпонентной структуре таких терминов создается оптимальная номинация специального понятия, мотивированного необходимым количеством соответствующих признаков.

М. Д. Степанова предлагает классифицировать немецкие сложные слова по типу синтактико-семантической связи между компонентами. Согласно этой классификации выделяются сложные слова: 1) определительные, 2) сочинительные, 3) слова-предложения [10, с. 117]. В медицинской терминологии наиболее частотными являются термины определительного типа, т.е. первый компонент определяет значение второго, например: *das Nierenbecken* «почечная лоханка; воронкообразный проток, расположенный в почечной пазухе, начинающийся от больших почечных чашек и переходящий в мочеточник; начальный отдел мочевыводящих путей». Первый компонент может иметь значение принадлежности (*die Nasenhöhle* «полость носа; пространство в передней части лицевого черепа, выстланное слизистой оболочкой, разделенное перегородкой носа на две половины, открывающиеся наружу через ноздри, а сзади общающиеся через хоаны с носовой частью глотки; начальная часть дыхательных путей»), качества (*die Rundzelle* «круглая клетка, важнейшая составляющая часть живых организмов, их главный морфофизиологический компонент»), места (*die Magenblutung* «желудочное кровотечение; кровотечение в полость желудка из сосудов его стенки»), а также пояснить значение основного слова (*der Risikofaktor* «фактор риска; психогенный фактор измененных (непривычных) условий существования, характеризующихся наличием угрозы для жизни»), называть материал или вещество (*die Harnanalyse* «анализ мочи; лабораторное исследование мочи, проводимое для нужд медицинской практики, как правило, с диагностической целью»), являться объектом действия или состояния (*die Darmentzündung* «воспаление кишечника; хроническое воспаление всех или отдельных отделов пищеварительного тракта»).

Как отмечает в своей работе В. В. Иванов, производные, сложные и сложнопроизводные термины могут быть гибридными, как с немецкой производящей основой и заимствуемым аффиксом (*die Antikörper* «антитела; глобулины сыворотки крови человека и животных, образующиеся в ответ на попадание в организм различных антигенов (принадлежащих бактериям, вирусам, белковым токсинам и др.) и специфически взаимодействующие с этими антигенами»), с заимствованной производящей основой и немецким аффиксом (*die Pigmentierung* «пигментация; отложение эндогенного (меланин, гемосидерин) или экзогенного пигмента в тканях»), так же и со сложной основой, части которой имеют сложное происхождение (*das Blutplasma* «плазма крови, жидкая часть крови, остающаяся после удаления ее форменных элементов») [6, с. 94]. Заимствованные основы для образования сложных терминов стали широко использоваться в XIX – XX вв., до конца же XVIII в. сложные термины состояли из основ исконных слов.

Среди медицинских терминов выделяют также терминосочетания, как «особые единицы, границы которых располагаются между словом и предложением» [8, с. 13]. В семантическом отношении с учетом логико-понятийного принципа выделяются двухкомпонентные (бинарные) и многокомпонентные терминологические словосочетания. В структурном отношении такое словосочетание представлено в первом случае (в двухкомпонентном словосочетании) – простым словосочетанием, зависимое слово которого также слово-термин, во втором (в многокомпонентном словосочетании) – сложным, или комбинированным словосочетанием, построенным на базе простого.

Одной из ведущих моделей образования двухкомпонентных терминологических словосочетаний в немецком языке является адъективно-субстантивная модель **Adj + S**. Данная модель состоит из определителя и термина. В качестве определителя выступают имя прилагательное или адъективированное причастие, выражающее признак родового понятия. Термин выражен именем существительным, номинирующим обобщающее (родовое) понятие, например: *geschlossener Knochenbruch* «закрытый перелом; перелом без нарушения целостности кожных покровов над областью повреждения кости».

Многокомпонентный термин обладает качеством повышенной информативности, которое приобретает за счет различных определителей и детализаторов, конкретизаторов локализованности, причинности, следствия и условия при главном слове в базисном термине, общее значение которого уточняется, детализируется, конкретизируется. При этом понятийное содержание термина передается всем комплексом компонентов. Многокомпонентные термины построены, как правило, по модели **Adj + S + SG**. Например: *harte Substanz der Zähne* «твердая субстанция зубов; дентин, цемент и эмаль зуба».

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что немецкая медицинская терминология сложна в структурном отношении. Для немецкого языка словообразование как «путь развития состава языка особенно характерно ... благодаря особенностям его строя» [11, с. 178]. Оно является мощным источником развития немецкой медицинской терминологии и тесно связано с тенденцией к языковой экономии в знаках, передающих содержание высказывания. Среди исконно немецких и заимствованных медицинских терминов имеются сходные по архитектонике слова: простые, производные, сложные, а также терминосочетания двух типов: бинарные и многокомпонентные. Медицинская терминология обогащается не только в результате заимствования лексики из других языков, но и за счет использования собственных внутренних ресурсов языка.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М., КомКнига, 2007. – 576 с.
2. Бричева М. М. Структурно-семантическая и этимологическая характеристика словообразовательного поля прилагательных в современном английском языке: дисс. канд. филол. наук / М. М. Бричева. – Ростов-на-Дону, 2006. – 176 с.
3. Грецкая Т. В. Обучение семантизации профессионально-ориентированной иноязычной лексики студентов медицинских вузов: на материале немецкого языка: дисс. канд. филол. наук / Т. В. Грецкая. – Санкт-Петербург, 2005. – 189 с.
4. Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
5. Динабург И. Ф. Анализ немецкой медицинской терминологии // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Челябинск, 1960. – С. 33 – 51.
6. Иванов В. В. Семантические особенности медицинских терминов: на материале нем. яз.: дисс. канд. филол. наук / В. В. Иванов. – Москва, 1996. – 166 с.
7. Какзанова Е. М. Некоторые механизмы взаимодействия различных способов лексической номинации (на материале глаголов и отглагольных существительных современного немецкого языка): дисс. канд. филол. наук / Е. М. Какзанова, 1992. – 217 с.
8. Кобжева М. Ф. Специфика лексико-семантической организации немецкой генетической терминологии: автореф. дисс. кандидата филологических наук. / М.Ф.Кобжева. - Киев, 1984. – 23 с.
9. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. – М., 1997. – 448 с.
10. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. / М. Д. Степанова. – М., 1953. – 376 с.
11. Степанова М. Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М.: Высшая школа, 1984. – 264 с.
12. Чернявский М. Н. Латинский язык и основы медицинской терминологии / М. Н. Чернявский. – М., 1996. – 336 с.
13. Fleischer W., Benz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen: Niemeyer, 1992. – 375 s.

THE STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF MEDICAL TERMINOLOGICAL VOCABULARY (BASED ON GERMAN LANGUAGE MATERIALS)

S. M. Velichkova
E. N. Taranova

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
velichkovasvetlana@yandex.ru
taranova@yandex.ru

The article defines the medical terminology, medical terms are analyzed in terms of semantics and structure.

Keywords: term, terminology, special vocabulary, structural and semantic features.

АРГУМЕНТ *АКТОР*В ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУРАХ ИМЕННЫХ СЛОЖНЫХ СЛОВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Л. В. Воронина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
voronina@bsu.edu.ru*

В статье анализируются пропозициональные структуры именных сложных слов с аргументом, репрезентирующим концепт АКТОР (АКТИВНОЕ НАЧАЛО). Рассматриваются особенности взаимодействия агенса с другими элементами пропозиции. Выявляется словообразовательное значение представленных моделей, делаются выводы о профилирующих признаках.

Ключевые слова: производное слово, словообразовательная модель, словообразовательное значение, пропозициональная структура, концептуальная структура, инференция.

Изучение языковых единиц с позиций когнитивного подхода, и особенно производной лексики, позволяет устанавливать связи между членами категорий и определять, на основе каких признаков человеческое сознание вычленяет референт среди других объектов реального мира, соотнося его с той или иной категорией.

Производные слова связывают отдельные концепты в новую концептуальную структуру, способную сохранить представление людей о том, по отношению к какому объекту, признаку, процессу характеризуется обозначаемый объект, признак, процесс.

В отличие от непродеривированных слов производное слово обладает словообразовательным значением.

Согласно концепции М. Докулила производное слово представляет собой мысленный процесс подведения обозначаемого под одну из базовых категорий человеческого опыта [1, с. 191 – 196].

Е.С. Кубрякова, развивая теорию М. Докулила, указывает на тернарность структуры производного слова, элементом которой является ономазиологический предикат, который связывает базис и признак определенным типом отношений. Производное слово может рассматриваться как преобразованный аналог суждения о предмете, а словообразовательное значение связано с триадой «суждение о предмете → понятие о предмете → мотивированное название предмета». В назывании предмета производным словом словообразовательное значение служит аналогом предикативной связи между субъектом или объектом исходного суждения [2, с. 102 – 103].

Данная концепция получила плодотворное развитие в рамках когнитивного подхода, согласно которому в основе семантики производного слова лежит концептуальная структура, имеющая вид пропозиции. «Словообразовательные модели можно рассматривать как формулы регулярной свертки пропозициональной структуры при ее актуализации ...производным словом, универбом» [3, с. 412].

Концептуальная деривация – это когнитивный процесс связывания нескольких концептов в единую структуру на основе словообразовательной модели. Словообразовательные модели отражают предыдущий опыт человека, на основании которого сходные концептуальные структуры воплощаются в подобных языковых формах и рассматриваются как формулы регулярной свертки пропозициональной структуры.

Производные слова являются рефлексам пропозициональных структур, языковым выражением пропозиции в одном слове, которая объективирует определенные структуры мышления.

Под пропозицией понимается конструкт, связывающий концепты, отражающий взаимосвязи объектов окружающего мира. Пропозиция связывает отдельные концепты в единую концептуальную структуру.

Предметом исследования данной работы является пропозициональные структуры именных сложных слов немецкого языка с аргументом АКТОР. В нашем исследовании категория деятеля рассматривается в широком смысле.

Под АКТОР, вслед за Р. Л. Траск, Е. М. Поздняковой, Л. В. Бабиной и др., понимаем высокую степень активности той предметной сущности, которая соотносится с первым аргу-

ментом в пропозициональном отношении по сравнению с той, которая соотносится со вторым аргументом.

Впервые обобщающий концепт АКТОР (АКТИВНОЕ НАЧАЛО), соотнесенный с деятелем-референтом разного типа, был изучен в работах Е. М. Поздняковой на материале английского языка. Предпосылкой введения широкого понятия в терминологический аппарат когнитивного словообразования явилось положение о том, что агентивность, которая собственно является центром, ядром категории имени деятеля, организованной по принципу естественной прототипической категории, может быть выявлена и во «внутреннем синтаксисе», то есть синтаксисе производного слова [4, с. 241; 5, с. 4].

Агенса прототипически связан с когнитивной моделью события и наделен свойством в процессе взаимодействия передавать энергию пациенту и каузировать изменение его состояния или его перемещение в пространстве. Истинный агент наделен волеизъявлением и способностью осознавать и контролировать происходящее, что является свойством разумного человеческого существа.

Концепт АКТОР может быть как одушевленным существом, так и неодушевленным объектом или явлением, которое может стать каузатором, причиной, стимулом изменения состояния пациента/ объекта. АКТОР – это гиперроль по отношению ко всем падежным ролям. Это происходит на «основании того, что каждая из падежных ролей представляет активное отношение к ситуации, с которой соотнесена пропозициональная структура» [4, с. 248]. Выделение данной роли соотносится и с иерархией падежных ролей Д. Даути, которую он рассматривает в рамках концепции о существовании двух основных прототипических ролей Proto-Agent и Proto-Patient [6, с. 578].

Категория имени деятеля в немецком языке может быть репрезентирована целым рядом аффиксальных, композитных и конверсивных моделей. Когнитивные операции осуществляются в субстанциональной (предметной в широком смысле слова) концептуальной области. В результате процесса концептуальной деривации происходит формирование новой категории «HANDELNDER». Обобщенная семантика данной модели носит пропозициональный характер. Пропозиция анализируемых композитных моделей представлена двумя аргументами и предикатом, соотнесенным с глобальной категорией SITUATION (в терминах М. Рикхейт) [7].

Аргумент АКТОР в зависимости от пропозициональной структуры может быть представлен двумя концептами LEBEWESEN (ЖИВОЕ СУЩЕСТВО) и GEGENSTAND (ПРЕДМЕТ). В обобщенном значении словообразовательная модель деятеля в немецком языке реализует значение j-d (eine Person, ein Lebewesen), der etwas macht, tut; etwas (ein Gegenstand), was etwas tut («тот, кто совершает действие», «то, что совершает действие»). Концепт процессуального признака в зависимости от модели реализуется как атомарными, то есть восстановленными предикатами, так и собственно концептами, объективирующими глобальную категорию SITUATION.

Под атомарным предикатом, вслед за Е. С. Кубряковой, Л. В. Бабиной, понимаем предикат, который называет не конкретный тип связи как реальный глагол, а либо указывает на ее наличие, либо на самый обобщенный и абстрактный тип связи, не нуждающийся в конкретизации [8, с. 135]. Маркируем атомарный предикат как PRÄDIKAT (SITUATION), подразумевая, что он может быть выражен одной из субкатегорий глобальной категории SITUATION: EREIGNIS, HANDLUNG, ZUSTAND.

Аргумент АКТОР в производных сложных именах может характеризоваться по отношению к другому аргументу: ОБЪЕКТ (ОБЪЕКТУ), ORT (МЕСТУ), ZEIT (ВРЕМЕНИ), ZWESCK (ЦЕЛИ). Остановимся на анализе моделей с целью демонстрации взаимодействия концепта АКТОР с другими элементами пропозиции.

Все обозначенные роли в пропозициональной структуре структурно-мотивированных сложных слов были выделены с учетом обобщенного уровня концептуализации.

Пропозициональная структура АКТОР – PRÄDIKAT (SITUATION) – ОБЪЕКТ / АКТОР – SITUATION – ОБЪЕКТ

Пропозициональная структура АКТОР – PRÄDIKAT (SITUATION) / SITUATION – ОБЪЕКТ со словообразовательным значением j-d, der etwas macht, tut (sich mit etwas befasst) («тот, кто воздействует на **что**») представлена в немецком языке двумя композитными словообразовательными моделями N+N, N+N(v). Данная структура моделирует знание носителя немецкого языкового сознания об активности некой субстанции, направленной на иной объект.

Несмотря на единство пропозициональной структуры, семантическая структура данных словообразовательных моделей различна. Модель N+N(v) эксплицитно объективирует как

активного участника действия и объект его воздействия, так и предикат, который наследуется от предшествующего акта деривации и не требует восстановления. АКТОР репрезентирован концептом –er, PRÄDIKAT – отглагольной основой основного компонента сложного слова, а ОБЪЕКТ сопряжен с отсубстантивной основой зависимого компонента. В фокусе внимания смысловой структуры данной модели оказывается деятель, осуществляющий определенное действие. Формируемый смысл, прежде всего, сопряжен с регулярным характером профессиональной или непрофессиональной деятельности разумного существа, на который указывают эксплицитно не представленные в поверхностной смысловой структуре компоненты: *berufsmäßig*, *gewohnheitsmäßig* и т.п., сравним значения производных, сформированных по данной модели:

Altenpfleger, der – jmd, der berufsmäßig alte Menschen betreut u. pflegt [9, с. 96];
Stadtplaner, der – jmd, der [berufsmäßig] auf dem Gebiet der Stadtplanung tätig ist [9, с. 1449];

Pizzabäcker, der – jmd, der berufsmäßig Pizzas herstellt [9, с. 1154];

Kaffetrinker, der – jmd, der [gewöhnheitsmäßig] Kaffee trinkt [9, с. 798];

Bilanzfälscher – Person, die Unternehmensbilanzen manipuliert [10, с. 92].

Процесс восприятия производных слов, сформированных по данной модели, не представляет сложности в силу их структурной и семантической прозрачности.

В отличие от них модель N+N с пропозициональной структурой АКТОР – PRÄDIKAT (SITUATION) – ОБЪЕКТ репрезентирует двух участников ситуации: активного деятеля и объект воздействия, которые эксплицитно представлены в поверхностной структуре слова. Между данными объектами устанавливается связь, эксплицитно не выраженная в поверхностной структуре сложного слова и предусматривающая процедуру восстановления на основе инферентного вывода. На основе данной модели сформированы:

Auskunftsperson – Person, die einem Geheimdienst Informationen vermittelt [10, с. 63];

Bärenhund – Hund, der Bären aufsrüren kann [10, с. 74];

Honigbiene, die – Biene, die Honig liefert [9, с. 734];

Milchkuh, die – milchgebende Kuh [9, с. 445];

Sandmännchen, das – in Erzählungen für kleine Kinder auftretendes kleines Männchen, das den Kindern Sand in Augen streut, damit sie einschlafen [9, с. 1290] и др.

В качестве деятеля в схватываемой человеческим сознанием ситуации, фиксируемой данной моделью, может выступать ЛИЦО, ЖИВОТНОЕ, ОБЪЕКТ, реально не существующий в окружающей действительности, созданный человеческим воображением и наделенный человеком способностью осуществлять определенные действия, операции (*Sandmännchen*). В этой связи следует отметить, что фиксируемые человеком в языковых структурах представления о мире не обязательно соответствуют его реальной сущности, однако они оказывают существенное влияние на восприятие мира носителем национального языкового сознания. По меткому замечанию Эдельманна, язык не отражает объективную реальность, он её создает [цит. по: 11, с. 111].

В целом, пропозициональная структура объективирует представление об активности живого существа, воздействие которого может быть направлено как на одушевленный, так и неодушевленный объект. Выделенным в данной пропозициональной структуре является аргумент АКТОР, который попадает в фокус внимания субъекта познания.

Пропозициональная структура АКТОР – SITUATION – ORT / АКТОР – PRÄDIKAT (SITUATION) – ORT

Пропозициональная структура АКТОР – SITUATION – ORT представлена в немецком языке двумя композитными словообразовательными моделями N+N, N+N(v), и суффиксальной моделью N₁ + er > N₂ со значением *jmd. tut, lebt, liegt irgendwo*.

По первой композитной модели образованы такие именные композиты, как: *der Mehlkäfer, der Wasservogel, die Wasserpflanze, der Holzwurm, der Teichfisch, der Hausmeister, die Bardame, der Seemann, der Hausmann, die Hausfrau* и др., которые объективируют знания человека о месте обитания, произрастания, основной деятельности живых существ.

Для выявления общего словообразовательного значения использовались дефиниции из немецких словарей, рассмотрим лишь отдельные из них:

Так, композит *Seefisch, der – im Meer lebender Fisch* [9, с. 1378] – актуализирует знания человека о сфере обитания живого существа: рыба, обитающая в море - морская рыба.

Субстантивное производное слово *Wiesenblume, die - auf Wiesen wachsende Blume* [9, с. 1742] – объективирует представление субъекта познания о месте произрастания растения: цветок, произрастающий на лугу, - луговой цветок.

Местом произрастания и обитания живого существа могут быть одновременно несколько объектов окружающей действительности. Как показывает анализ, если представления о месте произрастания, обитания у субъекта познания не соотнесены с одним конкретным объектом, то в качестве лексического репрезентанта может выступать как более узкое, так и более широкое понятие соответствующей когнитивной области. Так, место обитания лягушки – *деревья и кусты* – схвачено концептом ЛИСТВА в композите *der Laubfrosch, заливные луга* – концептом ТРАВА в производном *der Grasfrosch*, а *трясина и пруды* – концептом ВОДА в единице *der Wasserfrosch*, ср.:

Laubfrosch, der - (zu den Froschlurchen gehörender), kleiner, grüner Frosch mit weißlicher Bauchseite, der sich in Bäumen u. Sträuchern aufhält u. nur zur Laichzeit das Wasser aufsucht [9, с. 931];

Grasfrosch, der - (meist im feuchten Wiesengelände lebender) gelb- bis dunkelbrauner, auf der Oberseite dunkel, auf der Unterseite weiß gefleckter Frosch [9, с. 629];

Wasserfrosch, der - (in Tümpeln und Teichen lebender) Frosch von graugrüner bis bräunlicher Färbung mit dunklen Flecken [9, с. 1715].

Таким образом, в первых двух случаях в качестве репрезентанта ОРТ выступает понятие более узкое по отношению к реальному фрагменту действительности, во втором – более широкое, что свидетельствует об антропоцентрической природе структур знаний, отраженных в производных единицах.

Обитание, произрастание, проживание представляет собой взаимодействие с окружением, что предполагает определенную степень активности деятеля.

В результате анализа концептуальных структур сложных слов было выявлено, что в качестве активной сущности, каузирующей изменение состояние объекта, в том числе самого человека, могут выступать разного рода причины. Так, производное *Hautmilzbrand – Infektionskrankheit, die durch den Milzbranderreger hervorgerufen und über die Haut übertragen wird* [10, с. 299] моделирует представление о МЕСТЕ действия активной сущности, в качестве которой выступает возбудитель болезни сибирской язвы, который проникает в человеческий организм через кожу или легкие (ср. *Lungenmilzbrand*).

Словообразовательная модель N+N(v) как форма свертки пропозициональной структуры АКТОР – SITUATION – ОРТ фиксирует характеристику лица по месту действия, однако в отличие от первой модели, предикат, связывающий два аргумента в единую структуру, эксплицитно представлен в структуре отглагольного существительного. В отглагольных именах предикат наследуется от предшествующего акта деривации и не требует восстановления. К производным, образованным по данной модели относятся: *der Stadtbewohner, der Bobfahrer, der Schulleiter, der Hoteldiener, der Straßenbahnfahrer, der Kirchgänger* и др.

Так, именное сложное слово *Hochschullehrer, der – jmd, der an einer Hochschule unterrichtet* [9, с. 739] – объективирует знания о месте профессиональной деятельности человека: тот, кто преподает в высшей школе - преподаватель ВУЗа;

Hausbewohner, der – jmd, der in einem Haus wohnt [9, с. 672] фиксирует место постоянного проживания человека: тот, кто живет в доме, является жителем дома.

Местом профессиональной/ непрофессиональной деятельности могут быть как объекты окружающей действительности, так и разного рода общественные, социальные институты (спортивная команда, армия и т. п.):

Basketballnationalspieler - Basketballspieler in einer Nationalmannschaft [10, с. 76],

Armeesprecherin – Pressesprecherin einer Armee [10, с. 51].

В современном языке по данной модели была сформирована языковая структура, актуализирующая представление о террористической деятельности ЛИЦА на разных объектах железной дороги *Bahnattentäter – Person, die einen Anschlag in einem Zug verübt oder verüben will* [10, с. 72].

Существенным признаком фиксируемых структур знания является регулярный характер действия, представленный имплицитно в структуре производного слова.

Таким образом, пропозициональная структура АКТОР – SITUATION – ОРТ характеризует живое существо по месту его активности. Основной компонент композита в смысловой структуре сложного слова объективирует аргумент АКТОР, зависимый компонент - местонахождение живого существа АКТОР в пространстве ОРТ, а предикат SITUATION эксплицитно или имплицитно указывает на характер деятельности. Выделенным в данной пропозицио-

нальной структуре является аргумент АКТОР, который попадает в фокус внимания субъекта познания.

Пропозициональная структура АКТОР – SITUATION – ZEIT / АКТОР – PRÄDIKAT (SITUATION) – ZEIT

Концепт АКТОР обнаруживает тесную связь с концептом ZEIT, вербальным репрезентантом которой на словообразовательном уровне выступает пропозициональная структура АКТОР – SITUATION / PRÄDIKAT (SITUATION) – ZEIT, в которой АКТОР объективирует представление об активном объекте действительности, ZEIT – фиксирует время активности объекта.

Пропозициональная структура АКТОР – SITUATION / PRÄDIKAT (SITUATION) – ZEIT представлена композитными моделями N + N, N+N(v) с общим словообразовательным значением *jmd., der irgendwann tut, lebt, aktiv ist*. Данная схема моделирует представление об активности, жизненном цикле объектов живой природы и объектов действительности, воспринимаемых человеком как живое существо, производителя действия.

Отождествление человека с природой, перенос на природные объекты свойств, присущих по природе человеку, приписывание им возможности выступать в человекообразном физическом образе в науке связывают с особенностями мифологического мышления.

По представленной модели образованы следующие композиты, в качестве составляющих компонентов могут выступать как субстантивы, так и субстантивированные имена:

Nachtportier, der – Portier, der nachts den Dienst versieht.

Osterblume, die – im frühen Frühjahr blühende Pflanze unterschiedlicher Art (bes. Osterglocke, Buschwindröschen).

Sommerblume, die – im Sommer blühende Blume [9].

В современном языке данная пропозициональная структура может моделировать субъективное представление также об активности абстрактных и неодушевленных существ, которым человек приписывает антропоморфные свойства.

«Наивная картина мира» создавалась по антропоцентрическому канону, что находит выражение в самой возможности мыслить явления природы или абстрактные понятия как «опредмеченные», как *лица* или *живые существа*, обладающие *антропоморфными, зооморфными* и т.п. свойствами [12, с. 174]. Ср.:

Frühlingsregen, der – im Frühling fallender Regen.

Sommersprosse, die – (im Sommer stärker hervortretender) kleiner, bräunlicher Fleck auf der Haut [9].

В зависимости от семантики производящей основы могут профилироваться различные смысловые оттенки временной характеристики агенса.

Так, например, производные, объективирующие представителей фауны: *die Tagraubvögel, der Nachtaffe (lat. Aotinae), der Nachtfalter, die Nachtkatze (lat. Noctifelis guigna), die Nachtigall (germ. „galan“ singen), der Abendfalte (Rotfußfalke, lat. Falco vespertinus), Abendsegler (Fledermaus, lat. Nyctalus noctula)* – фокусируют внимание на особенностях их жизненного цикла в суточном режиме.

Временной признак в составе композита, репрезентирующего PFLANZE, указывает на период его зацветания или созревания: *Frühlingskrokus, die Frühlingsknotenblume, das Frühlingshungerblümchen, die Frühlingsplatterbse, das Frühlingskreuzkraut, der Frühlingswasserstern, das Sommertürchen (lat. Leucoium vernum), Sommerweizen, Sommergerste, Sommerroggen, Sommerrap, Winterweizen, Wintergerste, Winterroggen, Winterrap, die Herbstzeitlose, Michaelisblüte (am Michaelistag (29 сентября), die Winteraster, das Wintergrün, Winterzwiebeln, der Winterkohl.*

Временная характеристика композита, объективирующего WETTER, профилирует признак 'интенсивность проявления определенных признаков':

Sommerregen, der – meist leichter Regen, wie er im Sommer fällt.

Herbstsonne, die – schwächer werdende Sonne im Herbst.

Herbstlaub, das – bunt gefärbtes Laub der Bäume im Herbst.

Herbststurm, der – Sturm im Herbst. Sturm, der - sehr heftiger, starker Wind.

Sommerwind, der – leichter, warmer, lauer Wind, wie er im Sommer weht [9].

Возникновение таких обозначений детерминировано сенсорным восприятием человека тех изменений, которые происходят вокруг него, и выделением определенных признаков как наиболее типичных, частотных.

В то время как явления природы, представители флоры и фауны получают временную характеристику с учетом их естественных циклов, в сферу номинации в отношении деятельно-

сти человека попадают, прежде всего, ациклические ситуации, нарушающие традиционные представления о времени активности/ пассивности человека.

Так, существует композит *das Siebenmonatskind – ein Kind, das sieben Monate nach der Empfängnis zur Welt gekommen ist* [13, с. 633], но не существует **das Neunmonatskind*.

Возникновение понятия *die Tagesmutter – Frau, die kleinere Kinder von vor allem berufstätigen Müttern tagsüber, meist zusammen mit ihren eigenen in ihrer Wohnung gegen Bezahlung betreut* [9] – обусловлено изменением в традиционном понимании роли матери. В Германии все чаще работающие женщины вынуждены оставлять своих детей с няней, которая в течение дня берет на себя функции матери.

Об изменениях в традиционном понимании роли супруга как спутника жизни (*der Lebensgefährte*) свидетельствует появление в немецкой культуре понятия *der Lebensabschnittsgefährte, der Lebensabschnittspartner*, актуализирующего современное представление о недолговечности, временном характере отношений между мужчиной и женщиной.

Обозначение *die Wochenendehe – Ehe, bei der beide Partner (weil sie an verschiedenen Orten arbeiten) nur am Wochenende zusammenleben* [9] – актуализирует представление о современном браке, в котором супруги часто работают в разных городах и встречаются только на выходных.

Композиты *der Nachtmensch, das Nachttier* своим появлением обязаны представлению о том, что в ночное время человек должен отдыхать, а не бодрствовать.

В ряде случаев наряду с информативной значимостью такие композиты представляют собой особую коммуникативную ценность, так как выражают оценку говорящим воспринимаемой ситуации. Ср.:

Sonntagsfahrer, der (abwertend) – Autofahrer, der sein Auto nicht häufig benutzt und darum wenig Fahrpraxis hat;

Sonntagsjäger, der (iron.) – jmd., der nur selten auf die Jagd geht, ungeübter, schlechter Jäger;

Sonntagsmaler, der - jmd., der die Malerei in seiner Freizeit, als Steckenpferd betreibt, ohne eine entsprechende Ausbildung zu besitzen [9].

В целом, пропозициональная структура **АКТОР – СИТУАЦИЯ / ПРЯДИКАТ (СИТУАЦИЯ) – ВРЕМЯ** объективирует представление человека о циклах жизнедеятельности, активности/ пассивности живых существ. В сферу номинации попадают, во-первых, временные характеристики живых существ, которые характеризуют их онтологическую сущность; во-вторых, ациклические ситуации, нарушающие традиционные представления о времени деятельности, активности человека, что свидетельствуют об информативной ценности данных фрагментов действительности для представителей немецкого языка.

Пропозициональная структура АКТОР – СИТУАЦИЯ – ЦЕЛЬ / АКТОР – ПРЯДИКАТ (СИТУАЦИЯ) – ЦЕЛЬ

Концепт **ЦЕЛЬ** по отношению к концепту **АКТОР** отражает представление человека о цели деятельности или функциональном предназначении активной субстанции.

Пропозициональная структура **АКТОР – СИТУАЦИЯ – ЦЕЛЬ / АКТОР – ПРЯДИКАТ (СИТУАЦИЯ) – ЦЕЛЬ** представлена в немецком языке композитной словообразовательной моделью **N+N** со словообразовательным значением *jmd., der wozu tut / zuständig ist; etwas, das wozu tut*. Как основной, так и зависимый компонент композита может быть представлен отглагольной основой, таким образом, модель представлена следующими вариантами: **N+N**, **N(v)+N**, **N+N(v)**, **N(v)+N(v)**.

В качестве активной субстанции, целенаправленно каузирующей изменение состояния объекта, могут выступать, как показывает анализ концептуальной структуры производных, порожденных на основе данной модели, одушевленные разумные существа и неодушевленные объекты.

Одушевленный агент может быть представлен как отдельными лицами, так и общественными или социальными институтами, концептуальным основанием расширения категории **АКТОР** становится дифференциация деятеля по цели его деятельности:

Begleitläufer – Begleitperson für sehbehinderte Sportler, vor allem im Skisport [10, с. 78];

Aufbauteam – Gruppe von Helfern beim Wiederaufbau von im Krieg zerstörten Regionen. Aufbauteams leisten häufig sowohl militärische als auch zivile Hilfe, um die Lage nach einem Krieg oder einer Katastrophe zu stabilisieren [10, с. 58].

В качестве неодушевленной активной субстанции осознаются технические устройства (**ABC-Spürpanzer, Abfangrakete**), вещества (**Agrardiesel**), продукты ментальной деятельности человека (**Abzugsplan, Adoptionsrecht, Auskunftsklage**):

ABC-Spürpanzer – Panzertyp zum Erkennen und zur Bekämpfung von ABC-Waffen [10, с. 13];
Abfangrakete – Abwehrrakete, die feindliche Raketen automatisch erkennt und noch in der Luft zerstört [10, с. 14];
Agrardiesel – Dieselkraftstoff für die Land- und Forstwirtschaft [10, с. 23];
Abzugsplan – Konzeption zur Rückgabe im Krieg eroberten Gebiete. Ziel ist die geordnete Übergabe von Territorien, die ein Land im Zuge kriegerischer Aktionen erobert und besetzt hat [10, с. 18];
Adoptionsrecht – gesetzliche Regelungen zur Annahme einer Person als Kind [10, с. 21];
Auskunftsklage – Klage zum Erzwingen von Informationen [10, с. 63].

Продукты ментальной деятельности человека не могут рассматриваться как прототипические агенты в силу отсутствия способности к непосредственному волеизъявлению и отсутствию непосредственного контакта с пациентом. Однако опосредованно они способны инициировать и контролировать деятельность, направленную на физическое или ментальное воздействие на человека и объект, в силу этого они вполне обоснованно могут быть отнесены к периферии категории АКТОР.

Несмотря на единство пропозициональной структуры, аргументы эксплицитно представленные в поверхностной структуре композита, могут варьироваться в зависимости от составляющих производное.

Преобладающая часть композитов, объективирующих данный смысл, формируется на основе словообразовательной модели $N(v)+N$, в которой зависимый компонент, представленный отглагольной основой, эксплицитно профилирует признак «ЦЕЛЬ активной субстанции», так структура производного *Angriffsplan – Konzeption für einen Angriffskrieg* [10, с. 33] – указывает на цель продукта ментальной деятельности человека – *план по нападению, ведению войны*; предикат, не представленный в поверхностной структуре композита, предполагает процедуру восстановления.

В смысловой структуре производного, сформированного на основе словообразовательной модели $N(v)+N(v)$, *Begleitläufer – Begleitperson für sehbehinderte Sportler, vor allem im Skisport* [10, с. 78] – эксплицитно представлены аргументы пропозициональной структуры: АКТОР, SITUATION, ZWECK. АКТОР объективирован концептом -er и соотносит производное слово в целом с субстанциональной концептуальной областью, отглагольное имя *-läufer* наследует свойства процессуального признака от предшествующего акта деривации, а аргумент ZWECK сопряжен с отглагольной основой зависимого компонента. Имплицитно в структуре представлен объект, на который направлена активность одушевленной субстанции, он предусматривает процедуру восстановления на основе контекста или знаний коммуникатов. Когнитивно выделенным в смысловой структуре является цель, с которой связана активность деятеля.

В поверхностной структуре композита $N+N$ с пропозициональной структурой АКТОР – PRÄDIKAT (SITUATION) – ZWECK цель эксплицитно не объективирована, когнитивно выделенным в смысловой структуре является признак «ОБЪЕКТ как цель воздействия», который актуализирован субстантивной основой зависимого компонента. Аргумент ZWECK, как и предикат имени *Atomwaffenprogramm – Konzeption zur Entwicklung von Nuklearwaffen* [10, с. 58] – предусматривает процедуру восстановления на основе контекста или знаний коммуникатов.

Формальная структура композита *ABC-Abwehrkräfte – spezielle Armee-Einheit, zuständig für die Abwehr von ABC-Waffen* [10, с. 13] осложнена предшествующим актом деривации, в результате которого по модели $N(v) + N$ было сформировано сложное слово *Abwehrkräfte*, что позволяет субъекту познания актуализировать в поверхностной структуре аргументы АКТОР, ZWECK, ОБЪЕКТ, на который направлено действие активной субстанции. АКТОР объективирован компонентом *-kräfte*, ZWECK – *Abwehr*, ОБЪЕКТ сопряжен с аббревиатурой *ABC*, которая является сокращенным обозначением сложного слова *ABC-Waffen – atomare, biologische und chemische Waffen* [10, с. 14]. Полное представление о цели активности деятеля дает имплицитный предикат, который восстанавливается на основе инферентного вывода.

Подытоживая все выше изложенное, можно сделать вывод о том, что выделенные нами пропозициональные структуры именных сложных слов с аргументом АКТОР: АКТОР – SITUATION / PRÄDIKAT (SITUATION) – ОБЪЕКТ, АКТОР – SITUATION / PRÄDIKAT (SITUATION) – ORT, АКТОР – SITUATION / PRÄDIKAT (SITUATION) – ZWECK, АКТОР – SITUATION / PRÄDIKAT (SITUATION) – ZEIT – способны объективировать знания субъекта познания о деятеле и ситуации действия, которая предусматривает наличие объекта физического и ментального воздействия, цели действия, а также представление о времени активности субстанции.

Если аргумент АКТОР объективирован основным компонентом сложного слова, то композит может профилировать следующие характеристики:

- характеристику субстанции, активность которой направлена на определенный объект (АКТОР – SITUATION / PRÄDIKAT (SITUATION) – ОБЪЕКТ);
- характеристику активной сущности по месту профессиональной/ непрофессиональной деятельности (АКТОР – SITUATION / PRÄDIKAT (SITUATION) – ORT);
- целевую направленность активной субстанции (АКТОР – SITUATION / PRÄDIKAT (SITUATION) – ZWECK);
- временные особенности активности/ пассивности субстанции (АКТОР – SITUATION / PRÄDIKAT (SITUATION) – ZEIT).

На основе выделенных пропозициональных структур в современном немецком языке осуществляется порождение новых смыслов. Семантический потенциал формируемого производного слова обусловлен как словообразовательной моделью, так и семантикой производящих основ.

Список литературы

1. Dokulil M. Tvoreni slov v cestine. Teorie odvozovani slov / M. Dokulil. – Praha: Ceskoslovenska akad. ved., 1962. – 264 p.
2. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 208 с.
3. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова и др. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 242 с.
4. Позднякова Е. М. Таксономическая категоризация глагола и концепт «активное начало» в категории имени деятеля // Концептуальное пространство языка. – Тамбов: Изд – во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 239 – 257.
5. Позднякова Е. М. Категория имени деятеля и пути её синхронного развития в когнитивном и номинативном аспекте (на материале английского языка): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1999. – 34 с.
6. Dowty D. R. Thematic Proto-Roles and Argument Selection // Language. V. 67. No. 3. – 1991. – P. 547 – 619.
7. Rickheit M. Wortbildung. Grundlagen einer kognitiven Wortsemantik. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1993. – 301 S.
8. Бабина Л. В. Концептуальные основы словообразования / Л. В. Бабина // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 128 – 149.
9. Duden Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1996. – 1816 S.
10. Deutsches Neologismenwörterbuch / Hgg. von U. Quasthoff. – Berlin, New York: DeGruyter, 2007. – 690 S.
11. Heringer H. J. Interkulturelle Kommunikation / H. J. Heringer. – Tübingen: A.Francke, 2010. – 240 S.
12. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / под ред. Б. А. Серебренникова; Акад. наук СССР; ин-т языкознания. М.: Наук, 1988.
13. Der Sprach-Brockhaus: Deutsches Bildwörterbuch von A-Z. Wiesbaden: Brockhaus, 1984.
14. Trask R. L. A Dictionary of Grammatical Terms in Linguistics. – London; N.Y.: Routledge, 1993.

ARGUMENT AKTOR IN THE PROPOSITIONAL STRUCTURES OF NOMINAL COMPOUND WORDS IN GERMAN

L. V. Voronina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
voronina@bsu.edu.ru*

In the article propositional structures of nominal compound words with argument representing concept AKTOR are analysed. Some peculiarities of the interrelation between the agent and other elements of proposition are also viewed. The word-formation meaning of the given patterns is revealed, the conclusions on chief characteristics are made.

Keywords: derived word, word-formation pattern, word-formation meaning, propositional structure, conceptual structure, inference.

АНАЛИЗ СОЧЕТАЕМОСТИ ЛЕКСЕМЫ *WORK* И ВАРИАНТЫ ЕЕ ПЕРЕВОДА В РАЗЛИЧНЫХ КОНТЕКСТАХ

Е. С. Данилова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
elenasdanilova@rambler.ru*

В статье рассматривается употребление глагола «work / работать» в различном контекстуальном окружении в русском и английском языках. Выявляются сочетаемостные модели глагола work, проводится сравнение морфологических и синтаксических моделей в двух языках. Анализ приведенных морфосинтаксических моделей в сочетании с семантическими ассоциациями, присущими исследуемой лексеме и устойчивым выражениям, в состав которых входит глагол «work» / «работать», позволяет осуществить более точную интерпретацию высказывания.

Ключевые слова: глаголы обработки, морфосинтаксические особенности, лексема, семантические ассоциации, сочетаемостная модель.

При сопоставлении единиц речи двух языков, имеющих различный морфологический строй и грамматико-синтаксические особенности выявляется, что в ряде случаев уровень выражения в двух языках не совпадает: при сходном контексте значение может реализоваться в одном языке, например, с помощью морфем, тогда как в другом с помощью категории глагола (переходный — переходный). Неверный анализ приводит к неправильной интерпретации высказывания и может являться причиной коммуникативной неудачи.

В настоящей статье проанализирован объем понятий, семантическое наполнение лексической единицы work в заданном контексте, её морфосинтаксическая и семантическая сочетаемость, варианты перевода лексемы в различных контекстах.

Для осуществления морфо-синтаксического анализа лексем за основу взят метод А. Д. Апресяна, где лексема А сочетается с единицей речи В: «слово А синтаксически непосредственно или опосредствованно связано со словом (словосочетанием, предложением) В. Информация о части речи или синтаксическом статусе В и о грамматической (в частности, предложно-падежной) форме, в которой В должно стоять, составляет морфосинтаксическую сочетаемость А, или морфосинтаксические ограничения на сочетаемость А» [1].

Принимая глагол work в английском языке и соответствующую ему лексему «работать» в русском языке за А, мы определили следующие наиболее распространенные морфосинтаксические сочетания в двух языках. В русском языке этот глагол может управлять следующими сочетаемостными моделями:

- 1) непереходный глагол + предлог + существительное в предложном падеже (для выражения обстоятельства места): «работать в мастерской»;
- 2) непереходный глагол + предлог + существительное в предложном падеже (для выражения обстоятельства образа действия / техники исполнения): «работать в портретном жанре»;
- 3) непереходный глагол + предлог + существительное в творительном падеже (для обозначения объекта воздействия): «работать над картиной»;
- 4) непереходный глагол + предлог + существительное в творительном падеже: (для обозначения объекта действия): «работать с людьми», «работать с вредными веществами»;
- 5) непереходный глагол + существительное в творительном падеже (для обозначения инструмента): «работать резцом»;
- 6) непереходный глагол + предлог + существительное в винительном падеже (для обозначения заказчика/ работодателя): «работать на зарубежную компанию»;
- 7) непереходный глагол + предлог + существительное в винительном падеже (для обозначения способа вознаграждения): «работать за копейки»;
- 8) непереходный глагол + наречие времени: «работать допоздна»;
- 9) непереходный глагол + наречие образа действия: «работать засучив рукава»;
- 10) непереходный глагол + предлог + существительное в дательном падеже: «работать по дереву, металлу, камню»;

11) переходный глагол, образованный аффиксальным способом, + существительное: «обрабатывать поверхность».

Выявленные при сопоставлении двух языков морфосинтаксические сочетания глагола *to work* в английском языке включают несколько сочетаемостных моделей, первая из которых – сочетание «непереходный глагол + предлог + существительное, употребляемое в следующих случаях:

- для обозначения обстоятельства места: «*to work at home*», «*to work in Saudi Arabia*»: *Many Religious belong to international congregations and can be asked to work at home or abroad* [2].
 - для обозначения обстоятельства образа действия (данное сочетание часто использует сравнение, например, “*work like a beaver*”);
 - для обозначения косвенного дополнения / объекта действия: “*to work with color*”, “*to work with people*”;
 - для обозначения косвенного дополнения / инструмента: «*to work with a trowel*”;
- е) в сочетании с предлогом *for* – существительное, выступающее в роли косвенного дополнения, как правило, обозначает заказчика либо работодателя:

My brother-in-law was working for ICI and liked the company [2].

ф) глагол *work* в сочетании с косвенным дополнением для обозначения техники исполнения (преимущественно с предлогом *in*):

Monet worked primarily in oil paint, but he also used pastels [3].

Вторая сочетаемостная модель, выделенная в результате исследования, выражается сочетанием «глагол + предлог + существительное, обозначающее объект воздействия»: *to work at / to work on*:

...in March 1883 Gaudi began to work on the Sagrada Familia Temple succeeding Francisco de Paula del Villar [4, с.15].

Третья модель сочетаемости лексемы *work* включает переходный глагол + существительное, выражающее объект воздействия: *to work metal*

The lobby, the central focus of the house, which gives on to all other rooms is where the Guell family held all their social gatherings and presents the viewer with a vision of exquisite decorative wealth and carefully worked details [4, с. 15].

Исследование методом сплошной выборки с использованием материалов ВНС показало, что для реализации этого значения чаще используются отглагольные формы лексемы *work* – причастие, как в вышеприведенном примере, или герундий.

Следующая модель составлена из двух элементов: «глагол + прилагательное либо наречие» и выполняет в предложении функцию обстоятельства времени: (“*to work late*”) либо обстоятельства образа действия “*to work hard*”.

‘Mike knew I always work late, and even though there wasn't anything for me to do, he thought I ought to know’ [2].

Использование прилагательных в вышеприведенных случаях обусловлено семантическими особенностями некоторых наречий-дериватов: известно, что наречия *lately*, *hardly* не сходны по значению с однокоренными прилагательными *late* и *hard*).

При сравнительном анализе вариантов употребления лексемы *work* и лексемы «работать» нами выявлены следующие типы соответствий на различных уровнях двух языков, которые способствуют реализации сходных значений:

В ряде случаев наблюдается сходство морфосинтаксических форм в русском и английском языках, когда оттенок значения выражается одним и тем же способом в двух сопоставляемых языках. Нами выявлены три типа сочетаний, отличающихся сходством морфосинтаксических форм в двух языках. Первое из них составлено формулой «глагол + предлог + существительное» в русском языке и «глагол + предлог + существительное» в английском языке:

I'd rather work in a place like that, where we can face problems and move them on and develop things carefully, than to work in some places in the country where things are so far off agenda, as it were, as to be impossible [2].

Вероятным вариантом соответствия сочетания глагола с предлогом в русском языке будет «работать в определенном месте», т. е., в обоих языках наблюдается идентичность вышеуказанной грамматической структуры. Отметим, что в зависимости от более широкого контекста можно предположить возможность замены лексемы «место» на лексему «компания» в первом случае и «регион» во втором. В настоящей статье приводится ограниченный контекст высказываний, достаточный для анализа морфо- синтаксических особенностей исследуемой лексемы «*work*» / «рабо-

тать»; анализ же и выбор точных соответствий на языке перевода других лексических единиц из ее контекстуального окружения заслуживает отдельного рассмотрения в совокупности с анализом полного исходного текста и выходит за рамки данного исследования.

Brunei is 80% forest and the 2 are working together on a joint forestry project [2].

Сочетание «работать над проектом» по своей форме полностью идентично грамматической форме оригинала (глагол, предлог, существительное);

Говоря о сходстве синтаксических форм, следует отметить, что ввиду ограниченного количества падежей в АЯ, пара «РЯ — АЯ» не имеет дополнительных различий, связанных с падежными окончаниями существительных, согласующихся с исследуемыми глаголами. Окончания предложного, творительного и винительного падежей соответственно, не имеют аналогов в АЯ, следовательно, в данном случае можно сделать вывод о соответствии морфосинтаксических форм глаголов «work» и «работать» в вышеуказанном контекстуальном окружении. Падежным окончаниям в РЯ в подобных сочетаниях соответствуют предлоги with, for, in, on и т. д.

Второй тип морфосинтаксических форм лексемы work / работать, сходных в русском и английском языках, реализуется префиксом re- и пере- соответственно. Формально в словарях закреплена лексема rework, однако сравнение ее со сходной по форме лексемой «перерабатывать» требует тщательного анализа. Так, толковый словарь Вебстера содержит следующие варианты толкования лексемы rework: «to work again or anew, revise; to reprocess (as used material) for further use» [5]. Однако значение «перерабатывать» в английском языке фактически реализуется глаголами reprocess, recycle, refine и т. д., также образованными аффиксальным способом. Таким образом, с одной стороны, наблюдается формальное сходство морфологических форм (дополнительное значение лексема приобретает путем аффиксации), тогда как с другой, при переводе на другой язык в большинстве случаев требуется синонимическая замена глагола. Эта проблема более подробно будет описана ниже.

Третий тип сходных в двух языках способов употребления исследуемых лексем – сравнение либо метафора в русском языке и сравнение либо метафора в английском языке. Мы проанализировали коннотации исследуемых глаголов и выявили следующие семантические ассоциации, реализующиеся в речи при помощи метафоры либо сравнения:

а) в русском языке функционируют сравнения «работать, как вол», «как раб на галерах», «работать, как проклятый», метафоры: «работать на дядю»;

б) сравнения и метафоры, используемые в английском языке, включают: to work like a horse, to work like a beaver и т. д.; to work one's fingers to the bone [6].

В некоторых случаях имеет место совпадение ассоциаций, послуживших основой для формирования метафоры / сравнения, например, образ пчелы и муравья, как правило, связывается с упорным трудом. Однако в этих случаях место лексемы work / работать занимает глагол-синоним «трудиться» в сочетании со сравнением в русском и английском языках: «трудиться, как пчелка» - to be as busy as a bee. Следует отметить также и исторические предпосылки формирования некоторых устойчивых моделей сравнения или метафоры в русском языке: «бурлаки на Волге» в русском языке и work like a nigger [7] в английском языке.

При различиях морфосинтаксических форм в двух языках выявлено несколько вариантов соответствий лексем со сходным значением. В частности, морфеме в русском языке может соответствовать предлог в английском языке. Итак, если морфема «пере-» соответствует приставке “re-”, как указано выше, то поиск соответствий на языке перевода для других глаголов РЯ, образованных аффиксальным способом, может быть затруднен ввиду несравнимо большего количества в РЯ аффиксов, выражающих оттенки значения: «заработаться», «зарабатывать», «срабататься» и т. п. Таким образом, ввиду богатства флексий в русском языке при поиске вариантов перевода глаголов, образованных аффиксальным способом, на английском языке может потребоваться соответствующая трансформация:

а) добавление предлога: разрабатывать – work out;

б) синонимическая замена исходного глагола – перерабатывать – to reprocess / to recycle;

в) эмфатизация: срабатываться – to feather in [7] (По видимому, элемент данного сочетания глагола с предлогом является дериватом пословицы birds of a feather flock together);

д) синтаксическая трансформация: например, работать на себя – to be self-employed;

е) замена на распространенное сочетание в языке перевода. В примере соответствия глагола «срабатывать» и фразы “It works!” («сработало!»), с одной стороны, наблюдается совпадение корневой основы глаголов, а с другой, для передачи оттенка значения используются различные морфологические и грамматические средства: префикс в русском языке при его отсутствии в английском и несовпадение грамматической формы глагола: как

известно, для выражения определенных коннотаций в английском языке закрепилось употребление некоторых глаголов преимущественно в настоящем времени: I forget! (вместо «я забыл» с прошедшей формой в русском языке), It works! («сработало!» и «работает!» для английского языка будут иметь одинаковую грамматическую форму), It won't work (помимо прямого значения «не будет работать, не сработает» имеет также значение «не работает», The car won't start – «не заводится» и т. д.)

Следующий вариант морфосинтаксической модели, структура которой различается в двух языках, в русском языке реализуется предлогами, тогда как в английском – переходным / непереходным глаголом. Значение лексемы может значительно изменяться в зависимости от сферы ее применения. Так, в промышленности и ремесленном производстве переходный глагол work приобретает в основном значение обработки: «работать по дереву» – to work wood, to work metal. При этом анализ частотности употребления лексемы в данном значении выявил преимущественную реализацию этого значения в форме герундия либо отглагольного существительного, нежели глагола:

Birmingham of course was largely engaged in metal working [2].

These provide a car repair workshop and facilities for woodworking, metal working, the construction trade and textiles [2].

In the whole of this area the earth is dark and there is much surface pottery tile and evidence of burning and metal working [2].

В ином контекстуальном окружении, в повседневной речи глагол, хотя и сочетается с прямым дополнением, не приобретает значения обработки, принадлежит к устойчивым сочетаниям: to work short hours, to work long hours.

Added to this differential in hourly pay was the effect of 'full-time' females working shorter hours, reducing their gross weekly earnings to 67.6 per cent of those of men [2].

Третий вариант реализации в речи лексемы work, характеризующийся различием морфосинтаксических форм, образован лексемой в английском языке и сравнением либо метафорой в русском языке. Несмотря на описанное выше соответствие некоторых семантических ассоциаций, сравнение и метафора исходного языка далеко не всегда реализуется при помощи сходных средств в языке перевода. Так, сравнение «работать, как раб на галерах» в английском языке реализуется глаголом в переносном значении to slave. Другие возможные эквиваленты, в зависимости от контекстуального окружения и коммуникативного намерения говорящего, могут включать глаголы to sweat, to toil и т. д.

Значение, выражаемое при помощи стилистического приема в одном языке, при переводе на другой язык может передаваться лексемой или морфемой. Как упоминалось выше, богатство морфологического состава РЯ позволяет точно выразить значение, не прибегая к стилистическим приемам: например, идиома to work head over heels может быть переведена на русский глаголом «заработаться» [7] и т. д.

Анализ вышеперечисленных морфосинтаксических и грамматических соответствий и семантических коннотаций позволил сделать следующие выводы применительно к интерпретации значений, реализуемых при помощи лексемы work / работать» в различных сочетаниях:

а) в ряде случаев при переводе фраз, содержащих исследуемые сочетания, благодаря сходству морфосинтаксических форм возможно использование приема калькирования:

Review material safety data sheets prior to working with any poisonous gas [8].

(«Приступая к работе с ядовитыми газами, перечитайте инструкцию по технике безопасности»).

Устойчивое сочетание to work wonders имеет в русском языке соответствие «творить чудеса», что также является примером синонимической замены глагола при переводе.

б) эмфатизация / нейтрализация при переводе:

Понятие тяжелого труда в английском языке выражается лексемой toil. Однако более современным вариантом, на наш взгляд, можно считать глагол to sweat (ср.: «работать в поте лица»). Wikipedia приводит следующее подтверждение негативной коннотации лексемы sweat:

"Sweatshop (or sweat factory) is a negatively connoted term for any working environment considered to be unacceptably difficult or dangerous" [9].

Соответственно, значение «работать в поте лица», сравнение «работать, как раб на галерах» при переводе на английский язык не требует обязательного поиска сравнения или метафоры со сходным значением, но может реализоваться глаголом (например, to sweat). В этом случае происходит нейтрализация и синонимическая замена глагола.

с) синонимическая замена при переводе:

В ряде случаев один из глаголов в паре «work – работать» заменяется синонимичным по соображениям комбинаторной сочетаемости, например: «работать с вредными веществами» — to work with / to deal with dangerous substances. Лексема «работать» в сочетании «работать с людьми» может реализоваться как глаголом to work, так и глаголом to deal.

Working effectively with colleagues is the most important function of someone in a management supervision role [10].

No matter your job or your workplace, dealing with people effectively is a must for success [10].

Однако анализ контекстуального окружения показывает, что лексема deal имеет дополнительную коннотацию «справляться с трудностями». Это можно продемонстрировать заголовками статей, в которых негативная коннотация выражена эпитетами negative, difficult и т. п.:

How to deal with negative people [11].

Tips on dealing with difficult people [11] и т. д.

d) функциональная замена:

В русском и английском языках имеются определенные соответствия идиом и устойчивых сочетаний, отражающие «культурные представления и традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые факторы» [1]. Если некоторые сочетания сходны как по форме, так и по семантическому составу: «работать, как часы» – like clockwork, то в ряде случаев эксплицитный показатель сравнения в двух языках различается под влиянием реалий: например, «работать за копейки» – to work for peanuts, выражение to work like a mule в русском языке требует замены на устойчивое сочетание с использованием метафоры либо сравнения «работать, как вол», «трудиться в поте лица» и т. д. Как правило, подобные идиомы в различных языках являются продуктом экстралингвистического контекста; кроме того, не следует игнорировать и постоянные изменения лексического и фразеологического запаса языков, которые периодически провоцируются процессами глобализации, приводят к появлению заимствований новых лексических единиц, появлению новых значений и новых комбинаторных особенностей уже имеющихся в языке лексем.

При анализе значения лексической единицы следует принимать во внимание, что «термину "оттенок значения" соответствуют три других лингвистических понятия, каждое из которых необходимо для многих разделов семантической теории: особенность семантики слова (денотата или сигнификата), особенность синтактики (семантической, лексической или морфосинтаксической сочетаемости) или особенность прагматики» [1].

В ряде случаев морфосинтаксические особенности языка позволяют выразить нужный оттенок значения, при передаче же этого значения на другом языке требуется анализ морфосинтаксических особенностей языка перевода. Именно по этой причине простое калькирование, компьютерный перевод недостаточны для обеспечения полноценной коммуникации. Лексема сама по себе не является единственным источником передаваемого значения. Имеет место взаимодействие всех уровней языка, образующих сложную систему, соответственно, перевод с исходного языка требует учета взаимозависимости элементов всех этих уровней, а также выбора необходимых морфологических, лексических, синтаксических единиц на языке перевода. В ряде случаев в двух языках эти элементы совпадают, как, например, переходный глагол в русском языке и соответствующий ему переходный глагол в английском, но даже в этом случае, при сходстве формальных характеристик, наблюдаются некоторые различия оттенка значения либо комбинаторных свойств, как в вышеприведенном примере со значением «перерабатывать», где в зависимости от объекта действия, т. е., в зависимости от лексемы, выражающей прямое дополнение, может производиться синонимическая замена глагола при переводе: refine oil, recycle waste и т. д. При этом каждый из глаголов выражает действие, заданное определенной технологией, т. е., этимологическое происхождение и семантическое наполнение глаголов различно: в одном случае лексема «перерабатывать» подразумевает очистку, в другом, например, переплавку и т. д. Не следует игнорировать также и негативную либо позитивную коннотацию, связанную с некоторыми глаголами либо устойчивыми выражениями. Таким образом, формальное сходство морфосинтаксических моделей в которых реализуется лексема «работать», «перерабатывать», не должно препятствовать правильной интерпретации семантики высказывания.

Ввиду структурных особенностей русского языка, в ряде случаев при добавлении морфемы имеет место чередование: «работать» – «разрабатывать», меняется категория глагола (переходный – непереходный). Вероятны трудности интерпретации в зависимости от частотности употребления лексемы в том или ином значении, в том или ином контекстуальном окружении, например, существительного workout, обозначающего спортивные упражнения, и глагола to work out + прямое дополнение, имеющего значение «разрабатывать». Различия этих

двух единиц прослеживаются на всех языковых уровнях: от слогового ударения до части речи и роли в предложении.

Экстралингвистические факторы, влияющие как на образование лексической единицы, так и на ее окказиональное употребление, включают как историко-политические (различные семантические ассоциации с процессом труда, различные эксплицитные показатели сравнения в двух языках), так и характеристику автора высказывания: например, выражение «работать, как вол» в словаре «Мультитран» [7] имеет некоторые неблагозвучные соответствия. Однако, связано это и с различиями стилистических норм разговорного русского и английского языков.

Таким образом, интерпретация каждой лексической единицы требует тщательного анализа не только семантической, но и структурной составляющей (т.е., структуры самой лексемы, синтаксических особенностей фразы, в которой она употребляется, сопоставления морфем, лексем либо синтаксических единиц в двух языках) наряду с учетом языкового узуса, экстралингвистических факторов, повлиявших на формирование устойчивых выражений, в состав которых входит исследуемая лексема, комбинаторных особенностей единицы, жанра и тематической направленности текста.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Значение и оттенок значения // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXXII. № 4. – [Электрон.ресурс] – М., 1974. С. 320 – 330. – Электрон.версия печ.публикации. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/apresyan-74.htm>, свободный. – Загл.с экрана. – Яз.рус.
2. Лингвистическая база данных British National Corpus – [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://bnc.bl.uk>, свободный. – Загл.с экрана. – Яз. англ.
3. Электронная энциклопедия «О живописи» (Painting:about) – [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: www.painting.about.com, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.
4. All Gaudi. Editorial Fisa Escudo De Oro, S.A. Barcelona, 2007. 112 p. На англ.яз.
5. Толковый словарь английского языка Webster's Online Dictionary [Электрон. ресурс] – Электрон.дан. – Режим доступа: www.websters-online-dictionary.org, свободный. – Загл.с экрана. – Яз. англ.
6. Словарь идиом английского языка [Электрон.ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://idioms.yourdictionary.com>, свободный. – Загл.с экрана. – Яз. англ.
7. Электронный словарь Мультитран [Электрон.ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: www.multitran.ru, свободный. – Загл.с экрана. – Яз. рус., англ.
8. Standard Operating Procedure for Poisonous / Toxic Gases [Электрон. ресурс] // Material Safety Data Sheets – Электрон. дан. – Режим доступа: www.materials.drexel.edu, свободный. – Яз.англ.
9. Электронная энциклопедия «Википедия» – [Электрон. ресурс] – Электрон. дан. – Режим доступа: www.wiki.org, свободный. – Загл.с экрана. – Яз. англ.
10. Dealing with People at Work [Электрон. ресурс] // Human Resources. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://humanresources.about.com>, свободный. – Яз. англ.
11. How to Deal with Negative People: 10 Strategies [Электрон. ресурс] // Life with Confidence: a positive way of thinking – Электрон. дан. – Режим доступа: www.stress.about.com, свободный. – Яз. англ.

THE ANALYSIS OF THE COMPATIBILITY OF THE TOKEN "WORK" AND VARIATIONS OF ITS TRANSLATION IN DIFFERENT CONTEXTS

E. S. Danilova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
elenasdanilova@rambler.ru*

The article deals with the analysis of the use of the verb “to work” in different contexts in Russian and English, as well as with the identification of its combination patterns. Morphological and syntactic patterns of the lexical unit in the two languages are compared. This analysis, coupled with the semantic associations typical for the lexical unit, as well as for the idioms including the verb “to work”, enables a more accurate interpretation.

Keywords: verbs of processing, morphological and syntactic properties, contextual meaning, lexical unit, semantic associations, combination pattern.

УДК 811.11

СЕГМЕНТЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА, ОБЪЕКТИВИРУЕМОГО ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЕЙ «SINN», В ТВОРЧЕСТВЕ И. В. ГЁТЕ

Т. А. Нойгебауер¹
И. П. Солодовник²

¹⁾ *Гимназия
им. Джекка Штайнбергера,
г. Бад Киссинген
(Германия)*

e-mail: TatianaVlasova@gmx.de

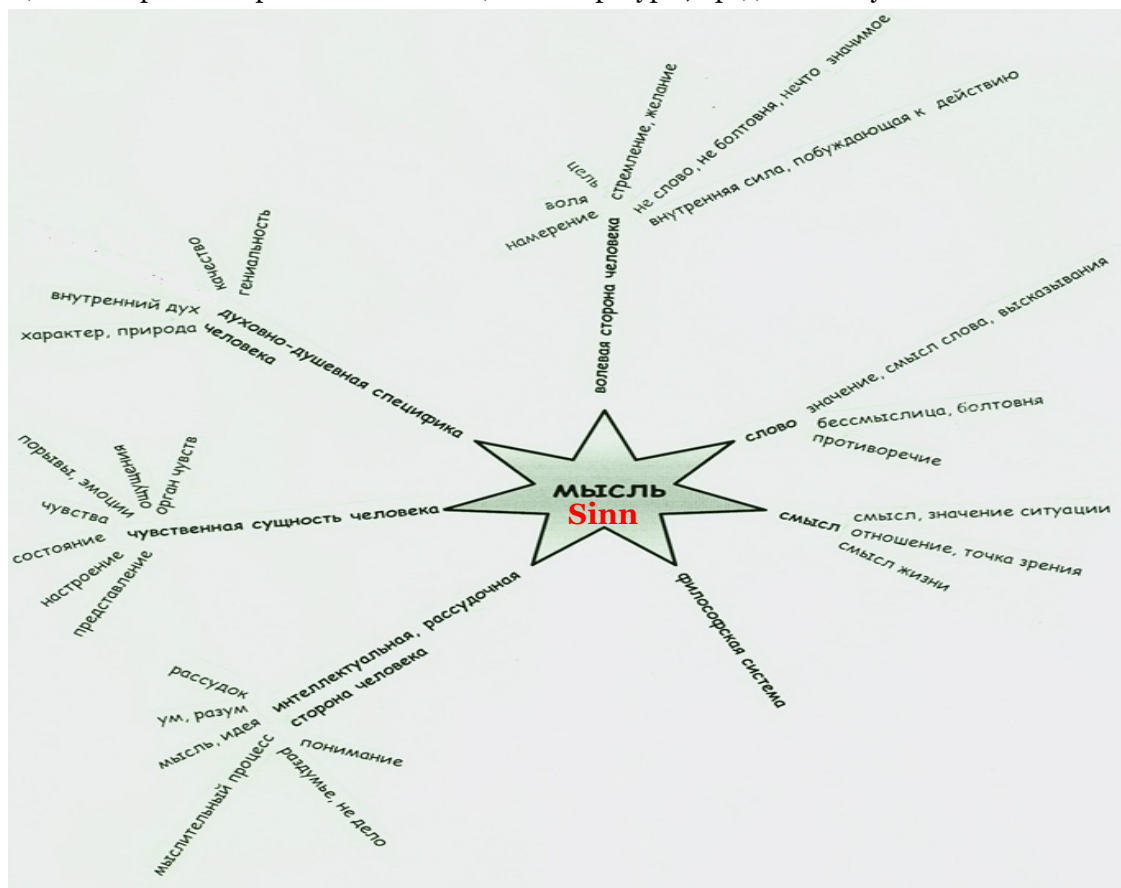
²⁾ *Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: Solodovnik@bsu.edu.ru

В статье на основе наблюдений над употреблением лексемы «Sinn» в произведениях И. В. Гёте, объективирующей соответствующий концепт, демонстрируется многообразие смыслов, передаваемых этой лексемой в разных контекстах, и раскрываются многие стороны богатой картины мира автора. Концептуальное пространство данного художественного концепта как важная часть мировоззрения И. В. Гёте и его интерпретация представлены как структура, состоящая из определенных сегментов и признаков.

Ключевые слова: концепт, лексема, концептуальные признаки, когнитивная лингвистика, мысль, И. В. Гёте, концептосфера, языковая картина мира, философское мировоззрение, концептуальное пространство, структура, сегмент, метазначение, метазначение, антропоцентрический подход, текст.

Структура концепта, основным средством вербализации которого в произведениях И. В. Гёте разных жанров является слово «Sinn», практически не рассматривалась в трудах когнитивного направления лингвистики. Результаты проведенного нами исследования, представленные в данной статье, отражают проявления индивидуально-авторской интерпретации мира в художественном тексте. Изучение контекстных реализаций значения лексической единицы «Sinn» в творчестве И. В. Гёте позволяет смоделировать структуру соответствующего концепта в картине мира классика немецкой литературы, представленную на схеме:

Лексема «Sinn» используется в избранных для анализа произведениях И. В. Гёте 185 раз. Рассматриваемый концепт вербализуется в картине мира писателя не только этой лексической единицей, но и ее синонимами, перифразами, афористическими средствами, в том числе и словами «Wort», «Tat», объективирующими отдельные признаки или целые сегменты концепта «Sinn», пересекающиеся с признаками концептов «Wort» и «Tat». Концепт «Sinn», основное содержание которого репрезентируется в индивидуально-авторской концептосфере И. В. Гёте словом «Sinn», имеет сложное строение. Это семь сегментов, которые взаимосвязаны образным компонентом (когнитивной метафорой) и включают в свой состав концептуальные признаки более низкого уровня абстракции.

Известно, что в отечественной лингвистике концепт и значение языковой единицы рассматриваются как единицы различных типов абстракции: «концепт – единица концептосферы, значение – единица семантической системы, семантического пространства языка. Значение своими системными семами передает определенные признаки, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта» [1, с. 59]. Но когнитивные структуры можно моделировать, опираясь на семантику языковых знаков, с помощью которых они вербализуются. Таким образом, выявленные в произведениях И. В. Гёте контекстуальные значения лексем «Sinn» (метазначения и метаметазначения как элементы содержания разного уровня абстракции) отражают на семантическом уровне прототипические признаки соответствующего концепта, которые тоже характеризуются принадлежностью к разным уровням этого ментального образования.

Поскольку речь идет об авторской языковой картине мира И. В. Гёте, то мы имеем дело не с когнитивным концептом, под которым принято понимать «обобщенные коллективные представления об объективной реальности» [2, с. 24], а с художественным концептом, т.е. обобщенными индивидуальными представлениями о субъективной реальности. Для того, чтобы смоделировать структуру художественного концепта, необходимо, как отмечает Ю. Г. Бобкова, «ограничиться пространством самого текста и выявить те ассоциативные связи, которые складываются между языковыми единицами, наполняющими текст» [2, с. 24]. Представляется, что эти положения релевантны для акцентирования сложности абстрактного по своей сути концепта «Sinn», объективируемого в художественных текстах И. В. Гёте не только этим словом, но и другими языковыми единицами, обеспечивающими актуализацию культурнозначимых представлений автора.

Проиллюстрируем с помощью контекстуального анализа слова «Sinn» на примерах из «Фауста», лирики и прозы И. В. Гёте концептуальные признаки, выявленные нами в каждом из установленных семи сегментов концепта (концептуального пространства) «Sinn». Явления более высокого уровня абстракции, отражаемые значениями лексем «Sinn» в контексте, мы называем сегментами концепта: интеллектуальная, рассудочная сторона человека; чувственная сущность человека; духовно-душевная специфика человека; волевая сторона человека; слово; смысл; философская система; а представления более низкого уровня абстракции – признаками концепта. Рамки статьи не позволяют описать каждый признак в выявленных нами сегментах концепта, поэтому мы остановимся на самых ярких и значимых, показывающих многогранность картины мира И. В. Гёте.

1. Интеллектуальная, рассудочная сторона человека

Для И. В. Гёте характерна мысль о том, что «ум расширяет горизонты видения, дает перспективу, но ослабляет, дело оживляет, но ограничивает» [3, с. 170]. Поэтому не случайно, что наиболее часто слово «Sinn» в творчестве И. В. Гёте употребляется в метаметазначении «интеллектуальная, рассудочная сторона человека», репрезентирующем важный сегмент анализируемого концепта. Так, в примере ниже негативная семантика причастий «verrückt» и «zerstückt» в сочетании со стилистическим приемом параллелизма и структурным сцеплением с существительным «Kopf» усиливают такой семантический оттенок значения лексем «Sinn», как «рассудок». Он образуется на основе узкого контекста – притяжательного местоимения «mein» и прилагательного «arm» - и отражает соответствующий содержательный участок рассматриваемого концепта:

Mein armer Kopf
Ist mir verrückt,
Mein armer **Sinn**
Ist mir zerstückt («Mein Ruh ist hin...»).

В следующем примере минимальный контекст – прилагательное «trocken» – достаточен для метафорического сдвига значения существительного «Sinnen», объективирующего концепт «Sinn», образованию же метазначения «ум, разум» способствует акцентирование в кон-

тексте функции, свойственной уму, с помощью сочетания «Sinnen» с формой глагола erklärt – объяснение священных знаков:

Wie spricht ein Geist zum andern Geist.
Umsonst, daß trocknes **Sinnen** hier
Die heil'gen Zeichen dir erklärt (Faust I).
Когда ответит духу дух!
Чудесных знаков дивный вид
Сухой наш ум не объяснит (*Пер. Н. А. Холодковского*).

В этих строках И. В. Гёте подвергает острой критике механицизм в науке, который не способен адекватно объяснить законы природы. По мнению А.Г. Столетова, Гёте как ученый в конце XVIII – начале XIX в. оказался вне понимания современников, благодаря, прежде всего, неприятию математической картины мира [4, с. 237]. Вместо этого он предлагает «созерцательную способность суждения» [5, с. 17] и И. Канта. Согласно Гётевскому учению о первофеномене, «созерцательная способность суждения помогает увидеть в единичном всеобщее, в явлении раскрыть сущность» [Там же].

Метазначение «мысль, идея» формируется в одном из лирических произведений И. В. Гёте в широком контексте ситуации, связанной с постижением Гафизом методов поэтического пророчества, за счет принципов и основных идей Гёте и особенно благодаря коллокации лексических единиц «Wort» и «Sinn». Семантика глагола «finden» создает предпосылки для образования указанного значения, отражающего соответствующий признак концепта, вербализуемого лексемой «Sinn»:

Das Wiederholen soll mir auch gefallen,
Erst wird ich **Sinn**, sodann auch Worte finden... (West-östlicher Divan, Buch Hafis).
В твой ритм и строй хочу всецело влиться,
Постигнуть суть и дать ей выраженья... (Западно-восточный диван, Книга Гафиза. *Пер.*

В. Левика).

Рассмотрим пример, иллюстрирующий образование негативного семантического оттенка «раздумье, не дело», вербализуемого словом «Sinnen» в рамках фразеологического оборота «etwas sein lassen» с функцией волюнтаривности:

Drum frisch! Laß alles **Sinnen** sein,
Und g'rad' mit in die Welt hinein!
Ich sag' es dir: ein Kerl, der spekuliert,
Ist wie ein Thier, auf dürrer Heide
Von einem bösen Geist im Kreis herum geführt,
Und rings umher liegt schöne grüne Weide (Faust I).
Итак, смелей!
Раздумье всё долой,
И прямо в шумный мир за мной
Спешу, надеждой окрылённый!
Кто философствует, тот выбрал путь плохой,
Как скот голодный, что в степи сухой
Кружит себе, злым духом обойдённый,
А вкруг цветёт роскошный луг зелёный! (*Пер. Н. А. Холодковского*).

Признак «раздумье, не дело» концепта «Sinn», объективируемый с помощью существительного «Sinnen», в данном примере противопоставляется делу, активной деятельности. Гёте критикует в познании природы механизацию научного исследования путем сравнения ученого, отказавшегося от эмпирического познания, с животным: «ein Kerl, der spekuliert, ist wie ein Tier». «Модель вытеснила оригинал», – так характеризует эту критическую позицию И. В. Гёте К. А. Свасьян, приводя в качестве примера следующие слова Гёте: «Вместо того, чтобы становиться между природой и субъектом, наука пытается стать на место природы и постепенно делается столь же непонятной, как последняя» [6, с. 35]. Гёте же утверждал: «Все есть гармоническое Единое. Всякое творение есть лишь тон, оттенок великой гармонии, которую нужно изучать также в целом и великом, в противном случае всякое единое будет мертвой буквой природы – она есть все – нет тайны, которой она не открыла бы когда-нибудь внимательному наблюдателю» [7, с. 224]. Иными словами, по Гёте, непосредственное наблюдение – ключ к пониманию природы. «Он хочет остаться с природой один на один, воспринимать ее без посредников, [...] видеть ее невооруженным глазом» [3, с. 164].

2. Чувственная сущность человека

Рассмотрим еще один сегмент вербализуемого лексемой «Sinn» концепта, включающий семь признаков, выявленных нами при анализе контекстов употребления этой лексемы. Вся литература, затрагивающая вопрос о гносеологии И. В. Гёте, отмечает особое видение (позицию) Гёте, в котором глаз рассматривается как инструмент познания. «Еще в юности Гёте, увлеченный Гердером, с восторгом принял его мысль о первенстве «чувства» (осозания, ощущения) перед всеми другими инструментами познания» [8, с. 12]. По мнению В. А. Звегинцева, «всякое мышление приобретает материальное содержание только через связь с чувственным материалом» [9, с. 2]. Отношение И. В. Гёте к познанию явствует из содержания используемого в его произведениях слова «Sinn», объективирующего соответствующий сегмент концепта. Метаметазначение «чувственная сущность человека», реализуемое словом «Sinn» в контексте и противопоставляемое интеллектуальной деятельности, отражает позицию И. В. Гёте.

На основе широкого ситуативного контекста познания природы, и, прежде всего, оппозиций «Sinn – Verstand» и «Sinn – Vernunft» в рассматриваемом примере возможна актуализация значения «орган чувств», репрезентирующего данный признак концепта «Sinn»:

Man muß diese totscheinenden und doch zur Tätigkeit innerlich immer bereiten Wesen wirkend vor seinen Augen sehen, mit Teilnahme schauen, wie sie einander suchen, sich anziehen, ergreifen, zerstören, verschlingen, aufzehren und sodann aus der innigsten Verbindung wieder in erneuter, neuer, unerwarteter Gestalt hervortreten: dann traut man ihnen erst ein ewiges Leben, ja wohl gar **Sinn** und Verstand zu, weil wir unsere **Sinne** kaum genügend fühlen, sie recht zu beobachten, und unsre Vernunft kaum hinlänglich, sie zu fassen (Wahlverwandschaften).

Надо своими глазами видеть в действии эти вещества, как будто безжизненные, но внутренне всегда готовые прийти в движение, надо с участием смотреть, как они друг друга ищут, притягивают, охватывают, разрушают, истребляют, поглощают, а затем, по-иному слившись воедино, выступают в обновленной, неожиданной форме. Вот тогда мы готовы признать в них вечную жизнь, чувства и рассудок, ибо наши собственные чувства кажутся нам недостаточными, чтобы как следует наблюдать за ними, а разум едва ли не бессильным, чтобы их постичь (Избирательное сродство. Пер. А. Федорова).

Данный пример показывает Гётевский метод познания природы: «наблюдать (созерцать) природу, оставаясь частью её, не подступаться к ней с готовыми априорными формами, понятиями, не предписывать закон, а стремиться создать условия, при которых само явление смогло бы подыскать себе в рассудке соответствующее понятие и выразиться через него» [6, с. 125].

В анализируемом контексте метод раскрывается через тематическую сетку языковых единиц, ассоциативно связанных с методом как органом чувств: «vor seinen Augen sehen», «mit Teilnahme schauen», «beobachten». Метод И. В. Гёте не выходит за пределы явлений, в этом его эмпиризм [6, с. 118]. Наука И. В. Гёте начинается до наблюдения и эксперимента, до выработки аппарата понятий и высоких методологических процедур; «ее начало коренится в живом общении к объекту исследования путем чистого и беспредпосылочного переживания природы» [6, с. 39]. «Высшее, чего человек может достигнуть, – повторяет К. А. Свасьян слова 80-летнего Гёте – есть изумление» [Там же].

Следующий пример иллюстрирует идею И. В. Гёте о том, что «сумма нашего существования, [...] никогда не делится на разум без остатка; всегда остается странная дробь» [6, с. 26]. В данном случае эта дробь – человеческие чувства. Контекст глагола «ausfüllen» и минимальный контекст местоимения «alle» в сочетании с синонимом слова «Sinn» «Empfindungen» в той же синтаксической функции специфицируют значение «чувства», отражающее соответствующий признак концепта:

Was muß das für ein Mensch sein, dem Lotte gefällt, dem sie nicht alle **Sinne**, alle Empfindungen ausfüllt! (Die Leiden des jungen Werthers).

Кем надо быть, чтобы Лотта нравилась, а не заполняла все чувства, все помыслы! (Страдания юного Вертера. Пер. Н. Касаткиной).

3. Духовно-душевная специфика человека

Согласно эстетическим воззрениям И. В. Гёте «не один разум, а все физические и духовные силы человека получают выражение в искусстве, и оно в конечном счете не что иное, как следствие деятельности природы. Это она говорит в поэте и через поэта» [10, с. 133]. Это связано с тем, что в предсмертные годы, сознавая неизбежный уход, Гёте подводил итоги своей жизни. Он говорил об особой значимости «личности, индивидуальности одного порядка со значением реальности в космосе всего человечества» [11, с. 629]. Г. Риккерт также указывает на требование Гёте познавать вещь (особенное) не через абстракции, не так называемым генерализирующим способом, а через индивидуализацию; т. е. разрозненные элементы должны обобщаться не пу-

тем отвлечения от них общих признаков, а на основе выбора тех признаков, которые включают в себя культурные ценности, «имеют значение для культурного развития, в чем и заключается историческая индивидуальность в отличие от простой разнородности» [12, с. 108].

С этими философскими положениями И. В. Гёте связан сегмент «духовно-душевная специфика человека» концептуального пространства, вербализуемого лексической единицей «Sinn». Проанализируем использование этого слова в следующем контексте.

Ein leichter **Sinn** trägt alles! Ein leichter **Sinn**? Das macht mich zu lachen, wie das Wort in meine Feder kommt (Die Leiden des jungen Werthers).

При беспечном нраве все легко! Беспечный нрав? Даже смешно, как из-под моего пера вышли эти слова (Страдания юного Вертера. Пер. Н. Касаткиной).

В высказывании Вертера узкий контекст прилагательного «leicht» достаточен для сдвига первичного значения определяемого существительного, а сема афористичности в контексте усиливает этот эффект, формируя ЛСВ «характер, природа», отражающий соответствующий признак названного выше сегмента концепта «Sinn».

Следующий пример иллюстрирует, какой смысл выражает лексема «Sinn» в афористическом высказывании И. В. Гёте:

Geheilt will ich nicht sein, mein **Sinn** ist mächtig;

Da wär' ich ja wie andre niederträchtig (Faust II).

Лечиться, чтоб огонь во мне потух?

Чтоб стал я рассудителен и сух? (Пер. Б. Пастернака).

В этом высказывании личное местоимение «mein» уже ведет к сдвигу в структуре значения слова «Sinn». Однако метазначение «внутренний дух», репрезентирующее в рамках языковой формы соответствующий признак концепта, формируется за счет семы значимости прилагательного «mächtig» в функции предикатива. Данный пример, аналогично высказыванию: «Пусть он [мир] лежит перед нами безначальный и бесконечный, пусть безгранична даль, непроницаемо близкое; все это так; однако да не будет никогда ни определено, ни ограничено, как далеко и глубоко способен человеческий дух проникнуть в свои и его тайны» [7, с. 382], демонстрирует желание и возможности человека познавать свой внутренний и окружающий мир.

4. Волевая сторона человека

Важную роль И. В. Гёте отводит человеку в процессе познания мира. Гносеология Гёте тесно связана с его основополагающей идеей о «продуктивности души». Познание природы продуктивно, и под силу оно только «продуктивным душам». Согласно И. В. Гёте, в природе нельзя различать внешнее и внутреннее, она существует в целостности, а исследователь, исполненный продуктивности, движется шаг за шагом по пути познания природы [8, с. 9]. Идея продуктивности человека (понимаемой как активная деятельность), как и идея единства, нашли свое выражение как признаки концепта «Sinn» в творчестве И. В. Гёте в метаметазначении «волевая сторона человека», отражающем соответствующий сегмент концепта.

Так, в примере ниже оттенок возвышенности описываемого действия создается за счет инверсий, минимального контекста прилагательного «hoch» и архаизации существительного посредством генитива «hohen Sinnes» в синтаксической функции обстоятельства образа действия. Демонстрация результата действия краткими резюмирующими строками «Blick ist Urteil», «ergreift das Schwert er», «Schleppt sie zu dem Totenhügel» в контексте предложения уточняет значение «цель», репрезентирующее соответствующий концептуальный признак:

Er erblickt sie, Blick ist Urteil,

Hohen **Sinns** ergreift das Schwert er,

Schleppt sie zu dem Totenhügel,

Wo Verbrecher büßend bluten (Paria).

В глазах супруга –

Приговор. Он меч хватает

И на холм ее влечет,

Где преступников карают (Пария. Пер. О. Чухонцева).

Согласно И. В. Гёте, «эйдос (здесь мысль) несет в себе цель. Отсюда возникает идея целесообразности, телеологическая точка зрения: всё имеет свою цель» [13, с. 270], как в рассмотренном примере – преступница была наказана, справедливость восстановлена.

5. Слово

Мысль у И. В. Гёте непосредственно связана со словом: «... слово предварено в ней [мысли] паузой и жестом, но, даже выслвленная, она образует вокруг знака слова живой эфирный ореол, некую дразняще нерегистрируемую атмосферу нюансов» [6, с. 157]. И. В. Гёте неоднократно высказывал своё мнение о том, что «в любом словесном произведении главное основа,

смысл, внутреннее содержание, общая направленность» [7, с. 429]. Именно этот признак – «смысл слова, высказывания» – является общим для концептов, вербализуемых словами «Sinn» и «Wort», образуя зону их пересечения. Этот признак является наиболее значимым в сегменте «Слово» концептуального пространства «Sinn». Проанализируем один из примеров, в котором слово «Sinn» объективирует данный признак.

В следующем примере глагол «wechseln» в узком контексте делает возможным сдвиг первичного значения лексемы «Sinn» в сторону метазначения «смысл слова, высказывания». Уточняет это значение синтаксическая функция слова «Sinn» – определение в генитиве к существительному «Silben», значение которого связано со значением существительного «Wort» (слово):

Blick und Händedruck, und Küsse, gemütliche Worte,
Silben köstlichen **Sinns** wechselt ein liebendes Paar (Römische Elegien).

Речь влюбленные взглядом ведут, поцелуем, пожатьем

Рук, особым словцом – и полусловом порой! (Римские элегии. Пер. Н. Вольпин).

6. Смысл

И. В. Гёте утверждал, что «мыслить мир в понятиях – все равно, что читать азбуку мира; спору нет, азбука необходима, но не азбучными истинами держится мир. Понятия – грамматика природы, можно читать по буквам, но не в буквах смысл, по слогам, но и смысл не в слогах; он – не в словах, даже не в предложениях; он – в связующем единстве их» [6, с. 188]. И. В. Гёте также полагал, что путем систематического изучения определенного круга феноменов можно прийти к представлению как бы обобщенного феномена, своего рода типу явлений этого рода, который он обозначил словом «прафеномен» [8, с. 13]. Прафеномен, по Гёте, есть чтение книги природы и понимание ее, понимание продуктивное, метод которого состоит в таком рассмотрении явлений, при котором они обнаруживали бы свой смысл [8, с. 13]. С феноменологией Гёте связано его понимание слова «Sinn» как средства объективации сегмента одноименного концепта, объединяющего несколько признаков, в том числе и признак «смысл жизни». Обратимся к примеру.

В примере ниже широкий контекст знания о весьма ограниченных интересах Оттилии и изображении её И. В. Гёте как «идеальной» женщины в своем позднем романе в сочетании с многократным употреблением слов, выражающих понятия, связанные с домом: «Haushalt», «Haus», «Häusliche», позволяет установить для слова «Sinn» метазначение «смысл жизни», а именно – домашнее хозяйство как смысл жизни Оттилии:

Ottilie war indessen schon völlig Herrin des Haushaltes, und wie konnte es anders sein, bei ihrem stillen und sichern Betragen. Auch war ihre ganze **Sinnes**weise dem Hause und dem Häuslichen mehr als der Welt, mehr als dem Leben im Freien zugewendet (Wahlverwandschaften).

Оттилия между тем вполне освоилась с домашним хозяйством, да и могло ли быть иначе при ее спокойном и уравновешенном характере? К тому же она по всему своему складу больше тяготела к домашней жизни, чем к жизни в свете или на природе (Избирательное сродство. Пер. А. Федорова).

7. Философская система

Характерным признаком развития западноевропейской культуры XVIII в. и более позднего периода было то, что всеми руководила идея развития. Концептуальное пространство, объективируемое лексемой «Sinn» в произведениях И. В. Гёте, включает и сегмент «философская система», то есть признак высокого уровня абстракции, отражаемый на семантическом уровне в высказываниях как метаметазначение слова «Sinn». В рассматриваемом примере концептуальный признак «философская система» заключается в Гётевском видении проблемы развития как непрерывного процесса. Ср. семы процессуальности в словах «Gestaltung», «Umgestaltung», «ewig»:

Bei seinem Schein wirst du die Mütter sehn,
Die einen sitzen, andre stehn und gehn,
Wie's eben kommt. Gestaltung, Umgestaltung,
Des ewigen **Sinnes** ewige Unterhaltung (Faust II).

Пред жертвенником Матери стоят,

Расхаживают, сходятся, сидят.

Так вечный смысл стремится в вечной смене

От воплощенья к перевоплощенью (Пер. Б. Пастернака).

Очевидно, что мир, согласно И. В. Гёте, – это «процесс непрерывного творчества Природы, поскольку она не бывает статична» [6, с. 41]. «Главными свойствами этого процесса Гёте

считал полярность (постоянные колебания от одного полюса к другому при общем равновесии), и потенцирование (эволюцию, непрестанное движение вверх, к совершенству)» [Там же].

Таким образом, концепт «Sinn» у И. В. Гёте прежде всего антропоцентричен: ср. выявленные нами сегменты «интеллектуальная, рассудочная сторона человека», «чувственная сущность человека», «духовно-душевная специфика человека» и «волевая сторона человека». И. В. Гёте рассматривает разум и чувства человека не в оппозиции, а руководствуясь принципом дополнительности: «Быть растянутым между «да» и «нет», точнее, зная в себе «да», осознать и «нет», и наоборот, ибо истина не в «да» и «нет», взятых порознь; взятые порознь, они культивируют половинчатость, нецельность, узость и, как таковые, ложны» [6, с. 41]. Специфичным для Гётевского видения человека, а именно его духовно-душевной специфики, являются сила его внутреннего духа, его характер и гениальность (ср. соответствующие признаки концептуального пространства «Sinn»), объединенные его волей. Деятельность и ее целевая направленность соединяют разум и чувства, позволяя мысли быть философской и, выражаясь словом, приобрести смысл.

Список литературы

1. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 192 с.
2. Бобкова Ю. Г. От концепта к области его актуализации // Этнокультурные константы в русской языковой картине мира: генезис и функционирование: матер. междунар. науч. конф. – Белгород, 2005. – С. 22 – 27.
3. Волков Г. Н. Сова Минервы. – М.: Молодая гвардия, 1973. – 255 с.
4. Столетов А. Г. Общедоступные лекции и речи – М., 1897. – 260 с.
5. Гулыга А. В. Эстетика Канта // Кант И. Критика способности суждения. – М.: Искусство, 1994. – 368 с.
6. Свасьян К. А. Философское мировоззрение Гёте. – М.: evidentis, 2001. – 224 с.
7. Гёте И. В. Фауст, перевод Б. Пастернака. – М., 1957.
8. Горохов П. А. К вопросу о «гносеологии» И. В. Гёте // Вестник ОГУ. – 2003. – № 2. – С. 9 – 14.
9. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 248 с.
10. Аникст А. А. Творческий путь Гёте. – М.: Худож. лит., 1986. – 544 с.
11. Soret F. Zehn Jahre bei Goethe. – Leipzig, 1929.
12. Солодовник И. П. Некоторые аспекты проблемы формы у Гёте // Литература и христианство. – Белгород: Издательство БелГУ, 2000. – С. 106 – 112.
13. Солодовник И. П. Тожество, форма, метод в творчестве Гёте // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2008. – №3 – С. 268 – 273.

SEGMENTS OF THE CONCEPTUAL SPACE, REPRESENTED BY THE LEXICAL UNIT «SINN», IN GOETHE'S WORKS

T. A. Neugebauer¹
I. P. Solodovnik²

¹⁾ *Gymnasium named after Jack Steinberger, Bad Kissingen, Germany*

e-mail: TatianaVlasova@gmx.de

²⁾ *Belgorod National Research University*

e-mail: Solodovnik@bsu.edu.ru

In this article on the basis of researching over the lexeme use, representing the concept «Sinn», the different meanings of the lexem in diverse contexts and some parts of Goethe's world view are shown. Conceptual space of this cultural concept is given as an important part of Goethe's philosophical outlook and its interpretation is presented as a structure consisting certain segments and sites.

Keywords: Concept, lexeme, conceptual signs, cognitive linguistics, thought, Goethe, conceptual sphere, world language picture, philosophical outlook, conceptual space, structure, segment, metameaning, metametameaning, anthropocentric approach, text.

УДК 811.11:811.16:81 373

ОПЫТ КОМПАРАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА «УНИВЕРСАЛЬНЫХ» ГЛАГОЛОВ В АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ*

О. Н. Прохорова
И. В. Чекулай
И. А. Куприева

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail:

prokhorova@bsu.edu.ru

chekulai@bsu.edu.ru

kuprieva@bsu.edu.ru

Настоящая статья посвящена рассмотрению особенностей системного и функционального значения глагольных лексем и фразеологизмов, вербализующих универсальную ментальную структуру в английском и французском языках в русле когнитивного подхода.

Ключевые слова: универсальные глаголы, английский язык, французский язык, объективация, психические процессы.

Как известно, одной из ведущих глобальных проблем современной лингвистической науки является выявление соотношения языкового значения и внеязыковой действительности, преломленной человеческим сознанием. При этом следует принять во внимание тот факт, что учет существования лексической системы одновременно как в плане выражения, так и в плане содержания зачастую свидетельствует в пользу рассмотрения языковой системы в качестве некоторой идеальной модели представления знаний, с отдельным акцентом на отсутствие абсолютного единства между обоими отмеченными планами. По свидетельству психолингвистики, указанная асимметрия языкового знака является при этом следствием особого проявления афазии, т. е. своего рода процесс утраты памяти содержания единицы, в настоящей работе употребляется в значении «потеря связи», которая в данном случае проявляет себя в забывании содержания слова при сохранении его внешней оболочки. Иными словами, за употреблением слова в определенной речевой ситуации не стоит досконального понимания говорящим сути становления его лексического значения. Соответственно, иногда вопреки традиционному лингвистическому представлению, неделимая связь планов содержания и выражения проявляет себя исключительно в функциональном смысле или в смысле объективации внешней формой, что зачастую затрудняет процесс исследования механизма категоризации значения. Объективное и детальное изучение последнего, тем не менее, крайне необходимо для определения специфической для каждого языка картины мира, сложной, подвижной и динамичной мозаики лексем, объективирующих и узконациональные и универсальные концепты.

Первые концепты относятся к собственно плоскости исследований в лингвокультурологии. Вторые в рассмотрении с подобной точки зрения априори не попадают, будучи составляющими алфавита «ментальных атомов (семантических примитивов)» [3], которые обеспечивают межъязыковую коммуникацию в различных формах. К таким концептам относят практически все концепты психической сферы личности, в частности, концепт «Внимание», концепт «Память», концепт «Восприятие», концепт «Воображение», концепт «Мышление» и пр. Будучи универсальными концептами, эти структуры обеспечивают «духовное единство человечества» [3], поскольку универсальны, а, следовательно, едины для всех наций.

Однако по поводу абсолютного характера объективации во всех языках существуют и другие точки зрения, показывающие некоторую разницу и специфику вербализации коррелирующих с ними экстралингвистических феноменов в разных языках. Так, например, в работе В. И. Шаховского отмечается следующее положение: «языковые личности, естественно, не могут в различных этносах, с помощью различных языковых кодов, замешанных на различных «памятях» об исторической протяженности этих этносов одинаково отражать, картировать и интерпретировать мир, который, вопреки бытующему в науке мнению, у разных этносов, увы, не один и тот же» [6]. Однако, кроме данного эпизодического упоминания об отражении культурологической разницы восприятия и в универсальных концептах, в современной лингвисти-

* Печатается в рамках проведения поисковой научно-исследовательской работы при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы.

ческой литературе нет, как нет и ни одного исследования, выявляющего культурологические смыслы универсальных концептов.

Сложность данного вопроса является ключевым мотивом обращения к его изучению в настоящем исследовании, где впервые предпринимается попытка исследования культурологических смыслов универсалий на материале нескольких групп языков. В качестве объекта исследования выступают культурологические смыслы, которые актуализируются ментальной структурой, соотносящейся с психической сферой личности. Как было выявлено в ходе анализа, указанная ментальная структура представляет собой некий бленд универсалий психической сферы (концепт «Внимание», концепт «Память», концепт «Восприятие», концепт «Воображение», концепт «Мышление»), и как гипотетически предполагается, имеет некоторую специфику актуализации в славянской, романской и германской лингвокультурах. В связи с этим основной целью данной работы является раскрытие национального компонента актуализации «идеальной» ментальной структуры лексическими средствами славянских, романских и германских языков. Таким образом, в рамках достижения обозначенной цели предполагается установить лингвокультурологическую специфику вербализации так называемых «универсальных» ментальных конструктов, коррелирующих с психической сферой личности, в славянских, романских и германских языках, что позволит ранжировать исследовательский тезаурус по принципу «прототип – ядро – периферия» по выработанным критериям, специфицировать семантическую емкость каждой лексической единицы и доказать наличие «культурологической составляющей» на системном или функциональном уровне вербализующих «универсальные» ментальные конструкты в нескольких языковых группах.

Когнитивно-ориентированный характер настоящего исследования позволяет привлечь к анализу лингвистических данных информацию нелингвистического характера, в нашем случае, психологии, когнитивной психологии, для наибольшей объективности представления полученных результатов. Как показывают данные смежных с лингвистикой наук, психические процессы, относящиеся к познавательной деятельности, коррелирующие в своей совокупности с «идеальной» ментальной структурой на когнитивном уровне, имеют некоторую специфику функционирования в реальном времени. Иными словами, человек как «субъект-носитель соответствующих психических процессов входит в структурные формулы эмоциональных и регуляционно-волевых процессов в качестве их общего компонента». Это дословно обозначает, что субъекту ингерентно присуща межклассовая интеграция всех психических процессов и их слаженная работа. «Этим создается специфическая парадоксальная ситуация, суть которой заключается в том, что интегративное целое входит в структурную формулу своих частей» [4].

Однако взаимосвязь и интеграция психических процессов неоднородна по своей природе и в наибольшей степени выражается особенно на уровне таких универсальных, существующих в тандеме процессов как воображение, внимание, память. Так, «восприятие невозможно без памяти, запоминание невозможно без восприятия, а внимание не возможно без мышления» [5].

Иными словами, исследование феномена психических процессов в экстралингвистике, позволяет сделать умозаключение об интеграции психических процессов в единое целое и доминантном характере так называемых «сквозных психических процессов» - памяти, внимания и воображения. Последние представляют особый интерес, как для психологии, когнитивной психологии, так и для когнитивной лингвистики, как науки призванной описывать специфику отражения накопленного человеческого опыта в языке. Соответственно, учитывая междисциплинарный характер последней, дадим сквозным доминантным процессам краткие характеристики и опишем их взаимосвязь в экстралингвистике, что впоследствии позволит сделать лингвистический анализ наиболее объективным.

Проведенный системный анализ лексики, номинирующей психические процессы, показывает, что наиболее схожими группами языков, где идентично актуализируется ментальная структура психических процессов, является группа германских и романских языков. Такое умозаключение является следствием описываемого ниже компаративного анализа, который проводился по следующим критериям:

- 1) полное или частичное совпадение семантического объема лексем в обоих языках;
- 2) расширение семантического объема лексемы в одном из языков.

При этом в анализе лексем и ФЕ учитывались как их системные, так и функциональные значения. Приведем несколько наиболее ярких примеров, сопроводив их лингвистическим описанием.

Сравним лексико-семантическую структуру таких этимологически родственных глаголов французского и английского языков, как *anticiper* (фр.) и *anticipate* (англ.). Во француз-

ском языке данная структура выглядит следующим образом: «1) предвирать, предвосхищать, опережать; делать что-либо раньше времени, например: *anticiper le paiement de huit jours* — уплатить за неделю до срока; 2) предвидеть, предчувствовать; (sur) забежать вперед *anticiper sur le futur* — предвосхищать будущее; *n'anticipons pas* — не будем торопиться, не будем забежать вперед; (sur) использовать в счёт будущего *anticiper sur ses revenus* — жить за счёт будущих расходов» [7]. Соответственно, лексико-семантическая структура английского глагола *anticipate* выглядит следующим образом: «1) ожидать, предвидеть; предчувствовать, предвкусывать: *We anticipate spending two weeks here* — Мы думаем провести там две недели; 2) ускорять, приближать (наступление чего-л.): *to anticipate a disaster* — ускорить катастрофу; *to anticipate by half an hour the usual time of his arrival* — приблизить на полчаса обычное время его прихода; 3) предвосхищать, предугадывать, упреждать; *to anticipate smb.'s wishes* — предугадать чьи-л. желания; 4) тратить деньги преждевременно, досрочно; *to anticipate income* — тратить в предвидении будущих доходов» [7].

Нетрудно заметить, что периферийные ЛЕ, актуализирующие ментальную структуру психических процессов и описывающих ситуацию внимания с профилирование концептуальных признаков «настороженность/бдительность/ожидание», несмотря на некоторую незначительную семантическую разницу, функционируют идентично, синонимично в контекстах французского и русского языков, соответственно. Приведем несколько примеров, чтобы подтвердить данное положение на функциональном уровне: «Le client quant à lui, veut obtenir des informations lui permettant d'anticiper le résultat futur de l'entretien» [8]; «Il offre d'anticiper le paiement des trois milliards échus le 3 mars 1874 par des paiements mensuels de cent millions, devant commencer dans le courant de l'année 1872 et continuer pendant trente mois» [13]; «The company said: "The traditionally stronger second half has started well and it is anticipated cash flow for the full year will exceed capital requirements"» [9]; «Sharpe now anticipated another battle; one for a crossroads that linked two armies» [9].

Как видно из представленных выше примеров, значение лексем *anticiper* (фр.) и *anticipate* (англ.) является контекстуально обусловленным в пределах заявленного в словаре семантического объема и естественным образом трактуется исходя из анализа контекстного окружения.

Идентичная ситуация складывается в случае с лексемами *captiver* (фр.) и *capture* (англ.). Значения заявленных глаголов, как во французском, так и в английском языке являются прямыми для описания ситуации пленения, захвата. Для сравнения семантики лексем также помещаем словарные данные в их сопоставлении:

captiver: «1) брать в плен, захватывать в плен; держать в плену; 2) поработать, покорять; пленять, соблазнять» [7];

capture: «1. захватывать, брать силой; 2) брать в плен; 3) завоевать (приз, голоса избирателей)» [7].

В пределах заявленного семантического объема в контексте лексемы имеют соответствующее функциональное значение, например: «Elle était de ce cercle de femmes d'esprit qui savaient captiver l'âme des plus grands poètes, tels que Goethe et Schiller» [16]; «The guerrillas shot down one aeroplane and captured the pilot» [7].

Кроме отмеченного прямого значения, заявленные лексемы также актуализируют «идеальную» ментальную структуру психических процессов и используются в переносном значении для описания внимания, в частности, о чем также говорится в лексикографических толкованиях. Ср.:

фр.: *captiver les esprits* — пленить, покорить умы

captiver l'attention — овладеть вниманием [7]

англ.: 4) завладеть, захватить, увлечь

to capture attention — привлечь внимание, увлечь

to capture the headlines — завоевать популярность; получить широкую огласку (в печати) [7].

Приведем несколько примеров использования заявленных лексем в функциональном значении для описания ситуации психических процессов: «Je suis digne de votre confiance, croyez-m'en, et je suis sûre de captiver votre estime» [10]; «Sa voix vibra comme un son de cristal dans le silence de ce temple où elle captivait l'attention de tous» [14]; «Stan captured the imagination of the journalists almost as much as Lizzie» [9].

О совпадении понятийного объема можно также говорить и в ситуации описании восприятия глаголом *voir* во французском языке и *see* в английском языке, что также уместно представить в сопоставительной оппозиции:

voir: «1. видеть, увидеть, смотреть; взглянуть; 2. видеть, мысленно представлять; понимать; 3. видеть, испытывать, переживать *cette génération a vu la guerre* — это поколение пережило войну; 4. судить о..., считать... *je vois cela autrement que vous* — я сужу об этом иначе, чем вы; 5. рассматривать *voir au microscope* — рассматривать в микроскоп *ceci est à voir* — над этим ещё надо будет подумать *il ne sait pas voir* — он не умеет видеть, он плохой наблюдатель; 6. узнавать; знать *il téléphonait pour voir si elle était chez elle* — он звонил по телефону, чтобы узнать, дома ли она [7];

see: «1) а) видеть; б) смотреть; в) осматривать; 2) а) смотреть, справляться (в книге, справочнике) б) консультироваться, обращаться за консультацией (к специалисту); 3) представить себе, вообразить; 4) испытать, пережить; повидать; 5) быть местом или временем совершения чего-л.; б) а) (случайно) встретить; б) видеться, встречаться; в) повидать(ся); навестить; 7) а) провожать, сопровождать; б) принимать, вести приём (посетителей); 8) а) понимать, знать; сознавать; б) считать, полагать; иметь (определённое) мнение; 9) а) выяснять, узнавать; обнаруживать; б) рассматривать; 10) (*see about*) позаботиться о (чём-л.); проследить за (чем-л.); подумать о (чём-л.); 11) (*see after / to*) присматривать, наблюдать за (кем-л. / чем-л.); 12) (*see into*) а) вникать во (что-л.), изучать, разбираться с (чем-л.) б) всматриваться, проникать взором во (что-л.); 13) (*see through*) видеть насквозь, ясно разбираться в (чем-л.); 14) карт. уравнивать (ставку соперника, в покере)» [7].

Исходя из анализа указанных данных, можно указать на большее количество оттенков значения глагола *see* (англ.) сравнительно с французским *voir*, что говорит в данном случае о контекстуально обусловленном пополнении состава факультативных компонентов «идеальной» ментальной структуры Тем не менее, что касается вопроса описания ситуаций психических процессов, обе заявленные единицы на контекстуальном уровне функционируют идентично, что можно подтвердить соответствующими примерами: «*Grand dieu ! ... je crois voir qu'on a dans ce pays le visage tout noir!*» [7]; «*Et elle souriait, s'étonnant de voir combien ce grand garçon était un enfant naïf. When John saw the costume designs, he was horrified, finding them quite impracticable for dancing*» [9]; «*His eyes came up and she saw his jaw tense before the shutters came down and blanked off his thoughts*» [9].

Итак, в результате анализа фактического материала в сочетании с исследованием данных лексикографических источников, в английском и французском языках можно найти огромное количество примеров совпадения или частичного совпадения понятийного объема лексем. Тем не менее, наличествуют и глаголы, где наблюдается расширение семантического объема лексемы в одном из языков. Такой лексемой является глагол *surprise* (англ.) и *surprendre* (фр.) в понятийном объеме лексемы французского языка, где к значению «удивлять, впечатлять» добавляется значение «выманивать хитростью», «неожиданно прийти в голову», что естественно нашло отражение на системном уровне и запечатлено в словарном источнике.

Подытоживая вышесказанное, можно отметить тот факт, что несмотря на идентичную картину актуализации ментальной структуры в английском и французском языках, можно все-таки обнаружить некоторую семантическую разницу при детальном компаративном анализе.

Однако не только критерии идентичности и расширения понятийного объема лексем психических процессов могут представить объективную картину компаративного анализа лексик в нескольких языковых группах, в расчет может также приниматься и количественный показатель. В частности, в течение работы с фактическими данными было выявлено, что в актуализации ментальной структуры психических процессов участвуют и глагольно-именные словосочетания с именным компонентом *attention* и их количество значительно превосходит количество идентичных глагольно-именных словосочетаний во французском языке. При этом, используемые для передачи различных граней ситуации внимания глагольно-именные сочетания не всегда имеют словарную трактовку, в частности, такие единицы как *monopolize attention*, *seize attention*, *transfer attention* и др. Такие комбинации слов, как было уже отмечено в предыдущем параграфе, отличаются полноточностью как глагола, так и именного компонента, что дает возможность таким сочетаниям передавать больший объем информации [2]. Таким образом, специфика данных сочетаний заключается в семантических различиях, обусловленных особенностями значения изменяемого элемента. К наиболее рекуррентным глагольно-именным словосочетаниям, актуализирующим ментальную структуру психических процессов относятся: *attract (sb's) attention bring your/sb's*

attention to sb/sth call sb's attention to sb/sth catch sb's attention concentrate your attention on sb/sth draw (sb's) attention to sth/sb give attention to sb/sth hold sb's attention pay attention (to sb/sth) transfer (your) attention to sb/sth turn your/sb's attention to sb/sth etc.

Во французском языке скудное количество образуемых в речевом потоке неустойчивых словосочетаний, вероятно, компенсируется большим, по сравнению с английским языком, понятийным объемом таких единиц. В частности, наряду со значением «внимание» такое глагольно-именное словосочетание как *capter l'attention* может на функциональном уровне приобретать значение «соблазнять, физически привлекать». Иными словами, комбинаторика лексем во французском языке несколько влияет на семантический объем. Наиболее рекуррентными глагольно-именными словосочетаниями с компонентом *attention* для описания ситуации психических процессов являются такие единицы как: *accorder son attention sur*, *appeler l'attention de qqn*, *attirer son attention sur*, *consacrer l'attention*, *fixer son attention sur*, *gagner l'attention*, *monopoliser l'attention*.

Проведенный компаративный анализ ЛЕ и ФЕ в группе романских и германских языков позволяет заключить, что ситуацию психических процессов в обеих группах языков описывают идентичного порядка лексемы и фраземы, в некоторых случаях имеющие дополнительные оттенки значения, что особенно касается функционального уровня. Однако для установления национальной специфики компаративного анализа заявленных групп языков оказывается недостаточно. Описания полноценной картины особенностей актуализации ментальной структуры психических процессов диктует обращение к группе славянских языков, где сравнительно с германскими и романскими языками наличествует неограниченный объем ЛЕ, их дериватов и ФЕ.

В русском языке концептуальные составляющие ментальной структуры психических процессов актуализируются благодаря так называемой семантической емкости лексем, способных объективировать сразу несколько концептуальных областей на системном уровне. Что касается лексических репрезентантов концепта в английском языке, то здесь идентичная картина актуализации нескольких концептуальных областей одновременно может в основном происходить только на функциональном уровне или иметь окказиональный характер. Так, по свидетельству тезауруса [1], такие лексические единицы русского языка, как, например, «сверлить глазами», «низать глазами» могут по праву соотноситься с актуализаторами концепта внимания уже на системном уровне и давать некоторую оценку процессу внимания. В английском языке такая картина может наблюдаться только при определенных контекстуальных условиях. Например, в предложениях: «He looked up and his eyes pinned her» [12]; «His fiery gaze scorched her as it ran along her» [11] происходит актуализация идеальной ментальной структуры «психические процессы» посредством окказионального употребления глаголов *pin* и *scorch*, указывающих на боль пронизывающую, иссушающую, обжигающую. При этом в их словарных трактовках значения внимания не обнаружено:

pin – a: to fasten, join, or secure with a pin; b: to hold fast or immobile [15];

scorch – a: to burn a surface of so as to change its color and texture 2 a: to dry or shrivel with or as if with intense heat [15].

Соответственно, экспрессивный потенциал в описании той или иной грани ситуации ЛЕ/ФЕ русского языка видится на этом основании наиболее высоким, способным к динамике и расширению. Английские лексемы представляются в этом отношении более «консервативными», способными отвечать критериям ментальной структуры только в контекстном окружении. Это дает полное основание говорить о некоторой незначительной, но, тем не менее, имеющей место быть, разнице в восприятии и, как результат, языковой репрезентации рассматриваемой структуры в нескольких языковых группах.

Итак, в результате компаративного анализа можно сделать вывод о том, что подобный лингвистический анализ указывает на некоторую относительность положения «универсальных» концептов с точки зрения языковой объективации и дополнительно подчеркивает разницу языковой репрезентации ментальных культур как результата дифференцированного восприятия того или иного феномена различными лингвокультурами. Подобная процедура компаративного анализа весьма релевантна и по отношению к другим универсальным ментальным структурам в разных группах языков, что открывает исследователям широкие горизонты по определению специфики вербализации того или иного ментального конструкта в различных лингвокультурных условиях в том числе и с точки зрения описания экспрессивного модуса с целью воссоздания фрагмента языковой картины мира.

Список литературы

1. Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка [Электронный ресурс] / О. С. Баранов. – Режим доступа: <http://www.thesaurus1.narod.ru/>
2. Битокова С. Х. Компонентный состав сочетаний типа to give a look и специфика их функционирования наряду с простыми глаголами to look в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С. Х. Битокова ; Тбилис. гос. ун-т. – Тбилиси, 1984. – 23 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Перевод с английского, ответственный редактор М. А. Кронгауз, вступительная статья Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996 – 412 с.
4. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов [Электронный ресурс] / Педагогическая библиотека. – 2012. – Режим доступа: http://www.pedlib.ru/Books/1/0183/1_0183-296.shtml
5. Психические процессы [Электронный ресурс] / Wikipedia. – 2012. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%F1%E8%F5%E8%F7%E5%F1%EA%E8%E5_%EF%F0%EE%F6%E5%F1%F1%FB
6. Шаховский В. И. Нацио- и социокультурные аспекты языковой личности // Общество, язык и личность. Материалы Всерос. науч. конф. (Пенза, 23-26 октября 1996 г.). М., 1996. Вып.1. – С. 29 – 30.
7. ABBYY Lingvo CD'12 [Electronic resource] : dictionary : ABBY Software, 2008. – 1 CD-ROM
8. Baroen Jean-Pierre, Baroen V. La vente intelligente / Jean-Pierre Baroen , V. Baroen – 1999. - 458 p
9. British National Corpus. Simple Search of BNC-World [Electronic resource] / University of Oxford. – Oxford, 1992. – Mode of access: <http://sara.natcorp.ox.ac.uk/>
10. Casanova G. Mémoires de J. Casanova de Seingalt: ecrits par lui-même / G. Casanova. – La Sirène, 1935. – 516 p.
11. Ferguson J. A. Rebecca / J. A. Ferguson. – N. Y. : Tudor Publishing Company, 1988. – 383 p.
12. Johnson J. K. The Miracle Baby / J. K. Johnson. – Richmond : Mills&Boon, 1997. – 299 p.
13. L'inscription de la subjectivité dans le discours diplomatique [Электронная библиотека] / SEMEN. – 2012. – Mode of access : <http://semen.revues.org/2310>
14. Loti P. Le Mariage de Loti / P. Loti. – Dodo Press, 2008. – 244 p.
15. Merriam-Webster Online Dictionary [Electronic resource] / Merriam-Webster, Incorporated, 2005 – . – Mode of access: <http://mw1.merriam-webster.com>

COMPARATIVE SEMANTIC ANALYSIS OF “UNIVERSAL” VERBS IN THE ENGLISH AND FRENCH LANGUAGES

O. N. Prokhorova
I. V. Chekulai
I. A. Kuprieva

The article deals with the analysis of the peculiarities of the systemic and functional meaning of verbal lexemes and phrases, nominating the universal mental structure in the English and French languages from the point of view of the cognitive approach.

*Belgorod National
 Research University*

Keywords: universal verbs, the English language, the French language, nomination, mental processes.

e-mail:
prokhorova@bsu.edu.ru
chekulai@bsu.edu.ru
kuprieva@bsu.edu.ru

УДК 811.111'37

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЧУВСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

О. Ю. Ромашина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
romashina@bsu.edu.ru*

В данной статье рассматривается содержание и особенности объективации эмоционально-чувственной картины мира в современном английском языке. В работе приводится дифференциация терминов «объективация» и «репрезентация», «конструкт» и «концепт», «эмоция» и «чувство»; описываются механизмы объективации четырех базовых эмоционально-чувственных конструктов: «Чувство-Мышление», «Чувство-Переживание», «Чувство-Воля», «Чувство-Ощущение» английскими лексическими единицами.

Ключевые слова: эмоционально-чувственная картина мира, конструкт, объективация, репрезентация, лексическая семантика.

Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось повышенным интересом ученых к эмоциональной деятельности человека. Глобальные вопросы о соотношении рационального, чувственного и эмоционального познания стали объектом рассмотрения не только философских и психологических наук, но и многих лингвистических изысканий. В указанный период появилось большое количество кандидатских и докторских диссертаций, посвященных отражению эмоций в языке, написан ряд монографий, создана школа эмотиологии под руководством профессора В. И. Шаховского (ВГПУ). Данный интерес, на наш взгляд, вполне оправдан, поскольку эмоциональная сфера человеческой активности чрезвычайно широка и затрагивает все другие сферы человеческой деятельности (мыслительную, физиологическую, поведенческую, волевою), составляющие в совокупности эмоционально-чувственную картину мира. Вместе с тем в лингвистической теории появляется все больше вопросов, приводящих к необходимости исследования механизмов объективации эмоционально-чувственной картины мира в языке. Отсюда, изучение и описание подобных механизмов представляет, по нашему мнению, особую актуальность и является целью данной статьи.

Объектом исследования выступают лексические средства объективации эмоционально-чувственной картины мира в современном английском языке. Мы ни в коей мере не умаляем важности других средств языковой объективации эмоций и чувств (фонетических, морфологических, синтаксических, фразеологических), однако выбираем более узкий объект исследования в соответствии с форматом настоящей научной работы.

Прежде чем приступить к анализу собственно языковых единиц, обратимся к трактовке некоторых общих философско-лингвистических терминов с целью более корректного их использования в описании эмпирического материала.

В рамках изучения эмоционально-чувственных объективаторов невозможно не оперировать понятием «языковая личность», под которой мы понимаем человека, обладающего способностью создавать и воспринимать языковые феномены, отражающие особенности его рационального, чувственного и эмоционального языкового сознания. «Языковое сознание» при этом выступает средством формирования, хранения и обработки языковых единиц (их форм и значений), а также отношения языковой личности к данным единицам и их оценке (рациональной и эмоциональной в совокупности). Более того, языковое сознание «раскрывает» субъекту языковую картину мира, в которую включен сам субъект» [5, с. 214]. В отношении последней в современной лингвистике до сих пор ведутся бурные дискуссии, связанные с определением ее роли и места в ряду с наивной, научной, концептуальной и другими разновидностями общей картины мира. В настоящем исследовании языковая картина мира (ЯКМ) определяется как совокупность знаний об объектах окружающей действительности, закрепленных в языковой системе, в то время как общая картина мира (ОКМ) является чувственным (сенсорным) и эмоциональным отражением знаний о реальном мире в сознании человека.

Эмоционально-чувственная картина мира, составляя значимую часть ОКМ, представляет, в свою очередь, совокупность знаний о чувственной и эмоциональной деятельности человека (возникновении, реализации и восприятии чувств и эмоций), и, подобно ОКМ, имеет объективацию в языке. В таком понимании эмоционально-чувственная картина мира выступает

коннектором между ОКМ и ЯКМ. Во-первых, отражение мира в сознании невозможно без участия чувственных и эмоциональных анализаторов. Во-вторых, для фиксации объектов реального мира в языке при создании денотативных и коннотативных компонентов значений также необходим комплекс чувственных (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус, эквибриоцепция и т.д.) и эмоциональных отражений.

Подобное рациональное (чувственное, сенсорное) и эмоциональное отражение представляет собой два взаимосвязанных процесса: репрезентацию (как отражение объектов в сознании) и объективацию (как отражение объектов в языке). Дифференциация терминов «объективация» и «репрезентация» достаточно спорна и до сих пор однозначно не обоснована. Лингвисты по-прежнему часто синонимизируют данные термины, что, на наш взгляд, не всегда удобно для понимания основных положений научных исследований. По словам Е. С. Кубряковой и В. З. Демьянкова «само понятие «репрезентация» так и не получило общепринятого определения. Так, до сих пор часто смешиваются представления о ментальных репрезентациях, с одной стороны (т.е. в сознании человека), и о языковых репрезентациях (т.е. репрезентациях, объективированных или объективируемых в языке) [2, с.10].

В попытке преодолеть существующее противоречие мы полагаем, что разница в содержании терминов «репрезентация» и «объективация» обусловлена как содержанием самих процессов обработки знаний, так и их принадлежностью к ментальному либо языковому уровню. Вследствие этого репрезентация представляет собой процесс ментальный, представляющий знания о том или ином объекте в мыслительной сфере человека, его концептуальной системе. Объективация, с одной стороны, являясь, как и репрезентация, процессом обработки знаний, с другой стороны, выводит эти знания на уровень языковой, а не концептуальной, закрепляя их за конкретными «объективаторами», в нашем случае – за языковыми единицами. Другими словами, любая когнитивная структура (концепт или конструкт) может быть *репрезентирована* сначала в сознании человека, а затем *объективирована* той или иной единицей языка. Если попытаться дать данным процессам метафорическое толкование, то репрезентация это отражение картины в сознании художника, его творческий замысел, а объективация – непосредственно картина, в которой данный замысел находит реальное воплощение.

Объективация эмоционально-чувственной картины мира в современном английском языке имеет ряд особенностей, связанных как с пониманием содержания самих лексем *emotion* и *feeling*, так и с наличием в ментальной системе определенных эмоционально-чувственных конструктов, реализующихся на языковом уровне в значениях лексических единиц.

Под *конструктом* в настоящем исследовании понимается информационная абстрактная структура, продукт человеческой чувственной и эмоциональной сферы, недоступный непосредственному наблюдению, но способный объективироваться на языковом уровне. Понятие конструкта близко понятию концепта, однако аналогии между ними нет. В отличие от концепта конструкт явление более специфичное, структурное, интегрированное. Концепт может быть гештальтной (целостной), и минимальной (неделимой) единицей репрезентации знаний. Конструкт – всегда структурирован, с одной стороны, и является частью, компонентом структуры, с другой стороны, и, отсюда, не может являться гештальтной или неделимой единицей. Более того, в основе формирования конструкта всегда лежит процесс концептуальной интеграции, взаимодействия сразу двух или нескольких концептов. По сути, эмоционально-чувственный конструкт представляет собой проекцию вступивших в процесс интеграции концептов, в нашем конкретном случае, концепта ЧУВСТВО и концепта ЭМОЦИЯ.

Разница в содержании данных концептов выявляется уже в ходе этимологического анализа значений лексем, их объективирующих. Так, слово *emotion* уходит корнями в XVI век, где обозначает «публичное волнение толпы». Оно происходит от французского *emotion*, а точнее, от его более раннего *estmouvoir*, позже *emouvoir*, что означает «возбуждение». Во французский язык слово проникает из латинского *ēmovēre* со значением «двигать, волновать, потрясать». То значение, которое слово *emotion* имеет в современном английском языке, датируется началом XIX века, когда оно приобретает личностный, а не коллективный характер, и начинает обозначать «чувства, душевные переживания человека», а также «внешнее проявление чувств».

Слово *feeling* происходит от староанглийского *fēlan* со значением «трогать, ощущать», которое заимствовано из верхненемецкого *fuolen*, уходящего корнями в древнескандинавское *fālma* – «пробовать на ощупь, ощупывать». В древнескандинавский язык слово, очевидно, попадает из латинского *palma* – «ладонь». Разнообразие современных значений формируется в английском языке сравнительно позднее (в XVIII – XIX веках) и охватывает практически все сферы человеческой деятельности: мыслительную, физиологическую, эмоциональную, волевую.

Результаты анализа семантического наполнения лексем *emotion* и *feeling* в современном английском языке, полученные в ходе изучения их словарных дефиниций в 10 толковых словарях современного английского языка, а также данные английских психологических словарей и энциклопедий, показывают следующее содержание концептов ЧУВСТВО и ЭМОЦИЯ.

Концепт ЧУВСТВО в современном английском языке обладает набором следующих характеристик: эмоциональное состояние или реакция (эмоция), идея, мнение, воззрение (мышление), вкус, прикосновение, перцепция (ощущение), желание, интуиция (воля), положительная или отрицательная оценочность.

Концепт ЭМОЦИЯ в современном английском языке имеет следующие репрезентативные признаки: (не) интенсивное переживание, возбуждение, страсть (чувство), (не) контролируемость, (не) осознанность (мышление), (не) намеренность, интуиция (воля), положительная или отрицательная оценочность.

Даже на первый взгляд очевидно совпадение концептуальных признаков данных психологических феноменов, что позволяет многим ученым (как психологам, так и лингвистам) настаивать на отсутствии их дифференциации. Так, ряд исследователей (В. Вундт, А. М. Шварц, А. В. Петровский) считают, что чувства – это эмоция, «класс эмоциональных явлений», «родовое понятие для эмоций». Во многих толковых словарях данное понимание фиксируется уже на первой ступени идентификации: «*Emotion is a strong human feeling such as love, hate, or anger*» [Longman Dictionary of Contemporary English]; «*Felling is an emotional state or reaction*» [Oxford Dictionary]. Психологические и философские энциклопедии и словари также часто трактуют эмоцию через чувство и наоборот: «Чувства – эмоциональные переживания человека», «Эмоции – то же, что чувства» [11]. Однако результаты анализа лексики, объективирующей эмоцию и чувства в английском языке показывают, что концепты эмоции и чувства близки, но не тождественны. Данный факт очевиден и при наблюдении реификации эмоционально-чувственных конструкторов на языковом уровне. Проследим механизмы формирования подобных конструкторов и особенности их объективации в современном английском языке.

В процессе концептуальной интеграции, под которой мы вслед за Ж. Фоконье понимаем базовую когнитивную операцию по совмещению (connection) ментальных пространств (mental spaces) [9, с. 34], происходит образование эмоционально-чувственного конструктора (по терминологии Ж. Фоконье – бленда (blend, blended space). Данный конструктор обладает репрезентативными интегральными признаками, не являющимися простой суммой признаков концептов ЭМОЦИЯ и ЧУВСТВО, и представляет собой проекцию содержания одного концепта в другом через призму добавочных фоновых знаний. Базовыми интегральными признаками эмоционально-чувственного конструктора являются: ментальность (осознанность, контролируемость, намеренность), переживание (эмоциональность, экспрессивность, оценочность), волевость (намеренность, интуитивность, инстинктивность), перцептивность (физиологические, кинетические и соматические проявления). Список признаков может быть, несомненно, продолжен, поскольку фоновые знания, участвующие в процессе интеграции, отражают и другую дополнительную информацию об эмоционально-чувственных проявлениях личности, однако здесь мы руководствуемся перечислением лишь базовых (облигаторных) характеристик исследуемого конструктора, обнаруженных нами в процессе их объективации в значении лексем современного английского языка.

На основании анализа интегральных характеристик эмоционально-чувственного конструктора можно выделить его четыре основных типа, которые в известной степени отражают все сферы существования человека и соответствуют известной с древнейших времен философской модели человеческой личности: Мышление (разум, сознание) – Чувство (дух, душа, эмоция) – Воля (интенция, интуиция) – Тело (ощущение) [1]. Данные типы содержат в номинации лексему ЧУВСТВО, как элемент, объединяющий все четыре сферы и симультанно входящий в каждую из них: ЧУВСТВО–МЫШЛЕНИЕ (FEELING–INTELLECT), ЧУВСТВО–ПЕРЕЖИВАНИЕ (FEELING–EXCITEMENT), ЧУВСТВО–ВОЛЯ (FEELING–WILL), ЧУВСТВО–ОЩУЩЕНИЕ (FEELING–SENSATION). В настоящей статье для удобства прочтения используется русская номинация эмоционально-чувственных конструкторов со ссылкой на вышеуказанные английские аналоги.

Объективация данных конструкторов выявляется как в проведении дефиниционного анализа значения лексем *feeling* и *emotion*, так и при проведении комплексного лингвистического анализа функционального употребления данных лексем в различных ситуативных контекстах.

Так, объективность существования конструктора ЧУВСТВО–МЫШЛЕНИЕ выявляется в ходе анализа словарных толкований лексем *feeling* и *emotion*, предоставленных несколькими толковыми словарями современного английского языка, где *feeling* трактуется как идея или

убеждение («*an idea or belief*») [The New Oxford Dictionary of English], а *emotion* как сознательная ментальная реакция («*a conscious mental reaction*») [Meriam-Webster Dictionary].

В данном значении лексемы выступают в синонимичном ряду вместе с другими лексемами, обозначающими чувство как познание, например: *sentiment, sense*. Подтверждение существования данного значения мы обнаруживаем в следующих ситуациях:

1) «His degree in Zoology from Bristol University has doubtless led to his strong *feeling for* the natural curves and shapes which are so predominant in his work» [BNC AOX 1448] – объективируется чувство как знание;

2) «The Scotts are in their fifth successive World Cup and would presumably go along with the Olympian *sentiment* about taking part being more important than winning» [BNC A9H 150] – объективируется чувство как устоявшаяся точка зрения;

3) «A strong bond grew between them as they talked day after day, trying to make *sense of it* all» [BNC A7H 273] – объективируется чувство как понимание.

Интеллектуальные чувства и эмоции могут быть объективированы и самостоятельными лексемами, в значении которых отражаются познавательные интеллектуальные процессы, как например, *curiosity, inquisitiveness*: 4) «I told you she entered into the project in a spirit of most admirable scientific *curiosity*» [BNC AN8 685] – объективируется чувство научного любопытства.

Главной содержательной характеристикой данного конструкта является его осознанность. Осознание чувств и эмоций происходит в процессе их социализации, а соответственно, в языке выявляется целый пласт лексики, объективирующей социально-чувственные конструкты: *social emotions, religious emotions, national sentiments, patriotic feelings, gregarious feelings, community feeling, we-feeling, moral sentiments / senses / feelings*.

Под социально-чувственным конструктом в настоящей работе понимается отражение в сознании говорящего его чувств по отношению к тем или иным социальным группам, нормам, ценностям, морали, другими словами, такая единица мышления, которая охватывает весь комплекс знаний об эмоционально-чувственном состоянии человека через призму его социальных отношений. Мы полагаем, что социально-чувственные конструкты отражают чувства человека по его отношению к определенной социальной группе, к морально-нравственным нормам данной группы, имеют языковую закрепленность в языке и способны модифицироваться в течение всего периода существования социальных объединений под воздействием внутригрупповых и внешнегрупповых (заимствования, политическая ситуация и т.д.) изменений.

Языковые ситуации свидетельствуют о наличии широкого ряда лексем, отражающих различные виды социальных чувств и эмоций в современном английском языке:

5) социальные чувства и эмоции: But that is because love is a *social emotion*, not a biological one: young women don't love sagging bellies and grey hair, they love money and power which men have to offer more than women do [BNC CEX 129] – объективируется принадлежность эмоции к определенной социальной группе;

6) национальные чувства и эмоции: «Brands use animals because they tap straight in to the *nation's emotions* – cats and dogs» [BBC 12.05.2011] – объективируются национальные эмоциональные традиции;

7) религиозные чувства и эмоции: «Yet, as we have seen, the need in Eliot to relate art to ritual and to *religious emotion* continued unabated» [BNC A6B 1343] – объективируются религиозные воззрения и переживания;

8) групповые чувства и эмоции: «A neighbourly area with at least a few houses nearby will not only give company and a better *community feeling* but also add to security and safety» [BNC B3G 190] – объективируется наличие чувства сообщества;

9) эстетические чувства и эмоции: «*The aesthetic feeling* of the very old is sufficiently near to that of certain contemporary expressions to allow a natural blending» [BNC CVJ 1135] – объективируются чувства красоты, прекрасного;

10) моральные чувства: «There is a *moral feeling* in art as well as everything else – it is not right in a young man to assume great dash – great completion – without study or pains» [BNC AJ8 177] – объективируются морально-нравственные чувства.

В отношении последних интересен тот факт, что еще в работах А. Смита утверждался тезис о том, что моральные чувства (и именно, чувства как мышление (*sentiments*), а не чувства как ощущения (*sensations*) или эмоции мотивируют мышление и управляют нашим поведением [4, с. 67]. В настоящее время в работах современных философов, психологов, лингвистов мы также находим подтверждение взаимосвязи чувства и рационального мышления, а также влияния чувственной сферы личности на познавательную сферу и формирование определенного социального поведения. Английский язык, как показывают вышеприведенные примеры,

подтверждает существование чувства как мышления. Более того, по словам известного британского академика Д. Эванса, занимающегося исследованием чувств и эмоций, «именно моральные чувства руководят нашим нравственным поведением, позволяя нам принимать правильные решения и подчинять наше поведение в большей степени закону, чем бушующим в душе страстям» [7, с. 78 – 79].

Что касается эмоциональных переживаний, страстей, аффектов, то они также способны пересекаться с чувствами и формировать эмоционально-чувственные конструкты. Так, конструкт ЧУВСТВО-ПЕРЕЖИВАНИЕ объективируется в словарных толкованиях уже на первой ступени идентификации лексем *feeling* и *emotion*, причем в большинстве словарей: *feeling* – «an emotional state or reaction»; *emotion* – «an affective state of consciousness in which joy, sorrow, fear, hate, or the like, is experienced, as distinguished from cognitive and volitional states of consciousness».

Существует несколько способов объективации конструкта ЧУВСТВО-ПЕРЕЖИВАНИЕ: при помощи самих лексем *emotion* и *feeling* (примеры 11, 12); лексемами *excitement*, *passion*, *empathy*, *affectivity*, *pathos*, выступающими в одном синонимическом ряду с *emotion* и *feeling* (пример 13); прямыми номинантами эмоциональных переживаний (пример 14); аффективами (пример 15); описанием ситуации, имплицитующей эмоциональное переживание (пример 16).

11) «‘Oh horrible creatures’, cried Dame Edna *with feeling*, ‘to think my darling mother was being looked after by those fiends’» [BNC ARJ 1663] – объективируется отрицательное чувство, возмущение, раздражение;

12) «Jason was obviously suffering under some strong *emotion*» [BNC GWB 2822] – объективируется интенсивное отрицательное переживание;

13) «While others have argued *with passion* about these intensive methods, animal scientists have been quietly asking pigs how they prefer to live» [BNC BMD 525] – объективируется интенсивное, высоко экспрессивное эмоциональное переживание;

14) «*Fear* was there, certainly, and also an inability to come to terms with what had happened, but there was something more» [BNC AOF 1261] – объективируется чувство страха через прямую его номинацию;

15) «I remember going to Black Woman Time Now at Battersea Arts Centre and thinking “Wow”, this is *terrific*» [BNC ARW 221] – под аффективами здесь понимаются междометные слова и атрибутивная лексика, объективирующие интенсивные эмоциональные реакции;

16) «When the old man *saw me*, he *shouted loudly and ran away as fast as he could*» [BNC H8G 355] – в данной ситуации имплицитировано интенсивное, высоко экспрессивное эмоциональное переживание, описание ситуации объективирует чувство страха.

В современной лингвистике данный конструкт изучен наиболее подробно. В последнее время появилось большое количество работ, исследующих отдельные концепты, репрезентирующие эмоциональные переживания, эмотивность как языковую категорию. Однако объективация эмоционально чувственной картины мира в современном английском языке, как показывает анализ эмпирического материала, обуславливает обращение не только к анализу эмоциональной стороны языковой личности, но и других ее сфер, способствующих пониманию чувств и эмоций еще и как волевых, и как физиологических феноменов.

Подтверждение существования конструкта ЧУВСТВО–ВОЛЯ мы также находим в современном английском языке. Данный конструкт находит объективацию в таких словарных толкованиях лексем *emotion* и *feeling*, как: *feeling* – желание делать что-то; склонность, намерение обладать чем-то или делать что-то; *emotion* – инстинктивное или интуитивное чувство, отличное от рационального знания. Конструкт ЧУВСТВО–ВОЛЯ, обладающий интегральными признаками волевости, намеренности, интуитивности и инстинктивности, может объективироваться как самими лексемами *feeling* и (*реже*) *emotion* (17), так и лексемами-синонимами в данном значении: *sense*, *impulse* (18), а также прямыми объективаторами конкретных волевых состояний: *intention*, *will*, *desire*, *intuition*, *flair*, *presentiment*, *want* и т. д. (19):

17) «It was a *good feeling* to put on dry clothes and eat a large cooked breakfast» [BNC B1F 1666] – интенсивное, экспрессивное чувство как желание, намерение;

18) «I had an almost irresistible *impulse* to giggle» – интенсивное, неконтролируемое чувство, порыв, побуждение;

19) «“Don’t think, look”, he screamed against *the desire* to shut his eyes against the terror of the fall» [BNC AMU 2764].

Наибольшее количество объективаторов данный конструкт имеет на морфолого-синтаксическом уровне в структурах с вопросительными предложениями, модальными глаголами, сослагательным наклонением, длительными временами, выражающими намеренность

выполнения действия. В настоящей статье в выборе объекта исследования мы ограничились лишь единицами лексического уровня, но еще раз подчеркнем, что как раз в реализации данного конструкта главная роль принадлежит не лексическим, а грамматическим и синтаксическим языковым объективаторам.

Что же касается самого конструкта ЧУВСТВО-ВОЛЯ, то его место в ряду исследуемых конструктов неоспоримо велико. По справедливому утверждению И. В. Чекулая, О. Н. Прохоровой «волевой компонент не менее важен с лингвоаксиологической точки зрения, чем рациональная и эмоциональная стороны мышления» [6, с. 243]. Несмотря на то, что в качестве интегрирующего все сферы человеческой активности компонента мы выбираем ЧУВСТВО, исследование воли в качестве основополагающей единицы знания, фиксированного в языке, представляется достаточно актуальным, более того, мы полностью согласны с мнением современных ученых о том, что «за семантическими исследованиями воли как равной разуму и эмоциям составляющим человеческого мышления стоит важная часть лингвосемантического будущего» [6, с. 244].

Конструкт ЧУВСТВО–ОЩУЩЕНИЕ в словарях находит объективацию лишь в значении лексемы *feeling*, разграничивая тем самым чувство как элемент рационального (объективного) познания, а эмоцию, как элемент познания эмоционального (субъективного). Мы не нашли ни одной дефиниции и ни одного случая употребления лексемы *emotion* в значении физического ощущения, сенсорных реакций. Однако в словаре «Collins English Dictionary» уже на первой ступени идентификации значений *feeling* рассматривается как чувство прикосновения (*sense of touch*), а также как способность испытывать физические ощущения (*physical sensations*), такие как жара, боль и т. д. Само слово *feeling* способно объективировать практически все известные сенсорные ощущения, выступая равноправным синонимом слову *sense*:

21) «In this way, although she hated *the feeling of water* on her head, she did not have to become involved in the actual washing process herself» [BNC C9W 500] – объективируются тактильные ощущения, ощущение мокрого, жидкого.

22) «There is nothing impossible about a person's forehead *feeling cold* to him, although, when he touches it, *it feels hot* to his hand» [BNC SK1 715] – объективируются температурные ощущения;

23) «He experienced *feelings of claustrophobia* from being in a small place» – объективируются вестибулярные ощущения (эквиврицепция).

Современный английский язык предлагает достаточно большой ряд лексем, объективирующих конструкт ЧУВСТВО–ОЩУЩЕНИЕ: *feeling, esthesia (esthesia), kinesthesia, sense, sensation, sentience, modality, sensuality, sensing, perception* и т.д. Наиболее частотными объективаторами выступают лексемы *sense* и *sensation*, однако не в научном дискурсе они достаточно часто заменяются синонимом *feeling*, что еще раз подтверждает широту ее семантического пространства и способность аккумулировать все сферы человеческой активности. В примерах 24, 25 в равной степени объективируются тактильные ощущения, чувство холода:

24) «Inside our house there were stone floors, coal fires, oil lamps, but I don't remember any *sense of cold or discomfort*» [BNC CEE 107];

25) «But it seems clear that I was diverting the *feeling of cold*, which pertains to the body» [BNC CEE 1255].

Показательным является тот факт, что хотя лексема *emotion* не является прямым объективатором телесных ощущений, в современном английском языке существует большое количество способов непрямого отражения физиологии эмоции, составляющих значительную часть лингвистических единиц, объективирующих синестетические конструкты [3, с.139]. Как показывает анализ значительного количества фразеологических единиц и устойчивых выражений, эмоция имеет не меньшее отношение к рациональному познанию, чем чувство, находя объективацию в целом ряде устойчивых выражений, используемых для описания физиологических проявлений эмоциональных состояний. Поскольку подобные единицы представляют объект отдельного лингвистического исследования, в качестве доказательства последнего положения приведем лишь несколько примеров в перечислении соматических объективаторов эмоций: «*to be hot with rage*» – тактильность плюс эмоция; «*to be bitter and angry*» – вкус плюс эмоция, «*to be green with envy*» – зрение плюс эмоция и т. д.

В последнее время ученых-лингвистов все чаще беспокоит ряд методологических вопросов: не становятся ли в связи с развитием когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистические исследования исследованиями психологическими? Насколько важна экстралингвистическая информация в анализе семантики языковых единиц? Не уходим ли мы от объекта лин-

гвистического анализа (языковых единиц) к объектам психологического (концептам) или философского (объективации, репрезентации) анализа?

Действительно, вслед за У. Крофтом и Д. Сандра, мы полагаем, что лингвисты не обладают компетенцией устанавливать, в какой форме в сознании носителя языка реально репрезентированы языковые факты, а, следовательно, их задачей является рассмотрение наиболее общих ментальных принципов, характеризующих природу языка [8, с. 151; 10, с. 361].

В нашем исследовании эмоционально-чувственные конструкторы интерпретируются не как собственно мыслительные конструкторы, и не как психические процессы, но как элементы эмоционально-чувственной картины мира, как ментальные единицы, имеющие объективацию в языке и изучающиеся именно в языке. Скорее, напротив, именно язык дает основание к изучению мыслительных, психологических, физиологических конструкторов, к более тонкому их познанию и оценке.

Дальнейшее изучение подобных единиц, на наш взгляд, позволит более детально описать корпус лингвистических средств, номинирующих чувства и эмоции, а также расширить представление об объективации конструкторов на языковом уровне. Практическое применение видится в создании словарей определенного типа, позволяющих в наиболее оптимальной форме толковать значения сложных эмоционально-чувственных конструкторов через трактовку их языковых объективаторов.

Список литературы

1. Александров Н. Н. Спор о триадных философских приоритетах их окошка психологии / Н. Н. Александров [Электронный ресурс] // Академия Тринитаризма. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001c/00161770.htm> (дата обращения: 03.02.2012).
2. Кубрякова Е. С. К проблеме ментальных репрезентаций / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – № 4. – Тамбов, 2007. – С. 8 – 16.
3. Ромашина О. Ю. Специфика объективации синестетических конструкторов в английском языке / О. Ю. Ромашина // Научные Ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – № 12 (107). – Вып. 10. – Белгород, 2011. – С. 139 – 145.
4. Смит А. Теория нравственных чувств / А. Смит. – М.: Республика, 1997. – 351 с.
5. Фомин А. Г. Языковое сознание как имманентно присущий признак гендерной языковой личности / А. Г. Фомин // Ползуновский вестник. – № 3 – 4. – Барнаул, 2003. – С. 211 – 214.
6. Чекулай И. В. Воля как аксиологический фактор языка и речи / И. В. Чекулай, О. Н. Прохорова // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія: Лінгвістика. Збірник наукових праць. Випуск XIII. – Херсон: Видавництво ХДУ, 2011. – С. 240 – 245.
7. Эванс Д. Эмоции / Д. Эванс. – М.: Астрель; АСТ, 2008. – 192 с.
8. Croft W. Linguistic Evidence and Mental Representation / W. Croft // Cognitive Linguistics. – № 9 (2). – 1998. – P.151 – 173.
9. Fauconnier G. Mapping in Thought and Language / G. Fauconnier. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 203 p.
10. Sandra D. What Linguists Can and Can't Tell You About the Human Mind: A Reply to Croft / D. Sandra // Cognitive Linguistics. – № 9 (4). – 1998. – P. 361 – 378.
11. Психологический словарь [Электронный ресурс] // URL: <http://psychology.biznet.ru/dictionary.php?action=show&id=540>.

OBJECTIVATION OF EMOTIONAL-SENSITIVE WORLD IMAGE IN MODERN ENGLISH

O. Y. Romashina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
romashina@bsu.edu.ru*

The paper deals with the objectivation of emotional-sensitive world image in Modern English. The work states the difference between the terms «objectivation» and «representation», «construct» and «concept», «emotion» and «feeling». The objectivation of emotional-sensitive constructs such as «FEELING-INTELLECT», «FEELING-EXITEMENT», «FEELING-WILL», and «FEELING-SENSATION» is shown in the lexical units of Modern English.

Keywords: emotional-sensitive world, construct, objectivation, representation, lexical semantics.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ГАСТРОНОМИЯ

А. П. Седых
Л. Р. Ермакова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:
sedykh@bsu.edu.ru

Статья посвящена корреляциям языкового и густативного континуума в русле лингвокультурологического подхода к анализу языковых явлений. Язык и национальная гастрономия рассматриваются как определённый тип языковой идентификации, функционирующий в рамках специфических способов обмена коммуникативной информацией. Универсальные и национально-культурные способы вербализации гастрономических реалий соотносятся с определённым типом категоризации действительности. Перспективы исследования способов вербализации густативных предпочтений видятся в рамках когнитивно-коммуникативных методик выявления сенсорных параметров языковой личности.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая и гастрономическая картины мира, гастрономическая метафора, языковая личность, семиотика когниции и коммуникации.

Введение

Современные научные парадигмы филологии активно используют не только антропоцентрический, но и этноцентрический подход к анализу языковых явлений. В связи с этим языковая семантика осмысливается в рамках корреляций между системой концептуальных связей и категоризацией объективно существующих предметов и явлений сквозь призму национального менталитета и национальной культуры.

Одной из ключевых тенденций последних десятилетий является поиск смысловых и языковых доминант национальных культур с целью моделирования языковой картины мира и построения алгоритма коммуникации конкретной лингвокультуры. Языковая картина мира и национальная гастрономия имеют специфические для каждой культуры точки соприкосновения.

Как известно, термин «языковая картина мира» (*sprachliches Weltbild*) был введен в науку Лео Вайсгербером (1899 – 1985), но восходит данный термин к мыслям В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка и далее – к идеям американской этнолингвистики и гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Согласно данной доктрине, языковая картина мира в общих чертах представляет собой «систему анализа окружающего мира» [9, с. 190]. Следующие выдержки из трудов Э. Сепира, на наш взгляд, очень точно характеризуют данное понятие, хотя прямо и не называют его: «Мир языковых форм, взятый в пределах данного языка, есть завершённая система обозначения... Переход от одного языка к другому психологически подобен переходу от одной геометрической системы отсчета к другой» [8, с. 252]; «Каждый язык обладает законченной в своем роде и психологически удовлетворительной формальной ориентацией, но эта ориентация залегает глубоко в подсознании носителей языка» [там же, 254]; «Языки являются по существу культурными хранилищами обширных и самодостаточных сетей психических процессов» [там же, с. 255]. Как видим, образная, подсознательная, почти математическая составляющая данного понятия находится на уровне объективно происходящих в сознании человека процессов и является самодовлеющей сущностью.

Теория и методология исследования

В отечественной науке данный термин находится на стадии разработки и определения эпистемологических и методологических границ его использования. Так, Ю. Л. Воротников пишет: «Языковая картина мира становится в последние годы одной из наиболее «модных» тем отечественного языкознания. И в то же время, как это часто бывает с получившими широкое распространение обозначениями, до сих пор не существует достаточно четкого представления, какой именно смысл вкладывается в это понятие пишущими и как, собственно, следовало бы истолковывать его читающим?» [3].

Важным для нашего исследования представляется определение, данное Ю. Д. Апресяном: «Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая называется в качест-

ве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [6].

Мы разделяем мысль большинства отечественных филологов о том, что языковая картина мира дает представителю каждой лингвокультуры апробированную и закреплённую в слове «концептуальную конфигурацию» [5], которая определяет семантические приоритеты высказывания.

Языковая картина мира непосредственным образом связана с национальной спецификой слова, которую, по мнению Н. Ф. Алефиренко, определяют два фактора: объективный и субъективный: «выделяются они путём сопоставления языков. Под объективным фактором понимается ценностно-смысловая значимость естественных и культурных реалий, определяющих своеобразие жизненного пространства того или иного народа. Субъективный фактор характеризуется возможностью факультативного выбора знакообозначений одних и тех же реалий, которые по-разному представлены ментальностью разных этноязыковых сообществ» [1, с. 68 – 69].

Окружающий мир опосредуется в языке, человек же оперирует представлениями, репрезентациями, когнитивными образами, моделями, поставляемыми национальным языком. Следовательно, понятие «языковая картина мира» связано с определенным типом концептуализации действительности, формируемым языковыми структурами в процессе коммуникации. В нашем случае речь идёт о гастрономической языковой картине мира.

Е. Добренко употребляет термин «кулинарная картина мира» [4]. Мы считаем, что более точным является термин «гастрономическая картина мира», который трактуется следующим образом: *концептуальная модель гастрономических пристрастий и глоттонических приоритетов, отражающаяся в специфике национальной номинации продуктов питания*. Ясно, что данная дефиниция не отражает всеобъемлющих характеристик рассматриваемого феномена и поэтому может рассматриваться как рабочее определение, релевантное для исследовательских задач исследования.

Центральной фигурой языковой картины мира, в частности гастрономической, выступает человек, так как, с одной стороны, именно он является источником гастрономического дискурса. С другой стороны, сам язык часто использует в качестве базовых признаков «человеческие» качества для наименования, например, вкусовых или композиционных свойств пищевых продуктов (*душевный борщ*; *café allongé* – букв. ‘лежащий кофе’ = некрепкий кофе с большим количеством воды; *The European* – букв. ‘европеец’ = коктейль, состоящий из 1/3 русской водки и французского вина; *honest food* – букв. ‘честная пища’ = *simple, unpretentious, and unsophisticated, with no gimmicks* (простая, скромная и незамысловатая, без ухищрений)).

Гастрономия и языковая картина мира коррелируют прежде всего на уровне номинативного фонда национальных языков. Именно специфика глоттонической номинации составляет характерный для каждой нации арсенал языковых средств, в котором находит своё отражение дух народа. Данное явление со всей очевидностью прослеживается, например, на уровне мотивированных прагматонимов, обозначающих значимые для национальных культур продукты потребления: русск. шоколад «Перезвон», «Покров», «Русь-тройка», пиво «Царь-пушка», шоколад «Со Светлой Пасхой!», водка «С легким паром!», «Поехали!»; англ. курица «*Poularde Edouard VII*» – букв. ‘Пулярка Эдуард VII’, чай «*Earl Grey Tea*» – букв. ‘Чай Седой Граф’, пудинги «*Humboldt Pudding*» – букв. ‘Пудинг Гумбольда’, «*Yorkshire Pudding*» – букв. ‘Йоркширский Пудинг’, яблоки «*Lord Lambourne Apple*» – букв. ‘Яблоко Лорда Ламбурне’, «*Lord Nelson Apple*» – букв. ‘Яблоко Лорда Нельсона’.

Данный тип номинации является, очевидно, наиболее продуктивным, во всяком случае для русского языка, так как рассматривается национальным потребителем как символ аутентичности и единения, а также своеобразного «подтверждения» существования национальной идентичности, неотъемлемой частью которой является национальный характер.

Специфической чертой гастрономической языковой картины мира выступает также наличие в языке номинаций самого процесса и времени потребления пищи или напитков. У русских это *завтрак, обед, ужин* (для детей полдник). Общее название для потребления пищи – *еда*. Для русского существует термин *закуска*, который в одной из своих современных «ипостасей» обозначает некоторое количество пищи, принимаемое после употребления спиртного напитка. Исторически данный термин обладал более широкой семантикой и обозначал «холодные кушанья для лёгкой еды» [2, с. 735].

Для англичан актуальны номинации *breakfast, lunch and supper (or dinner)* – букв. ‘завтрак, второй завтрак и ужин (или обед)’. Общее название для потребления пищи – *meal*. В от-

личие от *meal*, термин *snack* (букв. ‘закуска’) относится к съедаемым / съеденным продуктам между приемами пищи. Для специальных случаев приёма пищи служат наименования *feasts* (букв. ‘пир’, празднества) или *banquets* (букв. ‘банкеты, званые ужины’). Для принятия пищи из нескольких блюд, блюда, как правило, называются в соответствии с хронологией их подачи. В английском языке это первая подача, которая называется *appetizer* (букв. ‘закуска’ (кушанье, подаваемое перед горячими блюдами = *starter* or *hors d'oeuvre*)), затем основное блюдо (*entrée*), и, наконец, десерт (*dessert*). Хотя многие английские кулинарные термины заимствованы из французского, как правило, заимствования претерпевают небольшие семантические сдвиги. То же самое произошло и со словом *entrée*. Традиционные французские официальные обеды обычно состояли из пяти блюд: сначала *the hors d'oeuvre* – закуска (букв. ‘вне работы’, часто *a soup* – суп или *rôté* – *naussem*); затем *entrée* – основное блюдо, как правило, из рыбы; далее *the plat principal* (*plat de résistance*, *pièce de résistance*) – главное блюдо; затем *fromage* (*cheese*) – сыр; и, наконец, *dessert* – десерт.

К гастрономической составляющей языковой картины мира можно также отнести специфику наименований специалистов по приготовлению и способов приготовления пищи: русск. *повар*, *кок*, *кашевар*, *кухмистер*, *шеф-повар*, *кулинар*, уст. *кухарь*, разг. *стряпуха*, *кухарка*; англ. *baker* – пекарь, булочник; *chef* – шеф-повар; *culinarian* – кулинар; *hash slinger* – бармен; *servant* – прислуга, слуга; *souse chef* – шеф-повар по засолке продуктов питания.

Синонимический ряд лексемы «готовить пищу» следующий: русск. *стряпать*, *готовить*, прост. *кухарничать*; (способы приготовления) *варить*, *жарить*, *парить*. Вот как тщательно и «лингвистически» описывает В. В. Похлёбкин в своей книге «Занимательная кулинария» глаголы разных способов обработки пищи: «В русском языке для обозначения разных способов нагрева пищи употребляется десяток глаголов: парить, отваривать, варить, припускать, запекать, печь, жарить, пряжить, тушить, томить, но и они еще не полностью выражают все многообразие способов, степеней и приемов нагрева пищи. Поэтому кулинарам приходится заимствовать дополнительные термины из других языков, большей частью и французского. Так, например, в русский профессиональный кулинарный язык вошли слова «бланшировать», «пассеровать», «грилировать», «брезировать», «фламбировать» для обозначения тех степеней и способов приготовления с помощью огня, которые не имеют соответствующего определения в русском языке».

Но и такое заимствование в большинстве случаев оказывается недостаточным – для точного обозначения всех нюансов тепловой обработки одних лишь глаголов не хватает. Приходится употреблять их в сочетании с различными приставками и с дополнительными существительными, составлять целые выражения, группы слов, обозначающие то или иное действие, например, «отварить на пару, в паровой или водяной бане», «запечь в вольном духу», «запечь в фольге», «выпечь в манти-каскане», «поджарить на гратаре», «обжарить во фритюре». Обычно эти выражения употребляются для описания таких промежуточных степеней нагрева, которые менее грубы и менее резки, чем те, которые обозначаются одними глаголами. Поэтому такие термины всегда включают указания на источники нагрева или на специфическую посуду и среду, с помощью которых нагрев в значительной степени может быть нюансирован» [7, с. 18].

Как видим, русские наименования термической обработки пищи представляют собой причудливую смесь заимствований и словосочетаний, отсылающих к предметам кухонной утвари. Данный факт манифестирует внимательное отношение русских к процедуре обработки пищи как к результату кулинарного искусства.

В английском языке *to cook* (готовить пищу) номинируется следующими языковыми единицами: *french fry* – жарить по-французски; *bake* – печь, запекать; *barbecue* – жарить мясо над решёткой; *blanch* – бланшировать; *boil* – отваривать; *braise* – тушить; *brew* – варить (пиво), заваривать (чай); *broil* – жарить на огне; *brown* – подрумянивать; *burn* – сильно зажаривать; *coddle* – обваривать кипятком; *curry* – готовить блюда с кэрри; *decoct* – готовить отвар, настаивать; *deep fry* – глубоко зажаривать *devil* – готовить острое мясное или рыбное блюдо; (мор. жарг) *doctor* – фальсифицировать пищу, вино; *escallop* – запекать (устрицы) в раковине; *fix* – загущать; *fricassee* – приготавливать фрикасе; *fry* – жарить; *griddle* – приготавливать на сковороде с ручкой; *grill* – жарить на рашпере, гриле; *heat* – разогреть; *imbue* – пропитывать; *melt* – растапливать; *microwave* – подвергать обработке микроволнами; *mull* – подогреть вино с приностями; *panfry* – жарить на сковороде; *parboil* – слегка отваривать; *parch* – слегка поджаривать, подсушивать; *percolate* – процеживать, фильтровать; *poach* – варить (яйца) без скорлупы в кипятке; *pressure-cook* – приготавливать в скороварке; *reduce* – восстанавливать; *roast* – жарить; *ruin* – испортить; *scald* – ошпаривать, пастеризовать; *scorch* – опалить; *sear* – прижигать, опалить; *seethe* – кипятить; *simmer* – кипятить на медленном огне;

sizzle – обжигать, жарить до шипения; *spoil* – испортить, портиться (о продуктах); *steam* – варить на пару; *steep* – пропитывать; *stew* – тушить; *toast* – поджаривать, подрумянивать на огне; *warm up* – разогревать; *concoct* – стряпать; *cook* – готовить пищу; *infuse* – заваривать, настаивать (чай, травы); *soak* – вымачивать, пропитывать (пер. автора) [10].

Важным элементом языковой картины гастрономии выступает тропный и паремический фонд национальной лингвокультуры. Так, тематический потенциал образных выражений в различных языках отражает специфику глоттонического мира нации. В русском языке это: *тёртый калач*; *хлебнуть огурчика*; *кухонная демократия*; *Несолоно хлебавши*; *Не красна изба углами, а красна пирогами*; *Я не видал, как ты ел, покажи (говор, хозяин)*; *Душа милее ковша*; *Ковш беды ладит*; *Много пива крепкого, меду сладкого, вина зеленого, всего не приешь, не выпьешь*. В английском языке: *to bring home the bacon* (добиться успеха); *to cook someone's goose* (расправиться с кем-либо, погубить кого-либо); *in the soup* (в затруднении, в беде); *Good talk saves the food* (≈ За хорошей беседой и еда хороша); *God gives every bird its food* (≈ Бог даёт пищу каждому); *Eyes are bigger than your belly* (букв. 'Глаза больше, чем живот' ≈ есть глазами); *I'll put the kettle on (Let me make You a cup of tea)* (букв. 'Поставлю чайник (Позвольте предложить Вам чашечку чая)'); *Do you want a brew?(Do you want some tea?)* (букв. 'Хотите я заварю чай? (Хотите чаю?)').

Глоттоническая метафора служит для образного обозначения различных форм и объектов человеческого существования:

1. Секса: «*I want a little sugar/in my bowl/I want a little sweetness/down in my soul/I could stand some lovin'/Oh so bad/I feel so funny and I feel so sad*» ≈ «Хочу немного сахара/в мою чашку/Хочу немного любви/в моей душе/О, мне так плохо/Я чувствую себя так странно и печально» (пер. автора) («*I Want A Little Sugar In My Bowl*», Nina Simone); «*Squeeze me, babe, till the juice runs down my leg/Do, squeeze, squeeze me, baby, until the juice runs down my leg/The way you squeeze my lemon/I'm gonna fall right outta bed*» ≈ «Сожми меня, детка, да так, чтобы сок потёк по моим ногам/Давай же, сожми меня, детка, чтобы сок потёк по моим ногам/Как ты сжимаешь лимон/Я хочу свалиться с кровати» (пер. автора) («*The Lemon Song*», Led Zeppelin);
2. Привлекательной женщины: *конфетка*; *cheesecake* ('творожный пудинг, сладкая ватрушка'); *tart* ('фруктовое пирожное'); *lollipop* ('леденец на палочке'); *peach* ('персик');
3. Привлекательного мужчины: *woman's crumpet* ('женский оладушек'); любимец женщин; секс-символ;
4. Человека, парня: *крендель*; *перец*; *кекс*;
5. Ментальных качеств человека: *ни рыба, ни мясо*; *деловая колбаса*.

Заключение

Все уровни языковой и дискурсивной организации (лексика, синтаксис, лексикография, фразеологический фонд, паремия, афористика, художественный текст) в рамках глоттонической тематики обладают семиотическим потенциалом для моделирования черт национального характера. Изучение источников по кулинарному искусству позволяет говорить о важной роли гастрономической перцепции, в составе которой функционирует базовый этнокультурный вектор.

Динамическое взаимопроникновение языковой гастрономии и языковой картины мира проявляется в национальной психологии и чертах характера носителей языка. Языковая картина мира и гастрономия находятся в динамическом взаимодействии и являются неотъемлемыми составляющими национальной культуры. При этом номинанты глоттонических явлений отражают отношение носителей языка к этим явлениям. В данном типе отношений проявляются не только исторически сложившиеся признаки гастрономии, но и национальная психология, национальный характер. Психология народа в большой степени строится на базе основополагающих архетипов, которые в сфере культуры питания способствуют формированию вкусового пейзажа нации, её кулинарного репертуара и рецептуры. Так, француз или англичанин спокойно себя чувствует без чёрного хлеба, тогда как японец или мадагаскарец и дня прожить не может без риса.

Языковые явления изучаются с точки зрения не только антропоцентрического, но и этноцентрического подхода. Языковая картина мира и национальная гастрономия связаны между собой системой категориальных связей, обусловленных национальным мировоззрением. В этом смысле можно говорить о гастрономической языковой картине мира для каждой отдельно взятой лингвокультуры. Важной составляющей языковой картины мира является глоттоническая метафора, раскрывающая существенные стороны национального менталитета.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Бархударов С. Г. Словарь русского языка: в 4 т. / С. Г. Бархударов ; Акад. Наук СССР, Ин-т языкознания. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957 – 1961. – 4 тт.
3. Воротников Ю. Л. «Языковая картина мира»: трактовка понятия [Электронный ресурс] / Ю. Л. Воротников // Знание. Понимание. Умение : информ. гуманитар. портал / Моск. гуманитар. ун-т, Рос. гуманитар. науч. центр. – М., 2006 – 2010. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/gum/new/>.
4. Добренко Е. Гастрономический коммунизм: вкусное vs здоровое [Электронный ресурс] / Е. Добренко // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2009. – № 2. – С. 155 – 173. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/do9-pr.html>.
5. Зализняк А. А., Шмелёв А. Д. Время суток и виды деятельности // Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 42 – 43.
6. Новый большой англо-русский словарь [Электронный ресурс] / под общ. руководством Ю. Д. Апресяна, Э. М. Медниковой // Словари для Lingvo / авт. сайта И. Александров. – М., 2004 – 2010. – Режим доступа: http://traduko.lib.ru/en_ru_apresyan.html.
7. Похлебкин В. В. Занимательная кулинария: советы и рекомендации всемир. извест. кулинара / В. В. Похлебкин. – М.: Центрполиграф, 2003. – 236 с.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. – М.: Прогресс: Универс, 1993. – 654 с.
9. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях: в 2 ч. / В. А. Звегинцев. – М., 1964 – 1965. – Ч. II. – М., 1965. – С. 255 – 281.
10. Dictionary.com, LLC. Copyright © 2012: URL: <http://thesaurus.com/browse/cook>.

LINGUISTIC WORLD VIEW AND NATIONAL GASTRONOMY

A. P. Sedykh
L. R. Ermakova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
sedykh@bsu.edu.ru*

The paper deals with the problem of to the correlations of linguistic and gustative continuum in line with linguistic and cultural approach to the analysis of linguistic phenomena. Language and national gastronomy are considered as a certain type of language identity, functioning in specific communicative ways of information exchange. Universal and ethnocultural ways of gastronomic’s verbalizing are related to the specific type of categorization of reality. Prospects for research of gustative’s verbalizing preferences are seen as part of cognitive-communication techniques to identify sensory parameters of linguistic identity.

Keywords: lingual culture, linguistic and gastronomic world view, linguistic identity, gastronomic metaphor, linguistic identity, semiotics, cognition and communication.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ МИКРОПОЛЯ «СЧАСТЬЕ» В СОСТАВЕ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА» (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

И. И. Синельникова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
sinelnikova@bsu.edu.ru*

В статье анализируются фразеологизмы французского языка, выражающие эмоциональное состояние «Счастье», с точки зрения их места в моделируемом автором фразеосемантическом поле «Эмоциональные состояния человека».

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеосемантическое поле «Эмоциональные состояния человека».

Сфера эмоциональной жизни человека постоянно является предметом пристального внимания лингвистов. Эмоциональные состояния (ЭС), как субъективно направленная разновидность эмоций, представляют собой сложное, специфическое явление. Их специфика заключается в направленности эмоции на определенный субъект, который подвергся эмоциональному воздействию в результате влияния на него внешних факторов. ЭС имеют особенности языкового выражения, и особое место здесь занимает эмотивная фразеология.

Понятие эмотивности предлагается лингвистами для разграничения психологических и языковых категорий. По мнению В. И. Шаховского, «эмотивный – это то же, что и эмоциональный, но о языке, его единицах и их семантике» [7, с. 24].

Психолингвисты понимают эмотивность как отражение в языке всей сферы эмоционального вообще. В соответствии с концепцией панэмоциональности любое слово языка эмотивно. Эмотивность, в свою очередь, представляет собой структурный компонент коннотации. Эмотивами являются специальные эмотивно-окрашенные средства языка. Традиционно эмотивность определяется как языковая категория, подразумевающая в том или ином языке наличие средств системной репрезентации эмоций [3, с. 72]. Глобальная категория эмотивности представлена во всех языках в различных статусах: фонетическом, лексическом, морфологическом, фразеологическом, стилистическом и др. [8, с. 8 – 10].

В настоящей статье исследуются эмотивные фразеологизмы микрополя «Счастье» в составе фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека» во французской фразеологической картине мира. Характерной особенностью данной группы фразеологизмов является то, что они имеют общий семантический примитив «испытывать состояние счастья», «вызывать состояние счастья». Счастье относят к положительным ЭС. Согласно биологической теории эмоций, основным признаком положительного эмоционального состояния является его закрепляющее действие, как бы санкционирующее полезный приспособительный эффект, который формируется при помощи аппарата оценки. Развитие эмоциональных состояний человека – от первичных примитивных ощущений до высших форм удовлетворения в определенной деятельности, произошло на основе формирования аппарата оценки результатов действия.

Счастье, как утверждают исследователи, представляет собой сложное (*complexe*) и загадочное (*étrange*) психологическое состояние, доступное далеко не всем людям. Психологи относят ЭС «Счастье» к смешанному типу (*émotion mixte*) наряду с горечью, страстью и стыдом [8]. Под смешанными понимаются эмоции, имеющие несколько составляющих. Так, состояние счастья проявляется в радостном, приподнятом настроении, веселом расположении духа. Оно может сопровождаться радостным, веселым смехом, то есть *радость*, *веселье*, *смех* выступают как составные части эмоционального состояния «Счастье».

Некоторые исследователи психики человека относили счастье и некоторые другие эмоции к ненормальным, несвойственным здоровому человеческому организму состояниям. Например, И. Кант считал радость, горе, гнев, страдания аномальными явлениями, вредными для человека [5, с. 112]. Однако в реальной жизни человек не может оставаться бесстрастным субъектом, не подверженным душевным переживаниям, лишенным способности удивляться необычному, восторгаться прекрасным.

С физиологической точки зрения, эмоции способны приносить пользу человеческому организму или, наоборот, оказывать на него отрицательное воздействие. Положительные ЭС, такие, как радость, веселье, смех, благотворно влияя на человека, вызывают повышенную функциональную деятельность двигательного аппарата, счастливый, радующийся человек чувствует себя легко, непринужденно. Расширение кровеносных сосудов вызывает приток крови к кожным покровам, поэтому в радости глаза «горят» и щеки «пылают».

Информация о физиологических изменениях человеческого организма в состоянии счастья реализуется в его языковом выражении. При рассмотрении микрополя «Счастье» в составе фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека» можно выделить несколько составляющих его микрополей – семантических групп фразеологизмов меньшего размера. Это микрополя «Радость», «Восторг», «Удовольствие».

В центральной части микрополя «Радость» – «*la joie*»: *émotion agréable et profonde, sentiment exaltant ressenti par toute la conscience* находятся ФЕ *être à (dans) la joie de son cœur* 'радоваться всем сердцем, веселиться от души'; *ne pas sentir d'aise* 'не чувствовать под собой ног от радости'; *ne pas se tenir de joie* 'быть вне себя от радости', имеющие дифференциальную сему усиления состояния: «*Richelieu sait gré à Mme de Pompadour de l'avoir débarrassé de son vieil adversaire. Il paraît que le jour où fut annoncée la disgrâce, il ne se tenait pas de joie*» (J. Levron. *Secrète Madame de Pompadour*) (Ришелье был благодарен мадам де Помпадур за то, что она освободила его от старого противника. Казалось, что в день, когда тому объявили опалу, он был вне себя от радости).

В микрополе «Радость» анализ фактического материала позволяет выделить ближнюю и дальнюю периферии. Компаративный фразеологизм *bicher comme un (petit, vieux) pou* (comme un pou sur la tête d'un teigneux) 'ликовать, не помнить себя от радости' помещается в ближнюю периферийную зону микрополя. Он имеет две дифференциальные семы: «высокая степень эмоциональности выражения состояния» и «наивысшая степень его интенсивности»: «*Regardez-le, comme il est heureux! persifla Bobin. Il biche comme un petit pou*» (P. Siniac. *Le Casse-croûte*) (Посмотрите на него, как он счастлив! – сказал с издевкой Бобен. Себя не помнит от радости).

В ближней периферии данного микрополя находятся также предикативные фразеологические единицы *avoir l'air d'un bienheureux* '1) иметь почтенный вид; 2) сиять от радости' и *avoir l'air à la danse (à la noce)* '1) любить потанцевать; 2) быть оживленным, веселым'. Это единицы с односторонней зависимостью значения компонентов. Переосмысление здесь базируется на метафорическом образе. Как полисемичные, они одновременно покрывают периферийные зоны нескольких фразеосемантических полей: «Эмоциональные состояния», «Внешний вид человека», «Деятельность человека»: «*Dites donc, Favier, murmura Hutin, regardez le patron, là-haut... Il n'a pas l'air à la noce*» (E. Zola. *Au Bonheur des dames*). – *Послушайте, Фавье, - прошептал Ютен, - посмотрите на хозяина, там наверху... Вид у него совсем невеселый.*

Стилистически сниженные фразеологические единицы выражают большую, чем нейтральные, степень интенсивности эмоционального состояния, например: *se lécher* (s'en lécher, se poulécher) *les babines* (разг.) 'облизываться от удовольствия', *prendre des airs râmés* (разг.) 'закатывать глаза, млеть от восторга'. Словарные пометы, ограничивающие сферу употребления этих выражений, определяют их место в дальней периферии поля.

Микрополе «Восторг» – «*admiration*»: «*sentiment de joie et d'épanouissement devant ce qu'on juge sérieusement beau ou grand*» в качестве ядра имеет предикативную ФЕ *être au comble de la joie* 'быть на вершине блаженства' и субстантивную единицу *l'âme en fête* 'быть в восторженном состоянии'. Особенность последней ФЕ состоит в том, что она представляет собой субстантивную фразу и является редким случаем среди фразеологизмов, выражающих эмоциональные состояния: «*Son cheval se carrait à chaque instant. Il était au comble de la joie*» (Stendhal. *Le Rouge et le Noir*) (Конь под ним то и дело вставал на дыбы. Жюльен был на вершине блаженства); «*Devant elle il se découvrait timide comme à seize ans. Il partit l'âme en fête, emporté par une rame*» (H. Troyat. *Le geste d'Eve*) (В ее присутствии он чувствовал себя робким, как шестнадцатилетний юноша. Но когда он расстался с нею, уносимый поездом, в душе его все пело и ликовало).

На периферии МП «Восторг» находятся ФЕ с дифференциальной семой «вызвать восторженное состояние», такие как: *forcer* (soulever) *l'admiration* 'вызвать восхищение, восторг'.

В ядре микрополя «Удовольствие» – «*le plaisir*»: «*état affectif fondamental, un des deux pôles de la vie affective: sensation ou émotion agréable, liée à la satisfaction d'une tendance, d'un*

besoin, à l'exercice harmonieux des activités vitales» представлена единица être bien aise 'быть очень довольным': «*Ils étaient bien aises de venger de son intransigeance et de façon dont il les tenait à l'écart...*» (R. Rolland. *Les Amies*) (Им доставляло удовольствие отомстить ему за его прямолинейность и за то, что он сторонился их...).

На периферии данного микрополя с дифференциальным семантическим признаком «испытывать высшую степень удовольствия» находятся ФЕ *se râner d'aise (de plaisir)* 'млеть от удовольствия'; *prendre son plaisir à...* 'наслаждаться': «*Hadj Madhoni prit longuement son plaisir à bien voir de ses yeux, bien toucher de ses doigts*» (C. Farrer. *Les Hommes nouveaux*) (Хадж Мадхони долго наслаждался возможностью все видеть собственными глазами, все трогать собственными руками).

Вышеназванные фразеологические единицы взаимосвязаны, так как они имеют один интегральный семантический признак "быть в хорошем состоянии духа".

При формировании фразеологизма происходят сложные семантические процессы, которые приводят к полному переосмыслению значения отдельных лексем, входящих в его состав. В основе семантики фразеологического единства или фразеологического сращения, полученного в ходе фразеологизации, лежат механизмы, позволяющие представить фразеологический образ как результат речемыслительной деятельности национального языкового сознания.

Ввиду того, что семантика фразеологизма обусловлена вторичной номинацией слов, значения фразеологических единиц формируются опосредованно, путем использования коллективного опыта народа, закодированного в соответствующих знаках первичного именования. Проводником между семантикой знака вторичной номинации и его производящего является внутренняя форма, в которой обязательно присутствуют денотативные семы лексических компонентов фразеологизма, выражающие определенные отношения между предметами и воспроизводящие в воображении реципиента целые денотативные ситуации. Эти ситуации и предопределяют характер и основные направления формирования семантики ФЕ [1, с. 206].

Так, например, в составе МП «Счастье» представлены немотивированные фразеологические сращения (*des soudures phraséologiques*) такие, как: *boire au (petit) lait* 'с удовольствием слушать похвалы в свой адрес'; *être bien dans sa peau (ses baskets)* 'быть в хорошем расположении духа'; *être à bon poil* 'быть в хорошем настроении'. Как видно из примеров, в процессе фразеологизации денотат фразеолекс (несамостоятельных лексических единиц в составе фразеологизма – термин Н. Н. Кирилловой) *lait* 'молоко', *peau* 'кожа', *poil* 'шерсть' в составе ФЕ полностью утратил свое значение, что привело к образованию идиомы со значением, отличным от денотата лексем-прототипа.

Кроме немотивированных фразеологических единиц, эмоциональное состояние «Счастье» выражает большая группа фразеологизмов-библейзмов, в основе внутренней формы которых лежит образ, взятый из религиозной мифологии или религиозной жизни. Фразеосочетания библейского происхождения обладают значением интенсивного эмоционального состояния в силу религиозного возвышенного смысла, заключенного в их образах. Например: *être aux anges, être au septième ciel* 'быть на седьмом небе от счастья'; *voir les anges (прост.)* 'наслаждаться'; *voir les cieux ouverts* 'вкушать блаженство'; *être de grâce (рел.)* состояние 'благодать'.

Исследуемый фактический материал показывает, что глагольные фразеологические единицы в своей структуре преимущественно содержат так называемые "инактивные" глаголы: *avoir* 'иметь' и *être* 'быть'. Например: *avoir le cœur joyeux* 'быть жизнерадостным'; *être aise comme rat en paille* 'быть очень довольным'. В такой же позиции употребляются и местоименные глаголы, например, глагол *se faire*: *se faire du bon sang* 'развлечься, доставить себе удовольствие'. При анализе фактического материала, наряду с упомянутыми, были выявлены переходные глаголы, выражающие активное действие, в составе ФЕ со значением эмоционального состояния. Это глаголы *prendre* 'брать' и *nager* 'плыть' в составе ФЕ *prendre des aires râtés* 'закатывать глаза, млеть от восторга'; *en prendre plein la gueule (прост.)* 'восторгаться, восхищаться'; *nager dans le bonheur* 'быть на вершине блаженства'. В этих выражениях переосмыслению подвергается не денотат образа в основе ФЕ, а денотат предиката, в котором заключена общая сема "находиться в том или ином состоянии". Таким образом, можно заключить, что в процессе фразеологизации происходит транспозиция всех структурных членов устойчивого выражения, представляющих собой знаменательные части речи.

Как известно, счастливый человек проявляет свое состояние по-разному. Одним из проявлений счастья и радости является смех. В основе смеха как психологического явления лежит телесная и душевная реакция человека на определенные факторы внешнего мира. Смех уникален по своей природе. Он является отличительным свойством человека: *le rire est le pro-*

pre de l'homme. В романе «Гаргантюа» («*Gargantua*») Франсуа Рабле пишет: «*Mieux est de rire que de larmes écrire. Pour ce que rire est le propre de l'homme*» (F. Rabelais. *Gargantua*) (Милей писать не с плачем, а со смехом. Лишь человеку свойственно смеяться).

Выражения, образная составляющая которых связана с улыбкой и смехом, выделяются в отдельную семантическую группу. Они представляют периферийную зону микрополя «Счастье», так как передают не только эмоциональное состояние, но и паралингвистические явления, которые его сопровождают: мимику, жесты человека во время смеха. В основе образа таких ФЕ лежит телесная реакция человека в радостном состоянии, которая может проявляться в легкой улыбке и сопровождаться лишь «мимикой губ без звука» [4, с. 10]. Например: *être tout sourire* 'расплываться в улыбке'; *garder le sourire* 'сохранять хорошее настроение, оптимизм (несмотря на неприятности)'. Реакция тела человека на фактор смеха проявляется также в "мимике губ в сопровождении шума" [там же]. Например: *rire de tout (de bon) cœur* 'смеяться от души'. Причем шумовое сопровождение имеет разную степень интенсивности: *rire comme une baleine* 'смеяться во весь рот'; *rire à se tenir (à se tordre) les côtes (à se faire mal aux côtes)* 'смеяться до упаду, помирать со смеху'; *rire comme un cul (grub.)* 'смеяться, хохотать во все горло, ржать как лошадь'.

Многочисленную группу при выражении различных типов смеха составляют фразеосочетания с фразеолексами-соматизмами: *rire à belles dents* 'смеяться во весь рот'; *rire à la gorge déployée* 'смеяться во все горло'; *dilater le cœur* 'радовать, воодушевлять, ободрять'; *sortir de toutes ses dents* 'скалить зубы, улыбаться во весь рот'; *rire au nez* 'смеяться в лицо'; *la bouche fendue jusqu'aux oreilles* 'рот до ушей'; *se fendre la gueule (la bulle) (прост.)* 'хохотать'; *rire à ventre débouffonné* 'живот надорвать от смеха'; *se taper le cul par terre (de rire) (прост.)* 'безудержно смеяться, животики надорвать от смеха. Употребление фразеолексы-соматизма в составе перечисленных ФЕ объясняется тем, что во время смеха, в первую очередь, происходят соматические изменения в организме человека, что нашло свое выражение во фразеологическом пространстве языка.

Факторы, вызывающие смех и доставляющие человеку радость, могут иметь как положительную, так и отрицательную окраску. Человек может смеяться втихомолку, тайно радуясь неудаче или ошибке другого. Например: *rire dans la barbe*; *rire sous (la) cape*; *rire sous coiffes (dans les coiffes)* 'смеяться исподтишка'. Компонентный анализ этих фразеологических единиц позволяет отнести их к национально маркированным. Если в русском языке существует выражение *смеяться в кулак*, то для французского языкового сознания это же значение передается ФЕ *смеяться в бороду (под плащем, под чепцом)*.

Не всегда человек смеется, когда ему этого хочется, и тогда говорят о вынужденном смехе. Это явление находит свое отражение и во французской эмотивной фразеологии. Известно, что деление эмоциональных состояний на положительные и отрицательные связано с удовлетворением или неудовлетворением потребностей человека. Поэтому они классифицируются не по нравственному признаку, а образно понятиям «приятное / неприятное» [2, с. 19]. В таком случае смех уходит за пределы микрополя «Счастье» и покрывает зоны других ЭС. Так, фразеосочетание *rire jaune* 'деланно смеяться, смеяться сквозь слезы', используя цветообозначение *jaune* 'желтый', передает необходимость смеяться, когда не хочется; желтый цвет ассоциируется в языковом сознании носителей французского языка с грустью и печалью. Значение 'принужденно смеяться' заключено также в выражении *rire à bout des dents*.

Как видно из примеров, для фразеологизмов, выражающих смех, характерна структурная вариативность их компонентов. Как правило, это лексические варианты фразеолексы, составляющие образную основу выражения. Кроме фразеосочетаний, такой же особенностью обладают и образные сравнения: *rire comme un bossu (comme un coffre, comme un crevé)* 'хохотать во все горло, надрывать от смеха'. Среди образных сравнений встречаются и такие, которые имеют варианты главного слова, а не компаративной лексемы. Например: *rire (se marrer, rigoler, se tordre) comme une baleine* 'смеяться, широко раскрывая рот'. Вариант доминирующего компонента меняет выражение интенсивности передаваемого состояния. Стилистически сниженные единицы *rigoler (разг.)* 'смеяться, веселиться', *se tordre* 'извиваться, корчиться', *un crevé (grub.)* 'издохший, околевший', обладающие более высокой степенью коннотации, естественным образом усиливают значение всего фразеологизма.

Особого внимания заслуживает ФЕ *la bouche en cœur (en cul de poule) (разг.)*:

1) улыбаясь, как ни в чем не бывало: «*M. Cousinet, d'abord un peu gêné par les inutiles indiscretions de Lisette, s'inclina la bouche en cœur...*» (C. Vatel, *Mon curé chez les riches*) (Господин Кузине, вначале несколько смущенный излишней откровенностью Лизетты, поклонился с улыбкой);

2) недовольно, поджав губы: «*Comme il a dit: "Je suis fatigué", madame Semblijan, la bouche en cœur, questionne...*» (P. Vialar, *Pas de temps de mourir*) (Когда он сказал: "Я устал", мадам Самближан недовольно спросила...).

Данное фразеосочетание выступает как полиэмоциональное, выражающее ЭС «Смех» и ЭС «Огорчение» и относящееся к различным микрополям фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека». С другой стороны, оно энантиосемично, так как обладает противоположными значениями.

Под энантиосемией понимается присутствие в семантической структуре ФЕ значений с противоположными по знаку эмоционально-оценочными компонентами. В лингвистической литературе это явление рассматривается, прежде всего, в отношении лексических единиц. Фразеологическая энантиосемия, вытекая из эмотивной полисемии, имеет свою специфику, связанную с особенностями фразеологического значения, которое возникает в результате ассоциативно-образного переосмысления целого словосочетания. Природа эмоционально-оценочной энантиосемии, как отмечают исследователи, отражает две тенденции языкового развития, заключающиеся в том, что одно и то же явление действительности может по-разному оцениваться и вызывать различные чувства со стороны говорящего [6, с. 56].

Счастье, являясь сложным, многогранным чувством, находит разнообразные фразеологические средства выражения, включая *паремии*. Например: *c'est à mourir (à crever) de rire 'ny u potexa, животики надорвешь от смеха'*; *chacun prend son plaisir où il le trouve (prov.) 'всяк по своему веселится'*; *nul (pas de; point de) plaisir sans peine (prov.) 'любишь кататься, люби и саночки возить = за каждое удовольствие надо расплачиваться'*; *pour qui jouit seul le plaisir boîte (prov.) 'когда человек веселится один, он веселится наполовину'*. В выражениях пословичного типа отражена мудрость и жизненный опыт народа, они всегда национально маркированы. Для носителей французского языка неполное счастье обязательно «хромеет» – *boîte*. Метафорический перенос в данном случае помогает точно передать смысл пословицы.

Счастье и радость являются важными жизнеутверждающими составляющими личности. Их содержательную сторону образуют человеческие отношения и деятельность. Смысл радости для человека состоит прежде всего в том, что радость вызывает интерес к жизни, дает положительный заряд всем системам человеческого организма. Язык, отражая жизнь во всех ее проявлениях, обладает большим арсеналом средств для выражения состояния счастья, которое является сложным, совмещающим в себе несколько эмоций. Различные семантические группы фразеологизмов, выражающих счастье, обладают дифференциальными признаками, конкретизирующими то или иное проявление этого состояния. Возможности фразеологии здесь, как видим, огромны: от фразеосочетаний до идиоэтнических ФЕ и выражений пословичного типа. Исследуемое пространство является лишь частью национальной языковой картины мира.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография. – Волгоград: Перемена, 2006. – 228 с.
2. Волкова Н. Н. Русская эмотивная фразеология в языке и тексте: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2005. – 19 с.
3. Калимуллина Л. А. Современные трактовки категории эмотивности // Филологические науки, 2006. – № 5. – С. 71 – 80.
4. Ротова М. С. Лексико-фразеологические поля обозначений смеха и плача в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1985. – 21 с.
5. Психология эмоций. Тексты. – М.: Изд. МГУ, 1984. – 286 с.
6. Цоллер В. Н. Эмоционально-оценочная энантиосемия фразеологизмов // Филологические науки, 2000. – № 4. – С. 56 – 64.
7. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987. – 192 с.
8. Шаховский В. И. Полистатусная репрезентация категории эмотивности в языке и речи // Композиционная семантика: Материалы Третьей Международной шк. – семинара по когнитив. лингвистике, 18 – 20 сент. 2002 г. / Отв. ред. Н. Н. Болдырев: В 2 ч. Ч. II. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. – 203 с.
9. Lavirey M. La puissance des émotions. - Editions de l'Homme, 2002. – 334 p. (электронная версия: <http://www.redpsy.com/guide/repousse.html>).
10. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris, 1973. – 1970 p.

THE FRENCH EMOTIONAL PHRASEOLOGICAL UNITS MEANING HAPPINESS IN THE FIELD ASPECT

I. I. Sinefnikova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
sinefnikova@bsu.edu.ru*

In the article the phraseological units meaning the happiness are analysed from the point of view of their place in the phraseosemantic field “The human emotional states”.

Keywords: phraseological unit, phraseosemantic field “The human emotional states”.

УДК 811.161.1'1: 811.112.2'1

РЕЛЯТИВНЫЕ ОБРАЗЫ И КОНЦЕПТОСФЕРА ЯЗЫКА

Т. Н. Скокова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Skokova@bsu.edu.ru*

Данная статья посвящена исследованию релятивных образов, выступающих факторами, которые представляют собой определяющие механизмы когерентности, инструментами, являющимися основополагающими в структурировании речемыслительных вариантов, а также информацией ментального характера о том, какие связи обеспечивают единство концептосферы.

Ключевые слова: релятивные образы, коммуникативное целое, синергия релятивных образов, процесс смыслопорождения.

С процессами концептуализации и категоризации познаваемого мира связаны *абстрактные когнитивные модели* (см. работы Дж. Лакоффа и др.). В этой связи Н. Ф. Алефиренко пишет: «...это лишь лингвокогнитивные модели. Они ни в коей мере не тождественны логическому содержанию воспринимаемого текста. И все же лингвокогнитивная модель соответствует той логической структуре знания, которая позволяет идентифицировать основную идею и языковое значение дискурсивного образования» [1, с. 54]. В этом процессе, на наш взгляд, релятивные образы играют основополагающую роль, и, следовательно, не могут не учитываться при лингвокогнитивном моделировании.

Когнитивно-семиологический подход в современной семантике предполагает исследование не только отдельных лексем с их системными значениями, но и выявление особых «синергетических потоков» (термин Н. Ф. Алефиренко) смыслопорождающего дискурса. Как показывает предварительный анализ нашего материала (а таковым в работе является произведение Н. С. Лескова «Запечатленный ангел», а также его перевод на немецкий язык), этими синергетическими импульсами выступают релятивные образы, которые и выстраивают иерархию речемыслительных структур различного уровня (фреймы, концепты). Здесь следует остановиться также на том, что вообще понимается под образами. Это в первую очередь поток ассоциаций в процессе развертывания речи, а релятивные образы выполняют по отношению к этому множеству ассоциаций интегрирующую функцию, ведущую к созиданию понимания смысла любого языкового выражения. Другими словами, сопряжение между собой релятивными образами как конституирующим механизмом личностной когнитивной деятельности совокупности отношений представлений к предмету, которая объективируется своей архитектурой языковых знаков, имеющих объективную значимость, превращает эту совокупность в знание.

Продуктом и средством познания являются такие базовые концепты языковой семантики, как БЫТИЕ, ЖИЗНЬ, ВЕРА, ЛЮБОВЬ, СТРАДАНИЕ, НАДЕЖДА. Вокруг концептов организуется когнитивная структура, понимаемая как фрейм, состоящая из макропропозиции, содержащей в отличие от простого набора ассоциаций самую существенную, и потенциально возможную информацию, которая соотнесена с определенным концептом [Дейк Ван, 1989; Fillmore, Atkins, 1992 и др.] и системы отдельных пропозиций как единиц «хранения знаний», что по мнению Н. Ф. Алефиренко, представляет собой «способ моделирования целостной картины мира в этнокультурном сознании человека» [1, с. 55]. Наша задача - показать, как выстраивается иерархия речемыслительных структур благодаря релятивным образам, которые лежат в основе синергетического потока смыслопорождения. Если названные выше концепты являются основными в схеме познания, то фрейм, который вызывает эти лингвокогнитивные структуры - это фрейм ПОЗНАНИЕ (нем. ERKENNTNIS). Еще Сократ указывал, что единственно верным направлением усилий человека является познание и действование на основе знания. По Сократу также, знания о человеке, формах его жизни, его душе и теле, пороках и добродетелях и знания обо всем мире в целом - это не различные знания, а лишь различные части единого знания об истине бытия. Одним из главных этапов познания является познание самого человека как системы (самопознание, по Сократу) и как системы, включенной в целое. Кант утверждал, что, знание - это соединение рассудка и чувств, а чувственность изначально уже ограничена априорными формами - пространством и временем, то есть она уже «сплавлена» с рациональными формами. Познание, таким образом, невозможно без чувственности, иначе

говоря, чувственность является важнейшим условием возможности познавательного и практического отношения человека к миру. Чувственные качества предмета, по С. Л. Рубинштейну, благодаря узнаванию объекта, который находится в центре актуального восприятия как специфической познавательной деятельности, соотносятся и сопоставляются, а оформление, сохранение и передачу полученного знания обеспечивает язык. Следовательно, можем сказать, что фрейм ПОЗНАНИЕ (нем. ERKENNTNIS) имеет макропропозицию → чувственно – интеллектуально – речевое восприятие – узнавание и пропозиции → мировоззрение через восприятие и чувства в результате чувственно – интеллектуально – речевого восприятия-узнавания. В анализируемом дискурсе как «сложном коммуникативно-когнитивном явлении, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы» [1, с. 264] макропропозиция фрейма (интеллектуально-чувственно-речевые восприятия) имеет свое речевое воплощение. Так, восприятие иконы включает: 'божия благодать'; 'Gottes Segen' («...над нами-де видимая божия благодать творит дивеса, каких мы никогда и не зрели»; «und die anderen sagten, dass Gottes Segen über uns sichtbar Wunder wirkte, von denen wir niemals etwas sahen»), 'божие благословение'; 'Gottes Segen' («Я слышала, – говорим, – что к вам божие благословение видимо, – говорим, – проявляется»; «Ich habe gehört«, sagt sie, «dass sich Gottes Segen sichtbar bei euch offenbart»), 'вдохновенное изображение'; 'beseeltes Bild' («Нем, ты расскажи мне еще, что вы по своему понятию за вдохновенное изображение понимаете?»; «Nein, erzähle mir noch, was ihr unter einem beseelten Bilde versteht»). Через такое восприятие возникает особое мировидение (нем. Weltsicht, Wertauffassung) (синонимы: воззрение, мнение, миропонимание, мирозерцание; принципы, воззрения, взгляды на вещи, на жизнь, видение, убеждения, образ мыслей, символ веры и др.; нем. Grundeinstellung, Ideologie, Weltsicht, Wertauffassung, Lebensansicht, Weisheitsliebe, Weltanschauung u. a.): «...такое изображение явственно душе говорит, что христианину надлежит молить и жаждать, дабы от земли к неизреченной славе бога вознестись»; «Weil eine solche Darstellung uns klar sagt, dass es dem Christenmenschen ansteht, zu beten und darnach zu lechzen, sich von dieser Welt zu Gottes unsagbarem Glanz zu erheben»; «Что есть Вавилон? столп кичения; не кичись правдою, а то ангел отступится»; «Was ist Babylon? Eine Säule des Dünkels, schmeichle dir nicht mit deiner Rechtschaffenheit, sonst verläßt dich dein Engel»; «... вымоли человек первое всего душе своей дар страха божия, она сейчас и пойдёт облегченная со ступени на ступень, с каждым шагом усвояя себе преизбытки вышних даров, и в те поры человеку и деньги, и вся слава земная при молитве кажутся не иначе как мерзость пред господом»; «Hat dann der Mensch für seine Seele zunächst die Gabe der Gottesfurcht erbetet, so erhebt sie sich gleich, von der irdischen Schwere befreit, von Stufe zu Stufe und erringt mit jedem Schritt mehr vom Überfluß der göttlichen Gaben. Und von der Zeit an erscheint dem Menschen im Gebet das Geld und aller irdischer Ruhm nur als verabscheuungswürdig vor dem Herr». Такой подход соответствует пониманию восприятия в психологии (Ж. Пиаже, С. Л. Рубинштейн, И. А. Зимняя и др.), представляющий собой единство логического и чувственного, смыслового и чувственного, мысли и ощущения, а что касается узнавания, то оно, как считают психологи, с одной стороны, совершается внутри восприятия и вместе с тем оно в своей развернутой форме – акт мышления. Автор произведения так описывает чувства, вызываемые иконой: «Любили мы все эту свою святыню страстную любовью!»; «Wir alle liebten unser Heiligtum mit leidenschaftlicher Liebe»; «Глянешь на владычицу, как пред ее чистотою бездушные древеса преклонились, сердце таем и трепещет...»; «Du schaust auf die Himmelskönigin, wie sich vor ihrer Reinheit die seelenlosen Bäume neigen, und das Herz schmilzt dir im Leibe und zittert»; «Глянешь на эти крылья, и где твой весь страх денется: молишься "осени", и сейчас весь стишаешь, и в душе станет мир». Наше понимание процесса познания структурированной интеграции в концептосфере языка базовых концептов также опирается на философскую доктрину Канта. Мыслитель писал, что всякое знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцаний и для подведения его под высшее единство мышления, что осуществляется с помощью языка.

Поскольку, с одной стороны, системны принципы синергетики, а с другой, концептосфера языка – системное образование [см. Н. Ф. Алефиренко, 2009 и др.], имеются необходимые основания для рассмотрения синергетики релятивных образов с точки зрения выявления их интегрирующей функции, направленной на структурирование названных выше общечеловеческих концептов языковой семантики. Использование речи интегрирует в себе релятивные образы. За счет словесного обозначения возникает возможность абстрагирования и обобщения свойств предметов, то есть, формируется семантическое пространство языка, узловыми топиками которого выступают базовые концепты. Каждый вербализованный концепт подвергается

«системообразующему давлению» релятивных образов, а в непрерывном пространстве сознания благодаря возникающим связям и отношениям между концептами структурируется концептосфера как сплошное когнитивное пространство. При этом, как отмечается И. А. Стерниным, мыслительные образы сознания определяют целесообразную деятельность человека, сознание регулирует взаимоотношения личности с окружающей природной и социальной действительностью, дает возможность личности осмыслить собственное бытие, внутренний духовный мир и позволяет совершенствовать действительность в процессе общественно-практической деятельности [13, с. 44]. «Eine kognitive Semantik muss über solche kognitiven Einheiten verfügen, die Referenzrelationen und Wortkonzepte zum Gegenstand haben, und eine Einbettung dieser Einheiten in das Weltwissen ermöglichen, die als semantischer Sinn einer Äußerung bezeichnet werden kann» [17, с. 50]. Итак, одним из важнейших концептов в «схеме» познания, есть концепт БЫТИЕ (нем. DASEIN). В. Л. Киссель пишет, что бытие есть все то, что является или может явиться сознанию познающего субъекта. У Фихте бытие существует для разума, а не наоборот. Н. Бердяев считает, что познание есть возгорание света внутри бытия, а не стояние перед бытием-объектом.

Рассмотрим два примера:

(1) «...Мы стали на левом, на луговом, на отложистом, и объявился пред нами весь чудный пейзаж: древние храмы, монастыри святые со многими святых мощами; сады густые и деревья таковые, как по старым книгам в заставках пишутся, то есть островерхние тополи. Глядишь на все это, а самого за сердце словно кто щипать станет, так прекрасно!»; «... während wir auf dem linken flachen Wiesenufer standen, und vor uns lag die ganze wundervolle Landschaft: alte Kirchen, heilige Klöster mit vielen heiligen Reliquien, dichte Gärten und Bäume, wie man sie in alten Büchern abgebildet findet, spitzwipfelige Pappeln. Du schaust auf all das, und dein Herz brennt in dir gleichsam, so herrlich ist es!»;

(2) «Жесточайшая поземная пурга, из тех, какими бывают славны зимы на степном Заволжье, загнала множество людей в одинокий постоялый двор, стоящий бобылем среди гладкой и необозримой степи. Тут очутились в одной куче дворяне, купцы и крестьяне, русские, и мордва, и чуваша. Соблюдать чины и ранги на таком ночлеге было невозможно: куда ни повернись, везде теснота, одни сушатся, другие греются, третьи ищут хотя маленького местечка, где бы приютиться; по темной, низкой, переполненной народом избе стоит духота и густой пар от мокрого платья зимы на степном Заволжье. ... А между тем если еще кто беспомощный добьется сюда, ему местечко будет...» «Einer der grausamen Landstürme, welche die Winter in den Wolgasteppen berüchtigt machen, hatte eine Menge Leute in den abgelegenen Gasthof getrieben, ein Bauernhaus inmitten der flachen, unabsehbaren Steppe. Dort hatten sich auf einem Haufen Adelige, Kaufleute, Bauern zusammengefunden, Russen, Mordwinen und Tschuwaschen. Auf Rang und Würden konnte man in einem solchen Nachtquartier keine Rücksicht nehmen: wohin man sich wendet, alles ist gedrängt voll, die einen trocknen sich, die anderen wärmen sich, die dritten suchen ein wenn auch noch so kleines Plätzchen, auf dem sie bleiben können. In der dunklen, niederen, mit Menschen überfüllten Stube herrscht eine schwere Schwüle und der dichte Dampf der nassen Kleider...».

Можно выделить следующие составляющие данного концепта:

– **объективация «собственного», «самостоятельного» бытия**, о котором С. Франк говорит: «"Самостоятельное" бытие есть бытие, соучаствующее в первичной реальности, утвержденное и укорененное в ней, – бытие, которое внутри себя самого открывает присутствие реальности как таковой, – реальности в ее всеобъемлющем существе, в котором соучаствует и все остальное, конкретно сущее», что выражается в примерах такими языковыми единицами, как: (1) 'объявиться (перед кем-то)', а в немецком варианте - 'vor jemandem liegen'; (2) 'стоять', нем. 'liegen';

– **бытийная структура присутствия** (термин Хайдеггера, а также его же – «экзистирование присутствия»), что понимается нами не только как нахождение в определенном месте, но и как осознание местонахождения. В данных примерах это выражено такими словосочетаниями, как: (1) 'то, что видит субъект', 'как написано по старым книгам в заставках', 'was du schaust', 'wie man in alten Büchern abgebildet findet'; а также глаголами: (2) 'очутиться', 'загнать', 'приютиться', 'добиться'; 'sich zusammenfinden', 'sich wenden', 'bleiben';

– бытие как отношение между единством, целостностью элементов, другими словами, отношение между «атмосферой» бытия (определение Ясперса) и множеством отдельных предметов восприятия: (1) 'богоданная природа', 'чудный пейзаж' → 'древние храмы', 'монастыри святые со многими святых мощами'; 'сады густые', 'деревья'; 'wundervolle Landschaft' → 'alte Kirchen', 'heilige Klöster mit vielen heiligen Reliquien', 'dichte Gärten und Bäume', а также отношение

между единственностью, неповторимостью каждой человеческой личности (а также языковой) и единством всего человеческого рода: (1) 'ощущение преизящества богозданной природы', нем. 'das Fühlen der Pracht der gottgeschaffenen Natur' всеми людьми, о чем говорится дальше в контексте: «...мы люди простые, но преизящество богозданной природы все же ощущаем»; «...wir sind natürlich einfache Leute, aber wir fühlen doch die Pracht der gottgeschaffenen Natur». Исследование смысловой единицы коммуникации в комплексе языковых и неязыковых фактов в **разносистемных** языках обусловлено, в частности, тем, что в ходе концептуализации знания могут избираться разные концептуальные признаки, а также смысловые элементы попадают в разные зоны действия креативных аттракторов, под которыми понимаются личностные смыслы, актуальные для человека, но не всегда вполне осознаваемые [2, с. 205]. Можем сравнить в нашем примере различие при переводе слова «преизящество» лексемой «die Pracht = великолепие», а также выражения «за сердце словно кто щипать станет» комбинацией «Herz brennt» (= «сердце горит»).

Бытие каждого Я, как известно, есть неразрывное единство материального и идеального (духовного), биологического и социального, физического и психического. «Человек – это синтез бесконечного и конечного, временного и вечного, свободы и необходимости, короче говоря синтез» [10, с. 367]. Это общее включает в себя множество качеств человеческой природы, ее неотъемлемых свойств и энергий: например, из ситуации (2) видим, что независимо от условий и национальностей всем необходимо 'местечко, где бы приютиться'; 'ночлег'; 'Plätzchen, auf dem sie bleiben können', 'Nachtquartier'. Причем в русском языке данный смысловой элемент репрезентирован более емко, так как «приютиться» – это не просто «остаться» или «остановиться» («bleiben» в немецком варианте), а приснаститься, прислониться, прижаться, примоститься, пристроиться, подместиться, приткнуться и пр. Из взаимодействия компонентов видно, что ключевой структурой человеческого бытия является: а) его включенность в конкретную жизненную ситуацию и взаимораскрываемость Я в общении с другим (другими) Я б) схожесть бытия различных индивидуумов в том, что есть общего в их теле и в их душе. Еще Карл Ясперс («Философия экзистенции» (1938) писал, что человека надо понять как экзистенцию. С. Н. Булгаков говорил, что отдельный человеческий индивид есть не только самозамкнутый микро-космос, но и часть целого, каждая человеческая личность, имея для-себя-бытие, является своим органическим центром; но она же и не имеет самостоятельного бытия. Итак, языковая деятельность проецировалась в релятивный образ, раскрывая его сущность: **двуединство человеческого Я как самозамкнутой системы и как находящей свое существование вне себя, включенной в целое.**

Синергетичность смыслопорождения, основанного на релятивном образе, в том, что проходит оно каждый раз по-разному, в зависимости от ситуации; языковая деятельность «фокусируется» в релятивном образе, а сам образ придает в свою очередь ей динамику развития, в соответствии с чем намечается развертывание смысла. Так, в структурирование смысла включен еще один релятивный образ, который пронизывает всю ткань произведения – **релятивный образ чувственности**. Вслед за Кантом чувственность нами рассматривается как: 1) включение в сознание содержания деятельности Я. Например, центром притяжения к описанному выше месту, по мнению автора, есть 'святыня', 'Спасова икона' и 'богородичный лик'; 'Heiligtum', 'Erlöserbild', 'Antlitz der Gottesgebärerin': «Разве супостат может сюда кого-нибудь прислать, где этакая святыня? Разве ты не видишь, что тут и Спасова икона и богородичный лик»; «Soll vielleicht der Widersacher jemand herbringen, wo ein solches Heiligtum ist? Siehst du nicht dort das Erlöserbild und das Antlitz der Gottesgebärerin»; 2) Стремление к чему-то, что является источником эмоциональности, нежности, душевности, мягкости, заботливости, сердечности, интуитивности, любви к кому-то или людям и др., путем чего Я получает знание, видит бытие через призму чувственности. Рассмотрим еще один пример: «Пимен рад суете, и у него на том берегу в городе завелось самое изобильное знакомство: и торговцы, и господа, до которых ему по артельным делам бывали касательства, все его знали и почитали его за первого у нас человека. Мы этому случаю, разумеется, посмеивались, а он страсть как был охоч с господами чаи пить да велеречить: те его нашим старшиною величают, а он только улыбается да по нутру свою бороду расстилает». «Pimen aber freute sich über diese Eitelkeiten und hatte in der Stadt auf dem anderen Ufer eine sehr ausgebreitete Bekanntschaft. Händler, Herrschaften, mit denen er in unseren Geschäften in Berührung kam, alle kannten ihn und hielten ihn für den Ersten bei uns. Natürlich lachten wir darüber, aber er liebte es sehr, mit den Herrschaften Tee zu trinken und groß daherzureden. Sie nennen ihn unseren Ältesten, und er lächelt nur, und in seinem Innersten schmeichelt es ihm. Mit einem Wort: Hohlheit!». В данном фрагменте эмоции человека проявляются в виде субъективной реакции на различные воз-

действия: удовлетворения, удовольствия и пр. Тщеславный герой воспринимает 'суету', 'величание', 'почести' (в немецком тексте: 'Eitelkeit' = тщеславие, щегольство, кокетство, желание нравиться, ничтожность, лживость и 'Hohlheit' = пустота, голословность) как смысл бытия. (Ср. высказывание из произведения Джерома К. Джерома «О суете и тщеславии» о том, что тщеславие - истинная сила, движущая колесницу человечества). Если посмотреть на это другой стороны, то осознаем: бытие воздействует на чувственность человека, что имеет результатом, по мнению Канта, его особое для каждого человека познание. Так, концепт БЫТИЕ (нем. DASEIN) в результате анализа данного коммуникативного целого с этой точки зрения имеет такие составляющие, как: 'добродетели', 'добролюбие' и 'благочестие', 'спасение посредством веры', 'молитва', 'покаяние', 'смирение'; 'Liebe zum Guten und zur Wohlanständigkeit', 'Glaube als Erhaltungsmittel des Alls' («Glaube hält das All»). Интегрирование смысловых элементов концепта БЫТИЕ (нем. DASEIN) с помощью данного релятивного образа приводит к определенному знанию, он становится универсальной творческой энергией, одухотворяющей собой бытие в целом, в чем проявляется его синергетичность. Ср.: «... *всяк как верит, так и да судит, а для нас все равно, какими путями господь человека взъимет и из какого сосуда напоит, лишь бы зыскал и жажду единомушья его с отечеством утолил*»; « *Jeder beurteilt es so, wie er es glaubt, uns aber ist es gleich, auf welchen Wegen der Herr den Menschen zu finden weiß und aus welchem Gefäß er ihn trinkt, wenn er ihn nur sucht und seinen Durst nach Vereinigung mit dem Vaterlande stillt...*».

Еще один релятивный образ - это образ пространства и времени. Проанализируем примеры. «*Вся господня земля и благословенны вси живущие...!*»; «*Нет, позволь, - говорю, - тебе объявиться, ведь мы по старой вере*»; «*Все, - говорит, - уды единого тела Христова! Он всех соберет!*»; «*Gottes ist die ganze Erde, und gesegnet sind alle Lebenden...*». «*Nein*», *erwidere ich, «erlaube, dass ich dir sage: wir gehören dem alten Glauben an»*; «*Wir sind alle vom Leibe Christi, er umfängt uns alle!*». (2) «*Ангел тих, ангел кроток, во что ему повелит господь, он в то и одется; что ему укажет, то он сотворит. Вот ангел! Он в душе человеческой живет, суемудрием запечатлен...*»; «*Der Engel ist geduldig, der Engel ist mild; wie es der Herr ihm befiehlt, so kleidet er sich, was er ihm befiehlt, das wirkt er. Also ist der Engel! Er lebt in der Seele des Menschen, die Unwissenheit hat ihn versiegelt...*». Здесь можно выявить следующие концептуальные единицы концепта БЫТИЕ (нем. DASEIN):

1) точка отсчета и направления, которые имеют глубинную концептуальную общность («Локализация в пространстве и времени осуществляется аналогичными способами: относительно точки отсчета с учетом ориентации..., определяемой направлением реального или воображаемого движения» [12, с. 321]: точкой отсчета считают в данном контексте староверы Христа - творца всего сущего: (1) 'вся господня земля', 'все живущие как уды единого тела Христова'; 'die ganze Gottes Erde', 'alle Lebenden vom Leibe Christi'; он же придает направление всем изменениям и деятельности человека: (1) им 'благословенны вси живущие'; 'gesegnet sind alle Lebenden';

2) отношение между конечностью (= конечность любого существования, ей подчинена и человеческая жизнь, включенная во время, которая, подчиняясь ему, стремится к концу): 'он (Бог) всех соберет'; 'er umfängt uns alle') и бесконечностью бытия как всеединства времен и как бесконечного возвращения того же: (2) 'что ему (ангелу) повелит господь, он в то и одется; что ему укажет, то он сотворит'; 'wie es der Herr ihm befiehlt, so kleidet er sich', а также вечностью (например, относительно души: (2) 'ангел в душе человеческой живет, суемудрием запечатлен'; 'der Engel lebt in der Seele des Menschen, die Unwissenheit hat ihn versiegelt'. Таким образом, глубинным смыслом данного релятивного образа есть выражение вечности и бесконечности бытия в целом, а также конечности и временности конкретных элементов, включая человека, также являющегося элементом бытия. Каждый из релятивных образов как бы дает исходный импульс сознанию субъекта, приводя в движение бесчисленные ассоциативные, интеллектуальные, эмоциональные рычаги, в чем проявляется их синергетизм. Из этого движения возникает сложное целое, которое субъект ощущает как "смысл". Это как «количество» световой энергии в соответствующем потоке излучения, это та мощность излучения, которая доступна для восприятия простым человеческим глазом. Смысл этот создан субъектом по законам его внутреннего мира, но в основе его порождения находится релятивный образ.

Итак, из частиц языкового материала структурируется единство, которое воспринимается как цельная картина. То есть, благодаря релятивным образам удается выявить глобальный смысл. Так, для глобального смысла дискурса рассматриваемого произведения – структурированной целостности сложной единицы коммуникации (термин ван Дейка) – характерным является то, что в нем раскрывается особое **постижение сущности бытия**, которое состоит

в единении Я с Богом. **Познание истины** возможно не через внешние атрибуты веры, не благодаря действиям, имеющим церемониальный характер, а благодаря **постижению тайны**: «... *ангельский путь не всякому зрим*», «... *der Engelsweg nicht für jeden sichtbar sei...*», той тайны, которую вот как трактует религиозно-философский словарь: «В христианстве источником и средоточием всякой тайны является Бог, явивший себя во Христе, благодаря чему приоткрывается таинственная внутренняя глубина в самом человеке».

Таким образом, рассматривая фреймы как когнитивные структуры, дающие ключ к раскрытию механизмов концептуализации вербализованных знаний, а концепты, с одной стороны, как смысловые кванты человеческого бытия, а с другой, как сложные единицы, которые «характеризуют бытие во всей его полноте, от обиходного состояния до выхода на смысложизненные ориентиры» [2, с. 24], подведем некоторые итоги.

1. Факторами, которые представляют собой определяющие механизмы когерентности, инструментами, являющимися основополагающими в структурировании речемыслительных вариантов, а также информацией ментального характера о том, какие связи обеспечивают единство концептосферы, выступают релятивные образы. Следует подчеркнуть, что предметом наших размышлений служит не мир восприятий человека вообще, но лишь тот его специфический аспект, который можно считать образами, которые представляют собой перцептивную реакцию не на предметы или понятия как таковые, но на то, что объединяет между собой их языковое воплощение и результатом имеет смысловую группировку речевого материала. Основными релятивными образами являются: образ двуединства человеческого Я как самозамкнутой системы и как находящей свой центр вне себя, в целом - образ чувственности - образ пространства и времени.

2. С помощью этих образов возможно построение ментальной модели как динамичной репрезентации объектов, отношений, множеств, имеющих имплицитное или эксплицитное языковое выражение в дискурсе. Релятивный образ – это не субстанция системы, он значим исключительно с точки зрения его внешних свойств, которые проявляются в структурировании связей элементов. Это своего рода «резонансное» воздействие. Данную функцию можно сравнить с «принципом оптимального вхождения», характерным для функционирования сердечных систем, которые представляют собой стабильные самоорганизующиеся системы, а такой принцип является условием образования стабильной системы.

3. Изучение функций релятивных образов в сложном коммуникативном целом позволяет сделать вывод, что они являются базисом структурирования содержания акта сознания и воплощения в содержательной форме образа познаваемого предмета, то есть образования когнитивных структур, без которых немыслимо единства сознания; на этом единстве основывается сама возможность мыслительной способности, позволяющей логически осмыслить действительность.

4. Синергия релятивных образов в том, что их обобщающая сила настолько велика, что они превращаются в своеобразные знаки, сигнализирующие о накоплении определенного смысла, это своего рода система, рассмотрение которой в разносистемных языках указывает на ее открытость, так как с точки зрения разных этнокультур моделируется реальность различной степени сложности.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. «Живое слово». Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта. Наука, 2009. – 342 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта. Наука, 2010. – 285 с.
3. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 607 с.
4. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. – <http://www.vehi.net/bulgakov/svet/003.html>15.
5. Василенко Л. И. Краткий религиозно-философский словарь. Истина и жизнь. М., 1996. – <http://www.bibleist.ru/biblio.php?q=002&f=006.html>
6. Дейк Т.А. ван, Кинч В. 1988 – Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.23. – М., 1988. – С.153-211.
7. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. – М: Русская книга: 2002. – 143 с.
8. Кант И. Критика чистого разума // Соч.: В 6 т. – Т. 3. – М., 1964.
9. Киссель В. Л. Наукоучение. Общие принципы логики и методологии научного познания. Семиотика науки// Философские исследования. – М., 2002. – № 2. – С. 114 – 127.
10. Кьеркегор С. А. Болезнь к смерти // Этическая мысль 1990. – М.: Издательство политической литературы, 1990. – С. 360 – 470.

11. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.10. – М., 1981. – С. 350 – 369.
12. Маляр Т. Н. Пространство-время: метафорический перенос или единая концептуальная система? // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. – М.: 2007. – С. 315 – 322.
13. Стернин И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку. Воронеж, Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 44 – 51.
14. Флоренский П. А. Обратная перспектива. Соч. в 4-х тт. – Т. 3 (1). – М.: Мысль, 1999. – С. 46 – 98.
15. Франк С. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. – <http://www.magister.msk.ru/library/philos/frank/frank006.htm>.
16. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – 1890-1907. – <http://www.dic.academic.ru>.
17. Rickheit G., Weiss S., Eikmeyer H.-J. Kognitive Linguistik. Theorien, Modelle, Methoden. – A. Francke Verlag Tübingen und Basel, 2010. – 347 S.
18. Schweizer H.R. Ästhetik als Philosophie der sinnlichen Erkenntnis. – Basel, 1973. – 186 S.

RELATION IMAGES AND THE CONCEPT SPHERE OF THE LANGUAGE

T. N. Skokova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Skokova@bsu.edu.ru*

The present article is devoted to the investigation of the relation images as the factors which present the defining mechanisms of the coherence, the basic tools in the structuring of the speech and image variants and the mental information about the ties which provide the unity of the sphere of concepts.

Keywords: relation images, communicative unity, synergy of relation images, process of sense production.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЙНОГО / ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА ДЛЯ АНАЛИЗА *SPANGLISH*

М. В. Солженицына

Московский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова

e-mail:
msolzh@gmail.com

В данной статье предпринята попытка систематизировать понятийный аппарат, необходимый для анализа гибридного языкового явления *Spanglish*, и создать теоретическую платформу для определения его статуса. Подбор терминов отвечает специфике феномена *Spanglish* как производного от двух языков – английского и испанского. В связи с этим в статье рассматриваются такие коммуникативные подсистемы, которые являют собой пример языкового варьирования. В первую категорию попадают явления, характеризующиеся вариативностью в рамках одной языковой системы: диалект, полудиалект, социолект, вариант, идиом. Вторая категория включает в себя вербальные кодовые системы, сформировавшиеся на базе двух языков: лингва франка, пиджин, креольский язык, койне. Пути формирования и характеристики указанных явлений позволяют судить об особенностях становления *Spanglish* и дальнейших траекториях его развития.

Ключевые слова: Территориальная дифференциация языка, диалект, стандартный язык, социолект, полудиалект, вариант, идиом, контактный язык, лингва франка, пиджин, креольский язык, койне, коммуникативная система.

Для социолингвистического феномена *Spanglish* вопрос терминологии имеет принципиально важное значение и влечёт за собой изучение понятий, непосредственно связанных с явлениями языкового контакта и языкового варьирования. Сложность предмета нашего исследования продиктована двумя противоречиями: с одной стороны, мы имеем дело с производным двух языков, каждый из которых уникален, самостоятелен и неоднороден, а с другой стороны, фокус нашего исследования направлен на результат языкового контакта, для которого разница между языками не является определяющей [7, с. 23].

В условиях неоднозначности *Spanglish* нам представляется необходимым уделить внимание уточнению и систематизации терминов и понятий, имеющих отношение к данному явлению, а также обратить внимание на функционирование языков в определённых социальных условиях и выявить основные формы существования языков.

Одним из главных предметов обсуждений и дебатов в контексте социальной дифференциации языковых явлений как в отечественной так и в зарубежной лингвистике является понятие диалекта. Строго говоря, диалект представляет собой форму языка, отличающуюся от других форм по словарному запасу, грамматике или произношению [28, с. 5]. Основными направлениями его изучения являются дихотомия *стандартный язык – диалект* и *социальная – территориальная дифференциация*.

В общепринятом понимании *диалектом* называется субстандартный уровень языка, противопоставленный литературному языку, который, согласно английской социолингвистической традиции, принято называть стандартным языком (*standard language*). А. Д. Швейцер определяет диалект как территориально замкнутую разновидность языка, ограниченную сферой обиходно-бытового общения и тяготеющего к разговорной речи, в то время как литературный язык характеризуется сложным взаимодействием письменной и устной форм [20, с. 18]. Схожего мнения придерживается Р. А. Будагов, когда определяет литературный язык, как обработанную форму общенародного языка, обладающей в большей или меньшей степени письменно закреплёнными нормами [6, с. 5].

Интересную концепцию в контексте дихотомии диалект – литературный язык развивали немецкие лингвисты. Согласно им, в иерархической цепочке промежуточное место между диалектом и литературным языком принадлежит *полудиалекту* как обиходно-разговорной языковой форме. Понятие *полудиалекта* было введено в научный оборот немецким лингвистом А. Бахом [24, с. 345]. Этой концепции придерживался и наш соотечественник В. М. Жирмунский. На примере немецкого языка он пришёл к выводу, что строение языка напоминает пирамиду (схема 1), в которой расположение языковых форм обосновано уровнем расхожде-

ний и количеством дифференцирующих признаков. Так, местные диалекты находятся в основании пирамиды, полудиалект занимает ее средний уровень, где расхождения сужаются, и, наконец, литературный язык представляет высший уровень, в котором точкой схождения является абсолютная и идеализированная норма [13, с. 27]. В определенном отношении языковая нормативность служит главным механизмом превращения диалекта в литературный язык и гарантией престижа последнего.

Схема 1. Языковые формы по отношению к норме

Американский социолингвист Р. Хадсон размышляет о том, что на формирование стандартного языка самым непосредственным образом влияет общество: «...standard languages are the result of a direct and deliberate intervention. This intervention, called 'standartisation', produces a standard language where before there were just 'dialects'» [26, с. 32] (стандартные языки являются результатом прямого и намеренного вмешательства, называемого *стандартизацией*. Она образует стандартный язык там, где раньше были просто диалекты – *перевод М. С.*). Стандартизация проходит в четыре этапа [26, с. 32]:

- 1) *отбор (Selection)*;
- 2) *кодификация (Codification)*, которая, по мнению Р. Уордхо, требует развитие грамматики и правописания, разработку словарей и создание литературы [29];
- 3) *развитие стилей языка (Elaboration of function)*;
- 4) *принятие (Acceptance)*.

Помимо рассмотрения понятия *диалект* в его оппозиции к нормированному литературному языку, необходимо учитывать влияние социальной дифференциации. Важный вклад в отечественную диалектологию внёс В. М. Жирмунский. Он указывал на то, что классовые отношения в обществе отражаются в структуре языка: «Непосредственное наблюдение над языком современного капиталистического общества убеждает нас в наличии в нем дифференциации, обусловленной классовыми отношениями. Рядом с языком господствующих классов, который является господствующим языком данного общества, мы находим другие социальные диалекты; разнообразные крестьянские говоры, мещанское просторечие, диалектически окрашенный язык рабочих» [12, с. 6].

Хотя взгляды Жирмунского основывались на идеологии классовой борьбы, препятствующей объективной оценке воздействия социальных факторов на язык, советский лингвист указал направление изучения языковой дифференциации. Это направление получило название *вертикальной дифференциации языка* [9]. Оно позволяет выделять подсистемы языка, закрепленные за определённой социальной или профессиональной группой, в связи с чем в научном обороте возник такой термин как *социальный диалект* или *социолект*. Одним из первых отечественных лингвистов, которые работали в направлении социальной диалектологии, стал Б. А. Ларин. Он указал на необходимость изучения «городских аргю» как «третьего основного круга языковых явлений» [17]. Подобное обособление, по мнению Б. А. Ларина, обусловлено тем, что язык города по своей цельности, социальной основе и лингвистическим при-

знакам не совпадает с двумя первыми языковыми сферами – диалектом и литературным языком. Главной отличительной чертой городского языка является «теснейшая взаимная обусловленность двух или нескольких языковых систем, находящихся в распоряжении каждой социальной группы (соответственно индивида) в силу того, что она (или индивид) принадлежит одновременно нескольким и разным по охвату коллективам» [17]. Концепции Б. А. Ларина во многом послужили фундаментом для развития понятия социолекта.

Рональд Уардхо отмечает, что появлению социальных диалектов способствует дифференциация по таким социальным показателям, как род деятельности, место фактического проживания, образование, доход, расовая или этническая принадлежность, вероисповедание и т. п. [29, с. 46].

Т. И. Ерофеева рассматривает социолект как инвариантную социально-маркированную подсистему языка, в которую входят два понятия. С одной стороны, это понятие социального типа, который проявляется у человека под влиянием черт, свойственных данной расе, этнической группе, национальности, социальному классу. С другой стороны, социолект включает в себя систему речевых средств какой-либо более или менее широкой группы людей, детерминированных такими экстралингвистическими факторами, как место рождения, специальность, уровень образования, возраст, пол и т. д. [11, с. 21]. Поэтому к социолектам обычно относят социально-групповые диалекты, молодежный жаргон, язык города в культурно-социальном аспекте, профессиональную лексику различных профессий, индивидуальный язык личности и др. З. Кёстер-Тома определяет социолекты в категорию *нон-стандарта*, представляющую иерархической оппозицию к стандарту – литературному языку. Нон-стандарт включает языковые формации, не представляющие систему и распространенные на лексико-фразеологическом уровне [15], т. е. жаргон, сленг и аргю.

Р. Хадсон противопоставляет *социолект* региональному *диалекту*: «...a speaker may be more similar in language to people from the same social group in a different area than to people from a different social group in the same area» [26, с. 43]. (В смысле языка индивид имеет больше сходства с представителями того же социального класса, но проживающими на другой территории, нежели чем с представителями другого социального класса на своей же территории – *перевод мой М. С.*)

Второй тип дифференциации называется горизонтальным и, как отмечал А. Д. Швейцер, заключается в деления языка на территориальные диалекты, полудиалекты и варианты [21, с. 6]. Несмотря на то, что В. М. Жирмунский называл деление диалектов на территориальные и социальные мнимым [14, с. 23], развитие современной диалектологии доказывает обратное. Если раньше география проживания могла служить индикатором высокой или, напротив, низкой престижности языковой формы, используемой индивидом, то теперь в силу многих глобальных процессов и миграции населения, территориальное расположение не является маркером социального класса. В американских учебниках по социолингвистике за последнее десятилетие стало привычным посвящать отдельные главы региональным и социальным диалектам. (Holmes J., An introduction to sociolinguistics. Longman UK, 2008; Hudson R. A. Sociolinguistics. Cambridge University Press, 2001; Wardhaugh R. An introduction to sociolinguistics. Wiley-Blackwell, 2010).

В контексте изучения понятийного аппарата, характеризующего гетерогенность структуры языка, нам представляется целесообразным также рассмотреть понятие *варианта* (variety).

Югославский лингвист Брозович отмечает, что вариант «есть форма приспособления единого стандартного языка к традиции и современным потребностям наций как определённых социально-этнических формаций» [5, с. 17]. Данное толкование подводит к важному для социолингвистики понятию национального варианта языка. Английский язык является ярким примером того, что один язык становится поливариантным при наличии двух и более национальных носителей [9, с. 72]. Иногда факт национальной неомогенности языка служит поводом для некоторых лингвистов говорить о возникновении самостоятельных языков из этих национальных вариантов. Псевдонаучная работа Г. Л. Менкена «Американский язык» является ярким тому подтверждением.

Другим примером полинационального языка, обслуживающего несколько самостоятельных национально-государственных общностей, является испанский язык. Весомый вклад в изучение языковой вариативности и разработку теории национального варианта единого языка на латиноамериканском материале внёс советский лингвист Г. В. Степанов. «Испанский язык, — пишет он, — понимаемый как совокупность вариантов (пиренейского, уругвайского,

кубинского и т. д.), представляет собой архисистему, включающую в себя несколько частных функциональных систем» [8, с. 7]. Его подход к рассмотрению варианта очень схож с вышеприведённым видением Брозовича. Г. В. Степанов рассматривает национальные разновидности или варианты как формы приспособления единого языка к условиям, нуждам общественного развития и традициям нации [19, с. 20].

Обращает на себя внимание и тот факт, что вариативность испанского языка прослеживается на территории не только Латинской Америки, но и США. На это указывает Д. Липски в своей работе «Varieties of Spanish in the United States.» Среди самых распространённых вариантов испанского языка в США являются мексиканский, пуэрториканский и кубинский. Их изучение невозможно без учёта политических, социальных и демографических факторов, влияющих на жизнь латиноамериканцев в США. «The staying power of Spanish in a given U.S. community is dependent on political and economic events outside the borders of the United States, as well as on changing currents of thought and demographic trends within the country» [27, с. 131].

Для лингвистов, исследующих неомогенный характер языка главной миноритарной группы в США, не остаётся незамеченным и тот факт, что даже внутри одного варианта испанского встречаются определённые разновидности. Например, Лусия Элиас-Оливарес, проведя анализ испанского языка мексиканцев в восточном Остине, штате Техас, выделяет 4 подварианта:

- 1) правильный испанский или северо-мексиканский испанский;
- 2) «мехикано» или общеупотребительный испанский;
- 3) Spanglish или смешанный испанский;
- 4) кало или пачуко (разговорный ненормативный вариант испанского, используемый в южных штатах преимущественно мужчинами).

В вышеприведённых определениях варианта чётко прослеживается концептуальная связь этого термина с национальным языком или его разновидностями. Однако в американской социолингвистической литературе существует более нейтральное определение варианта. Например, Р. Хадсон рассуждает об универсальности этого понятия, используя при этом ещё один общий термин «лингвистические единицы»: «The flexibility of the term 'variety' allows us to ask what basis there is for postulating the kinds of 'package' of linguistic items to which we conventionally give labels like 'language', 'dialect' or 'register'» [26, с. 23]. П. Традгил также говорит о нейтральности термина вариант и предлагает использовать его по отношению к любой форме языка без необходимости конкретизации [28, с. 276].

Из этих определений можно сделать вывод о том, что в американской лингвистической традиции под вариантом (variety) понимается то же самое, что в русской – под идиомом. Л. П. Крысин подчёркивает, что понятие идиома является относительно новым в русской социолингвистике и обозначает любую социально-территориальную разновидность языка [16, с. 48]. Д. Брозович даёт более развёрнутую характеристику иерархически нейтральному идиому. Он рассматривает это понятие в трёх плоскостях: органичность – неорганичность, конкретность – неконкретность, высокая – низкая иерархичность [5, с. 4]. (См. табл. 1 и схема 2)

Таблица 1

Типология идиома по Д. Брозович

Вид идиома	Характеристика	Пример
Органический	Развивается в рамках конкретной этнически гомогенной общности	Территориальный говор
Неорганический		Стандартный язык, разговорный язык, интердиалект
Конкретный	Обладает чётко определяемым инвентарём элементов своей субстанции и чётко определяемой структурой	Территориальный говор и стандартный язык
Неконкретный	Абстрактен	Разговорный язык
Высший уровень иерархии – Для неорганического идиома – Для органического идиома	Прямо пропорционален степени конкретности Обратно пропорционален степени конкретности	Стандартный язык Диалект
Низкий уровень иерархии – Для неорганического идиома – Для органического идиома		Разговорный язык, интердиалект Территориальный говор

Схема 2. Взаимосвязь ранга, степени конкретности и органичности идиома

Следует отметить, что в отечественной социолингвистической литературе наряду с идиомом используются и другие универсальные термины для обозначения разновидностей определённой языковой системы: «форма существования языка» (А. И. Домашнев), «языковая коммуникативная система» (А. Д. Швейцер), «разновидность языка» (О. С. Ахманова), «вербальная кодовая система» (В. А. Виноградов) и др.

Таким образом, из обзора вышеприведённых терминов и понятий становится очевидным, что понятийный аппарат для номинации явлений, связанных с языковым варьированием и языковой стратификацией, отличается широким спектром и разноплановостью. Это объясняется тем, что язык в социолингвистическом аспекте представляет собой многоуровневую систему, в которой формы существования языка детерминированы социальными факторами и отношением к норме. Рассмотренные выше явления и понятия можно отнести к одной категории, характеризующейся *вариативностью* в рамках одной языковой системы (табл. 2).

Таблица 2

Формы существования языка, характеризующиеся вариативностью в рамках одной языковой системы

Термин	Определение
Диалект	А. Д. Швейцер: Под диалектом понимается территориально замкнутая разновидность языка, ограниченная сферой народно-разговорной речи и противостоящая нормированному литературному языку [20, с. 18 – 19]. О. С. Ахманова: разновидность того или иного языка, употребляемая более или менее ограниченным числом людей, связанных тесной территориальной, профессиональной или социальной общностью и находящихся в постоянном и непосредственном языковом контакте [1, с. 131].
Полудиалект	Г. А. Мартинович: Полудиалекты - особая форма устной некодифицированной речи, в которой утрачены многие черты территориальных диалектов и развились новые особенности. Это варианты национального языка, с одной стороны, не достигшие статуса литературного, а с другой, в силу наличия черт народных говоров, не совпадающие с городским просторечием [18].
Социолект	Л. П. Крысин: Социолектом называют совокупность языковых особенностей, присутствующих какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной, возрастной и т. п. – в пределах той или иной подсистемы национального языка [16, с. 6]. Т. И. Ерофеева: Социолект – инвариантная социально-маркированная подсистема языка [11, с. 21].
Вариант	Г. В. Степанов: Варианты – определенные формы приспособления единого языка к условиям, нуждам общественного развития и традициям наций – носителей данного языка и представляют собой особые формы функционирования единого языка [19, с. 20]. R. A. Hudson: A variety of language is a set of linguistic items with similar social distribution [26, с. 22] (Вариантом языка называется набор языковых единиц с одинаковым социальным распределением – перевод М. С.).
Идиом	В. А. Виноградов: Идиом – это любая вербальная кодовая система (в предельном случае равная языку), рассматриваемая с точки зрения ее коммуникативных функций и понятий [4, с. 18].

В обособленную категорию попадают языковые явления, которые сформировались на базе двух языковых систем. Такие языки называют контактными языками, среди них выделяются *lingua franca*, пиджин и креольский язык (таблица 3). О. С. Ахманова определяет их как смешанные языки, самопроизвольно возникающие в результате необходимости межнационального общения на разноязычной территории. Весомый вклад в изучение контактных языков принадлежит В. А. Виноградову, А. И. Коваль и В. Я. Порхомовскому, занимавшихся типологическими исследованиями языковых ситуаций на материале африканских языков.

Контактные языки возникают как средство упрощения коммуникации между представителями разных языковых групп. Пиджины имеют особую практическую ценность для людей, у которых нет взаимопонятных средств общения, но есть потребность в речевом контакте для достижения определённых целей. Главный критерий, по которому создаётся эта гибридная языковая форма, – лёгкость в изучении и использовании. Как отмечает П. Традгил, доступность пиджина достигается путём упрощения, сокращения и заимствований [7, с. 27]. Базовым для создания пиджина считается язык той группы, под чьим контролем находится торговля или территория [30]. Самые известные в мире пиджины были основаны на английском, французском, португальском языках и распространены вблизи морских и торговых путей. На современном этапе пиджин английский встречается в Австралии, Западной Африке, в Папуа-Новой Гвинее и на Соломоновых островах. Кроме того, современные миграционные тенденции также могут служить поводом к пиджинизации (*pidginisation*) языка. Например, приток гастарбайтеров из Турции, Греции, Италии и Испании в Германию 1970 – 1980-е гг. привёл к появлению немецкого пиджина.

Важно отметить, что пиджин не является родным языком ни для одной из групп, участвующих в речевом контакте. Этот факт является главным отличием пиджина от креольского языка. Как отмечает Д. Эчисон, «*creoles arise when pidgins become mother tongues*» [23, с. 317] (креольские языки возникают, когда пиджины становятся родными языками – перевод М. С.). Процесс трансформации пиджина в креольский язык называется креолизацией. Распространённый в Папуа-Новой Гвинее ток писин служит средством общения для носителей более чем 700 языков в этой стране и носит статус одного из официальных языков этой страны. Ток писин являет собой пример того, как пиджин со временем развивается в креольский язык и становится родным для населения.

Обратным процессом является декреолизация, в результате которой креольский язык сближается с языком-лексификатором и поглощается им. По некоторым версиям английский язык негров в США является примером этого процесса [25].

Другим важным функциональным типом языка является койне. По своему назначению он близок к лингва франка, пиджину или креольскому языку, но отличается от них по своей структуре. Так, В. А. Виноградов говорит о двух отличительных признаках койне:

- 1) в отличие от пиджина, формирование которого предполагает структурную модификацию языка-источника, койне развивается по линии сохранения и обогащения языка или диалекта;
- 2) койне складывается на базе диалектов одного языка или на базе близкородственных языков, тогда как пиджин возникает в условиях контактирования и взаимовлияния разных языков [2].

Таблица 3

Языковые явления, сформировавшиеся на базе двух языковых систем

Языковое явление	Определение
Лингва франка (<i>lingua franca</i>)	В. А. Виноградов: Лингва франка - функциональный тип языка, используемый в качестве средства общения между носителями разных языков в ограниченных сферах социальных контактов. В социолингвистическом понимании лингва франка – любое устное вспомогательное средство межэтнического общения [2].
Пиджин	В. А. Виноградов: Пиджины (от искажённого англ. <i>business</i> – дело) – структурно-функциональный тип языков, не имеющих коллектива исконных носителей и развившихся путем существенного упрощения структуры языка-источника; используются как средство межэтнического общения в среде смешанного населения [2].
Креольский язык	М. В. Дьячков: Креольские языки - языки, сформировавшиеся на основе пиджинов и ставшие родными (первыми) для определённого коллектива их носителей [10].
Койне	О. С. Ахманова: Койне – язык, служащий средством междиалектного общения для разноязычных групп (коллективов) и возникший на базе одного (или нескольких) диалектов, являющихся естественными языками этих групп [1, с. 196].

Таким образом, мы имеем две категории языковых явлений, появлению которых способствовали помимо лингвистических социальные, территориальные и политические факторы. Именно поэтому нам представляется правомерным использовать обзор вышеприведённых понятий для дальнейшего анализа Spanglish. Специфика контактных языков позволит определить пути возникновения и траектории развития Spanglish. Понятия *диалект*, *социолект*, *вариант*, *идиом* создают терминологический аппарат, позволяющий рассматривать Spanglish не как псевдо-научный феномен, а как современную языковую коммуникативную систему с особой структурной моделью, грамматическим устройством, лексическим составом и важными для межэтнической коммуникации функциями.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М: Книжный дом «Либроком», 2010. – 576 с.
2. Виноградов В. А. Лингва франка // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
3. Виноградов В. А. Пиджин // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
4. Виноградов В. А. Социолингвистическая типология. / В. А. Виноградов, А. И. Коваль, В. Я. Порхомовский. – М: Книжный дом «Либроком», 2009. – 136 с.
5. Брозович Д. Славянские стандартные языки и сравнительный метод // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1967. – № 1. – С. 3 – 33.
6. Будагов Р. А. Литературный язык и языковые стили. – М: Высшая школа, 1967. – 376 с.
7. Вайнрайх У. Языковые контакты. - Киев: Вища школа, 1979. – 263 с.
8. Домашнев А. И. Концепция национального варианта языка в трудах академика Г. В. Степанова / А. И. Домашнев // Филологические исследования: Памяти академика Георгия Владимировича Степанова. – М.: Наука, 1990. – С. 4 – 17.
9. Домашнев О. А. О лексикографическом отражении американского стандарта английского литературного языка // Лингвистические исследования. Структура языка и языковые изменения. – М., 1985. – С. 70 – 79.
10. Дьячков М. В. Креольский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
11. Ерофеева Т. И. Социолект как инструмент описания языковой ситуации региона / Т. И. Ерофеева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 1. – С. 21 – 25.
12. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. – Ленинград: Государственное издательство «Художественная литература», 1936. – 297 с.
13. Жирмунский В. М. Проблема социальной дифференциации языков // Язык и общество. М., 1968. – 256 с.
14. Жирмунский В. М. Марксизм и социальная лингвистика / В. М. Жирмунский // Вопросы социальной лингвистики. – Л., 1969. – С. 22 – 23.
15. Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нестандарт // Русистика. – Берлин, 1993. – № 2. – С. 15 – 31.
16. Крысин Л. П. Социолингвистика: Учебник для вузов / Л. П. Крысин, В. И. Беликов. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 439 с.
17. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города / Ларин Б. А. // История русского языка и общее языкознание. – М., 1977. – С. 175 – 189.
18. Мартинович Г. А. Полудиалект // Терминологический словарь: Русский язык. Стилистика. Культура речи / Г. А. Мартинович, П. А. Семенов. - Санкт-Петербург, 2006. – С. 16.
19. Степанов Г. В. О двух аспектах понятия языковой нормы (на испанском материале) // Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков. – М., 1966. – С. 226 – 235.
20. Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. – М: Высшая школа, 1971. – 200 с.
21. Швейцер А. Д. Некоторые актуальные проблемы социолингвистики // Иностранные языки в школе. – М., 1969. – № 3. – С. 15 – 26.
22. Elías-Olivares L. Ways of speaking in a Chicano community: a sociolinguistic approach. – Austin: University of Texas dissertation, 1976. – P. 149.
23. Aitchison J. Pidgins and Creoles / J. Aitchison // The encyclopedia of language and linguistics / R. E. Asher, J. M. Y. Simpson. – Oxford: Pergamon Press, 1994. – Vol. 6. – P. 317.
24. Bach A. Geschichte der deutschen Sprache. Heidelberg, 1965. – 495 S.
25. Fasold R. The sociolinguistics of language. – Oxford: Basil Blackwell, 1990. – 342 p.
26. Hudson R. A. Sociolinguistics. – Cambridge University Press, 2001. – 279 p.
27. Lipski J. Varieties of Spanish in the United States. – Georgetown University Press, 2008. – 303 p.
28. Trudgill P. Sociolinguistics: an introduction to language and society. – Penguin Group, 2010. – 240 p.

29. Wardhaugh R. An introduction to sociolinguistics. – Wiley-Blackwell, 2010. – 464 p.
30. Winford D. An introduction to contact linguistics. – Oxford: Blackwell, 2003. – 440 p.

THEORETICAL OVERVIEW TO BUILD A GLOSSARY FOR SPANGLISH ANALYSIS

M. Solzhenitsyna

*Lomonosov
Moscow
State
University*

*e-mail:
msolzh@gmail.com*

This article aims to systemize and define the glossary of terms necessary to study the hybrid linguistic phenomenon of Spanglish, and to create a theoretical basis for defining the status of Spanglish. The selection of terms is driven by specific aspects of Spanglish as a derivative of two languages, English and Spanish. Therefore, this article reviews subsystems of communication that constitute language variation. The first category encompasses phenomena that exhibit variation within one language system: dialect, semi-dialect, sociolect, variant, idiom. The second category includes verbal code systems that formed on the basis of two languages: *lingua franca*, pidgin, Creole, koine. The origin and features of these phenomena enable us to evaluate the development of Spanglish, and to reflect on its future trajectory.

Keywords: territorial differentiation, dialect, standard language, sociolect, semi-dialect, variety, idiom, contact language, *lingua franca*, pidgin, creole language, koine, communication system.

КЛАССИФИКАЦИЯ ОСНОВНЫХ СПОСОБОВ КОМПРЕССИИ ИНФОРМАЦИИ В ТЕКСТАХ МАЛОГО ФОРМАТА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ

Е. В. Толстолуцкая
Ю. Г. Синельников

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:

tols-evgeniya@yandex.ru
sinelnikov@bel.ru

Данная статья посвящена исследованию основных способов компрессии информации в текстах малого формата (ТМФ) современной французской прессы. В зависимости от того, какими языковыми средствами обеспечивается сжатие информации в ТМФ французских печатных средств массовой информации (СМИ), можно говорить о различных видах компрессии: лексической, графической, семантической, стилистической и синтаксической. Совокупность всех используемых в ТМФ французских печатных СМИ видов компрессии в итоге приводит к максимальной экономии языковых средств.

Ключевые слова: текст малого формата, средства массовой информации, компрессия информации, способы компрессии информации.

Ш. Балли утверждал, что язык ясен, если он обеспечивает нас целым рядом средств, позволяющих ясно выразить всё с минимумом затраченных усилий [1, с. 27].

Все изменения в языке, так или иначе основанные на принципе языковой экономии, совершаются для того, чтобы сделать язык, как средство общения, более экономичным, более рациональным, а значит, более совершенным.

Изучением проблемы компрессии информации в речи занимались такие известные отечественные и зарубежные исследователи, как Ш. Балли, А. Л. Василевский, Ю. М. Эдмина, И. М. Жилин, А. П. Кононенко, Е. Р. Меликсетова, О. И. Москальская, Н. А. Смахтин, О. Н. Сухорукова, Е. М. Чекалина, А. Martinet, P. Passy, A. Sauvageot и др.

Вслед за Е. А. Суховой под термином «компрессия» понимается процесс, протекающий на всех уровнях языковой (речевой) структуры, результатом которого является значительное сокращение плана выражения высказывания при полном сохранении его плана содержания. При этом компрессия речи может быть обусловлена не только принципом языковой (речевой) экономии, но и стремлением к экспрессивности высказывания [2, с. 6].

Функционирование компрессивных форм является характерным для текстов малого формата французского газетно-публицистического стиля. Частое употребление компрессивных моделей в таких текстах определяется их способностью в комплексе реализовать основные принципы построения газетного текста: «принцип актуальности, принцип минимализма формы и принцип максимального объёма содержания» [3, с. 5].

Значительное место в лингвистической литературе по проблемам компрессии занимает вопрос о её видах. Существуют различные способы лексической, графической, семантической, стилистической и синтаксической компрессии речи.

Явление лексической компрессии широко распространено в ТМФ французской печатной прессы. К наиболее распространённым формальным средствам основных способов лексической компрессии можно отнести использование инициальных сокращений и сиглей, заимствований («*photoshop*» «компьютерная программа *Фотошоп*»), усечённых слов («*bio* < *biologique*» «биологический»), слов-заместителей (например, вместо более протяжённого глагольного сочетания «*jouer le rôle de*» «играть роль» употребляется глагол «*incarner*»), телескопных (лексема «*Téléparis*» «Парижское телевидение» образовалась от слияния слов «*television*» и «*Paris*») и сложных слов («*robe jersey*» «трикотажное платье», «*savon-crème*» «крем-мыло»). Две наиболее распространённые и многочисленные группы аббревиатур в ТМФ представлены алфаветизмами (ONG [o en je] – «*Organisation non gouvernementale*» – «Негосударственная организация»), и акронимами (Frac [frak] – «*Fonds régional de l'art contemporain*» – «Региональный фонд современного искусства»). По сфере функционирования инициальные аббревиатуры делятся на графические и лексические. Усечённые слова в текстах малого формата современной французской периодики представлены четырьмя типами – апокопы («*expo* < *exposition*»), аферезы («*blème* < *problème*» «проблема»), медиальные усечения («*tec* < *detective*» «детектив») и контрактуры («*figue* < *fatigue*» «усталость»). Наиболее часто в ТМФ усечению подвергаются существительные («*récré* < *récréation*» «перемена») и прилага-

тельные («édito < éditorial» «редакционный; издательский»). Усечённые слова, свойственные, в основном, разговорной речи, функционируют чаще всего в молодёжных и развлекательных изданиях. Результатом усечения является качественно новая самостоятельная единица морфологического уровня – усечённая корневая морфема. Использование сокращённых единиц в ТМФ современной французской прессы имеет нормирующий характер. Подобные сокращения сначала употребляются в речи создавшей их социальной группы, постепенно переходя в общепотребительную лексику. Через некоторое время оно начинает употребляться на страницах периодических изданий, фиксируется словарями, что подтверждает наличие функции унормирования, присущей малоформатным текстам современной французской прессы.

Семантическая компрессия в ТМФ современных французских печатных СМИ реализуется путём использования имплицитной информации и скрытых смыслов, требующих привлечения экстралингвистических факторов и фоновых знаний реципиента, ситуативных синонимических высказываний, кореференции, универбов и конденсатов. Для декодирования заложенной в тексте малого формата информации со стороны реципиента необходима всеохватывающая степень языковой компетенции.

Стилистическая компрессия в ТМФ французских письменных СМИ достигается путём использования различных стилистических фигур (параллелизм («*Sirène et si sereine*» (Elle été, № 3316, 17 juillet 2009, p. 87). – «Обольстительная и такая спокойная»), антитеза («... *Mieux vaut un peu d'eau froide chez soi que beaucoup d'eau tiède chez les autres*» (Elle, décembre 2010, № 3389, p. 86). – «Лучше немного холодной воды у себя, чем много тёплой у других»). В данном пословичном примере противопоставляются наречия «*peu – beaucoup*», определения «*froide – tiède*», обстоятельства места «*chez soi – chez les autres*»), приёмов (омонимия («*Bipolaire dans la série et amoureuse de Dustin Milligan dans la vie: deux raisons de perdre la raison!*» (Elle été, № 3316, 17 juillet 2009, p. 18). – «Биполярная в телесериале и возлюбленная Дастина Миллигана в жизни: две причины потерять рассудок!»), паронимическая аттракция («... Elle est à l'affiche d'un polar très noir, mais elle revient en «Lady Rouge» (Elle été, № 3316, 17 juillet 2009, p. 22). – «...Она на афише детективного романа, полного ужасов, но она возвращается в фильм “Женщина в красном”»), аллитерация («*Sea, Sex et Soleil de la Sardaigne*» (Elle été, № 3316, 17 juillet 2009, p. 69). – «Море, Секс и Солнце Сардинии»), тропов (метафора («...*Pour habiller une terrasse, habillez les rebords des fenêtres d'une multitude de bougies...*» (Elle été, № 3316, 2009, p. 96). – «Чтобы одеть террасу, оденьте выступающие края окон множеством свечей»), метонимия («*Coupe Davis. La France perd le double en Autriche*» (Le Nouvel observateur, mars 2011, p.47). – «Кубок Дэвиса. Франция теряет парную игру в Австрии»). В данном примере ТМФ в качестве метонимического выступает топоним «*la France*», который вмещает в себя смысл предложения «*les joueurs de l'équipe de la France en tennis*» «игроки французской команды по теннису»), образные сравнения («... *Des diamants assemblés comme de la dentelle autour d'un crâne en pierre ornementale*» (Elle été, № 3316, 2009, p. 10). – «Бриллианты, собранные как кружево вокруг каменного черепа, служащего украшением»), а также использованием терминологии и стилистически окрашенных средств. Использование в малоформатных текстах современной французской прессы различных способов стилистической компрессии оказывается действенным средством повышения выразительности, эмоционального усиления и психологического воздействия, позволяя сделать краткий, сжатый текст малого формата более запоминающимся.

В качестве способов синтаксической компрессии в ТМФ французских печатных СМИ выступают сегментация («*Avant d'être l'acteur, il a été mannequin pour Burberry et Mango*» (Elle, № 3415, 2011, p. 29). – «До того как стать актёром, он был манекеником для “Барберу” и “Манго”»; «*Ce roman sera le succès de l'été. Il en recèle tous les ingrédients*» (Elle, № 3415, 2011, p. 39). – «Этот роман будет успехом лета. Он содержит в себе все ингредиенты»), эллиптические конструкции («... *Amélie Mauresmo toujours en course au Masters...*» (M., № 19234, nov. 2006, p.23). – «Амели Моресмо всегда выдерживает конкуренцию в соревнованиях...»). Легко восстановив глагол, получаем фразу: «...*Amélie Mauresmo est toujours en course au Masters*»; «*Sept variations sur le thème du passage des frontières et des années, sur le glissement vers l'âge adulte...*» (LFDM, № 344, 2006, p. 53). – «Существует семь вариаций на тему перехода границ и времени на пути достижения взрослого возраста...»). После восстановления данная фраза ТМФ имеет следующий вид: «*Il y a sept variations sur le thème...*»), и номинативные предложения («*Un musée vénérable. Un metteur en scène vénéré. Patrice Chéreau au Louvre. Expos, musique, théâtre... Des événements à ne pas rater*» (Elle, № 3383, 2010, p. 40). – «Почтенный музей. Уважаемый режиссер. Патрис Шеро в Лувре. Выставки, музыка, театр...События, которые нельзя пропустить»), употребление которых придаёт особую выразительность малоформатным текстам. Одновременно с выполнением структурной функции, номинативные

предложения выполняют ряд семантических функций (конкретизации, характеристики, создания смысловой целостности ТМФ), т.е. содействуют организации и оформлению смысла предложения. Эллипсису могут быть подвержены любые члены предложения ТМФ, но в наибольшей степени – сказуемое. Что касается служебных частей речи, то чаще всего эллиптируются артикли и предлоги, опущение же союзов в ТМФ современной французской прессы является редким, окказиональным. Сегментация и кореференция, характерные для разговорной речи, являются родственными понятиями и активно употребляются в ТМФ современной французской прессы. Отличие состоит в том, что в сегментированных конструкциях повторное обозначение в форме местоимения свойственно лицу или предмету, тогда как в процессе кореференции повторное обозначение получают не только имена, объекты, но и действия – предикаты.

Комбинирование нескольких видов компрессии в одном ТМФ современной французской прессы является их особенностью, способствуя максимальной степени компрессии содержащейся в них информации.

Исследование фактического материала позволило составить классификацию различных способов компрессии информации в малоформатных текстах современной французской прессы на основе частотности употребления и увеличения их количества:

Усечение + эллипсис глагола: «*Après les vivats, les photos ...*» (P.M., № 3228, 2011, p. 43). – «*После приветствия, фото...*». Предлог «*après*» помогает восстановить пропущенный глагол «*suivre*», усечение лексемы «*photographie*» не вызывает трудностей в понимании предложения: «*Après les vivats, suivent les photographies ...*».

Усечение + сегмент + эллипсис глагола + эллипсис артикля: «*Pub des poupées, nouveau top?...*» (Elle, octobre 2010, № 3383, p. 32). – «*Реклама кукол – новый писк моды?...*». Усечение слова «*publicité*», являющееся препозитивным сегментом, получает выражение во второй части восстановленного вопросительного предложения в виде местоимения «*elle*». Эллипсис глагола «*être*», детерминатива и неопределённого артикля мужского рода дополняет полный вариант примера: «*La publicité des poupées, est-elle un nouveau top? ...*».

Усечение + эллипсис глагола + имплицитность: «*Des fans de foot en bleu*» (P.M., № 3228, 2011, p. 43). – «*Фанаты футбола в синем*». Восстановив усечённое слово «*football*», эллипсис глагола «*être*» во множественном числе и имплицитную номинацию «*uniforme*», мы получим предложение следующего вида: «*Des fans de football sont en uniforme bleu*».

Игра слов + сложное слово + усечение + замещение: «*To bibi or not to be. Ce chapeau melon ira à ravir avec vos bottes de cuir. Hermès revisite le classique feutre noir, en y ajoutant sa touche perso, le fermoir Kelly. Les fans de John Steed vont toutes craquer...*» (Elle, № 3383, 2010, p. 28). – «*Быть дамской шляпке или не быть. Этот котелок будет восхитителен с вашими кожаными сапогами. Эрмэс освещает по-новому чёрный классический фетр, добавляя к нему свой персональный штрих, застёжку Келли. Поклонницы Джона Стида не выдержат...*». В первом предложении данного ТМФ обыгрывается известная английская фраза из классического произведения «Гамлет»: «*Быть или не быть*» «*To be or not to be*». Эта аллюзия служит для привлечения внимания читателя. Сложное слово «*chapeau melon*» содержит эллиптированный компонент «*qui a la forme de*»: «*chapeau qui a la forme d'un melon*». Местоимение «*y*» является заменителем дополнения. Прилагательное «*personnelle* > *perso*» подвергается конечному усечению.

Сегмент + графическое сокращение: «*... Après avoir transformé leur princesse en boniche, les hommes sont surpris qu' elle ne se transforme pas en «salope» à 22 h.*» (Elle, octobre 2010, № 3383, p. 12). – «*... После превращения своей принцессы в прислугу, мужчины удивлены, что она не превращается в «стерву» в 22 ч.*». Препозитивный сегмент «*boniche*» во второй части предложения выражен личным местоимением «*elle*». Слово «*boniche*», относящееся к разговорной речи, свидетельствует о смягчении норм публицистического стиля. Знак «*h.*» является графическим сокращением слова «*heure*» «*час*».

Параллельная конструкция + зевгма: «*De moins en moins chers et de plus en plus performants, ils prennent aux compacts la facilité, et copient leur rapport prix-performance*» (P.M., № 3132, 2009, p. 122). – «*Менее дорогие и более эффективные, они компактно сочетают легкость и копируют свое соотношение цена-качество*». В данном примере отмечено использование такого приема, как синтаксический контрастный параллелизм: «*De moins en moins... et de plus en plus...*». Дополнительным способом компрессии информации является зевгматическое опущение местоимения «*ils*» во второй части предложения: «*et ils copient leur rapport prix-performance*».

Сложное слово + аббревиация: «*Le déploiement de la force de paix approuvée la veille par le Conseil sécurité de l'ONU...*» (M., № 19245, dec. 2006, p. 6). – «*Развёртывание миротворческих сил, подтвержденное накануне Советом безопасности ООН...*». Лексическими средства-

ми компрессии в данном предложении малоформатного текста французской газеты «Монд» являются сложное слово «*le Conseil sécurité*» с опущенным предлогом «*de*» («*le Conseil de sécurité*») и аббревиатура *ONU* – «*Organisation des nations unies*».

Сложное слово + аббревиация + эллипсис глагола + эллипсис артикля: «*Qualifiant d'«unilatérale» la résolution de l' ONU, cheikh Abdurahim Muddey, porte-parole des islamistes, a affirmé ...*» (М., № 19245, dec. 2006, p. 6). – «*Расценивая резолюцию ООН как одностороннее действие, шейх Абдурахим Муддей, официальный представитель исламистов, заявил ...*». Данная модель классификации расширена опущением относительного местоимения «*qui*» в сочетании с глаголом «*être*» в третьем лице единственного числа и определённым артиклем «*le*». После восстановления опущенных элементов получается предложение: «... *cheikh Abdurahim Muddey, qui est le porte-parole des islamistes, a affirmé ...*».

Сложное слово + имплицитная номинация + сегмент: «*L'écrivain-réalisateur a filmé sa campagne dans le très délirant «Chez Gino» et l'a photographiée en exclusivité pour nous*» (Р.М., № 3228, 2011, p. 3). – «*Писатель-режиссёр снял свою деревню в безумном фильме «У Жино» и эксклюзивно для нас сфотографировал её*». Этот комментарий сопровождается иллюстрацией, на которой режиссёр представлен на фоне красивого природного пейзажа небольшой деревни. В качестве средств лексической компрессии в данном примере выступают сложное слово «*L'écrivain-réalisateur*» и сегмент «*campagne*», выраженный местоимением «*la*». Семантическая компрессия выражается в использовании имплицитной номинации «*film*» в качестве ситуативной экономии, которую подсказывает глагол «*filmer*» в начале ТМФ: «... *dans le très délirant film «Chez Gino» et l'a photographiée en exclusivité pour nous*».

Телескопия + эллипсис артиклей и глагола + усечение + имплицитная номинация: «*Esperanza Spalding chante et joue de la contrebasse, et sa musique – fruit de ses origines afro-américaines, hispaniques, asiatiques et amérindiennes, navigue entre jazz, classique, funk et sons brésiliens*» (Р.М., № 3228, 2011, p. 34). – «*Эсперанза Спалдинг поёт и играет на контрабасе, и её музыка – это результат её афроамериканских, испанских, азиатских корней и корней американских индейцев, умело лавирует между джазом, классической музыкой, фанк-роком и бразильскими звуками*». В качестве способов лексической компрессии в данном тексте выступают телескопное слово «*amérindiennes*» < «*Indiennes d'Amérique*» и усечение прилагательного «*africaine*» > «*afro*». Синтаксическая компрессия представлена опущением служебных слов (артиклей) и глагола «*être*» в третьем лице единственного числа с частицей «*ce*» и детерминативов «*le fruit, le jazz, la musique classique, le funk rock et les sons...*». Семантическая компрессия реализуется при помощи имплицитной номинации «*la musique*», которую подсказывает контекст (*jazz, funk rock*), и слова «*fruit*», употребленного здесь в переносном значении «результат»: «... *et sa musique – c'est le fruit de ses origines afro-américaines, hispaniques, asiatiques et amérindiennes, navigue entre le jazz, la musique classique, le funk rock et les sons brésiliens*».

Данная классификация способов компрессии свидетельствует о том, что в большей части текстов малого формата современных французских письменных СМИ компрессия информации достигает максимальной степени, что характеризуется использованием в одном малоформатном тексте до четырёх способов компрессии. Высшая степень компрессии информации является специфической чертой ТМФ и способствует более интенсивной передаче сообщения реципиенту.

Комбинации используемых способов компрессии в малоформатных текстах современной французской прессы могут быть различными. В ходе исследования было зарегистрировано двойное и тройное употребление какого-либо способа компрессии в одном ТМФ, а максимальное количество используемых способов компрессии в одном малоформатном тексте достигает девяти разновидностей:

2 эллипсиса глагола + эллипсис существительного + контрастный параллелизм + парцелляция + усечение + 2 зевгмы: «*D'un côté, la Haute couture aux noms prestigieux, aux modèles somptueux et aux prix inaccessibles; de l'autre les gens dans la rue en jeans et en baskets*» (LFDM, № 344, 2006, p. 42). – «*С одной стороны «Высокая мода» с престижными именами, роскошными моделями и недоступными ценами: с другой – люди на улице в джинсах и кроссовках*». Параллелизм данного ТМФ выражается в использовании конструкций «*d'un côté*» и «*de l'autre*» с зевматическим опущением существительного «*côté*» и словосочетания «*la Haute couture*» во второй части ТМФ, контрастным является противопоставление людей «Высокой моды» обычным людям с улицы: «*D'un côté, est la Haute couture aux noms prestigieux, aux modèles somptueux et aux prix inaccessibles; de l'autre côté sont les gens dans la rue en jeans et en baskets*». Эллипсис глаголов в этих фразах «*d'un côté est*» и «*de l'autre sont*» позволяет рассматривать данные предложения как номинативные, которые являются парцеллированными, потому что передаваемая ими информация представлена однородными группами. Усечение лексемы

«*baskets*» является лексическим способом компрессии. Конечный перевод данное слово получило благодаря расширению значения. Исходная единица данного значения не имеет: «*basketball* > *basket*» «спортивная игра». Затем это слово начинает обозначать легкую спортивную обувь для игры в баскетбол. Вскоре усеченная единица «*basket*» стала обозначать вообще легкую, повседневную, спортивного стиля обувь. Таким образом, в этом тексте малого формата совмещается несколько способов компрессии: четыре грамматических, два стилистических и один лексический.

3 кореференции + эллипсис глагола + метафора + усечение + номинативное предложение: «*Paul McCartney plonge dans ses souvenirs. Pour rendre hommage à la femme de sa vie, le chanteur et ses filles, Stella et Mary, publient un album des photos de Linda. Un hymne à l'amour*» (Р.М., № 3234, 2011, р. 98). – «Пол Маккартни ныряет в воспоминания. Чтобы оказать почтение женщине своей жизни, певец и его дочери, Стелла и Мэри, издадут альбом фотографий Линды. Гимн любви». Кореференция в данном малоформатном тексте выражается в замещениях онимов: «*la femme de sa vie – Linda*», «*Paul McCartney – le chanteur*» и «*ses filles – Stella et Mary*». Метафора «*plonge dans ses souvenirs*» придает экспрессивность высказыванию. Эллипсис глагола в последнем предложении делает его номинативным: «*C'est un hymne à l'amour*». Усечение лексемы «*photos < photographies*» выступает в качестве лексического способа компрессии. Номинативное предложение «*Un hymne à l'amour*» является способом грамматической компрессии. Здесь мы наблюдаем присутствие трёх семантических, двух грамматических, одного стилистического и одного лексического способов компрессии.

2 усечения + сегмент: «*Pour une pub comme celle de Chupa Chups, pourquoi prendre un top quand on peut avoir la déesse, l'archétype qu'est cette poupée?*» (Elle, octobre 2010, № 3383, р. 32). – «Для такой рекламы, как эта реклама с Чупа Чупсами, зачем брать топ-модель, когда можно использовать богиню, эталон, каким является эта кукла?». В данном малоформатном тексте усечено распространённое существительное «*publicité > pub*», которое является сегментом, выраженным далее указательным местоимением «*celle*». Сложное слово «*top model*» также усекается до одного компонента «*top*». Компрессия данного ТМФ представлена двумя лексическими и одним грамматическим способами.

2 сложных слова + 2 сегмента + эллипсис глагола + 3 англицизма: «*Qui n'a pas encore son manteau camel cette saison? Alexa porte celui qu'elle a dessiné pour la griffe Madewell. La preuve que le style lady est trendy*» (Elle, № 3383, 2010, р. 32). – «У кого ещё нет пальто верблюжьего цвета в этом сезоне? Алекса носит такое, эскиз которого она нарисовала для ярлыка «Мэйдвел». Доказательство, что стиль «леди» является модной тенденцией». Первое предложение этого малоформатного текста написано в форме риторического вопроса с использованием в нём сложного слова «*manteau camel*» с опущенным элементом «*qui a la couleur de*»: «*manteau qui a la couleur de camel*», где «*camel*» является англицизмом «верблюд». Это сложное слово является и препозитивным сегментом, который заменяется указательным местоимением «*celui*». Во втором сложном слове «*style lady*» эллиптируется компонент «*qui est propre à*». Эллипсис глагола представлен конструкцией «*c'est*» в начале второго предложения: «*C'est la preuve que...*». Оним «*Alexa*» выступает в роли второго сегмента, который заменяется личным местоимением «*elle*». Использование англицизмов «*Madewell*» и «*trendy*» в данном примере увеличивает их количество до трёх. Таким образом, в приведённом ТМФ употребляются пять лексических и три грамматических способа компрессии.

2 усечения + эллипсис глагола + эллипсис артикля + телескопия + сравнение: «*Dans la série «Soda», il joue Adam, un ado qui déteste que sa mère repasse son jean. Kev' Adams, 20 ans, est un djeune pas comme les autres: sur scène depuis ses 17 ans, il est le phénomène de l'année avec «The Young Man Show», qu'il reprend à la rentrée*» (Elle, № 3421, 2011, р. 36). – «В телесериале «Содовая» он играет Адама, подростка, который ненавидит, что его мать гладит его джинсы. Кев Адамс, 20-ти лет, это молодой ди-джей не такой как все: с 17 лет на сцене, он является феноменом года в «Ян Мэн Шоу», выход которого он возобновляет». В настоящем малоформатном тексте усечению подверглись: «*adolescent > ado*» и оним «*Kevin > Kev'*», собственные разговорной речи. Телескопное слово «*djeune*» является слиянием аббревиатуры «*DJ*» «диск жокей» и прилагательного «*jeune*» «молодой» = «*djeune*». Эллипсис отрицательной глагольной конструкции с указательным местоимением «*qui n'est pas*» наблюдается во фразе: «*est un djeune qui n'est pas comme les autres...*». В следующем предложении опущению подвергается артикль: «*sur la scène depuis ses 17 ans ...*». Словосочетание «*un djeune pas comme les autres*» является сравнением.

2 параллелизма + замещение + метафора: «*L'homme, âgé de 26 ans, rêve de rentrer au pays «avec de l'argent» et d'y rouvrir une boutique. Entre ici et là-bas, son esprit n'a pas fini de faire l'aller-retour*» (Monde, № 19203, 2006, р. 32). – «Мужчина, 26-ти лет, мечтает вернуться на

свою родину с деньгами и снова открыть там магазин. Между «здесь и там» его ум не прекращает ездить туда и обратно». Последнее предложение данного ТМФ содержит две параллельные конструкции и является метафоричным. Относительное местоимение «у» замещает дополнение «*au pays*».

2 сложных слова + 3 англицизма + параллелизм + эллипсис глаголов + эллипсис прилагательного + эллипсис местоимения: «*Le col fourrure de dame sur le manteau d'homme, c'est le beau mariage fashion de l'hiver. Le conseil de la rédactrice: pour le jouer encore plus hot, chaussez des escarpins à bout pointu, les sexy shoes de la saison*» (*Elle*, № 3383, 2010, p. 64). – «*Дамский меховой воротник на мужском пальто, это хорошее модное сочетание этой зимы. Совет редактора: чтобы обыграть его ещё более выгодно, обуйте туфли с острым носом, самые сексуальные туфли этого сезона*». В первом предложении данного ТМФ наблюдается параллелизм подлежащих: «*dame – homme*». В первом сложном слове «*col fourrure*» опущен элемент «*qui est fabriqué de*», второе сложное слово «*mariage fashion*» возникло на основе переосмысления семантики: слово «*mariage*» «*брак, женитьба*» употребляется в переносном смысле «*сочетание, объединение*». Слова «*fashion*», «*hot*» и «*shoes*» являются английскими заимствованиями. Грамматическая компрессия представлена эллипсисом глагола «*être*» и прилагательного: «*Le conseil de la rédactrice: est le suivant ...*». Во второй части предложения глагол опускается с относительным местоимением «*qui*»: «*...des escarpins à bout pointu, qui sont les sexy shoes ...*». Вышеприведенный пример изобилует количеством способов компрессии. В нём выявлено использование 5 лексических и 4 грамматических способов, доводя их количество до девяти разновидностей.

Комбинирование способов компрессии в одном малоформатном тексте приводит к максимальной степени компрессии информации. Это является специфической чертой ТМФ современной французской прессы и способствует более интенсивной передаче информационных материалов реципиенту в стремлении использовать все средства компрессии одновременно. Комбинации используемых способов компрессии в малоформатных текстах современной французской прессы могут быть различными. В ходе исследования было зарегистрировано двойное и тройное употребление какого-либо способа компрессии в одном ТМФ, а максимальное количество используемых способов компрессии в одном малоформатном тексте достигает девяти разновидностей.

Данное исследование представляется весьма актуальным, т.к. сокращение доли личных контактов в стремительно развивающемся цивилизованном мире вызывает необходимость изучения проблемы компрессии речи, которая является очевидной. Декодирование является решением общих проблем коммуникации, позволяющее интерпретировать любой текст. Для понимания окружающего мира и для взаимодействия людей; важным оказывается «текстуальный» компонент, который, удовлетворяет потребности человека и «вдыхает жизнь» в использование языка. Малоформатные тексты современной французской прессы являются отражением использования и функционирования современного французского языка в различных областях знания.

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – 2-е изд., стереотип. – М.: «Эдиториал УРСС», 2001. – 416 с.
2. Сухова Е. А. Эволюция видов лексической компрессии в истории функциональных стилей французского языка (на материале языка прессы): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Екатерина Александровна Сухова. – М., 2003. – 202 с.
3. Тютин С. В. Компрессия как фактор формирования языка испанской газеты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / С. В. Тютин. – СПб., 2009. – 24 с.

THE CLASSIFICATION OF MAIN SPEECH COMPRESSION WAYS USED IN SMALL-SIZED TEXTS OF MODERN FRENCH PRESS

E. V. Tolstoluckaja
Yu. G. Sinelnikov

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
tols-evgeniya@yandex.ru
sinelnikov@bel.ru

The article deals with the problem of main speech compression's ways used in small-sized texts of modern French press. Compression in this kind of texts provides with ways of lexical, graphic, semantic, stylistic and syntactic compression. The totality of all these kinds of compression in small-sized texts of French Mass media leads to the maximum economy of linguistic means.

Keywords: a small-sized text, Mass media, compression, ways of compression.

ТИПОЛОГИЯ АКТАНТНЫХ СТРУКТУР В РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аурелия Хангану

Центральная научная
библиотека им. Андрея Лупана
Академии наук Молдовы,
г. Кишинев

e-mail:
aureliahanganu@yahoo.com

В данной статье описаны основные актантные структуры глагола в румынском языке. Тридцать представленных актантных структур делятся на четыре категории: авалентные, моновалентные, бивалентные и поливалентные.

Ключевые слова: актант, актантная структура, валентность, глагол.

Установлено, что актантная структура глагола определяет всю систему аргументирования (тематические роли), равно как и обстоятельства развития процесса: место, время, способ, цель, причину и т. д. По сравнению с аргументами, актантная структура глагола более избирательна. В языке существуют глаголы, которые предоставляют свободные позиции всем актантам (например, глагол *a împlėti* (плести, вязать) подразумевает агента, пациента, инструмент, получателя и цель: *Eu îi ompletesc ficeii o rochie cu croşeta pentru a fi la modă* (Я вяжу крючком дочери платье, чтобы она был одета по моде). Также, существуют глаголы с единственным актантом – агентом (*Mieii zburdă / Ягнята резвятся*), или даже безактантные: *a ploua, a se desprimăvăra* etc. Обстоятельства, в свою очередь, в меньшей степени зависят от актантной структуры глаголов. За небольшими исключениями, их допускают почти все глаголы. Исходя из этих соображений, для актантной классификации актанты более важны, нежели обстоятельства.

Итак, актантная структура глагола включает совокупность участников, подразумеваемых глаголом и их включенностью в процесс [1, р. 40 – 43]. Согласно единодушному мнению авторов, занимающихся вопросом соотношений между процессом и его аргументами, двое из них – агент и пациент – представляют наибольшую важность для описания любого процесса. Первый является активным участником, задумывающим и осуществляющим процесс, его истоком и отправной точкой. Второй – пассивный участник, на котором отражаются результаты процесса.

Принимая во внимание возможные комбинации между аргументами и детерминантами глагола, были установлены следующие основные синтаксические структуры [3, р. 90]:

1. Гл.	17. Под. + Гл. + Пр. доп + Косв. Доп. (D) + Косв. доп. (предл.)
2. Под. + Гл.	18. Под. + Гл.+ Соц. обст.
3. Под. + Гл. + Пр. доп.	19. Под. + Гл.+ Инстр. обст.
4. Под. + Гл. + Пр. доп. + Пр. доп.	20. Под. + Гл.+ Доп. предик. / Под. + Гл.+ Пр. доп. + Доп. предик.
5. Под. + Гл. + Пр. доп. + Косв. доп. (D)	21. Под. + Гл. + Обст. места
6. Под. + Гл. + Пр. доп. + Косв. доп. (предл.)	22. Под. + Гл. + Обст. времени
7. Под. + Гл. + Пр. доп. + Интр. обст.	23. Под. + Гл. + Обст. способа
8. Под. + Гл. + Пр. доп. + Обст. места	24. Под. + Гл. + Обст. причины
9. Под. + Гл. + Пр. доп. + ПОО	25. Под. + Гл. + Обст. цели
10. Под. + Гл. + Пр. Доп. + Обст. времени	26. Под. + Гл. + Обст. связи
11. Под. + Гл. + Пр. Доп. + Обст. способа	27. Под. + Гл. + Обст. места + Обст. времени
12. Под. + Гл. + Косв. Доп. (D)	28. Под. + Гл. + Пр. доп. + Косв. доп. (предл.) + Косв.
13. Под. + Гл. + Косв. Доп. (предл.)	29. Под. + Гл. + Пр. доп. + Обст. Времени + Обст. места
14. Под. + Гл. + Косв. доп (D). + Косв. Доп. (предл.)	30. Под. + Гл. + Косв. доп. + Обст. способа
15. Под. + Гл. + Косв. доп. (предл.) + Косв. доп. доп. (D) (предл.)	
16. Под. + Гл. + Косв. доп. (предл.) + Инстр. обст.	

Остановимся коротко на описание некоторых этих структур, выделяя самые частые из них и тем самым наиболее репрезентативные для румынского языка.

Авалентные глаголы не обладают никаким аргументом.

Актантная структура этих глаголов выглядит следующим образом:

A ¹	V	A ²
Ø	Stare	Ø

В эту структуру включаются безличные глаголы с нулевой левой и правой валентностью, т. е. глаголы, не требующие ни обязательного удовлетворения, ни позиции субъекта, ни каких-либо дополнений. Эта группа глаголов немногочислена. Внутри нее выделяются: **неместоименные** глаголы: *a amurgi, a bruma, a înnopta, a însera etc.* (смеркаться, индеветь, темнеть, вечереть и т. д.) и **местоименные** глаголы: *a se lumina, a se încețoșă, a se înnoina, a se înnora, a se însenina, a se însera, a se întunecașă a se răci, a se răcori, a se răzbuna etc* (светелеть, затуманиваться, становиться слякотней, заволакиваться облаками, проясняться, темнеть, холодать, мстить и т. д.).

Диагностический контекст этих глаголов прост, иногда расширение структуры происходит за счёт обстоятельственных детерминативов, которые, будучи необязательными, устойчивы к использованию отборочного критерия. Наибольшей распространенностью обладает обстоятельство места, выраженное наречием *afară* (на улице): *Afară plouă., Afară se răcorește., Afară s-a înseninat.* (На улице идет дождь., На улице холодает., На улице прояснилось).

Моновалентные глаголы обладают одним аргументом.

Актантная структура этих глаголов выглядит следующим образом:

A ¹	V	A ²
Агент	Действие	
Объект	Состояние	Ø
Экспериментатор	Становление	

Семантическая структура данных глаголов: Sb. + V. Она включает в себя субъектные глаголы которые удовлетворяют только левую валентность (субъекта), создавая двучленные структуры. Это семантически-достаточные глаголы, не нуждающиеся в дополнениях. Диагностический контекст этих глаголов таков: *кто-то/что-то + V: Copilul doarme., Frunzele cad., Îmbrăcămintea se demodează., Sângele se coagulează., Plantele se ofilesc* (Ребенок спит., Листья опадают., Одежда выходит из моды., Кровь свертывается., Растения увядают).

Набор глаголов, используемых в рамках этой структуры, весьма значителен, хотя их семантическая сфера узка. Большинство обладают одним, максимум – двумя смыслами. Лишь глаголы могущие обладать несколькими субъектами: *a svnta, a șuiera, a bate, a zbura etc* (петь, свистеть, бить, летать и т. д.) отличаются большими комбинаторными возможностями. Отборочные рамки включают существительные, по-разному характеризующиеся с точки зрения семантики. Например, глагол *a curge* (течь) может комбинироваться с разными существительными: *apă, lacrimi, ploaie, răni, recipiente* (вода, слезы, дождь, раны, емкости); *a se demoda* – *выходит из моды* (*ombrăcămintea, oncălțămintea, obicești / одежда, обувь, обычаи*). Главным средством уточнения смысла глагола является семантический тип субъекта [7, с. 133]. Например, комбинаторные возможности глагола *a cădea*/падать широки; его смыслы зависят от семантического типа субъекта. В высказываниях типа: *Cad frunzele., Îmi cade părul., Îi cad dinți., A căzut un măr din copac., A căzut grindină* (Падают листья., У меня выпадают волосы., Яблоко упало с яблони., Выпал град) смыслом глагола «падать» является «валиться под действием силы тяжести, опускаться на землю, отрываться». В высказываниях: *Copilul a căzut., Bătrânul a căzut., Peretele a căzut* (Ребенок упал, старик упал, стена упала и т. д.) смыслом глагола является «переворачиваться, обрушиваться». В высказываниях: *Ostașul a căzut la datorie., Cetatea a căzut* (Солдат пал, исполняя свой долг., Крепость пала), глагол использован в смысле «умереть в бою, достаться неприятелю». В примере *A căzut la examene* (Он провалил экзамены) глагол имеет смысл «потерпеть неудачу». В примере *Guvernul lui A. Ionescu a căzut* (Правительство А. Ионеску отправлено в отставку) глагол используется в смысле «прекратить существование».

Взаимные глаголы актуализируются в две структуры: Под. (мн.) + Гл. и Под. (ед.). + Гл. + Соц. обст. (социативное обстоятельство). Первая структура относится к моновалентным глаголам, вторая – бивалентным.

Актуализируясь в качестве моновалентных, взаимные глаголы требуют субъекта во множественном числе: *a se stima* (уважать себя) → *Vecinii se stimează* (Соседи уважают друг друга), *a se cuprinde* (обниматься) → *Tinerii se cuprind* (молодые обнимаются).

Итак, моновалентные глаголы открывают единственную позицию слева для агента (в терминах тематических ролей) или для Sb. (в функциональных терминах). Этот синтагматический класс включает, в общих чертах, непереходные глаголы.

Бивалентные глаголы обладают двумя аргументами. Они не только закрепляют связь между действием и объектом, но и выделяют неотъемлемые свойства этой связи: характер и направление перемещения предмета; результат действия; создание, изменение предмета или его уничтожение, отношение к предмету, открытие предмета и т. д. [1, с. 36], что расширяет сферу семантической селекции, круг лексических и синтаксических комбинаций. Отсюда проистекает и разнообразие тематических ролей, придаваемых аргументам глаголами, актуализированными в рамках этой структуры.

Актантная структура бивалентных глаголов представлена ниже:

A ¹	V	A ²
Агент	Действие	Пациент
Сила		Объект/ Результат
Инструмент		Цель
Экспериментатор	Состояние /Становление	Локатив
Тема	Отношение	Источник / Бенефактив

Синтаксической структурой этих глаголов является **Под. + Гл.+Пр. доп.**, включающая бивалентные переходные глаголы, то есть глаголы удовлетворяющие, кроме левой валентности (субъекта) также и правую валентность – прямое дополнение. Переходные глаголы недостаточны с семантической точки зрения, поэтому слово, выражающее прямое дополнение, входит в очень сильные лексические и синтаксические отношения с переходным глаголом, определяя его с семантической точки зрения [3, р. 99].

В румынском языке можно заметить, что некоторые переходные глаголы выбирают лишь одно существительное в зависимости от прямого дополнения (*a antedata*, *a rata*, *a rebuta* /помечать задним числом, упускать, браковать), в то время как другие обладают широкой семантической сферой, сочетаясь с многочисленными именами, выражающими прямое дополнение. Для первых глаголов практически невозможно установить число слов, с которыми они способны сочетаться. Их лексическая валентность подразумевает неограниченное количество слов, как это происходит в случае глаголов *a face*, *a crea etc* (*быть, создавать и т. д.*) [6, р. 42].

С этой точки зрения, актуализирующие глаголы в структуре Под. + Гл. + Пр. доп. разделяются на два класса: 1) монообъектные (глаголы с одним объектом); и 2) мультиобъектные (глаголы с несколькими объектами – речь идет о семантической совместимости глагола с лексическими единицами, выступающими в роли прямого дополнения).

Глаголы класса (1) различаются в зависимости от семантической природы объекта на:

а) глаголы, требующие прямого дополнения, выраженного существительным, семантически характеризуемым качеством [+одушевленным]:

a angaja (*persoane*), *a răcăli* (*persoane*), *a privilegia* (*persoane*) / нанимать (лиц), обманывать (лиц), оказывать предпочтение (лицам);

б) глаголы с одним объектом, семантически характеризуемым качеством [+неодушевленным]:

a antedata (*documente*), *a preambala* (*mărfuri*), *a prezida* (*ședințe*), *a publica* (*texte scrise*), *a răpuși* (*frunze uscate de tutun*) / помечать задним числом (документы), упаковывать (товары), возглавлять (заседания), публиковать (тексты);

в) глаголы с одним объектом, семантически характеризуемым качеством [+абстрактным]:

a reprima (*revolte*), *a reproșa* (*fapte reprobabile*), *a preconiza* (*idei, doctrine*), *a prognoza* (*evenimente, fenomene*), *a sabota* (*acțiuni colective*), *a sistematiza* (*cunoștințe*), *a retroceda* (*drepturi*) / подавлять (восстания), попрекать (недостойными поступками), выдвигать

(идеи), прогнозировать (события), саботировать (коллективные действия), систематизировать (знания), возвращать (права). Сюда же, в большинстве случаев, можно прибавить непереходные глаголы с внутренним прямым дополнением семантически характеризующим качеством [+абстрактным]: *a svnta (un svntec)*, *a dansa (un dans)*, *a muri (o moarte)*, *a trăi (o viață)*, / *петь (песню)*, *танцевать (танец)*, *жить (жизнь)*, *умирать (смерть)* и т. д.

Глаголы класса (2), с двумя и более непосредственными предметами, характеризуются широким диапазоном семантической валентности. Например, глагол *a provoca* (провоцировать, вызывать, причинять, дразнить) может сочетаться с 1) процессами, состояниями, явлениями: *Inundațiile au provocat distrugerii.*, *Lucrarea a provocat discuții.*, *Incendiu a provocat daune.*, *Voala provoacă slăbiciune* (Наводнения вызвали разрушения., Работа вызвала обсуждения., Пожар причинил ущерб, Болезнь вызывает слабость); 2) существами: *Toreadorul provoacă taurul.*, *Niște ștregari provoacă свиinii din mahala* (Тореадор провоцирует быка., Озорники дразнили собак в предместье); 3) лицами: *Căutau să-l provoace cu orice preț* (Они пытались его спровоцировать любой ценой).

Можно заметить, что сведения о словах, с которыми сочетается глагол, составляют его комбинаторную способность. Формулируя лексические границы комбинаторной потенции глагола в терминах универсальной семантики, можно сделать вывод о том, что любое слово с релевантными семантическими чертами может исчерпать соответствующую валентность. Например, глаголы *a croșeta*, *a împleți*, *a tricota* (вязать крючком, вязать) сочетаются с предметом, прямо выраженным названием вязанного изделия: *căciulă*, *jachetă*, *costum*, *fustă*, *șal*, *pulover*, *palton*, *milieu*, *față de masă*, *cuvertură* (шапка, жакет, костюм, юбка, шаль, пальто, скатерть, покрывало и т. д.). Слова, выходящие за эту семантическую зону, не могут комбинироваться с названными глаголами: **a croșeta o idee*, *o grevă*, *un scaun* (связать идею, забастовку, стул). Если учитывать также левую валентность (субъекта), то и в этом случае вышеобозначенные глаголы навязывают определенные требования: субъект, выраженный охарактеризованным существительным [+человек] (*mama*, *bunica*, *fica*, *sora tricotează/мама*, *бабушка*, *дочь*, *сестра вяжет*). Они также могут сочетаться с существительным, характеризующим частной семантической чертой [+оборудование]: *вязальная машина*. Данные глаголы не сочетаются с охарактеризованным существительным [+абстрактным], поскольку в румынском языке невозможно построение синтагм, вроде: **Ideea croșetează o căciulă* (*Идея вяжет шапочку). Глагол *a dantela* (вязать кружевом), на первый взгляд связанный семантически с глаголами *a croșeta*, *a tricota* (вязать), может быть подвергнут устранению двусмысленности при помощи левой валентности. Синтагма **Она вяжет крючком кружево* неправильна, поскольку семантическая сфера прямого предмета не идентична глаголу *a croșeta* (вязать крючком).

Все вышеперечисленное приводит к идее, что экспансия глагола обладает строго очерченными семантическими границами. Было создано несколько классификаций, призванных облегчить дальнейшие исследования в этой области [3, с. 5]. Так, в рамках структуры **Под. + Гл. + Пр. доп.** можно разграничить следующие семантические сочетания глагольных детерминантов:

1. Под. (человеч.) + Гл. + Пр. доп. (человеч.):

Актантная структура :

A ¹	V	A ²
Агент	Действие	Пациент
Источник	Состоянин	Экспериментатор
Экспериментатор / Тема	Состояние / Отношение	Цель / Тема

Напр. *a creștina* (крестить) → *Părinții l-au creștinat pe copil* (Родители крестили ребенка); *a critica* (критиковать) → *Adversarii ne critică* (Противники нас критикуют), *a cruța* (жалеть) → *Mama îl cruță pe copil* (Мать жалеет ребенка) *a culca* (укладывать) → *Mama îl culcă pe copil* (Мать укладывает ребенка), *a descerșiona* (разочаровывать) → *Elevul l-a descerșionat pe profesor* (Ученик разочаровал профессора);

2. Под. (неодушевл.) + Гл. + Пр. доп. (человеч.):

Актантная структура глаголов этого класса:

A ¹	V	A ²
Инструмент/Причина	Действие	Пациент

Напр.: *a dezavantaja* (ставить в невыгодное положение) → *Silueta o dezavantajează* (Этот силуэт ей не идет); *a dezola* (обескураживать) → *Mizeria l-a dezolat* (Нищета обескуражила его), *a relaxa* (расслаблять) → *Muzica ol relaxa* (Музыка расслабляла его); *a revigora* (оживлять) → *Odihna l-a revigorat* (Отдых оживил его); *a ruina* (разорять) → *Impozitele ne ruinează* (Налоги нас разоряют); *a sărăci* (обеднять) → *Incendiul l-a sărăcit* (Пожар сделал его нищим); *a străunge* (пронзать) → *Glonțul l-a străpins* (Пуля пронзила его); *a satisface* (удовлетворять) → *Salariul nu ne satisface* (Зарплата не удовлетворяет нас);

3. Под. (абстракт.) + Гл. + Пр. доп. (человеч.):

Актантная структура глаголов этого класса:

A ¹	V	A ²
Источник / Инструмент	Причина / Состояние	Становление / Экспериментатор

Напр.: *a cutremura* (потрясти) → *Vestea l-a cutremurat* (Известие потрясло его); *a demobiliza* (расстраивать) → *Eșecurile te demobilizează* (Неудачи расстраивают); *a ompresura* (одолевать) → *M-ai ompresurat grijile* (Заботы одолели меня); *a încărungi* (сидеть) → *Necazurile îl încărungi* (Он сидел из-за огорчений); *a încerca* (пробовать) → *Dumnezeu îi încercă pe cei buni* (Господь испытывает праведников);

4. Под. (человеч.) + Гл. + Пр. доп. (неодуш.):

Актантная структура глаголов этого класса:

A ¹	V	A ²
Агент/Сила	Действие	Конкретный предмет

Напр.: *a croi* (шить) → *Ea a croit o rochie* (Она пошила платье), *a cultiva* (возделывать) → *Plugarii cultivă pământul* (Пахари возделывают землю), *Ea cultivă flori* (Она выращивает цветы); *a deconecta* (отключать) → *Electricianul a deconectat curentul* (Электрик отключил ток); *a demina* (разминировать) → *Geniștii au deminat clădirea* (Саперы разминировали здание); *a închea* (свертывать) → *Mama a încheat laptele* (Мама свернула молоко);

5. Под. (человеч.) + Гл. + Пр. доп. (абстракт.):

Актантная структура глаголов этого класса:

A ¹	V	A ²
Агент/Сила	Действие / Отношение	Предмет/Тема

Напр.: *a cucerii* (завоевывать) → *Noi am cucerit libertatea* (Мы завоевали свободу); *a cunoaște* (знать) → *Studentul cunoaște materia* (Студент знает предмет); *a curma* (прерывать) → *El a curmat discuția* (Он прервал дискуссию); *a declama* (декламировать) → *Artistul declamă poezii* (Артист декламирует стихи);

6. Под. (неодуш.) + Гл. + Пр. доп. (неодуш.):

Актантная структура глаголов этого класса:

A ¹	V	A ²
Источник/Тема Сила	Состояние/Отношение Действие	Результат/Тема Предмет/Локатив

Напр.: *a degaja* (выделять) → *Florile degajă parfum* (Цветы выделяют аромат); *a desfrunzi* (терять листву) → *Vântul desfrunzește copacii* (Ветер обнажает деревья); *a devaloriza* (обесценивать) → *Inflația a devalorizat banii* (Инфляция обесценивает деньги); *a dilata* (расширять) → *Căldura dilată metalele* (Тепло расширяет металлы); *a masca* (скрывать) → *Perdeaua maschează ușa* (Занавеска скрывает дверь); *a purta* (держат, но-

cum) → *Munții poartă aur* (Горы содержат золото); *a radia* (излучать) → *Soarele radiază lumina* (Солнце излучает свет);

7. Под. (абстракт.) + Гл. + Пр. доп. (абстракт.):

Актантная структура глаголов этого класса:

A ¹	V	A ²
Тема/Источник	Отношение/Состояние	Тема/Цель

Напр.: *a declanșa* (начинать) → *Întrebarea lui a declanșat discuții* (Его вопрос породил споры); *a dezlănțui* (развязывать) → *Atitudinea lui a dezlănțuit acțiuni de protest* (Его отношение привело к протесту).

Структура **Под. + Гл. + Косв. доп. (D)** включает бивалентные глаголы, подлежащее и сказуемое которых выражены существительным или местоимением в дательном падеже. Диагностический контекст этих глаголов: кто-то, что-то + Гл. + кому-то: Курение вредит здоровью.

В качестве рабочей гипотезы можно было бы допустить, что для актуализированных глаголов в этой синтагматической структуре характерны две актантные структуры:

(1) A ¹	V	A ²
Экспериментатор/Агент	Состояние/Действие	Цель

Напр.: *El s-a dedicat științei* (Он посвятил себя науке); *Părinții se împotrivesc căsătoriei fiului lor* (Родители противятся женитьбе своего сына); и

(2) A ¹	V	A ²
Тема	Отношение	Получатель / Тема

Напр.: *Casa rămâne copiilor* (Дом остается детям), *Bogățiile naturale aparțin statului* (Природные богатства принадлежат государству).

Структура **Под. + Гл. + Косв. доп. (предлог)** включает бивалентные глаголы, подлежащее и косвенное дополнение которых выражены существительным с предлогом. Следует отметить, что в случае предложного косвенного дополнения, предлог является в большей степени структурным элементом, нежели семантическим. В большинстве случаев он навязан синтаксической необходимостью, то есть режимом глагола. Диагностический контекст этой структуры: кто-то / что-то + Гл. + (предл.) кто-то / что-то – *Concluziile rezultă din analiza faptelor* (Выводы следуют из анализа фактов), *El descinde dintr-o familie de muzicanți* (Он происходит из семьи музыкантов).

Актантная структура этого класса разнится от глагола к глаголу, учитывая разнообразие актуализируемых ролей. Например, для глаголов, требующих предлога а характерна следующая аргументативная структура:

A ¹	V	A ²
Источник	Состояние	Дескриптив

Напр.: *Parfumul miroase a proaspăt* (У этих духов свежий аромат), *Haina aduce a benzină* (Одежда пахнет бензином). Для глаголов, выстроенных при помощи предлога *asupra*, аргументативная структура выглядит следующим образом:

A ¹	V	A ²
Агент	Действие	Цель

Напр.: *Elevul se concentrează asupra temei* (Ученик концентрируется над заданием), *S-a aruncat asupra mea* (Он набросился на меня).

Еще более разнообразной является аргументативная структура глаголов, строящихся при помощи предлога *cu*. Здесь возможно множество тематических ролей, в зависимости от смысла глагола. Таким образом, глаголы *a colabora*, *a conlucra*, *a rivaliza*, *a se sfătui* (взаимодействовать, сотрудничать, соперничать, советоваться) обладают следующей аргументативной структурой:

A ¹	V	A ²
Тема	Отношение	Комитатив

Глаголы *a se juca, a mătura, a scrie, a sfredeli* (*играть, подметать, писать, сверлить*) обладают иной структурой:

A ¹	V	A ²
Агент	Действие	Инструмент

(См. *Dicționarul de structuri argumentale on Constantinovici, 2007, стр. 158 – 268; Dicționar de construcții verbale, 2003*).

Синтаксическая структура **Под. + Гл. + Косв. доп. (предлог)** характерна для обстоятельственной предложной группы, входящей в расширение глагола [55, с. 171]. Иными словами, это конструкции, в которых распространение предлога исходит из синтаксической или семантической необходимости и приводит к подкатегоризации глагола. Напротив, предлоги вводящие обстоятельственное дополнение (места, времени, способа) не участвуют в подкатегоризации глаголов, подобно тому, как обстоятельства (за небольшими исключениями) не принимаются во внимание при синтагматической классификации глаголов.

Структура **Под. + Гл. + Соц. доп.** охватывает бивалентные глаголы с подлежащим и ассоциативным дополнением. Дополнение выражает существо или предмет, которое сопровождает подлежащее. Диагностический контекст: кто-то + Гл. + предл. (*cu, împreună cu, la un loc cu, laolaltă cu + cineva / ceva*): *Copiii defilează împreună cu sportivii* (*Дети маршируют вместе со спортсменами*); *a învăța* (*учиться*) → *Fiul meu învață împreună cu fiica ta* (*Мой сын учится вместе с твоей дочерью*); *a lucra* (*работать*) → *Ion lucrează împreună cu colegii de facultate* (*Ион работает вместе с коллегами по факультету*).

Актантная структура этих глаголов выглядит следующим образом:

A ¹	V	A ²
Тема	Отношение	Комитатив

Структура **Под. + Гл. + Инстр. доп.** охватывает бивалентные глаголы с подлежащим и инструментальным дополнением. Диагностический контекст этих глаголов: кто-то / что-то + Гл. + предл. (*cu, la, în, prin, din*) + *что-то*: *El sosește cu trenul* (*Он приезжает на поезде*), *Elevul se distinge prin bună purtare* (*Ученик отличается хорошим поведением*); *Ion cântă la vioară / din frunză* (*Ион играет на скрипке*), *Petalele detrandafir se macerează în alcool* (*Лепестки роз настаиваются в алкоголе*).

Актантная структура этих глаголов:

A ¹	V	A ²
Агент	Действие	Инструмент

В отличие от инструментального дополнения, требуемого переходным глаголом (структура **Под. + Гл. + Пр. доп. + Инстр. доп.**), где семантическая связь между глаголом и инструментом более релевантна, в представленной здесь структуре семантическая сфера инструмента более широка и семантическая связь с глаголом слабее. Например, глагол *a se opăviți* (*обогащаться*) подразумевает разные способы стать богаче: путем труда, выгодных дел, золотом, долларами, недвижимостью, с помощью друзей и т. д.

Вследствие этого переходные и некоторые непереходные глаголы весьма избирательны по отношению к инструменту. Достаточно вспомнить глаголы: *a bituta, a capsa, a cartonă, a droga, a gelui, a lamina, a tapeta, a torpila, a vaccina etc* (*заливать битумом, скреплять, брошюрировать, стругать, ламинировать, оклеивать обоями, торпедировать, вакцинировать*), чтобы понять, насколько предсказуемы инструменты: *битум, скобки, картон, фуганок, ламинатор, обои, торпеда, вакцина* (эти вопросы широко обсуждаются в *Constantinovic, 2007*).

Структура **Под. + Гл. + Обст. места** охватывает бивалентные глаголы с подлежащим и обстоятельством места. Диагностический контекст: кто-то / что-то + Гл. + где-то: *Politiștii sa-au deplasat la locul accidentului* (*Полицейские отправились на место происшествия*), *El locuia în centrul orașului* (*Он жил в центре города*). В этой структуре использованы семантически недостаточные непереходные глаголы (с возвратным местоимением или без него). Посему, актуализация обстоятельства места является обязательной. Актантная структура этих глаголов выглядит следующим образом:

A ¹	V	A ²
Агент/Источник	Действие/Состояние	Локатив

Другие глаголы требуют обстоятельства места либо для устранения двусмысленности, либо для уточнения места, где происходит действие. Так, в контексте *Ion a sărit din tren* (Ион выпрыгнул из поезда) и *Câteva scânduri au sărit din gard* (От забора отскочило несколько досок), обстоятельство места разграничивает смыслы «сделать прыжок» и «отделяться», которыми обладает глагол *a sări* (прыгать). В контексте *Copilul a crescut la țară / la oraș / într-o familie bună* (Ребенок вырос в селе / городе / хорошей семье), обстоятельство места уточняет место действия. Несмотря на их использование в анализируемой здесь структуре, обстоятельства места в вышеприведенных контекстах не причастны к семантике глагола. Семантическая полнота глагола не искажается отсутствием дополнения.

Структура **Под. + Гл. + Доп. времени** включает бивалентные глаголы с подлежащим и дополнением времени. Диагностический контекст: кто-то / что-то + Гл. + когда-то: *Lupta a durat până a doua zi* (Битва затянулась на два дня), *Aceasta s-a întâmplat ieri* (Это случилось вчера).

Актантная структура этих глаголов выглядит следующим образом:

A ¹	V	A ²
Агент / Тема	Действие/Отношение	Темпоратив

Структура **Под. + Гл. + Доп. способа** включает бивалентные глаголы с подлежащим и дополнением цели. Диагностический контекст: кто-то / что-то + Гл. + как-то / сколько-то: *Copiii se comportă frumos.*, *Cartea costă 100 de lei* (Дети ведут себя хорошо, Книга стоит 100 лей).

Актантная структура этих глаголов выглядит следующим образом:

A ¹	V	A ²
Тема/Агент	Отношение/Действие	Дескриптив

Структура **Под. + Гл. + Доп. цели** включает бивалентные глаголы с подлежащим и обстоятельством цели. Диагностический контекст: кто-то / что-то + Гл. + цель: *Ei rămân să te ajut* (Я остаюсь, чтобы помочь тебе), *Se sforța să deschidă geamul* (Она силится открыть окно), *Turiiștii s-au echipat pentru excursie* (Туристы снарядились для экскурсии).

Актантная структура этих глаголов выглядит следующим образом:

A ¹	V	A ²
Агент	Действие	Цель

Структура **Под. + Гл. + Доп. прич.** включает бивалентные глаголы с подлежащим и обстоятельством причины. Диагностический контекст: кто-то / что-то + Гл. + причина: *Ioana a înlemnit de frică* (Иоана окаменела от страха), *Ea radia de bucurie* (Она сияла от радости), *Boala s-a agravat din cauza răcelii* (Болезнь усугубилась из-за простуды).

Актантная структура этих глаголов выглядит следующим образом:

A ¹	V	A ²
Экспериментатор/Агент	Становление /Состояние /Действие	Причина

Несмотря на то, что глаголы актуализирующиеся в рамках данной структуры семантически не зависят от причинного детерминатива, их устранение лишает контекст ясности: **Oamenii se clătinau* (Люди шатались), **Ea radia* (Она сияла), **Femeia se cocoșă* (Женщина горбилась), **Unii rabdă* (Некоторые терпят). Некоторые глаголы открыто требуют причинного дополнения: *a se prezenta* (представляться) → **Studentii se prezintă* (Студенты представляются), *a trata* (лечить) → **Ei tratează* (Они лечат).

Структура **Под. + Гл. + Обст. связи** включает бивалентные глаголы с подлежащим и обстоятельством связи. Диагностический контекст: кто-то / что-то + Гл. + в отношении, в том что касается: *Noi ne asemănăm on privința modei* (Мы похожи в том, что касается моды/в

отношении моды), *Ea s-a autoinstruit la engleză* (Она самоучка в отношении английского языка), *Băieții s-au corijat la purtare* (Ребята исправились в отношении своего поведения).

Актантная структура этих глаголов выглядит следующим образом:

A ¹	V	A ²
Экспериментатор/Агент	Действие/Состояние/Дополнение	Лимитатив

Структура **Под. + Гл. + Доп. предик.** обладает несколькими актуализациями в зависимости от реализации конструкций с дополнительным предикативом, которые отличаются гетерогенностью. Данная структура может обладать бивалентной актуализацией в конструкциях с возвратными глаголами: *a se considera* (считаться) → *Ion se consideră lider* (Ион считается лидером), *a se declara* (объявлять себя) → *Ion s-a declarat onvins* (Ион объявил себя побежденным), *a se crede* (считать себя) → *Ion se crede deștept* (Ион считает себя умным) etc. Диагностический контекст данных конструкций: кто-то / что-то + Гл. + (как) + кто-то / что-то / как-то. Хотя эта синтаксическая позиция считается факультативной, она имеет также обязательное употребление.

Структура **Под. + Гл. + Пр. доп. + Пр. доп.** охватывает относительно небольшое число тривалентных глаголов, открывающих две валентности справа для прямого дополнения. Эти валентности разнятся с семантической точки зрения: одно прямое дополнение выражено именем с семантической чертой [+ человек.], другое – именем с семантической чертой [+ абстракт]. Диагностический контекст: кто-то+Гл.+ (у) кого-то+что-то. *Profesorul l-a ontreat pe elev tema* (Учитель спросил у ученика задание), *Sociologul oi chestionează pe respondenți problema* (Социолог опросил респондентов касательно проблемы), *a ontrea* (спрашивать) *Șeful m-a onvoit să plec la medic* (Начальник позволил мне пойти к врачу), *Vreau să te rog ceva* (Я хочу тебя кой о чем попросить).

Актантная структура этих глаголов выглядит следующим образом:

A ¹	V	A ²	A ³
Агент	Действие	Пациент	Предмет

Актуализированные глаголы в этой структуре относятся к лексико-семантической группе глаголов информирования и заявления.

Структура **Под. + Гл. + Пр. доп. + Косв. доп D** охватывает тривалентные глаголы с подлежащим и двумя валентностями справа: (1) прямое дополнение, (2) косвенное дополнение, выраженное подлежащим или местоимением в дативе.

Актантная структура этих глаголов выглядит следующим образом:

A ¹	V	A ²	A ³
Агент	Действие	Пациент	Предмет

Напр: *a denunța* (доносить) → *L-au denunțat autorităților* (Они донесли на него властям), *a destăinui* (открывать) → *I-am destăinuit intențiile* (Я открыл ему свои намерения), *a dicta* (диктовать, велеть) → *A procedat cum i-a dictat conștiința* (Он поступил так, как ему велела совесть), *a distribui* (распространять) → *Crucea roșie a distribuit spitalelor medicamente* (Красный Крест распространил по больницам медикаменты), *a divulga* (выдавать) → *Mi-a divulgat o taină* (Он выдал мне секрет).

Структура **Под. + Гл. + Пр. доп. + Косв. доп (предлог)** охватывает тривалентные глаголы с подлежащим и двумя валентностями справа: (1) прямое дополнение; (2) косвенное дополнение, выраженное существительным с предлогом. Диагностический контекст: кто-то / что-то + Гл. + кого-то / что-то + предлог + кто-то / что-то: *El discerna adevărul de minciună* (Он отличает правду от лжи), *L-a antrenat în discuție* (Он вовлек его в дискуссию), *Sculptorul cioplește o statuie din marmură* (Скульптор высекает статую в мраморе).

Актантная структура этих глаголов выглядит следующим образом:

A ¹	V	A ²	A ³
Агент	Действие	Пациент	**

** Третий аргумент этой структуры может иметь разное воплощение, в зависимости от смысла глагола и используемого предлога. (См. 3, с. 109 – 115).

Структура **Под. + Гл. + Пр. доп. + Инстр. доп** охватывает тривалентные глаголы с подлежащим и двумя валентностями справа: (1) прямое дополнение; (2) инструментальное обстоятельство. Диагностический контекст: кто-то/что-то+Гл.+кого-то/что-то+предлог+кто-то/что-то: *Administrația a dotat uzina cu utilaj modern (Администрация оснастила завод современным оборудованием).*

Актантная структура этих глаголов:

A ¹	V	A ²	A ³
Агент	Действие	Пациент / Предмет	Инструмент

В рамках этих структур наблюдаются два класса:

1) глаголы с инструментальным знаком, заключенным в определение: *a ara (пахать), a arginta (серебрить), a auri (золотить), a ardeia (перчить), a biciui (бичевать), a com-posta (компостировать), a cerui (воцить), a sântări (взвешивать), a frâna (тормозить), a grebla (разрыхлять), a îmblâni (подбивать мехом), a încheaga (сколачивать), a înfăța (надевать), a mobila (меблировать), a mătura (подметать).* В основном эти глаголы созданы отталкиваясь от существительных, обозначающих инструменты. Посему, инструментальное обстоятельство этих глаголов обладает подразумеваемой актуализацией.

Было бы избыточным говорить: *Eu mătur cu mătura (Я подметаю метлой), Frânez cu frâna (Торможу тормозом) или Pilesc cu pila (Пилю пилой).* Тематическая роль инструмента закреплена в глубинной структуре и подразумевается в поверхностной. Она актуализируется лишь в случае необходимости уточнения инструмента: *A mobilat bucătăria cu o mobilă străină (Он обставил кухню заграничной мебелью), A pudrat copturile cu zahăr (Она посыпала выпечку сахаром).*

2) глаголы, у которых инструментальный смысл наружен и не включен в их семантическую структуру: *a atinge (прикасаться), a degresa (обезжиривать), a dezinfecta (дезинфицировать), a împorțona (разряжать), a împovăra (обременять), a împrejmuî (огораживать), a împrădiari (наделять собственностью), a opveli (накрывать), a lega (привязывать), a legăna (качать), a lovi (бить), a lumina (светить), a mărunți (измельчать).* Эти глаголы обладают большими возможностями выбора детерминатива. Например, глагол *a sparge* (разбивать) выбирает инструмент в зависимости от семантики прямого предмета:

a sparge (разбивать, колоть, вскрывать) →	окно (камнем, мячом); дрова (топором); орехи (молотком, зубами); нарыв (скальпелем, иглой)
---	---

Таким образом, хотя инструментальное дополнение зависит от обстоятельств, его роль в процессе подкатегоризации румынских глаголов очевидна. Это либо внутренний компонент глагола (элемент его семантической структуры), либо внешняя составляющая (т. е. комбинаторная особенность). Разница заключается в том, что в качестве внутренней составляющей, причинное обстоятельство включается в семантическую структуру глагола, а в качестве составляющей внешней – нет, увеличивая при этом возможность выбора.

Структура **Под. + Гл. + Пр. доп. + ПОО** включает тривалентные глаголы с подлежащим, прямым дополнением и предикативным обстоятельством объекта. Диагностический контекст: кто-то / что-то + Гл. + (как) кто-то / что-то. *Juriul a ales-o pe Ioana regina balului (Жюри выбрало Иоанну королевой бала); Juriul l-a desemnat învingător (Жюри назначило его победителем); Directorul l-a angajat pe Ion bucătar (Директор нанял Иона поваром).*

Актантная структура этих глаголов

A ¹	V	A ²	A ³
Агент	Действие	Пациент	Ономасив

Структура **Под. + Гл. + Пр. доп. + Обст. места** охватывает значительное число тривалентных глаголов, имеющих одну валентность слева и две справа (для прямого дополнения и для обстоятельства места). Диагностический контекст: кто-то / что-то + Гл. + кого-то / что-то + где-то: *Ei au depus bani la bancă (Они положили деньги в банк), Plugarii depozitează grâul în hambare (Землепашцы хранят зерно в амбарах).*

Актантная структура этих глаголов:

A ¹	V	A ²	A ³
Агент	Действие	Пациент / Объект	Локатив

Структура **Под. + Гл. + Пр. доп. + Обст. времени** включает несколько тривалентных глаголов с подлежащим, прямым дополнением и обстоятельством времени. Диагностический контекст этих глаголов: кто-то / что-то + Гл. + кого-то / что-то + когда-то: *Medicul m-a programat pentru ora nouă (Врач записал меня на девять часов).* *Femeia a dădăcit băiatul până la 5 ani (Женщина нянчила ребенка до 5 лет), Leneșul lasă lucrul de azi pe mâine (Ленивый оставляет дела недоделанными).*

Актантная структура этих глаголов:

A ¹	V	A ²	A ³
Агент	Действие	Пациент / Предмет	Темпоратив

Структура **Под. + Гл. + Пр. доп. + Обст. спос.** включает тривалентные глаголы с подлежащим, прямым дополнением и обстоятельством способа. Диагностический контекст этих глаголов: кто-то / что-то + Гл. + кого-то / что-то + как-то: *Vânzătorul ne-a servit cu amabilitate (Продавец вежливо нас обслужил).* *Acest costum m-a costat mult (Этот костюм дорого мне стоил), El o discreditează neontemeiat (Он безосновательно ее дискредитирует), Dirijorul dispune membrii ansamblului după voci (Дирижер расставляет участников ансамбля по голосам).*

Актантная структура этих глаголов:

A ¹	V	A ²	A ³
Агент/Источник	Действие /Отношение	Пациент/Тема	Дескриптив

Структура **Под. + Гл. + Пр. доп. + Обст. цели** включает тривалентные глаголы с подлежащим, прямым дополнением и обстоятельством цели. Диагностический контекст этих глаголов: кто-то / что-то + Гл. + кого-то / что-то + с какой целью: *Asistenta a recoltat sânge pentru analize (Ассистентка собрала кровь для анализов).* *L-am autorizat pe tata pentru licitație (Я уполномочил отца для аукциона), Ion îl antrenează pe Mircea pentru olimpiadă (Ион тренирует Мирчу для олимпиады), A falsificat rezultatele experimentului pentru a menține înșelătatea (Он подделал результаты эксперимента чтобы удержать первенство).*

Актантная структура этих глаголов:

A ¹	V	A ²	A ³
Агент	Действие	Пациент	Цель

Структура **Под. + Гл. + Косв. доп. (D) + Косв. доп (предлог)** включает тривалентные глаголы с подлежащим, косвенным дополнением выраженным существительным или местоимением в дативе и косвенным дополнением, выраженным существительным с предлогом. Диагностический контекст: кто-то / что-то + Гл. + кому-то + предл. кто-то / что-то: *Prietenul mi se laudă cu noul său apartament (Друг хвастает мне своей новой квартирой), Am ajutat părinților la prășit (Я помог родителям при прополке).*

Актантная структура этих глаголов:

A ¹	V	A ²	A ³
Агент	Действие	Получатель	**

**Этот актант имеет различное воплощение в зависимости от смысла глагола и предлога, входящего в конструкцию.

Структура **Под. + Гл. + Косв. доп (предлог) + Косв. доп (предлог)** включает тривалентные глаголы с подлежащим и двумя косвенными дополнениями, выраженными существительными с предлогом. Это непереходные глаголы. Диагностический контекст: кто-то / что-то + Гл. + (предлог) кто-то / что-то + (предлог) кто-то / что-то: *El discută cu părinții despre nuntă (Он разговаривает с родителями о свадьбе).* *Echipa "Steaua" s-a de-*

partajat de "Rapid" cu 3 puncte (Команда «Steaua» отдалась от «Rapid» на 3 очка), Vorbitorul sărea de la un gând la altul (Оратор перескакивал с одной мысли на другую).

Актантная структура этих глаголов:

A ¹	V	A ²	A ³
Агент	Действие	**	**

Структура **Под. + Гл. + Косв. доп (предлог) + Обст. INSTR.** включает тривалентные глаголы с подлежащим, предложным косвенным дополнением и инструментальным обстоятельством. Диагностический контекст этих глаголов: кто-то / что-то + Гл. + (предлог) кто-то / что-то + чем-то:

Актантная структура этой группы глаголов:

A ¹	V	A ²	A ³
Агент	Действие	**	Инструмент

** Аргумент 2 актуализируется разным образом в зависимости от смысла глагола и сопровождающего его предлога.

Напр.: *a scobi (вырезать) → El scobea on masă cu un cuțit (Он вырезал в столе ножом), a scociorî (ковырять) → Băiatul scociora on răment cu un bețișor (Мальчик ковырял землю палкой), a sări (наскокивать) → A sărit la mine cu bâta (Он наскочил на меня с дубиной), a trage (стрелять) → A tras în dușmani cu arma (Он стрелял по врагам из оружия).*

Структура **Под. + Гл. + Обст. места + Обст. времени** включает тривалентные глаголы с подлежащим, обстоятельством времени и обстоятельством места. Диагностический контекст: кто-то / что-то + Гл. + где + когда: *Trupa teatrului E. Ionesco joacă on Franța peste o lună (Труппа театра «Э. Ионеско» играет во Франции через месяц), Societatea s-a înființat la Suceava on anii 1990 (Общество образовалось в Сучаве, в 1990-х годах), Autocarul merge la București în fiecare zi (Автобус едет в Бухарест каждый день).*

Актантная структура этой группы глаголов:

A ¹	V	A ²	A ³
Агент	Действие	Локатив	Темпоратив

Структура **Под. + Гл. + Косв. доп (предлог) + Обст. СПОС.** включает тривалентные глаголы с подлежащим, предложным косвенным дополнением и обстоятельством способа. Диагностический контекст: кто-то / что-то + Гл. + (предлог) кто-то / что-то + как-то: *Ei reacționează violent la critică (Они яростно реагируют на критику). Можно добавить лишь несколько примеров: a juca (играть) → Unii joacă în cărți pe bani (Некоторые играют в карты на деньги), El joacă la porice bine (Он хорошо играет в кегли), a merge (идти) → Mergeau prin zăpadă greu (Они с трудом шли по снегу).*

Актантная структура этой группы глаголов:

A ¹	V	A ²	A ³
Агент	Действие	**	Дескриптив

**Второй аргумент обладает разными воплощениями: «Источник» в первом примере, «Цель» во втором и третьем, «Локатив» в последнем.

Поливалентные глаголы допускают большое количество детерминативов:

Диагностический контекст структуры **Под. + Гл. + Прям. Доп + Косв. доп (D) + Косв. доп (предлог)**: кто-то / что-то + Гл. + кого-то / что-то + кому-то + (предлог) кто-то / что-то: *Mama i-a trimis un pachet fiului prin bunăvoînța prietenei mele (Мама послала сыну пакет посредством моей подруги).*

Диагностический контекст структуры **Под. + Гл. + Прям. Доп + Косв. Доп + Инстр. доп.**: кто-то / что-то + Гл. + кого-то / что-то + кому-то + чем-то: *Medicul i-a vindecat fiului rana prin electrocutare (Врач вылечил сыну рану электротоком), Comisia ne-a trimis testele prin poșta diplomatică (Комиссия послала нам тесты дипломатической почтой), Profesorul explică elevilor tema cu fapte interesante (Учитель объясняет ученикам тему интересными фактами).*

Несмотря на то, что поливалентные глаголы допускают большое количество детерминативов, их абсолютно обязательный характер не всегда возможно установить. Чаще всего

некоторые детерминативы могут остаться неактуализированными в рамках высказывания, поскольку они не представляют важности для общения или же подразумеваются контекстом. В связи с этим, составление исчерпывающего списка поливалентных глаголов и обнаружение ясных аргументивных структур затруднительно. Более многочисленны глаголы с четырьмя валентностями, занятыми разными детерминативами.

Список литературы

1. Bărbuță Ion, Modele semantico-sintactice ale enunțurilor în limba română. // Buletinul Institutului de Lingvistică, 2004, nr.2, – p. 32 – 38.
2. Bărbuță Ion, Constantinovici Elena, Structura actanțială a verbului în limba română: modificarea și actualizarea ei în enunț. // Revistă de Lingvistică și Știință Literară, 1997, nr.4, – p. 40 – 49.
3. Constantinovici Elena, Semantica și morfosintaxa verbului în limba română. – Chișinău: CEP USM, 2007, – 268 p.
4. Dicționar de construcții verbale: română, franceză, italiană, engleză. – Craiova: Editura Universitaria, 2003, – 654 p.
5. Pană Dindelegan Gabriela, Sintaxa transformățională a grupului verbal în limba română. București: 1974.
6. Vulpe Ana, Valența – component al articolului lexicografic // Limba și literatura moldovenească, 1987, nr 4. – p. 41 – 45.
7. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. – Москва, 1974.

TYOLOGY OF ACTANTIAL STRUCTURES IN THE ROMANIAN LANGUAGE

Aurelia Hanganu

*Central Scientific Library
them. Andrei Lupan
the Academy of Sciences
of Moldova Chisinau city*

*e-mail:
aureliahanganu@yahoo.com*

The paper deals with the basic actantial structures of the verb in the Romanian language. 30 presented actantial structures are divided into 4 categories: avalent, monovalent, divalent and polyvalent.

Keywords: actant, actantial structure, valency, verb.

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

УДК 303.442.4 + 81-139

СОЦИАЛЬНО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕДИЙНЫХ ДИСКУРСОВ

Е. А. Кожемякин

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
kozhemiyakin@bsu.edu.ru*

В статье предлагается общее описание основных социально-эпистемологических характеристик журналистского, рекламного и промоушного (PR) дискурсов; содержания ключевых категорий как предельно общих базовых понятий, лежащих в основе эпистемической системы дискурса; целей медийных дискурсов, их социальных функций и характера их связи с критериями суждений о предметах дискурсов.

Ключевые слова: медиадискурс, социальная эпистемология, эпистемологические характеристики дискурса.

Повышенный интерес современных исследователей к проблемам медиадискурса, равно как и насущная необходимость во введении в научный оборот самого термина «медиадискурс», обусловлен преимущественно двумя обстоятельствами.

Первое обстоятельство – это укоренившееся в философской теории коммуникации представление о массмедиа как относительно самостоятельной коммуникационной среде, полностью не сводимой ни к «традиционным» институциональным типам коммуникации (например, политике, религии, образованию), ни к референтам медийных сообщений (например, фактам действительности). Массмедиа, с этой точки зрения, не столько отражают реальность, сколько конструируют её или сами манифестируют собой особый тип реальности.

Второе обстоятельство – это широкое обсуждение дискурсной проблематики в современных гуманитаристике и социальных науках, в рамках которых эпистемологической ценностью полагается не столько сам текст как конденсат уже произведенных смыслов, сколько условия его порождения в различных массмедийных контекстах. Иными словами, теперь интересно не столько «как отражают мир тексты массмедиа», «как тексты соотносятся с действительностью» и «какой тип текста является более точным в описании действительности», сколько «какая действительность создаётся текстами массмедиа», «что в тексте заставляет нас видеть определённую действительность» и «как текст становится действительностью». Медийный текст теперь мыслится не как текст о чём-то; сам текст и есть это «что-то». Граница между сообщением и предметом сообщения производится «внутри» коммуникации, согласно правилам того или иного медиадискурса.

Эти положения выработывались в философии коммуникации на протяжении более ста последних лет, однако в наиболее конденсированном виде они представлены в работах немецкого философа и социолога Никласа Лумана [2; 3].

Представления Лумана о массмедиа и производимом ими знании (существующем исключительно в форме медиатекстов) специфичны и основаны на попытке анализа природы фундаментальных принципов взаимодействия между массмедиа и «окружением» («немассмедиа»). Эти принципы, как отмечает и сам Луман, произведены не внутри «окружения», а внутри системы массмедиа, не могут быть объектом их собственной аналитической рефлексии и сопротивляются любой внешней рефлексии так же, как «сопротивляется» наблюдатель, уличённый другим наблюдателем в своём наблюдении. Так, журналист, описывая действительность, всегда знает о «правильном» (конвенциональном) способе её описания, оценивает свои материалы с точки зрения соответствия их этому правилу, объясняет применение этого

способа принадлежностью к профессии («я делаю так, потому что я журналист») и принципиально негативно относится к попыткам оспорить это правило описания нежурналистами. Всё это, по мнению Лумана, свидетельствует о том, что массмедиа (журналистика, реклама и прочие их виды) – это самореферентная закрытая система, вырабатывающая свои собственные правила определения границы между собой и окружающим миром, нормы описания «внешнего» мира, критерии оценки этих описаний и, более того, предлагающая эти правила, нормы и критерии оценки «внешнему» миру как самоочевидные и потому обязательные.

Представления о характере и «порядке» формирования знания с помощью массмедиа, унаследованные у Лумана современной коммуникативистикой, можно выразить в ряде тезисов:

– медийные формы познания не в меньшей, а возможно в большей степени имеют отношение к социальным условиям, чем к познающему субъекту и к объекту познания;

– формируемое с помощью массмедиа знание социально, а значит, обуславливается действием социальных сил – власти, институтов, интересов;

– социальное знание сегодня создается преимущественно в ходе медийной дискурсивной практики и выражается в виде текстов, форма и содержание которых конституируются социальными нормами познания, а «идеальный тип» или даже эталоны текстов, выражающие «конвенциональную истину», институционально легитимируются.

От того, какие формы и методы познания применяются в рамках той или иной дискурсивной практики, зависит тип и содержание знания, а также критерии оценки его адекватности. В современном медиатизированном мире особую роль в этом процессе играют различные виды медийного дискурса в массовой коммуникации. Достаточно распространенным становится убеждение в том, что «мы видим мир *таким*, каким его изображают массмедиа». Это высказывание можно трактовать двояко. «Наивная» трактовка включает в себя представление о своего рода предметно-тематической проекции медийного контента на сознание аудитории, в результате которой адресат думает о том и видит в социальной реальности то, что предлагается ему массовыми коммуникаторами. Однако, это убеждение можно трактовать и в социально-эпистемологическом ключе, в соответствии с чем массмедиа не «импортируют» картину мира в массовое сознание, а демонстрируют социально приемлемые, одобряемые стандарты познания, когнитивные установки, нормы определения социальных ситуаций и их категоризации. В этом смысле точнее было бы говорить – «мы видим мир *так*, как его видят массмедиа».

Адресаты могут рационально реагировать на медийный контент, массовые сообщения и образы (идентифицировать, критиковать, одобрять, обсуждать их), но часто иррационально «заимствуют» у массмедиа содержание самых общих, абстрактных категорий («объективность», «информация», «факт», «новость» и т. п.) и стратегии познания (описание, категоризация, объяснение и т. п.). Проблема в данном случае состоит в том, что в различных медийных дискурсах одни и те же категории приобретают различное содержание и по-разному реализуются одни и те же стратегии познания. Так, то, что является новостью в журналистике, в значительной степени отличается от того, что является ею в PR-деятельности, а описание деятельности в рекламе существенно отличается от её описания в публицистическом дискурсе, и при этом нет никаких объективных оснований (эпистемических требований, разделяемых всеми коммуникационными системами) сделать выбор в пользу той или иной трактовки. Как отмечают многие критики современности [4; 5], результатом такого смешения различных эпистемических стандартов, транслируемых с помощью различных медийных дискурсов, может стать бессистемное, фрагментарное и парадоксальное представление о социальной реальности.

Уточним некоторые понятийные, теоретические и методологические позиции.

Мы интерпретируем медиадискурс как *тематически сфокусированную, исторически, социально и культурно обусловленную речемыслительную деятельность в массмедийном пространстве*, результатом которой являются различные формы социального знания – тексты, понятия, образы. В этом смысле изучение журналистской, рекламной или промоционной (PR) коммуникации предполагает выявление и описание не столько семантических структур продуцируемых в них текстов, сколько социальных и культурных условий производства знания и социально детерминированных категорий.

В соответствии с этими ключевыми установками главными исследовательскими вопросами при изучении медиадискурса являются следующие: Каковы социальные факторы производимого в массовой коммуникации знания? Что и в связи с какими социальными и культурными условиями признается истинным знанием в журналистике, рекламе и PR? Как нормы профессиональных сообществ определяют порядок и формы конструируемых знаний? Кто признается экспертом в журналистике, рекламе и PR и в связи с какими социальными и культурными обстоятельствами?

В своей работе «Реальность массмедиа» Никлас Луман [2], следуя радикально-конструкционистской стратегии, формулирует ключевые, магистральные черты журналистики, рекламы и телешоу с точки зрения их внутреннего механизма производства реальности. Однако открытым остаётся вопрос об особенностях самого знания, зафиксированного в медиатекстах, производимых в этих коммуникационных системах. Иными словами, Луман дает тщательный анализ внутренней организации систем и присущих им механизмов, нормирующих познание, но открытым остается вопрос об эпистемологической специфике медиатекстов, производимых в той или иной коммуникационной системе.

Далее мы предложим краткое описание основных различий между конвенциональными представлениями, присущими различным профессиональным медиасообществам о базовых категориях профессиональных дискурсов, между социальными репрезентациями в различных медиатекстах и между социальными детерминантами моделей познания, принятых в том или ином медиасообществе. В качестве эмпирического материала выступали:

а) вербально сформулированные мнения журналистов, рекламистов и PR-специалистов об «объективной информации», «новости» и «экспертном знании»; медиатексты и учебно-образовательные тексты, содержащие репрезентации этих категорий (*техники нестандартизированного интервью и дискурс-анализа медиатекстов*);

б) «стихийные» высказывания журналистов, рекламистов и PR-специалистов о социальном характере производимой ими информации (*техника невключённого полустандартизированного наблюдения*);

в) содержание и «эпистемическая» организация медиатекстов, в которых репрезентируются важные с точки зрения профессионалов социальные события и проблемы (*техники контент-анализа и дискурс-анализа медиатекстов*).

В качестве ключевых типов медиатекстов мы определяем тексты журналистского, рекламного и PR-дискурсов.

Различия в социальной предметной области. В журналистском дискурсе социальный мир манифестируется как область постоянных событийных процессов, в ходе которых вырабатывается, критикуется и реформируется сеть договорных отношений; социальный мир показан как мир взаимных притязаний, решений и договоров. Именно «договорно-конфликтной» концепцией социального мира обусловлен чрезвычайно высокий интерес журналистов к отображению конфликтов, скандалов, событий с участием «знаковых» медийных личностей, резонансных заявлений и т.п. Примеры заголовков журналистских публикаций в общественно-политическом издании: *В Сибири отключают отопление в 40-градусные морозы. На склонах Домбая 50 бизнесменов работают без лицензи. Депутатам Госдумы разрешили подбирать помощников через Twitter. ВТБ прекратил сотрудничество с Адагамовым вслед за «Мегафоном».*

В то же время в рекламном дискурсе социальный мир конституируется как объект воздействий и преобразований, как несовершенная действительность, требующая скорейшего конюмеристского вмешательства. Социальный мир в рекламном дискурсе представлен как парадоксальное единство потребностей и ресурсов, желаний и соблазнов, недостатков и идеалов. Действительность, репрезентируемая явно или скрыто как несовершенная и дискомфортная, «достраивается» с помощью объектов рекламы и трансформируется в рекламных сообщениях в преимущественно идеальный мир. Такова, например, реклама компании Benetton Group SpA, на которой изображены обнимающиеся глава Католической церкви и духовный лидер мусульман и размещена подпись *Unhate* («Разненавидеть»), или реклама комплекса услуг премиум-класса Сбербанк со слоганом «*Для одних роскошь, для первых свобода*».

PR-дискурс в этом отношении тоже репрезентирует социальную действительность как требующую оптимизации, однако оптимизация строится в этом случае не на основе негативной оценки текущего положения дел (как часто наблюдается в рекламном дискурсе), сколько на предьявлении «лучшего варианта» действительности. В PR-дискурсе происходит очевидная ре-акцентуация фрагментов социального мира, что можно наблюдать на примере следующих заголовков PR-материалов: *Валаам: и на камнях растут арбузы. Oracle: король баз данных готовится к захвату новых владений. На лечение, как на праздник. Хороший театр начинается не с вешалки, а с надписи на кассе «все билеты проданы». Хочешь динамично развиваться – ходи в середнячках.*

Если в журналистском дискурсе социальный мир изображен как *результат и предмет договора*, в рекламном – как *объект воздействия и преобразований*, то в PR-дискурсе – как *проект*, который требует постоянной доработки и апробации.

Различия в целях медийных дискурсных практик. Журналистский дискурс из всех типов медиадискурса наиболее очевидным образом ориентирован на *репрезентацию* социальной действительности: сообщить, описать, комментировать, обобщить, представить, объяснить – это основные когнитивные операции, которые реализует субъект журналистской дискурсной практики. Журналист семиотизирует действительность, «замещает» её с помощью конвенциональной семиотической системы (например, принятых в журналистике системах жанровых правил или фото- и видеорепрезентаций), ориентируясь при этом на базовый для журналистики принцип объективности, представление о которой существенно отличается от принятого, например, в области связей с общественностью. *Томск. 6 января. ИНТЕРФАКС – Глава МЧС России Владимир Пучков и министр регионального развития Игорь Слюняев прибыли с инспекционной проверкой в Томскую область. Спецборт приземлился в аэропорту Богашево в 05:50 мск. Министры проверяют готовность объектов ЖКХ и жизнеобеспечения населения и их работу в условиях морозов* (<http://www.interfax.ru/news.asp?p=20>). В этом достаточно типичном примере объективность достигается за счёт отсутствия субъективно-окрашенных высказываний и использования фактуальной информации, доверие к которой обусловлено общими фоновыми представлениями автора и читателя о предмете сообщения (официальные лица, социальная ситуация) и об источнике информации. Журналист указывает на событие, маркируя основные его составляющие, не затрагивая при этом сферу интересов ни предмета коммуникации, ни себя как источника информации.

Рекламный дискурс преследует преимущественно *нормализующие* цели. Оценочный характер рекламных текстов, чрезмерная категоризация социального мира, стереотипичный и афористичный характер рекламных высказываний, стимулирование процессов запоминания и внимания – эти особенности организации познания в рекламном дискурсе характеризуют его направленность на преобразование действительности. Эту особенность рекламы можно проследить на примере слоганов: *улучшая жизнь городов, создаём лучшее будущее; управляй мечтой; приближаем цели, открываем возможности; безупречный вкус в новом исполнении; страсть к совершенству.* Социальная действительность «приватизируется» рекламным дискурсом, переводится во внутренний план и реартикулируется в рекламных сообщениях в соответствии с прагматическими установками (нормами) коммуникаторов.

PR-дискурс направлен на создание «оптимальной» картины действительности, в которой нежелательное компенсируется желательным, неудобное сочетается с более удобным, негативное имеет альтернативу в виде позитивного. Это можно иллюстрировать примерами из PR-материалов и высказываний PR-специалистов: *окурок – это та же сигарета, но с богатым жизненным опытом; Даниил Зейман: в интерьере должен самовыражаться хозяин, а не автор проекта; конфликт делает историю горячее; нет спроса на сообщения, есть спрос на факты, но из них складываются истории; компании удалось извлечь выгоду из пребывания в финансовой пропасти.* Промоцийный дискурс не стремится к вымещению нежелательных фрагментов действительности – он их *оптимизирует*.

Различия в когнитивных средствах представления действительности. В журналистском дискурсе ключевую роль в репрезентации социального мира играют *принципы* как базовые положения, представления и установки познавательной-конструирующей деятельности. Таковыми являются принципы объективности, гуманности, конфиденциальности, свободы слова, социальной ответственности и т.п. Поскольку принципы представляют собой когнитивные «пред-установки» (Г. Гадамер) относительно социальной действительности, журналистский дискурс в значительной степени строится на уже сформированной модели социального мира, в соответствии с которым происходит отбор информации и «производство» знания.

Рекламный и PR-дискурс в большей степени оперируют не только разделяемыми в профессиональном сообществе принципами, но и в не менее значимой степени – профессиональными *прагматическими представлениями* и правилами познания (когнитивными клише). Об этом свидетельствуют многие высказывания представителей рекламной и PR-среды, наиболее показательными из которых являются следующие: *«в PR в большом ходу идея о том, что пиарщики не искажают мир, а моделируют его соответствующим образом», «сначала я хочу понять, чего от меня ждёт заказчик, затем – чего не хватает потребителю. Если эти две перспективы принципиально совместимы, я берусь за работу», «это миф, что в PR нельзя говорить о проблемах – проблемы это то, что позволяет показать, как мы удачно что-то применили и изменили вещи к лучшему».* Информация о социальном мире «фильтруется» и перерабатывается субъектами рекламного и PR-дискурса в зависимости от профессиональной задачи и конкретных предписаний к содержанию рекламных сообщений. Производи-

мое знание обосновывается преимущественно утилитарным эффектом – либо незамедлительным, как в рекламной коммуникации, либо отсроченным, как в PR-коммуникации.

Различия в конвенциональных представлениях о базовых категориях медиадискурсов. К базовым категориям медийных дискурсных практик (журналистика, реклама, связи с общественностью) отнесём категории «объективности», «новости» и «экспертного знания». Несмотря на кажущуюся «естественность» и «понятность» содержания этих категорий, оно варьируется в зависимости от типа медиадискурса. Анализ мнений представителей профессиональных медиасообществ, содержания медиатекстов и учебно-образовательных текстов были получены общие результаты, свидетельствующие об этих различиях.

Трактовки *объективности* в журналистике разнятся – от понимания её как соответствия пропозиции высказываний фактам действительности до интерпретации объективности как представленности в журналистском тексте всех существующих значимых точек зрения на предмет репрезентации [подробнее см. Кожемякин, 2011]. Следствия такой полифонии трактовки объективности очевидны: это ряд методологических и даже этических проблем. Если журналисты принимают фактуалистскую точку зрения, в соответствии с которой объективность понимается как точная репрезентация действительности, то они признают, что объективность характерна только для материалов, выполненных в информационных жанрах, поскольку одним из ключевых их жанрообразующих признаков является отсутствие личного мнения журналиста, эмоциональная нейтральность и информационная точность. Также, если принимается фактуалистская точка зрения, то признаётся универсальность научных процедур оценки объективности и достоверности журналистских материалов. Но в то же время это далеко не всегда достижимо. Так, для журналистского метода вполне допустимым является обращение к приему *exemplum*, при котором общее выводится из незначительного количества ярких частных примеров. Если же журналистами-практиками принимается теоретическая точка зрения (объективность есть производное от «теории» - мировоззрения и идеологии журналиста, политики редакции, формата СМИ, представлений об ожиданиях аудитории), то признаётся высокая степень релятивизма журналистской деятельности и «оправданность» ангажированности журналистов. Это в свою очередь означает, что этот подход к журналистскому творчеству направлен на постоянный поиск оснований журналистского знания, «подтекстов» и «подоплек», скрытой идеологической рамки, порождающей те или иные журналистские тексты.

Трактовки объективности в рекламном и PR-сообществах не столь разнообразны. Для рекламистов и PR-специалистов существенным является установление связи между объективным фактом и интересами «заказчика». В этом отношении нормы объективности содержания медиатекста определяются его отношением к «воле» иницилирующего коммуникацию субъекта, которая трактуется представителями рекламного и PR-сообществ как «объективное условие их профессиональной деятельности», а значит и как условие возможности самих медиатекстов. Уточним, что представления о «заказчиках» разнятся: это могут быть как руководители организаций, сотрудниками которых являются PR-специалисты, как рекламодатель, так и «аудитория» и «рынок» как объективированные в представлениях профессионалов категории, содержанием которых часто выступает «реальная аудитория» в лице конкретных потребителей или клиентов, с которыми был опыт взаимодействия у рекламистов и PR-специалистов.

В целом эта категория оказывается второстепенной в рекламном дискурсе, уступая место категории эффективности, выражающей результат соотношения цели и результата дискурсной практики. В PR-дискурсе более значимой является категория гармонизации, основанная на различении прагматических установок коммуникатора и «внешних обстоятельств» («среды»).

Содержание категории «новость» также различается в медийных дискурсных практиках. В журналистике новость принято трактовать как изменение какого-либо фрагмента действительности, своевременно освещенное в СМИ, которое представляет интерес и ценность для большого количества аудитории, или факт, который вписывается в формат СМИ и о котором еще не было сообщено ранее. Новость, в понимании PR-специалистов, – это средство привлечения внимания к фирме, клиенту, бренду. Главная цель использования новости в PR-дискурсе – увеличение количества упоминаний в СМИ о продвигаемом объекте. В PR-практике сами профессионалы обычно выделяют три вида новизны сообщения: новое о неизвестном; новое об известном; новое отношение к известному всем объекту. В журналистских текстах новость представлена как уже свершившийся факт. В PR-дискурсе новость часто представлена в виде нарратива, поскольку это соответствует компактному предоставлению информации и способствует ее лучшему запоминанию, что в целом усиливает воздействующий эффект.

Что касается категории «экспертное знание», то в целом для всех медийных дискурсных практик характерно следующее допущение: за определенными высказываниями будет за-

крепляться статус истинных, правильных, если они будут произнесены определенными (авторитетными) лицами. В случае рекламных и PR-сообщений таковыми часто выступают эксперты в достаточно узкой прикладной области. Эксперт в рекламе позволяет нам увидеть ненаблюдаемое, взглянуть как бы в «суть» рекламируемого товара, обнаружить в нём то, что недосягаемо «непосвященному» зрителю. При этом важной является попытка связать наблюдаемые экспертом и невидимые потребителям качества товара с типичной, узнаваемой зрителем обстановкой, в которой презентуется товар в рекламном тексте.

Различия в критериях суждений об объектах. Все описанные выше характеристики позволяют сделать выводы о наличии значимых различий в критериях суждений об объектах познания, устоявшихся в трёх типах медиадискурса. Для журналистского дискурса наиболее типичными критериями суждений о социальных феноменах являются «нормально / ненормально» и «логично / нелогично» (в контексте преимущественно здравого смысла, а не положений формальной логики). Для рекламного и PR-дискурсов характерным являются критерии «эффективно / неэффективно» и «полезно / бесполезно» (в терминах целеполагания коммуникатора).

И наконец, можно наблюдать существенные различия в социальных ролях субъектов дискурса. Если для субъектов журналистского дискурса характерна самоманифестация в качестве «ответственных аналитиков», то для субъектов рекламного дискурса – в качестве «заинтересованных экспертов», а для субъектов PR-дискурса – в качестве «анонимных инженеров». Эти социальные роли, на наш взгляд, определяются не столько «внутренней», социальной или культурной предрасположенностью субъектов, сколько социально-эпистемологическими особенностями дискурсной практики, в которую они вовлечены.

Список литературы

1. Кожемякин Е.А. Объективность как философская категория в журналистском дискурсе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. – №18(113). – Вып. 11. – 2011. – С. 187 – 195.
2. Луман Н. Реальность массмедиа. – М.: Практикс, 2005.
3. Луман Н. Самоописания. – М.: Логос, 2009.
4. Talbot M. Media Discourse. Representation and Interaction. Edinburgh University Press, 2007.
5. Wade Lisa. Journalism, advocacy and the social construction of consensus // Media, Culture & Society. November 2011 33: pp. 1166 – 1184.

SOCIAL EPISTEMOLOGICAL FEATURES OF MEDIA DISCOURSES

E. A. Kozhemyakin

**Belgorod National
Research University**

e-mail:

kozhemyakin@bsu.edu.ru

The article deals with the general description of key social epistemic features of the journalistic, advertising and PR discourses. It reveals the content of main categories as extremely wide notions anchored in the discourses, and the goals and social functions of media discourses in relation with the criteria of reasoning on objects which are characteristic to the discourses.

Keywords: media discourse, social epistemology, epistemic features of discourse.

ПОСТРОЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ПЕЧАТНОМ ДИСКУРСЕ СМИ*

И. О. Окунева

*Российский
государственный
гуманитарный
университет, г. Москва*

*e-mail:
sesh777@yandex.ru*

Построение эффективной аргументации в российских и американских печатных СМИ рассматривается с точки зрения использования эмоционального и этического компонентов дискурса. В статье обсуждаются цели и особенности использования этого компонента дискурса СМИ; а также способность читателя дешифровать и понять истинные мотивы автора текста и/или лиц, о которых идет речь в сообщении.

Ключевые слова: авторская оценка, аргументация, дискурс, идеологический фон, логическое обоснование, общественное мнение, пресса, пропаганда, система ценностей, СМИ, эмоции, эмоциональный компонент, этические нормы, этический компонент.

Статья посвящена рассмотрению роли эмоционально-этической составляющей в построении эффективной аргументации в российском и американском печатном дискурсе СМИ. В работе рассматриваются следующие вопросы:

1. Какую цель преследуют СМИ, оказывая воздействие на эмоционально-оценочную и этическую сферы читателей?
2. Как читатель может дешифровать и понять истинные мотивы автора текста и / или лиц, о которых идет речь в сообщении?
3. В чем особенности эмоционального и этического компонентов дискурса российских и американских печатных СМИ?

В сферу деятельности СМИ помимо информационной функции входят следующие аспекты: формирование общественного мнения, создание определенного идеологического фона, пропаганда той или иной системы ценностей [11: 19]. СМИ прямо или опосредованно, в открытой или скрытой форме влияют на все социально-политические процессы в обществе [11: 20]. Однако чтобы достичь этой глобальной цели, каждое отдельное сообщение должно учитывать потребности конкретной аудитории, быть лично ориентированным, вызывать интерес и участие каждого отдельного читателя, зрителя или слушателя.

В задачи СМИ входит не просто сообщить аудитории нужную мысль, но и

- 1) настроить читателей на принятие одной информации и отвержение другой,
- 2) сформировать внутреннюю готовность следовать определенной модели поведения,
- 3) побудить к действиям.

Стимулом к действию может служить эмоция, которую испытывает адресат. О тесной связи между идеей и ее эмоциональной составляющей писал еще Л. С. Выготский: «сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция» [10, с. 333]. Именно эмоция дает силу мысли, превращая ее в намерение. Таким образом, одна из задач СМИ заключается в мотивации читателя при помощи эмоционального воздействия либо к совершению активных действий, либо к принятию определенной позиции, т.е. к деятельности внутреннего характера.

Выявление аффективно-волевой подоплеки высказывания, раскрытие мотивов, приводящих к возникновению мысли и управляющих ее течением может помочь читателю понять истинную цель автора текста. Л. С. Выготский отмечает: «понимание мысли собеседника без понимания его мотива, того, ради чего высказывается мысль, есть неполное понимание» [10, с. 334], мышление нужно рассматривать в «единстве аффективных и интеллектуальных процессов» [10, с. 20]. Только при таком подходе становится возможным «раскрыть прямое движение от потребности и побуждений человека к известному направлению его мышления и

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы, мероприятие 1.3.1 – II очередь, Государственный контракт № 16.740.11.0290 от 07 октября 2010.

обратное движение от динамики мысли к динамике поведения и конкретной деятельности личности» [10, с. 20].

В ходе своего развития человек переходит от наглядного опыта к отвлеченному, от чувственного к рациональному [14, с. 14], от конкретного к абстрактному [13, с. 12]. В этом переходе ключевую роль играет мышление человека. Именно в сознании происходит оценка человеком видимого и ощущаемого мира конкретных объектов и его трансформация в абстрактные понятия и рациональные умозаключения. В процессе такого анализа человек создает вербальные обозначения своего осмысленного опыта, который неизбежно содержит индивидуальную личностную оценку наблюдаемого явления. Так между настоящим положением вещей и его вербальным выражением неизбежно встают особенности мыслительной деятельности передающей личности – автора текста. На мышление автора текста в свою очередь оказывает влияние идеологическая среда и социальные ценности той общности, к которой он принадлежит. Личная оценка происходящего события или факта может накладываться на социальную или подменяться ею. В этом случае нужно учитывать то, что социальная оценка истолковывает мир не с целью объективного познания, а с целью оправдания тех или иных групповых интересов [9, с. 162]. Таким образом, выявление способов передачи скрытых оценок и описание принципов расставления акцентов при подаче материала может способствовать раскрытию истинных мотивов автора текста и/или лиц, о которых идет речь в сообщении.

В классической риторике при построении доказательства и аргументации говорящий, как правило, пользуется логическим обоснованием (*logos*), апелляцией к этическим нормам (*ethos*) и обращением к чувствам и эмоциям адресата (*pathos*) [6, с. 5 – 148; 2, с. 42]. Топосы *логос – этос – патос* обусловлены причинами, вызывающими доверие к говорящему: *рассудительность – добродетельность – доброжелательность* [6, с. 59] и соотносятся со способами выражения мысли в речи: *ясность – правильность – наглядность* [15, с. 209 – 210]. Степень наличия в тексте каждого из трех элементов варьируется в зависимости от жанра, особенностей целевой аудитории и авторского стиля. Даже повествование, имеющее целью только вызвать эмоциональный отклик аудитории, должно содержать в себе элементы логики (*logos*), которые заключаются в следовании правилам построения высказывания, использовании абстракций и отвлеченных понятий, и следовании правилам разумности и рациональности организации речи. Логическое построение повествования и отбор фактов отражают особенности мышления представителей того или иного культурно-языкового сообщества и необходимы, чтобы сообщение было понято и принято ими.

С помощью этического компонента высказывания автор активизирует в сознании читателей важнейшие ценности, национально-культурные стереотипы и этические нормы, регулирующие поведение человека в обществе. С помощью этой составляющей повествования авторы стремятся указать на приемлемость или неприемлемость в обществе предмета сообщения. Аристотель к этике (*ethos*) относил только личностные характеристики говорящего [1, с. 10]. Мы вслед за Майклом Драутом будем говорить об этике в более широком смысле, причисляя к этой категории общую этику, нравственность, моральные устои и нормы, регулирующие поведение людей в обществе [2, с. 43].

Аристотель отмечал, что следование логике и этике недостаточно для того, чтобы вызвать личностный интерес адресата. Необходимо затронуть его эмоционально. Этой цели служит третья составляющая эффективной аргументации – *pathos*, т. е. обращение к чувствам и эмоциям адресата. Эмоциональная составляющая (аффективно-волевой компонент) может являться как основой повествования, так и быть представленной в незначительной степени, но она обязательно присутствует хотя бы в скрытом виде, как, например, в замечаниях: «это важно», «нужно заметить» или «не имеет большого значения...» и т. п.

Обращение к чувствам и эмоциям читателя используется в следующих случаях. Первый имеет целью сформировать у читателя личностную вовлеченность в решение проблемы, указать на то, что обсуждаемая в статье проблема затрагивает каждого читателя в отдельности. Второй случай – это недостаточность логических и этических обоснований и необходимость поиска дополнительных аргументов. В-третьих, к эмоциональной составляющей прибегают, чтобы смягчить категоричность логических заключений, ослабить серьезность неточностей в рассуждениях. В-четвертых, апелляция к определенным чувствам и эмоциям позволяет сделать сообщение личностно ориентированным и, тем самым, поддерживать интерес читателя на протяжении всего повествования, а также сформировать в сознании адресата собственную заинтересованность в решении этих проблем.

Итак, любое повествование содержит логику, этику и эмоциональную составляющую. Искусство оратора состоит в том, чтобы подобрать их нужную пропорцию с учетом целей, специфики аудитории и других сопутствующих предъявлению текста факторов. В качестве примера можно привести распространенное в американских юридических университетах высказывание: "When the facts support your case, argue the facts. When the law supports your case, argue the law. And when neither the facts nor the law support your case, pound on the table" [цит. по 2, с. 44] – Когда факты говорят в пользу твоего случая, ссылайся на факты. Когда закон на твоей стороне, ссылайся на закон. Но когда ни факты, ни закон не могут помочь, стучи кулаком по столу [перевод наш – И. О.].

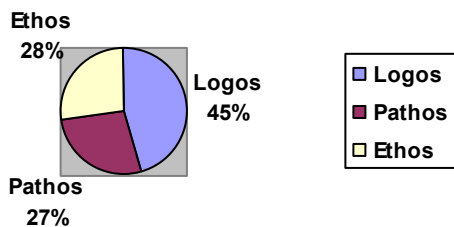
Исходя из того, что задача СМИ заключается в объединении мыслей и действий людей с целью поддержания единой идеологии в обществе, усилия отдельных авторов преимущественно направлены на устранение прежних разнородных, трудно контролируемых или враждебных убеждений, и внедрение унифицированного шаблона мышления. Это достигается путем приведения аргументов в пользу желаемой концепции и критики или игнорирования нежелательной. Однако такой процесс нельзя осуществлять резко и явно. Для этого в прессе присутствует некоторый процент оппозиционных воззрений, который, при возможности, подвергается обсуждению с учетом доминирующей идеологии. В случае если сообщение носит более частный, узконаправленный характер, доминантой выступают морально-этические ценности. Они нередко усиливаются эмоциональной нагрузкой с целью дать нужную оценку объекту или явлению, разделить элементы сообщения по принципу «свой-чужой», непосредственно призвать адресата к действию или вынудить дать нужный автору текста ответ.

Анализируя стилистическое своеобразие функциональных стилей, И. В. Арнольд отмечает, что стили различаются между собой не столько наличием специфических элементов, сколько специфическим их распределением, поэтому наиболее показательной характеристикой функционального стиля является характеристика статистическая [7, с. 181]. Подобный принцип анализа, на наш взгляд, применим к исследованию стилистических особенностей русскоязычного и англоязычного печатного дискурса СМИ.

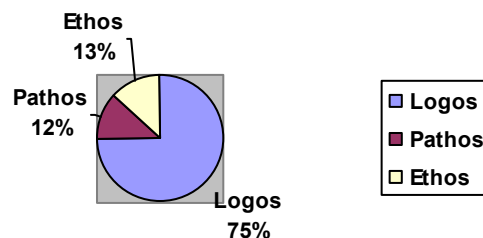
Обсуждение результатов

В качестве иллюстрации рассмотрим типичные статьи о разногласиях, написанные для широкой публики. Тексты относятся к сфере экономики и финансов и взяты из американской газеты «The New York Times» [5]: (1) «The Good, Bad and Ugly of Capitalism», (2) «Why I Am Leaving Goldman Sachs», (3) «Mean Street: Goldman's Problem Is Destiny, Not Greg Smith», (4) «The Losers in the El Paso Corp. Opinion»; и российских изданий «Ведомости» [8]: (5) «Громкий чих», (6) «ВТБ вернет нажитое непосильным трудом», (7) ««Газпром» ответит за добычу и продажи», и «Независимая газета» [16]: (8) «Претензии «Газпрома» на равнодоходность оказались под вопросом».

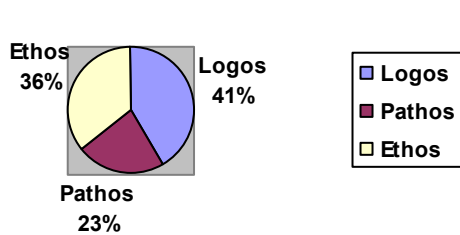
На следующих рисунках показано процентное соотношение риторических элементов аргументации: *logos*, *ethos*, *pathos* в российских и американских печатных дискурсах. Исследование проводилось методом контекстуального анализа на основе закона номинативной дробности, теории аргументации, с использованием сравнительно-сопоставительного метода и контент-анализа (А.Н. Баранов; В. Verelson).

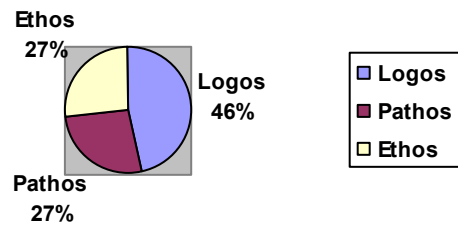
Статья 1 "The Good, Bad and Ugly of Capitalism"

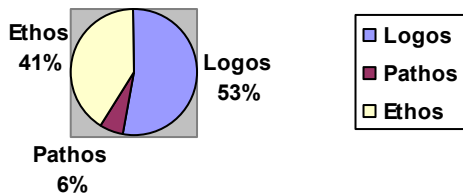
Статья 4 "The Losers in the El Paso Corp. Opinion"

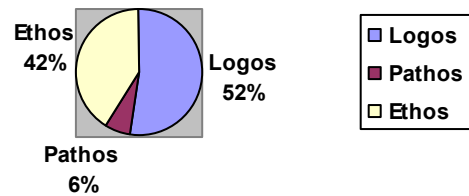
Статья 2 "Why I Am Leaving Goldman Sachs"

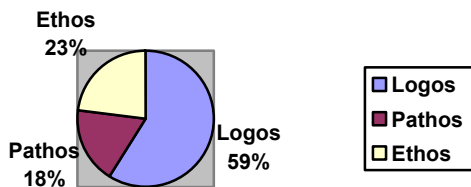
Статья 3 "Mean Street: Goldman's Problem Is Destiny, Not Greg Smith"

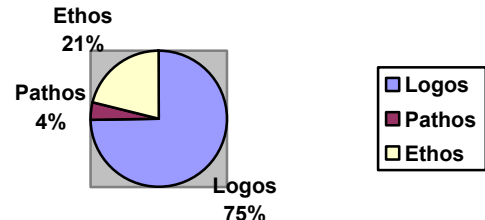
Статья 5 "Громкий чих"

Статья 6 "ВТБ вернет нажитое непосильным трудом"

Статья 7 "Претензии «Газпрома» на равнодоходность оказались под вопросом"

Статья 8 "«Газпром» ответит за добычу и продажи"

Статьи из российских и американских газет объединяет то, что логическая составляющая повествования всегда значительно превышает этическую и эмоциональную. Даже в статьях, имеющих явно выраженную обличительную направленность, таких как «Why I Am Leaving Goldman Sachs», «The Good, Bad and Ugly of Capitalism», «Претензии «Газпрома» на равнодоходность оказались под вопросом», «ВТБ вернет нажитое непосильным трудом», логический компонент составляет не менее 41 % текста. Логическая составляющая представлена использованием имен, цифр, фактов, силлогизмов, т.е. умозаключений, в которых на основании нескольких суждений выводится новое, являющееся выводом. В российских статьях логический компонент представлен сильнее, чем в американских: (6) 52 %, (5) 53 %, (8) 59 %, (7) 75 % (рос.); (2) 41 %, (1) 45 %, (3) 46 %, (75) % (амер.).

Эмоционально-оценочный компонент в американских печатных СМИ представлен шире, чем в российских: (1) 27 %, (3) 27 %, (2) 36 %, (4) 12 %; в российских (7) 4 %, (5) 6 %, (6) 6 %, (8) 18 %. С помощью эмоционального компонента американские журналисты усиливают лич-

ную оценку и/или апеллируют к определенным чувствам читателей. Этим обуславливается то, что американские статьи более лично-ориентированы, чем российские. В российской традиции предпочтение отдается ссылкам на признанные авторитетные источники или мнение большинства, иллюстрируемые цитатой отдельного представителя; в американской – на уважаемое мнение известных, влиятельных и/или компетентных лиц с обязательным указанием их имен. Приведем некоторые примеры.

– Российская пресса: *Но экономисты считают сам подход «Газпрома» несправедливым* [16: 27 марта 2012: Претензии «Газпрома» на равнодоходность оказались под вопросом]; *Однако эксперты не согласны. Общий спрос действительно зависит от погоды, а вот продажи конкретной компании – исключительно от искусства продавать, от умения работать с клиентами, от условий контрактов и цен, отмечает директор East European Gas Analysis Михаил Корчемкин* [8: 23 марта 2012: «Газпром» ответит за добычу и продажи];

– Американская пресса: *In the speech, Schultz plans to make a direct link between Starbucks's record profits and this larger societal role the company has embraced. He will make the case that companies that earn the country's trust will ultimately be rewarded with a higher stock price. "The value of your company is driven by your company's values," he plans to say* [5: March 16, 2012: The Good, Bad and Ugly of Capitalism]; *In what is one of the more hilarious asides in the pantheon of Strine opinions, the judge describes a call that the chief executive of Goldman Sachs, Lloyd C. Blankfein, made to Mr. Foshee to thank him for retaining Goldman Sachs. Chancellor Strine then states in a footnote that "certain chancery staff have experienced a troubling side effect to reading this evidence: Lionel Richie's 1980's treacle, 'Hello,' came to mind and is stuck in their heads."* [5: March 1, 2012: The Losers in the El Paso Corp. Opinion]; *I believe I have worked here long enough to understand the trajectory of its culture, its people and its identity. And I can honestly say that the environment now is as toxic and destructive as I have ever seen it* [5: March 14, 2012: Why I Am Leaving Goldman Sachs].

Этический компонент в СМИ обеих стран представлен в относительно равной пропорции: (7) 21 %, (8) 23%, (5) 41 %, (6) 42 %, в американских: (4) 13%, (3) 27 %, (1) 28 %, (2) 36 %. Однако наблюдается разница в процентном соотношении *этоса* и *пафоса* в прессе каждой из стран в отдельности. В американском печатном дискурсе доли равны. В российской прессе этический компонент преобладает над лично-ориентированным. Это свидетельствует о доминировании в России общественного интереса над личным, что объясняет распространенное стремление оправдывать свое поведение следованием традициям и принятым в обществе тактикам поведения с целью:

а) снятия с себя ответственности и передачи ее неизвестному субъекту в силу естественного хода событий при помощи таких средств языка, как безличные или пассивные конструкции, неопределенные местоимения, лексика с широкой семантикой: *Так само получается, что я теперь специализируюсь по недострою* [8: 23 марта 2012: Громкий чих]; *В какой-то момент пошли слухи...* [8: 23 марта 2012: Громкий чих];

б) указания на препятствия, представленные непреодолимыми обстоятельствами или лицами, чьи полномочия или мнение подсознательно воспринимаются людьми как таковые. Это настолько естественно воспринимается обществом, что нередко становится объектом иронии: *Но у директоров вопросов не возникло: руководители концерна заявили, что все идет по плану, даже с превышением, добавляет участник заседания совета. И аргументы про исключительную значимость погоды также не вызвали удивления, недоумевает он. «К сожалению, поставки энергоносителей больше зависят не от «Газпрома», а от погоды, от всевышнего, что называется, – подтверждает член совета директоров «Газпрома»* [8: 23 марта 2012: «Газпром» ответит за добычу и продажи].

В американской традиции общепринятое мнение, как правило, не служит средством оправдания каких-либо действий или бездействия. Оно указывает на впечатление, которое объект производит на наблюдателей, его образ в некоторый отрезок времени в глазах общественности. Для этого используется грамматическая форма сложного подлежащего или пассивного залога: *Corporation appears to be a big win for the two companies* [5: March 1, 2012: The Losers in the El Paso Corp. Opinion]; *Mr. Foshee was supposed to be getting the maximum price for El Paso out of Kinder Morgan. Instead, <...> Mr. Foshee appeared more interested in currying Kinder Morgan's favor* [5: March 1, 2012: The Losers in the El Paso Corp. Opinion]; *Goldman is described as also having an incentive for a sale* [5: March 1, 2012: The Losers in the El Paso Corp. Opinion].

Ссылаясь на общеизвестные истины и цитируя мудрые изречения, в американской прессе авторы стремятся сопровождать эти высказывания своим собственным комментарием: *It astounds me how little senior management gets a basic truth: If clients don't trust you they will eventually stop doing business with you. It doesn't matter how smart you are* [5: March 14, 2012: Why I Am Leaving Goldman Sachs]; *Now as I look back, over a decade later, I've come to see that things are often the way they have to be. It's hard to fight destiny, especially when you fight, as Mr. Smith is, with naivete and nostalgia instead of logic and reason* [5: March 15, 2012: Mean Street: Goldman's Problem Is Destiny, Not Greg Smith]; *It's a war that he can never win – even if he wins the battle against a disgruntled mid-level VP* [5: March 15, 2012: Mean Street: Goldman's Problem Is Destiny, Not Greg Smith]; *Sometimes, the best way to do well really is to do good* [5: March 16, 2012: The Good, Bad and Ugly of Capitalism].

В российской традиции в качестве доказательства может служить ссылка на известную истину, выраженная крылатой фразой: **Но нет правил без исключений. Ведь перед выборами порой происходят события, которые никогда бы не случились** [8: 10 февраля 2012: ВТБ вернет нажитое непосильным трудом]; **И в итоге, даже если их мнение не проигнорируют, оно будет учтено не сразу и не в полном объеме, в лучших традициях нашей отечественной бюрократии** [8: 10 февраля 2012: ВТБ вернет нажитое непосильным трудом].

Успех автора в сфере СМИ в значительно степени обуславливается знанием и соблюдением традиций аргументации в той или иной стране. От умения учитывать эти особенности зависит то, насколько убедительным для читателей будет звучать его текст. Аппеляция автора к традиционным ценностям, использование характерных для определенной языковой общности средств и приемов аргументации, в свою очередь, указывает на заинтересованность автора в том, чтобы читатель воспринял нужным образом сообщаемую информацию. Основываясь на этом знании, читатель может дешифровать и понять истинные мотивы автора текста и/или лиц, о которых идет речь в сообщении.

Журналист может преследовать следующие цели: оказать эмоциональное воздействие на читателя, подчеркнуть один вид информации и ослабить другой, сократить или увеличить дистанцию между собой как автором и читателем, подать некоторое событие или явление под нужным углом зрения, и тем самым сформировать у читателя нужную оценку. Для достижения этих целей авторы используют стилистические средства следующих уровней языка: морфологический (личные местоимения в организации повествования, стилистические возможности глагола, существительного, наречия, прилагательного в создании образов, так называемые «транспозиции» («переосмысление») [термин 7: 100, 114]), уровень образов (метафора, олицетворение / персонификация, сравнение, метонимия, эпитет, гиперболы, мейозис, ирония и др.), лексико-семантический уровень (фразеологизмы, полисемия, лексика с абстрактным значением и т.п.), синтаксический уровень (риторический вопрос, повелительное наклонение, модальные конструкции, обращение к читателю и др.), сочетание функциональных стилей (разговорный или просторечный стиль на фоне нейтрального). Рассмотрим употребление этих стилистических средств на примерах.

В американской прессе предпочтение отдается местоимениям *I* и *you*. Это делает повествование более лично-ориентированным, чем в русскоязычной традиции. Автор обращается к читателю напрямую и сам несет ответственность за свои слова. Такое поведение вызывает у читателя доверие и уважение. Если журналист ссылается на чужое мнение, из повествования должно быть ясно, кому принадлежит эта мысль. Поэтому в американских СМИ больше, чем в российских распространено использование имен собственных: *When the history books are written about Goldman Sachs, they may reflect that the current chief executive officer, Lloyd C. Blankfein, and the president, Gary D. Cohn, lost hold of the firm's culture on their watch. I truly believe that this decline in the firm's moral fiber represents the single most serious threat to its long-run survival* [5: March 14, 2012: Why I Am Leaving Goldman Sachs]; *Whatever you may think of Greg Smith's resignation from Goldman Sachs – and I happen to think very little of it – you should admire his flair for publicity* [5: March 15, 2012: Mean Street: Goldman's Problem Is Destiny, Not Greg Smith]; *It bothers me every time I hear it* [5: March 14, 2012: Why I Am Leaving Goldman Sachs]; *I knew it was time to leave when I realized I could no longer look students in the eye* [5: March 14, 2012: Why I Am Leaving Goldman Sachs].

В российских изданиях личные местоимения первого лица единственного числа встречаются значительно реже, чем в американских, и часто употребляются в коротких высказываниях как бы между прочим: *у меня лично почти нет сомнений, что <...>* [8: 23 марта 2012:

Громкий чих]; <...> и мой любимый Harvey Nichols [8: 23 марта 2012: Громкий чих]. В российской традиции больше распространена ссылка на общественное мнение и использование местоимения «мы»: *А мы в очередной раз убедимся, что улучшение инвестиционного климата в России – это всего лишь креативный предвыборный лозунг, и не более того* [8: 10 февраля 2012: ВТБ вернет нажитое непосильным трудом]; *...и впечатлений хватит на неделю, как нам когда-то от часов с кукушкой* [8: 23 марта 2012: Громкий чих]; *Для ленинградцев ДЛТ был тем же, чем для москвичей и гостей столицы «Детский мир», а для меня, как жителя Таганки, – «Звездочка»* [8: 23 марта 2012: Громкий чих].

На морфологическом уровне в обоих языках яркие образы создаются при помощи транспозиции в форме метафоры, в частности, олицетворения, эпитета, сравнения, метонимии, гиперболы, иронии и др. Обратимся к примерам.

– Американская пресса: *“It makes me ill how callously people talk about ripping their clients off,” Smith wrote* [5: March 16, 2012: The Good, Bad and Ugly of Capitalism]; *You don’t have to be a rocket scientist to figure out that the junior analyst sitting quietly in the corner of the room hearing about “muppets,” “ripping eyeballs out” and “getting paid” doesn’t exactly turn into a model citizen* [5: March 14, 2012: Why I Am Leaving Goldman Sachs]; *I hope this [article] can be a wake-up call to the board of directors* [5: March 14, 2012: Why I Am Leaving Goldman Sachs]; *Goldman views clients as pigeons to be plucked* [5: March 16, 2012: The Good, Bad and Ugly of Capitalism]; *And I can honestly say that the environment now is as toxic and destructive as I have ever seen it* [5: March 14, 2012: Why I Am Leaving Goldman Sachs]; *Wall Street has become a place where sleazy practices are the norm* [5: March 16, 2012: The Good, Bad and Ugly of Capitalism];

– Российская пресса: *С одной стороны, это реверанс перед внутренними инвесторами, которые, что называется, «попали» в 2007 г. С другой – болезненное напоминание инвесторам внешним о сложности ведения бизнеса в России* [8: 10 февраля 2012: ВТБ вернет нажитое непосильным трудом]; *...у меня лично почти нет сомнений, что за проект возьмется вездесущая Ginza – без них в Северной столице не происходит ни один громкий чих* [8: 23 марта 2012: Громкий чих]; *Соответственно, сделка из рыночной превращается в форменный «собес» – с неизбежными очередями и скандалами* [8: 10 февраля 2012: ВТБ вернет нажитое непосильным трудом]; *Нынешние реставраторы обнаружили, что опорные конструкции, возведенные надежной дореволюционной рукой, находятся в прекрасной спортивной форме* [8: 23 марта 2012: Громкий чих]; *... желание концерна повысить цены для промышленных потребителей к уже запланированному было пресечено. Мало того, Федеральная антимонопольная служба предложила лишить «Газпром» монополии на внутреннем розничном рынке* [16: 27 марта 2012: Претензии «Газпрома» на равнодоходность оказались под вопросом]; *На введении принципа равнодоходности газовый монополист настаивает уже много лет* [16: 27 марта 2012: Претензии «Газпрома» на равнодоходность оказались под вопросом]; *Власть пусть и с опозданием, и неуклюже, но пытается сделать что-то полезное для населения* [8: 10 февраля 2012: ВТБ вернет нажитое непосильным трудом].

В ходе исследования было выявлено, что в американской прессе яркие образы преимущественно создаются метафорами (*It makes me ill; ripping their clients off; muppets; ripping eyeballs out; this can be a wake-up call*), гиперболической метафорой (*you don’t have to be a rocket scientist*), эпитетами (*talk callously; toxic and destructive environment; sleazy practices*), сравнениями (*views clients as pigeons to be plucked*).

Для российской прессы при создании образов характерно совмещение иронии и метафоры (*реверанс перед инвесторами; опорные конструкции находятся в прекрасной спортивной форме*), иронии, метафоры и мейозиса (*не происходит ни один громкий чих*), использование эпитетов (*болезненное напоминание; власть неуклюже пытается сделать*), сравнений (*сделка из рыночной превращается в форменный «собес»*), метонимии (*конструкции, возведенные надежной дореволюционной рукой*), олицетворения в виде одушевления бюрократических структур (*желание концерна; Федеральная антимонопольная служба предложила лишить «Газпром»; газовый монополист настаивает*).

На лексико-семантическом уровне образность передается фразеологизмами, широко распространенными в обоих языках: *То ли инвестор собирался продать достопримечательность под штаб-квартиру «Газпрома», а губернатор этого не хотел, то ли, наоборот, хотел – и собирался сам продать, сняв сливки* [8: 23 марта 2012: Громкий чих]; *Однако карты смешал разразившийся кризис, так что сроки были сдвинуты на несколько лет* [16: 27 марта 2012: Претензии «Газпрома» на равнодоходность оказались под вопросом]; *... client interests inevitably took a back seat to those of employees and shareholders* [5: March 15, 2012:

Mean Street: Goldman's Problem Is Destiny, Not Greg Smith]; **Smelling trouble**, it unloaded its worst mortgage bonds by **cramming them down the throats** of its clients [5: March 16, 2012: The Good, Bad and Ugly of Capitalism]; *Mr. Foshee appeared more interested in currying Kinder Morgan's favor in order to make this subsequent purchase* [5: March 1, 2012: The Losers in the El Paso Corp. Opinion]; **Instead of calling Kinder Morgan's bluff**, the chancellor **concluded that Mr. Foshee was a "velvet-gloved" negotiator who inexplicably caved in to Kinder Morgan** [5: March 1, 2012: The Losers in the El Paso Corp. Opinion].

Что касается употребления фраз с абстрактным значением, позволяющих избежать сообщения точных данных, то они более свойственны текстам политического и правового характера. Их использование дает возможность официальному лицу при необходимости изменить линию своего поведения, а журналисту смягчить формулировку, создать некий эвфемизм и сообщить то, о чем прямо сказать он либо не может, либо не хочет. Приведем примеры: *Накануне «Газпром» обратился к чиновникам с предложением дополнительно проиндексировать его цены для промышленных потребителей России на 26,3% в IV квартале. Но в ответ может услышать резкую критику его маркетинговой политики* [8: 23 марта 2012: «Газпром» ответит за добычу и продажи]; *В результате Минэнерго предложит активнее поддерживать независимых производителей газа как опору и основную точку роста отрасли* [8: 23 марта 2012: «Газпром» ответит за добычу и продажи]; *В материалах к совету формулировки мягче. Погодный фактор влияния на общий спрос, отмечается в документах, а параллель с продажами «Газпрома» не проводится* [8: 23 марта 2012: «Газпром» ответит за добычу и продажи]; *Менеджменту крупных компаний под чутким руководством власти приходится принимать решения, которые не всегда бывают коммерчески обоснованными* [8: 10 февраля 2012: ВТБ вернет нажитое непосильным трудом]; *Официально компания статистику не раскрывает* [8: 23 марта 2012: «Газпром» ответит за добычу и продажи]; *The judge also stated that the other El Paso directors were most likely not liable because they acted in good faith, while Kinder Morgan was merely doing what was expected of it. And Chancellor Strine stated that the plaintiffs would have a hard time even pinning damages on Goldman Sachs since its conflicts were disclosed. The judge's cautionary language here may be an attempt to push the parties to settle* [5: March 1, 2012: The Losers in the El Paso Corp. Opinion].

Как видно из примеров, в русскоязычных статьях лексика с широким значением, не снабженная дальнейшими разъяснениями и конкретизацией, встречается чаще, чем в англоязычных. Это связано с большей свободой действий российских властей по сравнению с американскими. Так, чиновники могут высказать *резкую критику, предложить активнее поддерживать производителей*, осуществлять *чуткое руководство* и т.п., но при этом оставляют себе возможность в итоге одобрить *маркетинговую политику*, принять *предложение*, возложить на других обязательства по *активной поддержке производителей*, и при этом оставаться *чуткими руководителями*. В американской традиции такое поведение свойственно судебным инстанциям при явной неоднозначности решения, в частности, как в случае тяжбы между двумя крупными экономическими концернами *El Paso* и *Goldman Sachs*, где судья явно надеется на примирение сторон.

На синтаксическом уровне эмоциональная составляющая передается следующими языковыми средствами. Риторические вопросы в СМИ обеих стран встречаются в относительно равной пропорции. Однако лингвисты высказывают осторожность по поводу их частого использования [2], поскольку риторический вопрос сохраняет форму вопроса, а значит, предполагает как минимум два ответа, один из которых может совсем не соответствовать цели автора. Обратимся к примерам: *So, did Mr. Smith reveal in his op-ed some further ugly secrets or double-dealing shenanigans that were till now unknown to Goldman's clients? - No* [5: March 15, 2012: Mean Street: Goldman's Problem Is Destiny, Not Greg Smith]; *And who on Wall Street wants to be a loser?* [5: March 15, 2012: Mean Street: Goldman's Problem Is Destiny, Not Greg Smith]; *... can you really say they represent the values that we want to see on Wall Street or in our corporations? I can't. And Goldman shouldn't either* [5: March 16, 2012: The Good, Bad and Ugly of Capitalism]; *How did we get here?* [5: March 14, 2012: Why I Am Leaving Goldman Sachs]; *... but will people push the envelope and pitch lucrative and complicated products to clients even if they are not the simplest investments or the ones most directly aligned with the client's goals? Absolutely* [5: March 14, 2012: Why I Am Leaving Goldman Sachs]; *Что сказать? Это будет бомба* [8: 23 марта 2012: Громкий чих]; *Есть ли хоть одна экономически обоснованная причина делать это? Вроде бы нет* [8: 10 февраля 2012: ВТБ вернет нажитое непосильным трудом]; *... справедливо ли организован выкуп, не имеют ли все инвесторы право на участие в этой операции? И не станет ли про-*

цесс выкупа акций только у части участников «народного IPO» дискриминацией? [8: 10 февраля 2012: ВТБ вернет нажитое непосильным трудом]; ... проводилось ли «народное IPO» с нарушением каких-либо норм? Если да, то регуляторы должны начать проверку по этому факту [8: 10 февраля 2012: ВТБ вернет нажитое непосильным трудом].

Из примеров следует, что в большинстве случаев риторический вопрос нацелен на получение отрицательного ответа или ответа, содержащего негативную оценку объекта или явления. Таким образом, автор снимает с себя ответственность за высказывание негативной оценки, но полностью не отказывается от нее, косвенно приводя читателя к нужному ему суждению.

В современной прессе повелительное наклонение, как правило, соседствует с причинно-следственной связью или переходит в условное наклонение. Приведем примеры: *Make the client the focal point of your business again. Without clients you will not make money. In fact, you will not exist. Weed out the morally bankrupt people, no matter how much money they make for the firm. And get the culture right again, so people want to work here for the right reasons. People who care only about making money will not sustain this firm – or the trust of its clients – for very much longer* [5: March 14, 2012: Why I Am Leaving Goldman Sachs] – повелит. накл.; *Создайте внутренний рынок, и цена будет ниже, чем где-либо за границей* [16: 27 марта 2012: Претензии «Газпрома» на равнодоходность оказались под вопросом] – условн. накл.

В прессе обеих стран широко используются модальные средства языка, такие как *может, следует, (не) должен, необходим, приходится, (не) стоит, следует* и др. в русском языке; *may, to be likely to, have to, should, to be to, maybe* и др. в английском: *Но в ответ может услышать резкую критику* [8: 23 марта 2012: «Газпром» ответит за добычу и продажи]; *«Газпрому» следует вместе с Минэнерго разработать пятилетнюю программу* [8: 23 марта 2012: «Газпром» ответит за добычу и продажи]; *Во-первых, необходим экономический фундамент* [8: 10 февраля 2012: ВТБ вернет нажитое непосильным трудом]; *...властям не стоит безоглядно утверждать планы и претензии концерна. Если уж речь зашла о критике монополиста, то следует сделать и другие выводы...* [16: 27 марта 2012: Претензии «Газпрома» на равнодоходность оказались под вопросом] *But the biggest loser may be El Paso's investment bank* [5: March 1, 2012: The Losers in the El Paso Corp. Opinion]; *Chancellor Strine's opinion is likely to have its greatest effect in...* [5: March 1, 2012: The Losers in the El Paso Corp. Opinion]; *The judges have yet to adopt a consistent approach to this problem* [5: March 1, 2012: The Losers in the El Paso Corp. Opinion]. В американской прессе встречается форма совета в изъявительном наклонении с модальным словом: *Maybe the time has come for Blankfein to watch what Howard Schultz is doing at Starbucks* [5: March 16, 2012: The Good, Bad and Ugly of Capitalism].

На уровне функциональных стилей в прессе довольно часто наблюдается употребление языковых средств разговорного или просторечного стиля на фоне нейтральной лексики. Это делается с целью а) сократить дистанцию между автором и читателем, создав иллюзию дружеского доверительного общения; б) передать сарказм, уподобив описываемую ситуацию бытовой сфере, и, тем самым, снизить ее важность. Приведем примеры: *Goldman clients are big boys who can take care of themselves* [5: March 16, 2012: The Good, Bad and Ugly of Capitalism]; *Kinder said 'Oops, we made a mistake. We relied on a bullish set of analyst projections in order to make our bid. Our bad. Although we were tough enough to threaten going hostile, we just can't stand by our bid.' Instead of telling Kinder where to put his drilling equipment, Foshee backed down* [5: March 1, 2012: The Losers in the El Paso Corp. Opinion]; *Еще во вторник, 20 марта, менеджеры «Газпрома» рассказывали совету директоров о том, как концерну работает в Европе* [8: 23 марта 2012: «Газпром» ответит за добычу и продажи]; *...постоянно проваливающиеся реформы <...> сегодня хоть порядком и забылись, но в подкорке, как ни крути, связаны именно с демократией, кто бы там что под ней не понимал* [8: 10 февраля 2012: ВТБ вернет нажитое непосильным трудом]; *...миноритарии, которых «забыли» ошастливать высокой ценой, будут недовольны. Они с высокой вероятностью ринутся оспаривать данное решение в суде* [8: 10 февраля 2012: ВТБ вернет нажитое непосильным трудом].

Представленные наблюдения справедливы для текстов, больше ориентированных на широкую публику, нежели на специалистов в финансово-экономической сфере. Основной целью специализированных изданий является информирование. Поэтому в них логический компонент во много раз превышает этический и эмоциональный. Примером таких изданий могут служить российская газета «Коммерсантъ» [12] и англоязычные «The Economist» [4], «Financial Times» [3]. В результате мирового процесса глобализации национальная специфика этих изданий несколько ослабла и усилилась унифицированная международная направленность.

Выводы

1. Сообщая информацию, СМИ стремятся оказать воздействие на эмоционально-этическую сферу читателей с целью вызвать эмоцию, которая превратит в сознании человека идею в намерение действовать. Потенциальное действие может носить следующий характер: принятие одной информации и отвержение другой, обретение внутренней готовности следовать некой модели поведения, согласие на выполнение конкретных действий.

2. Читатель может раскрыть истинные мотивы автора газетной статьи, если будет учитывать два вида факторов: социальные (внешние) и личностные (внутренние). К социальным факторам относятся идеологическая среда; социальные ценности общности, к которой принадлежит автор; социальная оценка, направленная на поддержание тех или иных групповых интересов. Личностные интересы автора в ряде случаев могут подменяться социальными, однако для выявления скрытой манипуляции это не имеет решающего значения.

Безоценочное сообщение информации заканчивается, когда в повествование вводится личная оценка автора, разделение по принципу «свой-чужой», приводятся аргументы и/или дается морально-этическая оценка в пользу только одной стороны и критикуются или игнорируются другие, обсуждаются оппозиционные воззрения с учетом только доминирующей идеологии. Показательным является то, в каком объеме представлены оппозиционные воззрения по отношению к официальной идеологии. При анализе газетного дискурса необходимо обращать внимание на эмоциональную нагрузку, усиливающую оценку. Ее наличие указывает на ключевые моменты повествования.

Для создания текста, способного завладеть вниманием читателя, журналист вынужден использовать яркие выразительные средства, которые неизбежно несут оценку. Так, создав нужный образ, автор может оказать эмоциональное воздействие на читателя, подчеркнуть одну сторону объекта и ослабить другую, подать некоторое событие или явление под определенным углом зрения, расставить нужные акценты и тем самым сформировать у читателя желаемую оценку. Для создания образа и в русском, и в английском языках широко используются метафора, эпитет, сравнение, гипербола. Разница заключается в том, что в русскоязычном дискурсе СМИ эти фигуры речи нередко сочетаются с иронией, а метафора приобретает форму олицетворения, в частности, по отношению к бюрократическим структурам. Для американского дискурса характерно сочетание метафоры и гиперболы.

Нежелание открыто высказывать критику объекта или события проявляется в склонности автора к риторическим вопросам и лексике с широким значением (гиперонимам). В случае стремления сократить дистанцию между собой и читателем и создать иллюзию дружеского доверительного общения авторы используют личные местоимения «I» и «you» в английском, «мы» в русском языках, фразеологизмы, сочетание функциональных стилей (разговорного или просторечного с нейтральным).

Опытные журналисты учитывают следующие особенности целевой аудитории. У американского читателя вызывает доверие включение в повествование большого числа имен собственных. Для российских читателей убедительно звучат ссылки на общественное мнение и использование местоимения «мы». Сокращение дистанции призвано способствовать повышению доверия к СМИ.

Если есть необходимость избежать точных характеристик, журналисты, как и официальные лица, используют в речи эвфемизмы и фразы с абстрактным значением. Это дает им возможность при необходимости изменить свое мнение, смягчить формулировку, сообщить то, о чем прямо сказать по каким-то причинам не удастся. В российской прессе лексика с широким значением встречается чаще, чем в англоязычных СМИ. Хотя в американской традиции такое поведение свойственно речи политиков и судебных исполнителей.

Авторы газетных статей подают информацию не только в форме образов, абстракций и ссылок на чье-то мнение. Сообщение может принимать форму ненавязчивого рассуждения или скрытого совета. В этом случае авторы используют причинно-следственные связи, условное наклонение и модальные конструкции. Модальные средства языка применяются для того, чтобы дать совет открыто. В американской прессе встречается форма совета в изъявительном наклонении с модальным словом. Повелительное наклонение в прессе обеих стран, как правило, соседствует с причинно-следственной связью или переходит в условное наклонение.

В случаях, когда журналисту нужно выразить сарказм, он может уподобить характеризующую ситуацию бытовой сфере, и, тем самым, снизить ее важность. Для этого удобно пользоваться сочетанием функциональных стилей.

3. Для российской аудитории наиболее убедительным является мнение большинства и авторитетных источников, чем личное мнение отдельного человека. Такое преобладание общественного над личным нередко приводит к тому, что убедительным считается практически лю-

бое мнение при условии, если оно поддержано большинством. Интересной чертой российской прессы является склонность к приписыванию бюрократическим и юридическим структурам качеств одушевленных объектов. Это дает возможность россиянину подсознательно переложить весь груз забот и ответственности на некоего субъекта, или просто снять с себя ответственность, объяснив возникновение трудностей сторонними силами.

В американской прессе убедительным будет выглядеть повествование, обращенное к каждому отдельному человеку. При этом создается такое впечатление, что статья построена по принципу беседы двух людей с привлечением мнения известных компетентных специалистов. Высоко ценится способность человека отвечать за свои слова. Поэтому в качестве языковых средств и речевых стратегий в американской прессе широко используются личные местоимения первого лица, личные комментарии, имена собственные и названия должностей. Так же, как в российской прессе, американские журналисты пользуются риторическими вопросами, лексикой с широким значением и когнитивными метафорами. Что касается риторических вопросов, в американском дискурсе их нужно применять осторожно, т.к. в силу индивидуалистичности культуры в США с большой вероятностью вопрос может вызвать у читателей мнение, противоположное тому, которое ожидается автором статьи.

Список литературы

1. Aristotle. *Magna Moralia. Complete Works* (Aristotle). Jonathan Barnes, Princeton University Press, Princeton, N.J. 1991. – pp. 65.
2. Drout, Michael D. C. *A Way with Words: Writing, Rhetoric, and the Art of Persuasion*. Wheaton College. Recorded Books, LLC, 2006. – pp. 81.
3. *Financial Times* [Электронный ресурс] <http://www.ft.com/intl/global-economy> (Дата обращения: февраль-март 2012)
4. *The Economist* [Электронный ресурс] <http://www.economist.com/> (Дата обращения: февраль-март 2012)
5. *The New York Times* [Электронный ресурс] <http://www.nytimes.com/> (Дата обращения: февраль-март 2012)
6. Аристотель. Риторика (Перевод с древнегреческого и примечания О.П. Цыбенко под ред. О. А. Сычева и И. В. Пешкова) Поэтика (Перевод В. Г. Апфельбота под ред. Ф. А. Петровского) Сопровождающая статья В. Н. Марова. – М., Лабиринт, 2000. – 224 с.
7. Арнольд И. В. *Стилистика. Современный английский язык*. – М.: Флинта, Наука, 2002. – 384 с.
8. *Ведомости* [Электронный ресурс] <http://www.vedomosti.ru/> (Дата обращения: февраль-март 2012)
9. Вепрева И. Т. Вербализация метаязыкового сознания как реализация принципа толерантности // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр.* / Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 153 – 165.
10. Выготский Л. С. *Мышление и речь*. Изд. 5, испр. – М.: Издательство «Лабиринт», 1999. – 352 с.
11. Добросклонская Т. Г. *Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи*. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: ЕдиториалУРСС, 2005. – 288 с.
12. *КоммерсантЪ* [Электронный ресурс] <http://www.kommersant.ru/> (Дата обращения: февраль-март 2012)
13. Коул М., Скрибнер С. *Культура и мышление: Психологический очерк*. Пер. П. Тульвисте, Под ред. и с предисл. А. Р. Лурия. – М.: Изд. «Прогресс», 1977. – 261 с.
14. Лурия А. Р. *Язык и сознание*. Под ред. Е. Д. Хомской. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.
15. Маров В. Н. *Культурно-исторический памятник или настольная книга? / Аристотель. Риторика (Перевод с древнегреческого и примечания О. П. Цыбенко под ред. О.А. Сычева и И. В. Пешкова) Поэтика (Перевод В. Г. Апфельбота под ред. Ф. А. Петровского) Сопровождающая статья В. Н. Марова*. – М., Лабиринт, 2000. – С. 190 – 218.
16. *Независимая Газета* [Электронный ресурс] <http://www.ng.ru/> (Дата обращения: февраль-март 2012).

CREATING EFFECTIVE REASONING IN THE RUSSIAN AND AMERICAN PRESS DISCOURSE

I. O. Okuneva

*Russian State University
for the Humanities*

*e-mail:
sesh777@yandex.ru*

The question of creating effective reasoning in the Russian and American press is outlined with relation to the use of ethos and pathos in the discourse. The article views purposes and peculiar properties of ethos and pathos in the Russian and American press discourses and also the question of how the reader can decipher and understand real motives of the author of the text and/or of the people in the newspaper report.

Keywords: author's judgement, reasoning, discourse, ideological background, rationale, logos, public opinion, the Press, propaganda, value system, Mass media, emotions, pathos, ethical norms, ethos.

КОНКУРЕНЦИЯ В АРАБОЯЗЫЧНОМ СПУТНИКОВОМ ТЕЛЕЭФИРЕ

Шафель Али Шаиф Хусейн

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail:
zalevskaya@bsu.edu.ru

Работа посвящена изучению новейших тенденций в конкурентной борьбе между спутниковыми новостными телеканалами, ведущими вещание на арабском языке в начале XXI века.

Ключевые слова: конкуренция, арабоязычное спутниковое телевещание, глушение передач.

Спутниковое телевидение активно развивается в арабском мире более четверти века. Мощным фактором развития спутникового вещания в этом географическом регионе стало единство языка. Развитию арабоязычного спутникового телевидения способствует общее языковое пространство, существующее несмотря на наличие более чем 30 диалектов арабского. Число говорящих на арабском языке и его вариантах составляет около 240 млн. чел., для которых это родной язык. Ещё около 50 млн. человек используют арабский в качестве второго языка. Арабский язык распространен в Ираке, Сирии, Ливане, Израиле, Иордании, Катаре, Кувейте, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах, Омане, Йемене, Египте, Судане, Ливии, Тунисе, Алжире, Марокко, Мавритании, Западной Сахаре, Сомали, Джибути, Республике Чад. «Островками» диалекты арабского языка встречаются также на территориях сопредельных африканских государств, а также в Турции, на Кипре, в Иране, Афганистане, Средней Азии (в Узбекистане). В Европе и других регионах мира сегодня проживают миллионы выходцев из арабского мира, многие из которых сохранили свой язык. Литературная форма арабского языка является государственным языком всех арабских стран, одним из официальных и рабочих языков ООН. Кроме того, классический арабский — язык Корана — ограниченно используется в религиозных целях приверженцами ислама по всему миру (их общая численность достигает 1,57 млрд. чел.) [7].

Курс на взаимное информационное сотрудничество арабских стран, на создание собственных коммуникационных систем, на быстрое внедрение новейших технологий связи и обработки информации позволил арабам в исторически кратчайшие сроки добиться впечатляющих успехов в области развития спутникового телевидения. Уже с 1990-х гг. практически все арабские государства располагают национальными спутниковыми телеканалами, и даже пакетами таких каналов, бесплатно доступными аудитории по всему арабскому миру и за его пределами [1]. Благодаря спутниковому ТВ все большее развитие получает египетский вариант арабского языка.

Несмотря на бурное развитие арабоязычного спутникового ТВ, это яркое явление современных международных массовых коммуникаций пока ещё слабо изучено. В России начало изучению этого феномена было положено палестинским исследователем Махмудом Нехадом, который опубликовал в 2000 г. первую обзорную статью о развитии спутникового ТВ в арабском мире [1]. В дальнейшем работы В. В. Орловой [8], А. П. Короченского [9], не ставивших перед собой особую задачу изучения спутникового ТВ в арабском мире, а также разрозненные публикации в специализированных изданиях (журнала «ТелеСпутник» и пр.), частично восполнили информационный вакуум. Некоторые фрагментарные новейшие данные о развитии арабоязычного спутникового ТВ содержатся в работах М. Истомина. Но выход в свет работ вышеупомянутых авторов не привел к созданию полной картины развития арабоязычного спутникового вещания и, в частности, напряжённой конкуренции в космическом эфире, существующей между различными телеканалами в начале XXI века.

Целью данной работы является изучение новейших тенденций в конкурентной борьбе, существующей между спутниковыми телеканалами, которые ведут вещание на арабском языке.

Арабские страны вступили в XXI в., имея в своём распоряжении большое количество каналов спутникового телевидения, передачи которого адресованы не только арабам, но и телезрителям многих других государств, включая Россию. В свою очередь, появляется всё больше иностранных телеканалов, вещающих на арабском языке через спутники.

Существенной особенностью арабоязычного спутникового рынка является интернациональный характер телеканалов. Несмотря на то, что на этом рынке преимущественно пользуются наиболее развитые арабские страны (такие, как Египет и страны Залива), в международный спутниковый эфир выходят телекомпании даже малых государств региона. Сегодня арабское космическое ТВ охватывает своим вещанием весь земной шар. Арабоязычные каналы вошли в число лидеров индустрии международного спутникового вещания.

Президент Вещательного Союза арабских стран Риад Наджм заявил, что количество спутниковых каналов в арабском регионе по состоянию на ноябрь 2010 г. достигло 733. Из них 609 каналов были частными и 124 государственными. Из этого количества всего 142 телеканала являются платными и кодируются, а 591 передаются в открытом бесплатном доступе через арабские и международные спутники [2].

Таким образом, бесплатный доступ к передачам является ещё одним стимулом развития спутникового ТВ в арабском мире – и очень важным. Бесплатность большинства арабоязычных телевизионных спутниковых каналов является следствием относительно низкой платежеспособности потенциальной аудитории и одновременно высокой заинтересованности вещателей в охвате этой аудитории, при отсутствии альтернативных способов доставки сигнала.

Заинтересованность в охвате аудитории диктуется не только и не столько коммерческими интересами. Н. Сакр и др. отмечают политические интересы вещателей, обусловленные стратегическими интересами разных стран мира на Ближнем Востоке – одним из самых кризисных регионов на планете [3]. Расцвету арабоязычного спутникового вещания способствует также большая заинтересованность государственных вещателей неарабских стран в трансляциях на арабском в целях нейтрализации угрозы исламского экстремизма.

Следует отметить, что наземные СМИ арабских стран находятся под жестким политическим контролем и цензурой, поэтому для вещателей и телезрителей в регионе привлекательными являются спутниковые телеканалы, распространяющие информацию «поверх границ» [4]. Гарантированно широкая зрительская аудитория у спутникового телевидения в арабском мире определяется также слабостью наземного эфирного и кабельного ТВ в этих странах, ограниченностью количества каналов в национальных сетях. Спутниковое же телевидение позволяет приобщиться к десяткам, а то и сотням арабоязычных каналов.

Нынешние впечатляющие успехи арабских стран в области спутникового телевидения стали возможными во многом благодаря политическим и технологическим решениям, принятым в предыдущие десятилетия в русле движения к новому международному информационному порядку. Одним из таких решений стал Arabsat – организация арабского спутникового телевидения, идея создания которой была поддержана ещё в 1967 г. совещанием министров культуры арабских стран в Тунисе. В апреле 1976 г. министры коммуникаций арабских стран подписали в Каире соглашение о создании под эгидой ЛАС Арабской системы спутниковых коммуникаций (Arabsat) как межгосударственной организации, обеспечивающей телевизионные трансляции, телефонные переговоры через спутники связи и стимулирующей развитие коммуникации и информационных обменов между странами-членами ЛАС. Главными учредителями и основными акционерами Arabsat стали пять арабских стран: Саудовская Аравия, Ливия, Египет, Кувейт, ОАЭ [1].

«Аль-Джазира» – лидер арабского спутникового новостного вещания. Уже в 1990-е годы большинство стран арабского мира имели свои спутниковые телеканалы. Самый известный и влиятельный из них – это катарский «Аль-Джазира» (Al Jazeera). «Арабская CNN» – так нередко называют «Аль-Джазиру». Он начал свою деятельность 1 ноября 1996 г., получив от катарского правителя шейха Хамада бен Халифы Аль Тани грант на пятилетний срок. Поначалу канал вещал шесть часов в сутки – на арабские и европейские страны. В феврале 1999 г. «Аль-Джазира» стал первым в арабском мире круглосуточным новостным каналом. К 2000 г. вещательная сеть «Аль-Джазир» уже распространилась на Австралию, США, Латинскую Америку и Дальний Восток. Передачи давно уже ведутся не только на арабском, но и на английском, сербском и других языках.

Сегодня «Аль-Джазира» пользуется разнообразными каналами доставки своей информации: не только ведёт передачи через спутники, но и в онлайн-режиме в интернете, доставляет новости на мобильные телефоны. Это обеспечивает гарантированное информационное обслуживание аудитории. Например, во время массовых протестов в Египте правительство Мубарака запретило передачи этого канала и их трансляцию через египетский спутник, но по-

ности продолжали поступать на мобильные телефоны египтян. «Аль-Джазира» имеет в интернете свои сайты, использует интернет-портал YouTube для демонстрации своих программ. Она ведет передачи и в онлайн-режиме – например, через британский видеопортал lifestation.com.

В определенной степени превращению «Аль-Джазире» в канал мирового уровня способствовало обострение событий на Ближнем Востоке, особенно война в Ираке в 2003 г. К тому времени в регионе была сформирована широкая корреспондентская сеть катарского канала, создана современная технологическая база для производства и распространения телепрограмм [10].

С «Аль-Джазирой» стремится конкурировать другая крупная арабская спутниковая служба – это Al Arabiya, которая принадлежит семье ливанских миллионеров Харири и собственникам из Саудовской Аравии. Она начала вещать в первом квартале 2003 г. Штаб-квартира этой компании расположена в Дубае, в Арабских Эмиратах.

Спутниковые каналы во время «арабской весны». События «арабской весны» привлекли к себе внимание жителей всех уголков Земли. Большинство из них узнавали последние новости из передач национальных теле- и радиоканалов. И лишь немногие имели возможность получать информацию «из первых рук» с помощью каналов спутникового вещания арабских стран.

На пространстве бывшего СССР, по ряду внутривосточных причин, с пристальным вниманием следили за событиями «арабской весны». Но мало кто из русскоязычной публики, даже располагающей соответствующим приемным оборудованием, догадывается, что о событиях арабских революций можно узнавать непосредственно от арабских спутниковых вещателей – даже на русском языке.

Хотя вещают по-русски немногие арабские страны, однако, англоязычные выпуски новостей большинство из них передают постоянно. Начнем с самой первой и самой маленькой из стран «арабской весны» – Туниса.

Тунис. Тунисский международный спутниковый телеканал, называвшийся TV7, был любимым детищем свергнутого президента Зин эль-Абидина Бен Али. Канал начал работать на спутниках еще с 1992 г. и сразу на двух языках – арабском и французском. Перед TV7 на международном спутниковом вещательном пространстве ставилась задача представлять внешнему миру образ своеобразной североафриканской Швейцарии, каким прежде правительство хотело видеть Тунис. Исходя из этого, на канале было очень много франкоязычных передач. При этом решением президента, как об этом стало известно только после революции, были запрещены трансляции призыва к намазу (пятикратной ежедневной обязательной мусульманской молитве).

В ходе тунисской революции канал TV7 ни на минуту не прервал вещание, но почти сразу же изменил название на Tunisie National («Национальный Тунисский»). Таким образом журналисты решили показать, что они служат, в первую очередь, не режиму, а всем гражданам своей страны. С началом революции эфиры телеканала превратились в многочасовые телевыпуски новостей и ток-шоу. При этом почти сразу практически исчезли новости и передачи на французском языке.

Интересным обстоятельством спутникового вещания из Туниса стало появление на европейском спутнике HotBird телеканала Hannibal-TV. Этот телеканал назван в честь знаменитого военачальника Карфагена (развалины этого города находятся именно на территории Туниса), принадлежал лицам, приближенным семье свергнутого президента Бен Али. В бытность свою президентом этот руководитель, насколько можно судить, не одобрял выхода на европейскую спутниковую арену, наряду с TV7, еще одного тунисского телеканала.

С падением Бен Али новые власти на несколько дней закрыли Hannibal-TV, но затем решили, что и сторонники свергнутого президента имеют право на свою трибуну, тем более, что телеканал пообещал проводить сбалансированную редакционную политику. В настоящее время Hannibal-TV вещает также и для европейской аудитории. Он транслирует круглосуточную программу на арабском языке, славится показом лучших арабских сериалов.

Египет, также переживший бурные события «арабской весны», имеет долгую историю вещания через спутники. В 1990-е гг. Египет стал одним из пионеров спутникового вещания не только в арабском, но и во всем мире, когда запустил спутники серии Nilesat. Позднее с этого спутника вышел в эфир первый арабский канал на иностранных языках Nile TV International (запущен еще в 1994 г., вещание на английском, французском и до недавнего времени на иврите). На Nilesat постепенно стали доступны и радиоканалы ERTU для заграничных, в том числе восьмая программа всемирной сети каирского радио Al Mowaghat 8, где были собра-

ны ранее только коротковолновые службы вещания на русском, узбекском, индонезийском, английском, французском, немецком, итальянском и арабском.

В ходе революции в Египте в январе-феврале 2011 г. здание ERTU, откуда выходили и русские передачи «Радио Каира», было окружено толпами протестующих. Несмотря на этот факт, а также благодаря тому, что офис станции находится совсем неподалеку от площади Тахрир – центра протестов, а именно там расположена ближайшая станция метро, обеспечивающая связь района с остальным городом, сотрудники русской редакции в те дни приходили на работу и выпускали передачи для России строго по расписанию. Публика в России, из тех, кто знал о наличии спутниковых программ на русском языке из Египта и имел техническую возможность настроиться на Hotbird, по понятным причинам с особым интересом слушала вещание из Египта в этот период. При этом стоит отметить, что станция, хотя и с оглядкой на власти, но все же сообщала о происходящих в Каире беспорядках с момента их начала.

Последствия египетской революции привнесли в работу египетского инновационного вещания некоторые изменения, связанные с экономией бюджета. В начале 2012 г. инновационные каналы из Египта, включая Nile TV International и Radio Cairo Al Mowaghat 8, в т. ч. русские трансляции, оставили Hotbird, что существенно затруднило их спутниковый прием в Европе и европейской России.

Еще одной страной «арабской весны» является **Ливия**. В 1990-е гг. на спутниках появился так называемый «Спутниковый канал Джамахирии» (Al-Jamahiriya Satellite Channel) – официальный канал Социалистической народной ливийской арабской джамахирии (так при Каддафи называлась Ливия), вещавший, главным образом, на арабском языке. Однако в его сетке присутствовали выпуски новостей на английском и французском языках. Кроме того в ночное время, в перерывах вещания канала Al-Jamahiriya Satellite Channel транслировалось ливийское инновационное – радио «Голос Африки» на английском и арабском языках.

Телеканал Al-Jamahiriya Satellite Channel оставался до последнего верен режиму Каддафи. При этом в последние недели перед падением, когда Каддафи уже не признавали и объявили вне закона многие страны мира, Al-Jamahiriya Satellite Channel постепенно отключался владельцами иностранных спутников. Сначала это сделала арабская спутниковая система Arabsat, а уже потом европейский спутник Hotbird. Своих спутников Ливия не имеет и ведет все внутреннее и внешнее вещание через зарубежные спутники, включая египетские.

После смены власти в Ливии появилось множество частных и государственных телеканалов, в том числе несколько на спутнике Hotbird. Но на арабские и европейские спутники до сих пор не вернулось государственное вещание Ливии, ныне именуемое LRT (Libya Radio Television). Оно сохранило все свои инновационные службы, но пока присутствует только на единственном спутнике Rascom QAF 1R 2.8°E. (принадлежит спутниковому объединению африканских стран Regional African Satellite Communication Organization).

Йемен – страна, которая несмотря на свою технологическую отсталость, активно присутствует на спутниках. Спутниковый телеканал Yemen Satellite Channel вещает по всему миру через полдюжины спутников. В рамках вечерней программы передается англоязычный выпуск теленовостей.

Спутниковое вещание Yemen Satellite Channel и йеменское радиовещание на Европу, включая Европейскую Россию, осуществляется через спутник Eutelsat Hotbird 13.гр.Е. Англоязычные теленовости из Yemen Satellite Channel можно посмотреть на сайте вещателя <http://www.yemen-tv.net>, а радиослужба на иностранных языках «Второй программы» - Aden Radio доступна на сайте <http://www.adenradio.net>, где в разделах This is Yemen и Ici le Yemen можно послушать соответственно англо- и франкоязычные программы за прошедшие сутки.

И в заключение о **Сирии**. Эта страна, к которой в настоящее время приковано внимание всего мира, имеет давние, около 40 лет, традиции русского вещания. Радио Дамаск, инновационное сирийское радио ежевечерне представляют в рамках второй программы сирийского радиовещания «Голос народа» (Radio Sout Al-Shbab -Voice of the Youth) выпуски новостей, комментариев и тематические программы об истории и культуре страны по 1 часу на каждом из следующих иностранных языков: французском, немецком, русском, испанском и турецком и 2 часа на английском. Данная программа присутствует в радио-пакете 3 сирийских радиоканалов, которые сопровождают спутниковый телеканал Сирии Syria Satellite Channel на большинстве спутников, а сирийский спутниковый телеканал вещает по всему миру на почти 10 спутников.

На спутниковом телеканале Сирии, наряду с основным вещанием на арабском языке, также присутствуют телевыпуски новостей на четырех языках – английском, французском, испанском и русском. Правда, выпуск новостей на русском самый маленький – около 10 минут, в

отличие от получасовых на остальных иностранных языках. Выпуск теленовостей на русском языке из Дамаска выходит ежедневно в 20 ч. 30 мин. по московскому времени.

Параметры спутникового вещания Syria Satellite Channel и сирийского радиовещания на Европу, включая Европейскую Россию: спутник Eutelsat Hotbird 13 (Сирия использует на Hotbird тот же транспондер, что и Йемен, поэтому частота совпадает).

Иностраные арабоязычные новостные спутниковые каналы. На Ближнем Востоке происходили и происходят события мирового значения. Это стало причиной повышенного внимания разных стран мира к арабской аудитории. В течение последнего десятилетия появился ряд арабоязычных спутниковых служб, созданных за пределами арабского мира. Среди них - американский канал Al Nugga, созданный накануне вторжения в Ирак.

Германский спутниковый канал Deutsche Welle начал вещание на арабском языке в 2002 г. с двухчасового блока передач. Впоследствии этот вещатель расширил время вещания своего канала для арабских стран - DW-TV Arabia. Зрителям стал доступен шестичасовой блок на арабском, который всегда передается в прайм-тайм по всему региону. DW-TV Arabia доступен на спутниках Nilesat 101 (7°W) и BADR-4 (26°E). DW-TV Arabia сообщает зрителям о самых важных событиях в арабских странах, Германии и во всем мире. После шести часов передач на арабском он переключается на англоязычное вещание.

Позже других - в 2006 году - начали передачи на арабском языке спутниковые телеканалы России (Rusia Al Yaum) и Франции (France-24). В июле 2008 г. спутниковый канал Euronews открыл вещание на арабском языке и вступил в конкуренцию как с арабскими новостными каналами Al Jazeera и Al Arabiya, так и американским телеканалом CNN и французским France 24, которые уже вели вещание на арабском языке.

В марте того же года начал свою деятельность британский спутниковый новостной канал Би-Би-Си Арабик Телевижн (BBC Arabic Television) - тоже на арабском языке. В космическом эфире действует и другая британская служба - Би-Скай-Би Арабик (BSkyB Arabic), представляющая собой часть мировой сети.

В настоящее время государственными спутниковыми телеканалами на арабском языке располагают следующие страны: США, Великобритания, Франция, Россия, Германия, Китай, Корея, Турция, Иран. Всего же несколько десятков неарабских стран имеет государственное спутниковое радиовещание на арабском языке для этого региона. Это говорит о том, что в арабоязычном спутниковом телеэфире существует острое соперничество.

Глушение спутниковых передач и давление на спутниковых провайдеров. Конкуренция настолько серьезна, что некоторые спутниковые телеканалы стали подвергаться глушению из-за рубежа. Эта практика получила распространение в последние годы, что свидетельствует об обострении соперничества в международном спутниковом эфире.

В январе 2012 г. катарский новостной канал Al Jazeera жаловался на глушение своих передач, которые транслировались через арабского вещателя Arabsat. В глушении подозревался Иран.

В 2012 г. Бахрейн принял решение прекратить сотрудничество с общеарабским спутниковым провайдером Arab Satellite Communications Organization (Arabsat). Конфликт был вызван отказом Arabsat отключить круглосуточный иранский спутниковый телеканал новостей на арабском языке Al-Alam, передачи которого, по мнению Бахрейна, полны ненависти к арабскому миру. В итоге Бахрейнское ведомство по вопросам информации Information Affairs Authority (IAA) объявило о своём решении безотлагательно прекратить сотрудничество с Arabsat. Как сказано в заявлении IAA, это решение было принято в знак протеста против отказа Arabsat принять официальные меры, чтоб приостановить враждебную медийную кампанию, которую ведут иранские спутниковые каналы против Бахрейна и Саудовской Аравии. Как утверждает Бахрейн, действия Ирана являются нарушением арабских и интернациональных соглашений и конвенций.

Arabsat ответил на заявление Бахрейна и призвал правительство этой страны пересмотреть решение о прекращении сотрудничества. Arabsat уточнил, что неудовольствие Бахрейна вызвал круглосуточный иранский спутниковый телеканал новостей на арабском языке Al-Alam («Мир»), транслируемый через спутник Badr-5, принадлежащий Arabsat. При всем этом Arabsat заявил, что он не может прекратить трансляцию иранских каналов с этого спутника, т.к. связан коммерческим договором с иранским космическим агентством на использование передающего потенциала Badr-5. Договор был подписан еще в 2007 г., когда спутник лишь планировался к запуску. При всем этом упомянутый договор с Ираном, по утверждению Arabsat, одобрили министры арабских государств, входящих в Arab Satellite Communications Organization, включая и Бахрейн. Кроме этого, Arabsat подчеркнул, что даже при прекращении

трансляции с Badr-5 канала Al-Alam, аудитория в Бахрейне с легкостью может просматривать его передачи, переданные с египетского спутника Nilesat и европейского Hotbird.

Арабоязычный спутниковый канал «Русия Аль-Яум» в контексте нарастающей конкуренции. В мае 2006 г. начал вещание арабоязычный спутниковый канал «Русия Аль-Яум» («Россия сегодня»). Благодаря этому каналу Россия ведет прямой диалог с арабским Востоком. «Русия-аль-Яум» — информационный канал, на котором кроме новостей есть и аналитические программы, и документальное кино. Канал приглашает для постоянной работы арабских журналистов, это повышает эффективность его работы. О том, что «Русия Аль-Яум» набирает силу, говорит реакция «Аль-Джазиры». Недавно российский и катарский каналы обменялись обвинениями в необъективности при освещении событий в Сирии.

«Русия Аль-Яум» постепенно увеличивает свою аудиторию, хотя лидером по популярности у арабских телезрителей остаётся «Аль-Джазира». Увеличить количество зрителей поможет арабоязычный сайт российского канала и онлайн-вещание, а также использование YouTube. Онлайн-вещание российского арабоязычного канала только начинается, и пока он проигрывает «Аль-Джазире» по популярности, хотя есть арабские телезрители, которые ценят передачи именно российского канала.

Список литературы

1. Нехад Махмуд. Арабское спутниковое телевидение в 1990-е годы [Электронный ресурс] / Нехад Махмуд // Электронный журнал «Релга.ру» № 19 [49] 08.10.2000. — Электрон. дан. — М. — 2012 — Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1484&level1=main&level2=articles>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
2. Истомин М. Арабы и спутниковое ТВ [Электронный ресурс] / М. Истомин — Электрон. дан. — М. — 2012 — Режим доступа: <http://www.portalostranah.ru/view.php?id=161>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
3. Sakr Naomi. Transnational Television: Globalization and the Middle East. I. B. Taurus Pubs. L.; N.Y. 2001.
4. Rugh William A. Arab Mass Media. Newspapers, Radio and Television in Arab Politics. Praeger Pubs. Westport. 2004.
5. Бахрейн отказался от сотрудничества с арабским спутниковым провайдером [Электронный ресурс] // «Телеспутник» 23 июня 2012. — Электрон. дан. — М. — 2012 — Режим доступа: <http://tvspytник.ru/news/488-bahreyn-otkazalsya-ot-sotrudnichestva-s-arabskim-sputnikovym-provayderom.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
6. Арабский язык [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Кругосвет». — Электрон. дан. — М. — 2012 — Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ARABSKI_YAZIK.html, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
7. Орлова В.В. Глобальные телесети новостей на информационном рынке. РИП-холдинг. — М., 2003.
8. Короченский А.П. Электронные средства массовой информации в глобальных коммуникационных процессах (Глава 3 коллективной монографии «История мировой журналистики». Март — Ростов-на-Дону, 2004.).
9. The Al Jazeera Phenomenon. Critical Perspectives of new Arab Media. Ed. Mohamed Zayany. Pluto Press. L., 2005; El-Nawawy, Mohammed, Iskandar, Adel. Al- Jazeera. The Story of the Network that is rattling Governments and redefining modern Journalism. Westview Press. Cambridge, 2003.

THE COMPETITION IN ARABIC LANGUAGE SATELLITE TV

Shafel Ali Shaif Houseyn

Belgorod National Research University

e-mail:
zalevskaya@bsu.edu.ru

The paper deals with the newest tendencies in the competition between satellite news channels which transmit in the Arabic language in the beginning of the XXIst century.

Keywords: competition, Arabic satellite TV broadcasting, transmission jammimg.

ДИСКУРС И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ МЕДИАЛИНГВИСТИКИ

Т. В. Шмелева

*Новгородский
государственный
университет
им. Ярослава Мудрого*

*e-mail:
szmeil@mail.ru*

В статье понятие *дискурс* рассматривается в инструментальном аспекте в рамках медиалингвистики. Конкретная задача, которую предполагается решать с опорой на это понятие, – мониторинг регионального медиаполя. При этом предлагается типология дискурсов, отражающая ключевые понятия медиаречи, выдвигается в центр тематический дискурс как инструмент исследования. Показано, как дискурсивный анализ позволяет интерпретировать региональное медиаполе в смысловом отношении и во временной развернутости.

Ключевые слова: медиалингвистика, региональное медиаполе, дискурс, жанр, мониторинг.

Понятие *дискурс*, вошедшее в язык гуманитарной науки [1], уже породило с трудом обозреваемый дискурс и даже особую научную дисциплину дискуртологию [2]. Показательно, что слово *дискурс* можно найти в названиях сборников, периодических изданий [3] и даже университетских кафедр, напр., кафедра семиотики и дискурсивного анализа (Новосибирский государственный университет) и издательств, напр., Издательский дом «Дискурс-Пи» (Екатеринбург).

Особое внимание к этому понятию проявляют исследователи медиареальности – как зарубежные [4], так и отечественные [5]. *Дискурс* прочно вошел в терминосистему медиалингвистики, его используют в многочисленных работах – учебных [6] и диссертационных [7]. При этом о его едином толковании говорить не приходится: едва ли не каждый автор, а тем более школа вносят в его интерпретацию своё. Отталкиваясь от этого обстоятельства, предполагается проанализировать **инструментальный** аспект использования этого понятия в отечественной медиалингвистике и обсудить один из путей его применения.

Можно считать уже общепринятым, что термином *дискурс* обозначают **совокупности** медиатекстов. Так, в книге Н. И. Клушиной со ссылкой на идеи В. Е. Чернявской подчеркивается: «дискурс – это не конкретный отдельный текст, включенный в коммуникативную ситуацию, а совокупность <...> текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется (!) как языковой коррелят определенной социально-культурной практики». Таким образом, текст – это составной элемент дискурса, соотносящийся с соответствующей ментальной практикой [8, с. 24].

Естественно, что в таком случае возникает вопрос об «**основе общности**» текстов в составе дискурса. Таких основ автор работы видит две – тематическую и интенциональную. Последняя и организует **публицистический** дискурс, которому посвящено исследование. Характеризуя интенцию публицистического дискурса как «глобальное коммуникативное намерение – убеждение», Н. И. Клушина объединяет его в этом отношении с другими воздействующими дискурсами – политическим, религиозно-проповедническим, рекламным. Из дискурсов, основанных на единстве темы, названы медицинский, спортивный, экономический [8, с. 58 – 59].

Максимально широко понимается дискурс в исследовании И. В. Анненковой, которое позиционируется как лингвофилософское, или риторическое [9]. В нем дискурс относится к аксиоматическим понятиям, обнимающим всю медиапрактику. Медиадискурс соотносится с политическим, и в то же время отличается от него. Знакомство с данной работой убеждает в том, что в ней понятие *дискурс* не относится к инструментальным, автор пользуется понятийным аппаратом классической риторики, включающим *эмос*, *пафос*, *логос*, наполненные, впрочем, современным лингвистическим содержанием, которое выражается в таких терминах, как *гипермодальность*, *стратегии ментально-дискурсивной деятельности*, *медиакартина мира* и др.

Уже из сопоставления двух названных работ выявляется различие в понимании термина *дискурс*. Лингвофилософский подход предполагает взгляд на дискурс как на **объект** исследования; стилистический – дает ряд «дискурсообразующих» оснований и список дискурсов, следовательно, это понятие приобретает **инструментальное** значение: с его помощью можно

отбирать тексты в потоке медиапродукции, ставить задачи их исследования на общих – дискурсивных – основаниях.

Как этот инструмент используется в отечественной медиалингвистике, можно понять, изучив авторефераты диссертаций, в название которых входит термин *дискурс*, так как диссертационные исследования представляют «передовой край» науки. Анализ ряда авторефератов приводит к следующим заключениям.

Прежде всего выявляется различие дискурсообразующих свойств текстов, которые можно назвать **детерминантами**, в значении, которое известно в культурологии, психологии и других науках: «фактор или элемент, обуславливающий то или иное явление». В нашем случае детерминанта служит объединяющим началом дискурса, тем магнитом, который притягивает к нему медиатексты.

Первой детерминантой может быть названа **сферная**, организующая дискурсы разных сфер общения: политический, научный, деловой, религиозный, эстетический; из них объектом исследовательского внимания более других оказывается политический [10]. Понятие сферы общения (коммуникации), разработанное в общей филологии [11], оказывается важнейшим и для медиалингвистики в силу того, что все дискурсы проявляются в медиа, имеют медийное измерение. Несколько иначе истолкованные – как установленные культурой формы социальной коммуникации в рамках определенных социальных институтов (храм, школа, стадион), сферные дискурсы именуют институциональными [12, с. 195].

Второй представим **детерминанту фактуры**, или канала коммуникации, которая организует **газетный, телевизионный, интернет-дискурсы**... Их теоретическое осмысление связано с общефилологическим понятием фактуры речи [11], а изучение реализовалось как исследования «языка газеты», «языка радио», «языка телевидения», что актуально и для современной медиалингвистики [13].

Интенциональная детерминанта организует дискурсы разных целевых установок, объединяя публицистический, религиозно-проповеднический и рекламный как воздействующие дискурсы и противопоставляя их, скажем, развлекательному.

Чрезвычайно существенна для медиалингвистики **жанровая** детерминанта, ведь один из первых опытов дискурсивного анализа касался **новости** [14, с. 111 – 160]. Хотя этот опыт проникнут когнитивным пафосом, для медиалингвистики в нем есть важные моменты, в первую очередь, идея о значимости пресуппозиций, предварительных знаний о ситуации для формирования медиатекста и его восприятия. Соотношение представлений и установок автора и адресата важно и для иных жанровых дискурсов, именно в этой плоскости возникают жанровые трансформации, о которых так много говорят сегодня. С позиций дискурс-анализа такие трансформации означают сдвиг на периферию одного дискурса или перемещение в другой.

Тематическая детерминанта, организуя спортивный, медицинский и прочие дискурсы, отражает медиатопику, формирующую национальный медиаландшафт [15, с. 68]. Можно сказать, что изучение тематических дискурсов – складывающаяся традиция отечественной медиалингвистики.

Безотносительно к тематической детерминанте медиатексты могут быть объединены по признаку авторства, иначе говоря, во внимание принимается **детерминанта авторства**. Так, в спортивной медиадискурсе выделяют «дискурс фанатов, дискурс спортсменов и тренеров, дискурс спортивных чиновников и политиков в том случае, если их речемыслительная деятельность, связанная со спортивной тематикой, реализуется в сфере массовой коммуникации» [16, с. 18].

Наконец, следует назвать **смысловые** детерминанты, которые выявляют в медиасфере тексты с присутствием того или иного смысла. При этом смыслы могут быть диктумными (событие, персонаж) или модалными – например, тональность **мелодрамы** [17]; наибольший интерес для лингвистов составляют смыслы, скрытые в **метафорах**, – это целое направление дискурс-исследований в нашей стране и за рубежом [18].

Итак, семь различных по природе детерминант, соотносимых с параметрами речи (социальной коммуникации) – сфера, фактура, автор, жанр, тема, смыслы текста [19, с. 56 – 61]. Даже из примеров, которые приводились при их характеристиках, можно сделать вывод о том, что они лежат в разных плоскостях и регулярно пересекаются. Отсюда следует вывод, что дискурсы могут быть **моодетерминантными** (медиадискурс, политический дискурс) и **полидетерминантными**, то есть держащимися на более чем одной детерминанте. Так новостной дискурс, основанный на жанровой доминанте, можно считать моодетерминантным; тогда как детерминант дискурса телевизионных новостей [20, с. 154 – 164] две – жанровая и фактурная.

Тематические дискурсы пересекаются с фактурными и жанровыми, жанровые – с тематическими и разными смысловыми.

Приведенные соображения убеждают в том, что дискурс в таком понимании – инструмент, позволяющий увидеть разные силовые линии медиасферы, структурировать медиапространство, сделать выводы о его наиболее важных «пульсирующих» точках, центре и периферии, объяснить их свойства политическими, культурными и иными фактами социальной действительности. Именно в таком понимании это понятие используется в рамках проекта «Мониторинг регионального медиаполя как ресурс медиалингвистики», над которым работает кафедра журналистики Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого при поддержке Минобрнауки.

По своему объекту проект входит в парадигму **региональных** медиаисследований [21, с. 10 – 12]. Он предполагает создание дискурсивной модели регионального медиаполя на материале новгородского медиапространства. При этом дискурс выступает как один из моделирующих компонентов. Поскольку эта модель настроена на получение информации прежде всего медиалингвистического характера, мы предприняли ряд чисто искусственных ограничений, сужающих пространство наблюдения и обеспечивающих адекватность результатов.

Прежде всего, мы приняли стратегию исследования медиаполя, которую определили как **градоцентрическую**, то есть имеющую в виду прежде всего медийное освещение событий и проблем Великого Новгорода и отводящую на второй план проблемы области – сельских жителей, малых городов. Сосредоточенность на проблемах областного центра позволит сократить количество медиаинституций и массу медиатекстов, что позволит провести мониторинг не выборочный, а максимально полный. Это важно для создания реалистической, хотя и не всеохватной картины медийной жизни региона.

Во-вторых, мы ограничили фактурное измерение медиаполя и остановились на **графических** медиа – то есть печатных и интернет-изданиях, оставив в стороне эфирные медиаинституты, исходя из того, что им редко приходится формировать собственные дискурсивные формации, чаще они озвучивают и визуализируют основные новостные сюжеты, получающих отражения в графических медиа.

В третьих, из жанровых дискурсов в центр внимания поставлен **новостной**, поскольку именно в нем фиксируется актуальная реальность жизни региона и ее медийные интерпретации. При анализе новостного дискурса учитываются институциональный и тематический факторы, а также степень дискурсогенности новости: одни остаются одиночными текстами, другие порождают мощные дискурсы, присутствующие в медиаполе длительный срок. Это не означает, что иные информационные, аналитические и публицистические жанры исключаются из наблюдения – они будут учтены при рассмотрении медийного развития новости в составе тематических дискурсов.

Именно **тематические** дискурсы оказываются главным инструментом мониторинга регионального медиаполя: они позволяют увидеть его смысловую матрицу в ее временном изменении. При этом важно учитывать институциональный, жанровый факторы, а также ввести понятия сюжет, эпизод, медиаперсонаж.

Поскольку тематическая детерминанта может быть задана в различных масштабах, среди тематических дискурсов приходится выделять субдискурсы, конфигурация которых характеризует состояние дискурса в тот или иной период [22, с. 14]. Так, дискурс города включает субдискурсы городского ландшафта, политики, праздника, горожан, а также дискурс с условным названием «город на фоне», включающий тексты о восприятии города с внешних позиций и в сопоставлении с другими городами.

В составе субдискурсов, в свою очередь, могут быть представлены еще более «мелкие» мини-дискурсы узкой тематики. Так, субдискурс городского ландшафта включает медиатексты об элементах городского ландшафта, состоянии городской среды, городской инфраструктуры и сервисе, и каждая тема организует свой минидискурс.

Из такого подхода следует, что, во-первых, один медиатекст может быть рассмотрен в нескольких дискурсах – как новостной, как тематически детерминированный – в составе дискурса, субдискурса, минидискурса; а во-вторых, что при анализе того или иного дискурса придется выходить за пределы новгородского медиаполя, например, в пространство истории Великого Новгорода или русской культуры. Такие «выходы» демонстрируют тот факт, что медиасфера не является закрытым и автономным пространством, она пронизана нитями связи с пространствами социальной жизни, истории и культуры.

Покажем, как минидискурсы новгородского медиаполя могут быть связаны с «большими дискурсами».

6 ноября 2012 четыре новгородских интернет-издания публикуют новость о переносе памятника Кочетову с большим количеством фотографий, иллюстрирующих все этапы перенесения (2; 3; 4). Областная газета «Новгородские ведомости» помещает информацию на своей новостной ленте в интернет-версии (<http://novved.ru/>). Помимо актуальной информации о переносе и его причинах (строительство торгово-развлекательного центра), тексты включают информацию пресуппозитивную: «Прямая речь» ограничивается тем, что сообщает: Кочетов – советский писатель. «Ваши новости» добавляют, что он родился в Новгороде, называют его самые известные романы, напоминают, что памятник поставлен в 1984 году.

8 ноября в еженедельнике «Новгород» под заголовком «**Юбилейное решение**» появляется краткая публикация об этом эпизоде с детализацией пресуппозитивной информации: обращается внимание, что перенос совпал со столетием писателя, указан автор памятника – скульптор Борис Едунов. Кроме того, анонсируется информация в следующем номере газеты (5).

15 ноября во вкладке «Наследие» газета публикует большую статью С. Антоновой «**Время расставило по местам?..**» со сведениями о писателе, о школьном музее Кочетова, оценками его творчества и позиции Д. Драгунским, Е. Поповым (1).

А днем раньше независимая «Новая новгородская газета» (№ 46) в рубрике «событие недели» под заголовком «**Давай, до свиданья**» помещает фотографию бюста на грузовике и подписью «Сыльно-переселенец Кочетов отправляется на улицу имени себя» и краткий комментарий С.Вишнякова, построенный как разоблачение мифов. Памятник не особо почитали, да и Кочетов своей родиной называл «колыбель революций», фильмы по его книгам были популярнее книг благодаря талантливым актерам, а реально Кочетов «много сделал для уничтожения настоящей литературы». Общий вывод: «Памятник писателю-инквизитору можно проводить без жалости, а вот парка – жаль». Из этого комментария, отличающегося от всех текстов дискурса критической тональностью, видно, как ландшафтный дискурс связан с историко-литературным.

Интересно проследить и проявление восприятия этого минидискурса читателями. В первые два дня после публикации новости появились их комментарии: в интернет-газете «Ваши новости» – 13; в «Прямой речи» – 6. Читатели как одобряют перемещение памятника (логично памятнику Кочетову стоять на улице Кочетова), так и скептически относятся к этой операции; больше их волнует целесообразность строительства еще одного торгового центра, перспективы исчезновения аллеи... Публикация газеты «Новгород», тираж которой 100 000, бесплатная доставка – буквально в каждый дом при наличии интернет-версии, откликов не вызвала. Из этого можно сделать выводы: во-первых, читатели интернет-изданий в большей степени готовы публично выразить свое отношение к городским событиям; во-вторых, это происходит в первый период появления публикации, и восприятие дискурса в медиаполе отнюдь не прямо пропорционально длительности его присутствия в медиаполе. Содержательно читательские комментарии убеждают в том, что ландшафт своего города их интересует больше, чем почитание писателя Кочетова и оценка его творчества; иначе говоря, горожанами воспринимается прежде всего актуальный дискурс, а не его дискурсивные проекции в пространство истории и культуры.

Таким образом, минидискурс Кочетова, состоящий всего из 8 текстов и 19 комментариев, входя в дискурс городского ландшафта, оказывается связанным с историей Новгорода, его ономастиком (памятник и улица Кочетова – теперь в одном пространстве), новгородской словесностью [23, с. 840] и дискурсом советской литературы и ее современного осмысления (цитата из журнала «Частный корреспондент» 24.11.2009). При этом можно заметить, что тематические дискурсы обнаруживают отношения пересечения и включения типа «матрешки», «вместимость» которой зависит от реального момента, политических и культурных обстоятельств. Рассмотренный минидискурс входит одновременно в дискурс ландшафта, инфраструктуры и памяти города, а также в дискурс новгородской словесности и советской литературы. Такого типа дискурсивные пересечения и включения можно показать и на других тематических дискурсах.

Построение дискурсивной модели регионального медиапространства и использование ее для мониторинга предполагает опору на ряд методов дискурсивного и собственно лингвистического анализа.

Основное место в нашем проекте отводится методу **подискурсивного** мониторинга медиаполя с использованием методик квантитативного и контент-анализа. Квантитативный анализ позволяет отслеживать меняющуюся во времени мощность дискурса, объясняя эти изменения собственно медийными или экстремедийными фактами. Контент-анализ позволяет выделить дискурсообразующие сюжеты и эпизоды, персонажи, сооружения и предметы (на-

пример, памятник), учитывая «принцип матрешки», по которому строятся отношения тематически сходных дискурсов, определять центр и периферию дискурсивного пространства.

Для каждого дискурса существенно отслеживать состав авторов и, что чрезвычайно важно для разнообразных содержательных и количественных оценок, действия адресатов – от их активности в комментариях до критичности их оценок.

Метод кросс-дискурсивного анализа нацелен на определение ключевых слов, организуемых медиапространство в определенный период и присутствующих в ряде тематических дискурсов, а также более сложно устроенных смыслов.

Так, сентябрь 2012 г. для новгородского медиаполя ознаменован присутствием ключевых слов *праздник, государственность, 1150 лет*, которые присутствовали в новостях, информационных жанрах о ландшафте города и пригородов, аналитических статьях о ходе и итогах празднования. Дискурс праздника отгеснил все другие и вызвал к жизни исторический дискурс, активизировав слова *история, память, Русь*, наименования исторических событий и персон, из которых безусловным фаворитом стал Рюрик. И каждый из текстов, освещающих события праздника, входит в дискурсы городских реалий, которые продолжают жить уже в контексте не сентябрьских текстов, а истории города.

Мониторинг смысловых детерминант позволяет выявить лексикон Великого Новгорода с его историческими наименованиями и новыми обозначениями – *родина, Россия, Город воинской славы*, по данным медиа. Это тем более важно, что в праздники в городе появились новые реалии, обсуждение которых составили отдельные дискурсы. Открытие рельеф-панно на мини-стелах в сквере Воинской славы освещалось в текстах с заголовками «**О героях былых времен...**» (Новгород. 20.09.2012); «**Бронзовые мгновения истории**» (Новгородские ведомости. 23.09.2012); «**Барельефный учебник истории**» (Там же. 25.09.2012); «**Обрастая монументами**» (Новая новгородская газета. 26.09.2012). Станут ли некоторые из них частью медиасловаря города, покажет время.

В октябре хотя и можно было обнаружить в медиаполе отголоски праздника (например, картина «Большой праздник в Великом Новгороде», вызвавшая ряд публикаций в разных СМИ), но уже доминировал дискурс губернаторских выборов, и ключевыми словами месяца стали *выборы, избиратели, губернатор*.

Какие медиалингвистические результаты мы хотим получить как итог своего мониторинга?

Прежде всего, мы предполагаем увидеть тематические и смысловые всплески и затухания, соотношение материалов о реальных проблемах города и медийный шум. В разработке каждого информационного сюжета важно проследить степень его развернутости: в этом проявится его дискурсивность (способность порождать дискурс). При рассмотрении сюжетов «вдоль и поперек» дискурсов будет ясно, какие медиаинституты задают тон, ставят проблемы в региональном поле, а какие обеспечивают информационное эхо. При этом выявятся круг ньюсмейкеров и лидеров мнений, наиболее авторитетных и независимых авторов. Сквозь дискурсы предполагается наблюдать такие смысловые свойства медиатекстов, как уровень их конфликтности, «привязанность» разных дискурсов к определенному типу персонажам и героям.

Далее очень важно пронаблюдать соотношение жанровых дискурсов. По первичным наблюдениям, в региональном медиаполе доминируют информационные жанры; удельный вес аналитики очень невелик, публицистов можно перечислить в небольшом списке (см. опыт творческого портрета новгородского публициста [24, с. 220]). При этом новостные тексты строятся как вариации официальных информационных сообщений в жанре пресс-релиза, исходящих от областной и городской администрации, УВД, культурных институций – музея, выставочных центров и под. Практически воспроизводя пресс-релизы, авторы/издания новостных текстов имеют возможность проявлять индивидуальность в оформлении заголовков. Так, рассмотренный выше минидискурс Кочетова включает тексты, заголовки которых различаются предикатами: *установлен, перенесен, переехал...* Это означает, что изучение заголовков приобретает особый интерес.

Наконец, собственно стилистические задачи видятся в том, чтобы увидеть диапазон стилистических ресурсов, используемых в рамках регионального медиаполя, полюсы стандарта и смелых стилистических решений. Естественно, такие наблюдения следует вести для выявления как стилистических установок изданий, так и идиостилей отдельных авторов.

Кроме того, нам хотелось бы убедить медиаисследователей в том, что дискурс действительно важный исследовательский инструмент, без которого инструментарий медиалингвистики неполон. Во всяком случае, в региональных медиаисследованиях.

Список литературы

1. Николаева Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978; Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. – М., 1995; Ревзина О. Г. Язык и дискурс // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1999. №1; Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Вопросы филологии. 2007.
2. Дискурсология как новая дисциплина // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. – Екатеринбург, 2006; Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Омск, 2011.
3. В Новосибирске в 1996 году начал выходить журнал «Дискурс: коммуникация – образование – культура» (главный редактор В. И. Тюпа); начиная с 7-го номера, выходит в РГГУ (Москва). В Белгороде с 2009 года выходит электронный журнал «Современный дискурс-анализ» (<http://discoursanalysis.org>).
4. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Пер. с фр. и португ.; Общ. ред. и вступ. ст. П. Серию; предисловие Ю. С. Степанова. – М., 1999; Чудинов А. П., Будаев Э. В. Дискурсивное направление в зарубежной медиалингвистике // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 45; [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0045\(03_20_2006\)&doc=../content.jsp&id=a19&xsl=showArticle.xsl](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0045(03_20_2006)&doc=../content.jsp&id=a19&xsl=showArticle.xsl)
5. Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М.Н. Володиной. – М., 2011.
6. Добросклонская Т. Г. Язык средств массовой коммуникации: учебное пособие. – М., 2012.
7. Барсукова В. В. Русский газетный дискурс тоталитарной эпохи в его обусловленности меняющейся партийной идеологией: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Пермь, 2011; Белов Е. С. Метафорическое моделирование внешнеполитического дискурса России и США: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2011; Зяткова Л. Я. Субъективная модальность политического дискурса (на материале российских, британских и американских печатных СМИ): Автореф. дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003; Костяшина Е. А. Дискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Томск, 2009; Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Омск, 2011; Мясников И. Ю. Жанры речи в дискурсе периодического издания: специфика дискурса и описательная модель речевого жанра: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Томск, 2005; Очеретина М. А. Мелодраматический дискурс современного российского телевидения: структурно-коммуникативный аспект: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2012; Тагильцева Ю.Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006.
8. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. – М., 2008.
9. Анненкова И. В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. – М., 2011.
10. Карасик В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград, 1999; Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2007.
11. Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. – М., 1979; Рождественский Ю. В. Общая филология. – М., 1996.
12. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
13. Барсукова В. В. Русский газетный дискурс тоталитарной эпохи в его обусловленности меняющейся партийной идеологией: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Пермь, 2011.
14. Дейк Т. А. ван Новости как тип дискурса // ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ./Сост. В. В. Петрова; Под ред. В. И. Герасимова; Вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. – М., 1989.
15. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: новая парадигма изучения языка СМИ // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М.Н. Володиной. – М., 2011.
16. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Омск, 2011.
17. Зяткова Л. Я. Субъективная модальность политического дискурса (на материале российских, британских и американских печатных СМИ): Автореф. дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003; Очеретина М.А. Мелодраматический дискурс современного российского телевидения: структурно-коммуникативный аспект: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2012.
18. Чудинов А. П., Будаев Э. В. Дискурсивное направление в зарубежной медиалингвистике...; Чудинов А. П. Динамика метафорических образов в российской политической коммуникации начала XXI века // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М. Н. Володиной. – М., 2011.
19. Шмелева Т. В. Медиалингвистика как медийное речеведение // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. – СПб, 2012.
20. Кочетков П. Н. Дискурс телевизионных новостей // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М. Н. Володиной. – М., 2011.
21. Чернов А. В. Российские медиаисследования: региональная парадигма // Векторы развития медиаисследований в России: Тезисы конференции. – М., 2012.

22. Костяшина Е. А. Дискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Томск, 2009.

23. Шадурский В. В. «Необыкновенно цельный ... был человек!» (В.А. Кочетов) // Новгородский край в русской литературе / Отв. ред. В.А. Кошелев. – Великий Новгород, 2009.

24. Шмелева Т. В. Сергей Брутман: «В области сердца» // Мысль. Текст. Стил: сб. статей, посвященный докт. филол. наук, проф. К. А. Роговой / под ред. Л. Р. Дускаевой и В. И. Конькова. – СПб, 2011.

Список источников

1. Драгунский Д. Время расставило по местам?.. [Электронный ресурс] / Д. Драгунский // Новгород. – Электрон. дан. – М. – 2012 – Режим доступа: http://gazetanovgorod.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=18729&Itemid=51, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

2. Кобяков А. Памятник Кочетову переехал на одноимённую улицу [Электронный ресурс] / А. Кобяков // Ваши новости. – Электрон. дан. – М. – 2012 – Режим доступа: <http://vnnews.ru/gizn-goroda/28832-pamyatnik-kochetovu-pereexal-na-odnoimennuyu-ulicu.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

3. Степанова В. В Великом Новгороде памятник Кочетову перенесли на одноимённую улицу [Электронный ресурс] / В. Степанова // Прямая речь. – Электрон. дан. – М. – 2012 – Режим доступа: <http://www.pryamayarech.ru/news/4359/%20http://news.novgorod.ru/%20news/103516/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

4. Томмингас Т. Фото: памятник писателю Кочетову в Великом Новгороде установлен на новом месте [Электронный ресурс] / Т. Томмингас // Новгородские новости. – Электрон. дан. – М. – 2012 – Режим доступа : <http://53news.ru/7187:foto-pamyatnik-pisatelyu-kochetovu-v-velikom-novgorode-ustanovlen-na-novom-meste.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

5. Юбилейное решение [Электронный ресурс] // Новгород. – Электрон. дан. – М. – 2012 – Режим доступа : http://gazetanovgorod.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=18679&Itemid=51, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

DISCOURSE AND RESEARCH TOOLS OF MEDIA LINGUISTIC

T. V. Shmelova

*Yaroslav-the-Wise
Novgorod State
University*

*e-mail:
szmeil@mail.ru*

In this paper the concept *discourse* is regarded from the point of view of the instrumental aspect as part of media linguistics. The specific objective, which is supposed to solve on the basis of this concept, is the monitoring of the regional media field. In addition, the author proposes the typology of discourses that reflects the key concepts of media speech, and brings to a focus the thematic discourse as a research tool. It is shown how discourse analysis allows us to interpret the regional media field semantically and from the position of development time.

Keywords: media linguistics, regional media field, discourse, genre, monitoring.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378

ОСОБЕННОСТИ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ВУЗОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ*

Е. В. Козлова¹
И. В. Ирхина²

¹⁾ Пензенская
государственная
технологическая
академия

²⁾ Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:
real12345@inbox.ru
Irhina@bsu.edu.ru

В данной статье рассматривается процесс становления и развития системы повышения квалификации преподавателей вузов в центрах дидактики высшей школы Великобритании с середины 60-х гг. XX в. В работе проведён анализ социально-экономической ситуации, сложившейся в указанный период и повлиявшей на модернизацию системы переподготовки научно-педагогических кадров высшей школы Соединённого Королевства. Представленные материалы докладов комитетов, созданных по инициативе британского правительства, характеризуют деятельность вузов по обновлению стратегий профессионального роста их преподавателей. В настоящее время каждый вуз в Великобритании разрабатывает собственную программу повышения квалификации своего академического персонала, проводя индивидуальные и групповые занятия, а также предоставляя специальный отпуск преподавателю для проведения научной работы. Наряду с вузами проблемой переподготовки академических кадров занимаются и специально организованные учреждения, такие как Академия высшего образования, аккредитующие и финансирующие проекты по совершенствованию педагогической деятельности преподавателей вузов страны.

Ключевые слова: повышение квалификации, научно-педагогические кадры, центры дидактики высшей школы, модернизация образования.

Научные достижения британских учёных вызывают всё больший интерес к изучению процесса становления и развития системы Центров дидактики высшей школы (ЦДВШ) Великобритании, ставшей в условиях нарастающей интернационализации и интеграции современного мира предметом исследования во многих странах.

Вхождение России в мировое образовательное пространство и реформирование системы высшего образования усиливают внимание отечественных исследователей к проблемам повышения квалификации научно-педагогических кадров российских вузов. В решении обозначенной проблемы представляется целесообразным рассмотрение образовательного опыта Великобритании, государственная политика которой, признавая ключевую роль высшего образования в решении социально-экономического развития общества, придаёт первостепенное значение подготовке научно-педагогических кадров высших учебных заведений. Модернизация образования, формирование Европейского пространства высшего образования требуют расширения их мобильности, а, значит, и постоянного повышения уровня их профессиональной компетентности.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 - 2013 гг. в рамках проекта «Разработка и реализация психолого-педагогических условий развития инновационного стиля профессиональной деятельности будущих специалистов в образовательном пространстве вуза», соглашение № 14.А18.21.0098.

Известно, что до 1960-х гг. XX в. высшее образование в Великобритании возможно было получить всего лишь в 23 университетах, с общей численностью студентов в 102 тыс. человек. Нехватка высококвалифицированных профессиональных кадров, спад промышленного производства, по общему уровню которого в 1950 г. Великобритания занимала второе место в мире после США, а к началу 1970-х гг. XX в. сместилась на пятое, – чётко обозначили противоречие между возможностями сложившейся системы образования и социально-экономическими потребностями страны. В качестве одной из причин создавшегося положения правительство Соединённого Королевства признало несовершенство системы образования, реформа которого началась с высшей школы:

«Для рассмотрения состояния высшего образования в стране в свете национальных потребностей и ресурсов» был создан специальный комитет под председательством известного экономиста лорда К. Б. Роббинса. Первый и основной вывод, который сделал комитет – это необходимость незамедлительного проведения реформы высшего образования [6]. «Если высшее образование не реформировать, то остаётся мало надежд, что этот густо населённый остров займёт достойное, соответствующее ему положение в яростно конкурирующем мире будущего» [10].

Комитет Роббинса определил в качестве приоритетной цели высшего образования обеспечение определённого соотношения между обучением и научно-исследовательской работой. Научные исследования были призваны одной из основных функций высшей школы.

В середине 1990-х гг. XX в. в Великобритании был учреждён Национальный комитет по исследованию высшего образования, призванный изложить своё видение перспектив развития высшей школы, соответствующей социально-экономическим потребностям Соединённого Королевства на ближайшие 20 лет. Этот комитет под председательством сэра Рона Деаринга в июле 1997 г. сделал доклад, в котором решающая роль в производстве научных знаний отводилась научно-педагогическим кадрам высшей школы. В докладе содержались рекомендации по обновлению стратегии профессионального роста преподавателей вузов, чтобы достигнуть уровня мирового высшего образования для всего постоянного штата преподавателей должно стать нормой обучение по аккредитованным программам [9].

Содержавшиеся в докладе сэра Р. Деаринга предложения по совершенствованию педагогического мастерства как обучающей компетенции преподавательского состава, были одобрены вузовскими сотрудниками и нашли своё отражение в разрабатываемых программах всех уровней: федеральных, региональных, университетских, индивидуальных, имеющих стратегический аспект повышения квалификации научно-педагогических кадров.

В Великобритании нет законодательно установленных требований относительно обучения на курсах профессионального развития преподавателей высшей школы; их постоянный профессиональный рост – это ответственность каждого университета, большинство из которых имеет свои собственные отделы или работников, ответственных за профессиональное развитие персонала. Ими разрабатываются программы обучения, как для своих преподавателей, так и для коллег из других вузов. Аккредитация и финансирование некоторых программ обучения в сектор высшего образования осуществляется Академией высшего образования Великобритании, Ассоциацией развития образования и персонала (SEDA), при поддержке Фонда лидерства для высшего образования, изучающего инновационные процессы в национальных образовательных системах. Они также разрабатывают программы по постоянному совершенствованию профессиональной подготовки научно-педагогических кадров высшей школы при активном участии высших учебных заведений и профессиональных ассоциаций, базирующиеся на современных научных открытиях и инновационных педагогических технологиях.

Отметим, что ЦДВШ Великобритании проводят не только групповые занятия, но и индивидуальные, на которых можно получить консультации по многим вопросам, например, при подготовке материалов для публикаций с точки зрения публицистического стиля. Такие курсы и семинары служат форумом для коллег, где обсуждаются новые педагогические технологии и, где они получают знания по программам, дающим более фундаментальную подготовку для практической деятельности, а также для исследовательской и научной работы. К участию в работе семинаров приглашаются представители различных ведомств, промышленных корпораций и фирм, бизнеса, которые непосредственно прилагают усилия к разработке специализированных программ.

Кроме того, по свидетельству Т. Шанина, проработавшего в течение 25 лет в зарубежных университетах, «в британских вузах большое значение придаётся разработке авторских курсов и программ, т.к. чтение лекции «по учебнику» считается унижительным для преподавателя и факультета. Опираясь на новейшие научные достижения, преподаватели ежегодно со-

вершенствуют свои программы. Как и российская, «британская система образования предполагает переподготовку преподавателей. Великобритания опирается в этом на более индивидуализируемые формы, определяемые выбором самого преподавателя. Чрезвычайно значима строго выдерживаемая обязанность постоянной исследовательской работы всех университетских преподавателей, но по которым не «спускается» план или развёрстка тем. Предоставляется академический отпуск («sabbatical»), когда преподаватель уходит на годичную «полевую работу» или научную стажировку (но не может использовать это время, отдыхая или обеспечивая себе дополнительный заработок). Работает система «внешних экзаменаторов», когда преподаватели разных университетов перекрёстно оценивают работу друг друга, взаимно перенимая профессиональный опыт. В последнее время активно действует система «горизонтальной» взаимооценки внутри и между факультетами («peer review»), при которой передаётся и распространяется преподавательский и/или исследовательский опыт. Преподаватель университета находится под своеобразным неформальным, но постоянным нажимом профессиональной среды, побуждающей к дальнейшему повышению квалификации, кроме того, происходит ежегодная оценка его работы, которая опирается как на дискуссию формализованной письменной самооценки в рамках академического обзора (academic review), так и на взаимооценку коллег (peers review). К тому же университет регулярно проводит анкетирование студентов с целью выявления их оценки учебного процесса, рейтинга преподавателей, выявления слабых и сильных сторон деятельности отдела и университета в целом, при этом необходимо отметить, что при анкетировании строго соблюдается принцип конфиденциальности. Результаты опроса дают важную информацию для анализа работы преподавателей и поиска путей её совершенствования» [7].

Потребности в повышении квалификации персонала выявляются различными путями в зависимости от конкретных обстоятельств и политики вуза. Как правило, требования к курсам повышения квалификации определяются с трёх точек зрения: индивидуума, служебных обязанностей, потребностей учреждения. Акцентирование внимания на одной из указанных позиций может нанести ущерб другим.

Каждый британский вуз разрабатывает стратегию повышения квалификации своего персонала на основе долгосрочного учебного плана. Такая деятельность является центральным направлением развития вузов и может включать формальное обучение педагогических кадров, получение ими второго образования, изучение опыта коллег и другие виды деятельности, ведущие к изменениям в навыках и умениях, которые потом будут использованы преподавателями на практике. Повышение квалификации персонала вузов предполагает обучение умению самостоятельно находить решения поставленных задач и эффективному применению современных технологий в профессиональной деятельности.

Высокий уровень научных исследований и подготовки научных кадров в Великобритании достигается во многом благодаря тому, что наставниками молодых исследователей являются всесторонне подготовленные научные сотрудники, принадлежащие к интеллектуальной элите Соединённого Королевства.

Список литературы

1. Вульфсон Б. Л. Высшее образование на Западе на пороге XXI века: успехи и нерешённые проблемы // Педагогика. – 1999. – № 2. – С. 84 – 95.
2. Галаган А. И. Подготовка научных кадров в наиболее развитых зарубежных странах // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 5. – С. 157 – 171.
3. Гибсон М., Афонин А. Ю. Бизнес и высшее образование: опыт взаимодействия в Великобритании // Университетское управление за рубежом. – 2004. – № 4. – С. 53 – 66.
4. Корф Д. В. Образовательное право и образовательная система Великобритании // Ежегодник российского образовательного законодательства. – 2006. – Том I. – С. 188 – 216.
5. Суббето А. И. Образовательная революция на рубеже XX и XXI веков: отражение сдвигов в механизмах развития мировой цивилизации и императивов выживаемости // Стандарты педагогического образования и оценка его качества в России и за рубежом. Сборник научных сообщений. – М., 1994.
6. Тарасюк Л. Н., Цейкович К. Н. Образование в Великобритании // Социально-политический журнал. – 1997. – № 3. – С. 153 – 168.
7. Шанин Т. О пользе иного: британская академическая традиция и российское университетское образование // Вестник Европы. – 2001. – Том III. – С. 41 – 49.
8. Robinson B. (2001) Innovation in open and distance learning: some lessons from experience and research in F. Lockwood and Anne Gooley (eds.) Innovation in Open and Distance Learning. London: Kogan Page.
9. Sir Ron Dearing. The Summary Report. July 1997. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.leeds.ac.uk/educol/ncihe/>.
10. Further and Higher Education Act 1992. L., 1992.

ACADEMIC STAFF DEVELOPMENT FEATURES IN THE UK: HISTORICAL AND POLITICAL ASPECTS

E. V. Kozlova

I. V. Irkhina

*¹⁾ Penza State Technological
Academy*

*²⁾ Belgorod National
Research University*

e-mail:

*real12345@inbox.ru
Irkhina@bsu.edu.ru*

This article examines the process of academic staff development system formation in the higher education didactics centers in the UK since the middle of 60s of the XXth c. The paper analyzes the socio-economic situation of the given period and how it influenced the modernization of the academic staff development system in the UK. The given materials of reports of the committees established by the British government initiative characterize the activity of universities to update their staff professional development strategies. Nowadays every university in the UK is developing its own staff development programs for its academic staff by conducting individual and group sessions as well as giving a special leave to a teacher for his or her scientific work. Along with the activities of universities academic staff development involves the activities of specially organized institutions such as the Higher Education Academy accrediting and funding projects to improve pedagogical skills of academic staff of British universities.

Keywords: staff development, academic staff, higher education didactics centers, education modernization.

УДК 331

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ*

Е. О. Ларина¹
Е. И. Ерошенкова²
И. Ф. Исаев²

*¹⁾ Саратовский государственный
технический университет*

*²⁾ Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail:

larinao808@yandex.ru
eroshenkova@bsu.edu.ru
Isaev@bsu.edu.ru

Развитие инноваций в России сопряжено с развитием экономики знаний, подготовкой кадрового резерва. Стимулирование эффективного развития системы знаний обеспечивает внедрение инновационных форм предпринимательства.

Ключевые слова: инновации, предпринимательство, подготовка молодых специалистов, воспроизводство научных кадров, социально-экономическая интеграция, ресурсы, система.

Развитие инновационного предпринимательства отражает необходимость поиска механизмов взаимодействия вузовской науки и представителей современного бизнеса.

Мы считаем, что данный процесс можно разделить на три подпроцесса [1; 3; 6]: совершенствование имеющихся технологий взаимодействия вузовской науки с инновационными предприятиями; воспроизводство научных кадров; дополнение существующей системы институтов, задающей устойчивость и качество развития социально-экономической системы.

Полноценное взаимодействие названных подпроцессов в системе критически важно. Несбалансированность их взаимодействия разрушает социально-экономическую стабильность и приводит систему в состояние хаоса. В качестве иллюстрации данного процесса можно привести коллапс Советского Союза, который отличался повышенным вниманием к производственным процессам и оптимальным показателям производительности труда, высоким уровнем образования населения, однако, недостаточное внимание к эволюции общественных институтов привело к разрушению системы [2; 3].

В настоящее время наблюдается полная потеря внимания к воспроизводству производственной базы регионов, их восстановлению и укреплению, однако, завышена роль воспроизводства человеческого капитала.

Следует отметить, что профессиональное образование оказалось под существенным влиянием социально-экономической системы, таким образом, наметился значительный перекос между необходимыми и востребованными специалистами и выпускниками ВУЗов с открытой проблемой трудоустройства [7; 8; 9].

Представители предприятий отмечают высокий процент гуманитарных специалистов по отношению к инженерам. Ведущие ВУЗы частично устранили данную проблему за счет внедрения новых специальностей, реформирования кафедр, что по нашему мнению не позволяет полностью устранить данную проблему. Помимо этого, представителями ведущих предприятий региона отмечается низкий уровень адаптации выпускников к внешней среде, что усложняет работодателям задачу по их трудоустройству, создавая дополнительные препятствия. Представители и руководители ведущих предприятий характеризуют данную проблему как недостаточный уровень взаимодействия с представителями ВУЗов и отмечают необходимость данного взаимодействия. Предприятия регионов нацелены на применение инновационных разработок, однако, ощущают недостаток квалифицированных специалистов.

Подготовка квалифицированных специалистов должна осуществляться с ориентацией на «технологии будущего» и производится с опережением темпов модернизации для того, чтобы удовлетворять потребностям рынка труда. Подготовка специалистов должна производиться

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. в рамках проекта «Разработка и реализация психолого-педагогических условий развития инновационного стиля профессиональной деятельности будущих специалистов в образовательном пространстве вуза», соглашение № 14.А18.21.0098.

с привлечением квалифицированных преподавателей – практиков, а также разработчиков внедряемого проекта [4; 5].

Внедрение данных преобразований в социально – экономическую систему становится возможным при тесном информационно – техническом сотрудничестве государства, высшей школы, молодых ученых, представителей ведущих предприятий, общественности, а также поддержке прикладных исследований и научных разработок. В ходе исследования нами выявлены следующие недостатки имеющихся форм инновационного предпринимательства: низкая «выживаемость» предприятия в условиях социально-экономической системы; отсутствие тесных связей (либо односторонняя связь) с другими элементами системы; отсутствие дополнительного финансирования или самоокупаемости.

В качестве новой формы инновационного предприятия рассматривается опыт Некоммерческого партнерства «Интеграционный бизнес-центр» (далее НП ИБЦ г.Саратов), который, используя договорную систему, привлекает к работе с молодыми специалистами различные элементы социально-экономической системы, достигая тем самым необходимой интеграции. НП ИБЦ, в данном случае, выступает в качестве ведущей площадки для аутсорсинга прикладных исследований для производственных предприятий. Помимо этого, НП ИБЦ выступает интеллектуальным хранилищем данных, инновационных идей и практических разработок. Таким образом, исходя из вышесказанного, создается благоприятная среда для деятельности ИБЦ, в рамках которой осуществляется не только качественный отбор предложенных инновационных проектов и идей, но и их практическая апробация.

Информационная среда ИБЦ характеризуется тем, что в ней научно – практические разработки проходят все стадии экспертных проверок: от первичной до практической, что позволяет другим участникам рынка инновации оценить их привлекательность во внешних условиях. ИБЦ может как существовать как самостоятельно, так и входить в структуру высшей школы.

Данные организационные формы, как в структуре высшей школы, так и самостоятельные позволяют осуществить трансферт знаний и научных разработок между предприятиями, представителями высшей школы, научными центрами, решить проблему трудоустройства выпускников.

Таким образом, эффективным механизмом устранения проблемы трудоустройства выпускников Саратовской области выступает одна из составных структур НП ИБЦ, Институт научных исследований и развития, осуществляющий профессиональную деятельность более 1,5 лет.

Целями НП ИБЦ являются:

- создание эффективных связей с представителями предприятий региона, для изучения потребностей работодателей в квалифицированных работниках;
- повышение качества инновационных разработок и диссертационных исследований соискателей и аспирантов;
- трудоустройство выпускников гуманитарных специальностей;
- взаимодействие с представителями государственной власти;
- оказание консультационных услуг для населения региона по вопросам высшего профессионального образования;
- проведение профессиональной переподготовки специалистов и их дальнейшее трудоустройство;
- оказание консультационных услуг по написанию бизнес-планов для начинающих предпринимателей, их дальнейшее внедрение;
- издание научной литературы;
- организация конференций и других научных мероприятий;
- повышение статуса молодого ученого, преподавателя, предпринимателя.

Организационная структура НП ИБЦ включает: отдел ИНИР, отдел трудоустройства и переподготовки, отдел по работе с клиентами и консультирования, бухгалтерия, издательство, отдел по работе с партнерами.

Данная организационная структура была создана нами для апробации собственных научных разработок, их необходимости и эффективности в социально-экономической системе региона. Подготовка квалифицированных специалистов должна осуществляться с опережением темпов модернизации для того, чтобы удовлетворять потребностям рынка труда, что отражает необходимость создания эффективных связей с представителями предприятий региона, для изучения потребностей работодателей в квалифицированных работниках.

НП ИБЦ организует данное взаимодействие с представителями ведущих предприятий региона следующими путями (табл. 1).

Таблица 1

Механизмы взаимодействия НП ИБЦ с предприятиями региона

Обязанности НП ИБЦ	Обязанности предприятия-партнера
Договор о сотрудничестве	
Подбор квалифицированных кандидатов, соответствующих требованиям работодателя; Организация стажировки кандидатов на территории НП ИБЦ Организация ярмарки выпускников	Формирование обоснованных требований к кандидатам Текущее тестирование кандидата, организация встреч со специалистами предприятия на территории НП ИБЦ Участие в ярмарке выпускников, отбор кандидатов
Анкета работодателя	
Организация встречи сотрудника НП ИБЦ с представителями предприятия, заполнение анкеты Подбор кандидатов в соответствии с требованиями анкеты	Заполнение анкеты работодателя с указанием контактного лица Собеседование кандидатов от НП ИБЦ
Участие эксперта	
Организация ярмарок инновации и научных разработок	Участие в ярмарках инновации, экспертная оценка инновации, возможное внедрение, финансирование
Ответственность НП ИБЦ	
Текущая проверка кандидатов (проверка дипломов, текущий мониторинг трудоустройства кандидата, общая характеристика с места работы, учебы)	Трехкратный отказ от выполнения обязанностей работодателя и эксперта приводит к внесению в список недобросовестных работодателей, существующего в НП ИБЦ
Ответственность предприятия-партнера	

Таким образом, представленные формы сотрудничества определяют дальнейшую ответственность партнеров, уровень их взаимодействия друг с другом. В настоящее время, НП ИБЦ взаимодействует на договорной и экспертной основе с такими предприятиями Саратова как: ИДПО «Высшая школа недвижимости», ООО «Академия бизнеса», ООО «Магазин Катюша», ИП Паськова М.С., в качестве эксперта выступает МЦИТ «Интеллект» и др.

Такие формы взаимодействия эффективны и при повышении качества инновационных разработок и диссертационных исследований соискателей и аспирантов, так как, создается благоприятная среда в процессе деятельности в рамках которой осуществляется не только качественный отбор предложенных инновационных проектов и идей, но и их практическая апробация, что благоприятно влияет на создание малых инновационных предприятий, бизнес – инкубаторов и научно – образовательных центров.

Первым проектом, опробованным в реальных условиях, стал проект создания НП ИБЦ, предложенный нами в рамках данного исследования. Деятельность НП ИБЦ была признана эффективной рядом предприятий. Трудоустройство выпускников гуманитарных специальностей является одним из наиболее востребованных видов услуг НП ИБЦ, что объясняется разрушением механизма распределения выпускников.

Выпускники гуманитарных специальностей еще в процессе обучения (начиная с 1 курса) могут работать в НП ИБЦ, совмещая работу с учебой. Им доступны такие должности как: менеджер по работе с клиентами, консультант по ВПО (высшему профессиональному образованию), бухгалтер (помощник бухгалтера), специалист компьютерной верстки (подготовка макета книги к издательству), менеджер по работе с предприятиями-партнерами. Деятельность студентов осуществляется в цепном, циклическом порядке, т. е., должность студента меняется 1 раз в 4 месяца, что позволяет определить предпочтения в работе будущих специалистов. График работы свободный, что влияет на повышение качества учебы и общий уровень активности студентов, все работники взаимозаменяемые, что положительно влияет на качество работы предприятия в целом. Табл. 2 демонстрирует изменение профессиональных качеств студентов в процессе работы в НП ИБЦ.

Таблица 2

Изменение профессиональных качеств в процессе работы в НП ИБЦ

	До работы в НП ИБЦ	Во время работы в НП ИБЦ
Внимательность	8,9 ед.	12 ед
Ответственность	4,2 ед	8,1 ед
Коммуникативные навыки	1,3 ед	4,9 ед
Пунктуальность	0,3 ед	1,5 ед

Потребность работодателя в квалифицированных работниках определяется количеством единиц и должно составлять от 15 до 30, что определяет работоспособность. При таких показателях работник считается подходящим внутренним условиям работодателя. Средний показатель студентов до трудоустройства по всем показателям составлял 14,7, что не удовлетворяло общим требованиям работоспособности. Суммарный показатель работоспособности составил 26,5, что полностью соответствует требованиям работодателя [8].

Таким образом, показатель работоспособности студентов повысился на 11,8 единиц, что квалифицируется нами в рамках данного исследования как эффективный (рис.).

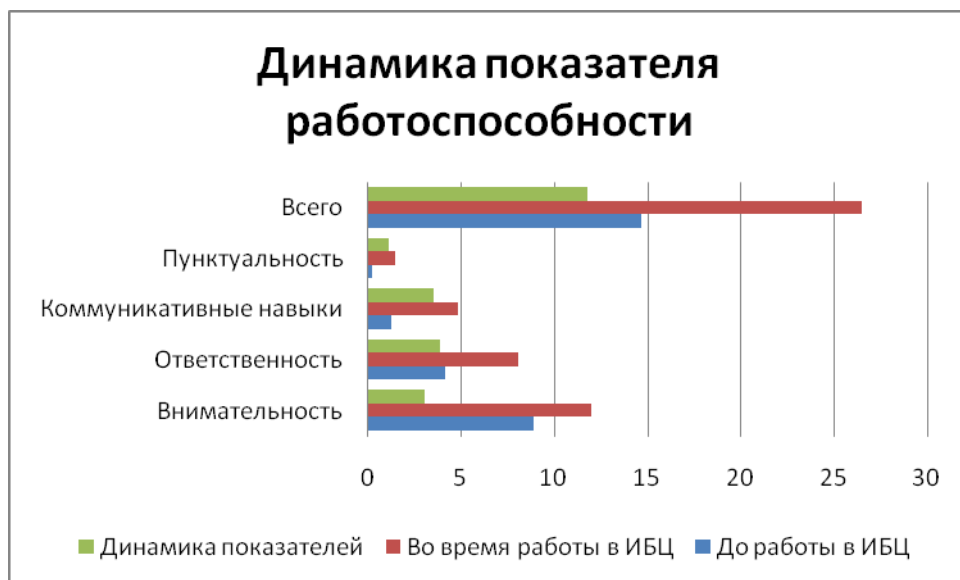

Рис. Динамика показателя работоспособности студентов во время работы в НП ИБЦ

Исходя из опыта работы НП ИБЦ, студенты гуманитарных специальностей не только повышают показатели работоспособности, но и отмечают актуальность их участия в научных исследованиях и практических инновационных проектах, что позволяет: приобрести практические навыки в применения инновации к стандартному производственному процессу (инновационные материалы, сырье, оборудование, технология); определить основные целевые установки, задачи и функции будущей специальности, а также определить правильность выбора профессии; приобрести опыт внедрения инновационных разработок в процесс производства, оказания услуг; определить профиль получаемого высшего профессионального образования, выявить наиболее перспективные направления; осуществлять комплексный анализ научной информации в соответствии с профилем специальности; адаптироваться к внешней среде, рынку труда, будущему рабочему месту.

Кроме того, работа в НП ИБЦ позволяет студентам приобрести навыки публичного выступления, общения с представителями государственной власти, бизнеса, общественных организации.

Таблица 3

Динамика коммуникативных навыков студентов

	До работы в НП ИБЦ	Во время работы в НП ИБЦ	Динамика
Способность к публичному выступлению	0,2	0,8	0,6
Желание принять участие в общественном мероприятии	0,5	1,3	0,8
Подготовка докладов на конференциях и выступление с ними	0,2	2,2	2
Взаимодействие с представителями гос. структур	0,1	0,5	0,4
Всего	1	4,8	3,8

Исходя из данных таблицы, во время работы студентов в НП ИБЦ, отмечается положительная динамика в коммуникативных навыках, что существенно влияет на взаимодействие с внешней средой, особенно с представителями государственных структур. При организации циклического замещения труда, каждый из работников НП ИБЦ вынужден общаться с представителями той или иной категории контрагентов.

В рамках деятельности НП ИБЦ организована переподготовка специалистов различных направлений за счет чего, укреплены связи высшей школы с представителями государственной власти, бизнеса за счет выполнения частного заказа на осуществление исследования, разработку модели, тестирования, внедрения сопровождения инновационных проектов.

Помимо этого, связи с представителями бизнеса укрепляются за счет модернизации образовательного процесса, внедрения инновационных механизмов, создания специализированных кафедр, специальностей, научно – исследовательских центров, лабораторий.

Взаимодействие отражает двусторонний характер связи с внешней средой, за счет привлечения ведущих специалистов производства к подготовке студентов, организации летней практики на производстве, создания специализированных кружков на базе предприятия. Помимо этого, должна осуществляться комплексная подготовка образовательных программ и методических курсов с участием специалистов с предприятий. Двусторонний характер связи представителей бизнеса и высшей школы направлен на обеспечение работников производства дополнительной переподготовкой за счет создания центров дополнительного профессионального образования. Профессиональная переподготовка и повышение квалификации осуществляется по направлениям строительство, проектирование, инженерные изыскания, специалисты по недвижимости, официанты, бармены, администраторы. Партнерами НП ИБЦ по данному направлению является ИДПО «Высшая школа недвижимости» и МЦИТ «Интеллект» СГТУ. Тем самым достигается необходимая комплексная подготовка квалифицированных специалистов и одна из целей НП ИБЦ – взаимодействие с представителями государственных структур.

Особый интерес у клиентов региона вызывают услуги по созданию Бизнес-плана, его дальнейшему внедрению. В рамках действующей социальной политики России, гражданам всех регионов доступно получение финансовой дотации от государства для организации собственного бизнеса. НП ИБЦ осуществляет комплексную поддержку начинающим предпринимателям в написании бизнес-плана, подготовки необходимой документации и т. д.

Деятельность НП ИБЦ востребована среди представителей высшей школы. В рамках деятельности НП ИБЦ организованы проектные группы, возглавляемые преподавателями ВУЗов региона. В настоящее время время их число существенно ограничено, так как работа центра по данному направлению осуществляется сравнительно недавно. В НП ИБЦ проводятся научно-практические конференции и публикация результатов научной деятельности.

Однако, деятельность данного центра частично ограничена за счет несовершенной законодательной системы. Анализ законов и законодательных актов, проведенных нами в рамках данного исследования, позволил сформировать следующие рекомендации для устранения ограничений. Дополнить имеющиеся формы государственного контроля уполномоченным органом – экспертным советом, в полномочия которого входит координация и контроль за работой МИП на территории региона, а также мониторинг финансовых расходов в соответствии с потребностями предприятия.

Дополнить существующие законы и законодательные акты разъяснениями для представителей муниципальных форм о функциях, целях, задачах и принципиальных отличиях МИП от существующих инновационных структур. Разработать пошаговые практические рекомендации для представителей муниципальных образований по созданию инновационных структур, подробно информировать об особенностях управления предлагаемой структурой, отчетности и преимуществах. Дополнить существующую государственную политику необходимыми документами и поправками для того, чтобы обеспечить эффективную деятельность НП ИБЦ.

Таким образом, центр является своеобразным буфером обмена информацией между представителями высшей школы, бизнеса и власти, что позволяет реализовать цели и задачи нашего исследования, т.е. представить новую модель инновационного предприятия, созданного на базе высшей школы.

Совместная деятельность представителей бизнеса и высшей школы, науки, государственной власти, общественности может быть выражена через разработку совместных инновационных проектов, направленных на улучшение качества жизни, изменение конкурентных позиций региона по отношению к остальным, что реализуется в НП ИБЦ через ярмарки инновации

и трудоустройство молодых специалистов. Коммерциализация результатов исследования приведет к существенному снижению числа дотации со стороны государства по отношению к высшей школе.

По нашему мнению, социально-экономическая система находится в состоянии нестабильности. Представленные ранее инновационные структуры не отражают потребностей внешней среды, особенно студентов, которые заинтересованы в трудоустройстве и стажировке на предприятиях. В каждой представленной форме, отражены по нашему мнению взаимодействия с представителями бизнеса, однако, они не принимают участия в воспроизводстве кадрового потенциала.

Исходя из вышесказанного, характеризуем НП ИБЦ как эффективную структуру взаимодействия представителей высшей школы, бизнеса, государства, общества с необходимой двусторонней связью с контрагентами высшей школы.

Список литературы

1. Bryson J. M. Strategic planning for public and nonprofit organizations. – San Francisco Jossey-Bass Publishers, 2004.
2. Carlsson B. and Stankiewicz R. On the nature and composition of technological systems. *Journal of Evolutionary Economics*, 1:2. – P. 93 – 118.
3. Cristina Chaminade, Hanno Roberts. Social Capital as a Mechanism: Connecting knowledge within and across firms. Third European Conference on Organizational Knowledge, Learning and Capabilities (OKLC) Athens, Greece, April 2002., – P. 12.
4. Rothwell R. Towards the fifth-generation innovation process // *International Marketing Review*. YoL 11 No. 1 1994. MCB University Press. – pp. 7 – 31.
5. Гамидов Г. С., Колосов В. Г., Османов Н. О. Основы инноватики и инновационной деятельности. СПб: Политехника, 2000 – 323 с.
6. Гохберг Л. М. Статистика науки и инноваций. Краткий терминологический словарь. – М.: ЦИСН, 1996, – с. 30 – 31.
7. Завлин П. Н., Казанцев А. К., Миндели Л. Э. Инновационный менеджмент: 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. – С. 4.
8. Инновационный менеджмент: Справ. пособие. / Под ред. П. Н. Завлина, А. К. Казанцева, Л. Э. Миндели. 2-е изд., переработ. и доп. М., 1998. – С. 4.
9. Исаев И. Ф. Научно-образовательный центр как инновационная форма развития творческого потенциала молодых ученых // Развитие внутрироссийской мобильности научных и научно-педагогических кадров на базе ведущих научно-образовательных центров. – Белгород, 2010. – С. 7 – 14.

MODELLING OF INSTITUTIONAL STRUCTURES AT THE HIGHER SCHOOL

E. O. Larina¹
E. I. Eroshenkova²
I. F. Isaev²

¹⁾ *Saratov state technical university*

²⁾ *Belgorod National Research University*

e-mail:
larinao808@yandex.ru
eroshenkova@bsu.edu.ru
Isaev@bsu.edu.ru

Development innovative economic system in Russia, in our opinion, is interfaced to development of economy of the knowledge, one of which components is the personnel reserve. Stimulation of effective development of the above-named system is creation of innovative forms of business.

Keywords: innovations, business, preparation of young specialists, reproduction of scientific shots, social and economic integration, resources, system, functions, elements.

УДК 378

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

С. А. Перекальский¹**Н. Л. Шеховская²**

*¹⁾ Московский
государственный
областной
социально-гуманитарный
институт*

*²⁾ Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:

s_perekalsky@mail.ru

Shehovskaya@bsu.edu.ru

В данной статье представлены теоретические и практические аспекты профессионально-личностной подготовки будущих учителей к инновационной деятельности. Рассматриваются актуальность инновационной деятельности учителя, теоретические основы, концепция, модель и технология подготовки.

Ключевые слова: актуальность инновационной деятельности учителя, теоретические основы, концепция, модель, технология профессионально-личностной подготовки будущего учителя к инновационной деятельности.

Актуальность профессионально-личностной подготовки будущего учителя к инновационной деятельности связана со многими социокультурными изменениями последних десятилетий, переходом общества в постиндустриальную стадию своего развития, демократизацией современной жизни. В новом обществе востребованы активные и деятельные субъекты, способные быстро и адекватно приспосабливаться к меняющимся условиям жизни, трудовым условиям, готовые к самообразованию, самовоспитанию и саморазвитию. Данные изменения нашли свое отражение в сфере образования в частности в Законе Российской Федерации «Об образовании», Национальной доктрине образования, программе модернизации, Приоритетном Национальном проекте «Образование» и Национальной образовательной инициативе «Наша новая школа». Особая роль в процессах обновления образования стала принадлежать учителю, представления о котором также претерпели изменения. В наиболее общем виде современный педагог рассматривается не только как специалист, транслирующий сумму знаний и образцов культуры, заинтересованный лишь в успеваемости учеников по своему предмету, а более предстаёт как субъект, самореализующийся в профессии, развивающий себя и создающий условия для развития учащихся, творчески подходящий к своей работе, выходящий за рамки отработанной методики преподавания своего предмета, способный к самообразованию и исследовательской работе. Одним из важнейших достижений российской образовательной политики является законодательно закреплённое право на свободу педагогического творчества (Закон РФ «Об образовании» ст. 55), что стало важнейшей предпосылкой становления педагогической инноватики как отрасли педагогической науки в нашей стране. Данные позитивные изменения способствовали смене традиционной исполнительской деятельности учителя, закономерному появлению новых представлений и направлений поиска в науке и практике, открыли возможность выбирать и использовать новые передовые или уже известные, но ранее не применяемые или запрещённые образовательные технологии. Учитель, не скованный идеологией и методическим арсеналом, получил возможность самовыражения и творческого поиска в профессии. В педагогической науке это вызвало актуализацию исследований в области инновационной деятельности учителя.

С целью определения теоретических основ профессионально-личностной подготовки будущего учителя к инновационной деятельности нами были исследованы традиционный зна-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009 – 2013 гг. в рамках проекта "Разработка и реализация психолого-педагогических условий развития инновационного стиля профессиональной деятельности будущих специалистов в образовательном пространстве вуза", соглашение № 14.А18.21.0098.

ниеый, профессиографический, деятельностный, культурологический, аксиологический, личностный и компетентностный подходы (Н. А. Асташева [3], А. Ф. Ахмерова [4], Е. В. Бондаревская [6], И. Ф. Исаев [8], Н. В. Кузьмина [10], А. К. Маркова [11], Л. М. Митина [12], Н. Л. Шеховская [19], О. Б. Широких [20] и др.). Было выявлено, что современное понимание характера и особенностей педагогической деятельности, базирующейся на аксиологическом, личностно-деятельностном и компетентностном подходах позволяет рассматривать педагогическую деятельность как творческую и исследовательскую, что постепенно выразилось в закреплении инновационной деятельности в качестве обязательного компонента педагогической деятельности современного учителя. Далее нами были уточнены понятия инновационная педагогическая деятельность и технология проектного обучения, на примере которой будет построена подготовка (М. В. Кларин [9], Е. П. Морозов [13], П. И. Пидкасистый [13], Л. С. Подымова [15], М. Б. Романовская [16], Г. К. Селевко [17], В. А. Сластенин [18] и др.). Под *инновационной педагогической деятельностью* рассматривается творческая педагогическая деятельность, направленная на создание, освоение, внедрение и распространение педагогических новшеств в рамках специально организованного и управляемого инновационного процесса. Технология проектного обучения представляет собой определенный алгоритм действий, направленный на стимулирование интереса учащихся к обучению через организацию их самостоятельной деятельности, постановки перед ними целей и проблем, решение которых ведет к появлению новых знаний и умений.

Результаты теоретического анализа отечественного и зарубежного опыта в области профессионально-личностной подготовки будущего учителя к инновационной деятельности (З. А. Абасов [1], Н. М. Анисимов [2], А. Ф. Балакирев [5], С. Г. Григорьева [7], Е. П. Морозов [13], А. Я. Найн [14], Л. С. Подымова [15], В. А. Сластенин [18], А. В. Шлома [21], С. Н. Шушкевич [22] и др.) позволили выявить определенный *инвариант компонентов* данной подготовки:

1. *Аксиологический (ценностный, мотивационный) компонент* подготовки. Преподаватель в рамках данного этапа должен стремиться к формированию у студентов заинтересованного позитивного отношения к инновационной деятельности учителя;

2. *Операциональный (технологический, креативный) компонент*. В рамках него возможны несколько направлений работы преподавателя, которые могут быть взаимосвязаны между собой: формирование умений (навыков, компетенций и пр.) на основе полученной информации по инновационным педагогическим технологиям (методикам, приемам, средствам и пр.), обучение основам или технологии инновационной деятельности учителя и развитие креативности студентов с помощью специальных упражнений (проблемных заданий, тренингов, дискуссий и пр.);

3. *Рефлексивный (оценочный, личностный) компонент*. Предполагает выявления уровня готовности будущего учителя к инновационной деятельности (диагностика уровня осмысления студентами теоретического, технологического и практического блоков подготовки, уровня владения необходимыми знаниями, умениями или компетенциями, наличие индивидуального стиля деятельности и желание его найти, наличие направлений и качество программ профессионально-личностного роста, становления творческого потенциала студента и пр.).

Этапы подготовки будущего учителя к инновационной педагогической деятельности могут быть представлены в другой последовательности или возможна комбинация или взаимосвязь всех компонентов на одном этапе.

На основе проведенного теоретического анализа литературы нами была разработана *концепция профессионально-личностной подготовки будущего учителя к инновационной деятельности на примере технологии проектного обучения*, которая опирается на знаниеый, деятельностный и ценностно-личностный методологический подходы, и в содержательном плане предполагает формирование у студентов знаний о педагогической инноватике, умений, навыков, ценностных ориентаций и субъектных качеств, необходимых для реализации инновационной деятельности в профессиональной области. Знаниеый (традиционный) подход ориентирован на передачу студентам-будущим учителям определенного уровня знаний, умений и навыков, необходимых для осуществления инновационной деятельности. Деятельностный подход раскрывает алгоритм подготовки к инновационной деятельности в единстве мотивационно-ценностного, операционального и оценочно-рефлексивного компонентов, что на наш взгляд, представляется целесообразным организовывать на примере технологии проектного обучения. Ценностно-личностный подход акцентирует внимание на формировании ценностных ориентаций и субъектных качеств, необходимых для личностного принятия инновационной деятельности будущими учителями, позволяет ее представить как ценность современного

образования и постулирует необходимость её становления в процессе профессионального обучения. Использование ценностно-ориентационной деятельности, педагогической рефлексии и самооценки должно способствовать более глубокому осмыслению и личностному принятию инновационной деятельности будущими учителями, к выходу за рамки традиционной педагогической деятельности и проявлению их творческой активности, а подготовка к использованию и реализация технологии проектного обучения будет способствовать, на наш взгляд, становлению субъектных качеств личности студентов, необходимых для осуществления инновационной деятельности.

Выявление практических аспектов профессионально-личностной подготовки будущего учителя к инновационной деятельности (на примере технологии проектного обучения) осуществлялось в ходе разработки модели и технологии, где они нашли свое отражение.

Модель подготовки обеспечивает системность и целостность данного процесса и должна, на наш взгляд, включать в себя следующие компоненты. *Целевой компонент модели*, ориентирует подготовку будущего учителя к инновационной деятельности на основе знаниевого, деятельностного и ценностно-личностного подходов и значимых принципов обучения: гуманизации, научности, доступности и нарастающей трудности, систематичности и последовательности, активности, самостоятельности, творчества и инициативы, связи теории с практикой, положительного эмоционального фона. *Содержательный компонент* включает в себя совокупность профессионально-значимых знаний (знание актуальности инноватики как современной отрасли педагогического знания, её исторических, теоретических и практических аспектов, проблем подготовки и готовности будущего учителя к инновационной деятельности, понимание ценностных основ инновационной деятельности учителя, значение его субъектной позиции, знание технологии проектного обучения, её сущности, истории возникновения и перспектив использования), необходимых умений и навыков (владение умениями и навыками проектирования: умение определять концепцию, главную идею проекта, актуальность, роль и значение исследования, предвидеть результаты и последствия проекта, владение умениями поиска, анализа и оценки информации, представления результатов проекта); ценностных ориентаций (идеалы, убеждения и интересы личности в сфере инноватики) и субъектных качеств (активность, самостоятельность, инициативность, автономность, самоорганизация, способность к творчеству, рефлексивность), реализующихся в рамках специального учебного курса. *Процессуальный компонент* раскрывается через совокупность форм, методов и средств учебного процесса (лекции, семинары, практические занятия, круглый стол, консультация, конференция; методы стимулирования и мотивации интереса к учению, объяснительный, репродуктивный, проблемный, эвристический и исследовательский методы; официальные документы, учебная и научная литература, учебно-методические рекомендации для студентов, Интернет), а также условий обучения, таких как субъект-субъектный характер взаимоотношений студентов и преподавателя, проблемный, эвристический и исследовательский характер обучения, предоставление учащимся права на точку зрения (мнение, анализ, оценка), эмоциональная выразительность педагога (необходимость продемонстрировать личное отношение по тем или иным вопросам данного курса), доверительность и уважительность в процессе обучения, организация самопознания и самооценки (использование профессиональной и личностной рефлексии и самооценки в структуре учебного курса). *Оценочно-результативный компонент* направлен на диагностику готовности будущего учителя к инновационной деятельности (на примере технологии проектного обучения) на основе разработанных критериев (когнитивный, деятельностный и ценностно-личностный), уровней (высокий, средний и низкий) и показателей готовности, а также диагностических методов (наблюдение, анкетирование и собеседование).

Поиск эффективного пути подготовки будущего учителя к инновационной деятельности (на примере технологии проектного обучения) привел к разработке *технологии*, под которой мы понимаем упорядоченную совокупность действий, обеспечивающую достижение студентами – будущими учителями среднего и высокого уровня готовности к инновационной деятельности в ходе последовательного продвижения от когнитивного к практическому и рефлексивно-оценочному этапу с постоянной опорой на рефлексию и самооценку. Ее разработка осуществлялась в соответствии с представленной ранее концепцией и моделью.

На *когнитивном этапе* технологии необходимо рассказать о цели и задачах подготовки, заложить основы научного понимания инновационной деятельности учителя, сформировать необходимые для ее осуществления ценностные ориентации и субъектные качества личности будущих учителей.

В самом начале данного этапа преподаватель проводит вводное занятие, раскрыв актуальность подготовки будущего учителя к инновационной деятельности и актуализировав педа-

гогическую рефлексию и самооценку. Далее следует рассказать об изменениях в формах взаимодействия человека с социумом, обновлении образования, ценности образования и интеллекта, изменениях требований к профессионализму учителя. Вместе с тем, требуется особо подчеркнуть ценность творческой деятельности учителя в таких аспектах как: профессиональный и личностный рост, совершенствование УВП, профилактика профессионального «выгорания», улучшение результатов подготовки учащихся и воспитанников. После этого представляется целесообразным проинформировать студентов об основных понятиях инноватики как современного направления педагогического знания: «новация», «инновация», «инновационный процесс», «инновационная деятельность» учителя, раскрыть сущность и особенности распространения и внедрения новшеств в образовании, аналитически представить основные научные подходы и трактовки к пониманию подготовки и готовности будущего учителя к инновационной деятельности. Данный этап требуется завершить занятием, в рамках которого необходимо обсудить и обменяться мнениями по наиболее актуальным вопросам изученного учебного материала.

Отдельным аспектом данного этапа выступает начало формирования ценностных ориентаций и субъектных качеств личности, необходимых для осуществления инновационной деятельности учителем. Как нам представляется, требуется в самом начале подготовки подробно и четко проинформировать студентов о них, раскрыв их сущность и значимость. Далее требуется организация ценностно-ориентационной деятельности для осознания их личной значимости в будущей профессии, а применение студентами педагогической рефлексии и самооценки, позволит оценить собственные возможности и перспективы развития в этом направлении.

Эффективность рассмотренного этапа технологии во многом будет зависеть от полноценной реализации целевого и процессуального компонентов модели подготовки. Некоторые их элементы, такие как принципы и условия подготовки необходимо реализовывать на всех этапах технологии без исключения, но ввиду того, что данный этап является когнитивным, основной формой организации занятий должны стать лекции, которые представляется необходимым разрабатывать в проблемном ключе (проблемный метод обучения), ставя актуальные проблемы и доказательно их раскрывая. В рамках лекционных занятий возможно использование таких элементов ценностно-ориентационной деятельности как эмоциональная выразительность преподавателя, с целью демонстрации личного отношения по некоторым вопросам учебного курса. Вопросы актуальности инновационной деятельности учителя на современном уровне развития отечественного образования и теоретические аспекты педагогической инноватики потребуются раскрыть с помощью семинарских занятий, которые могут быть выстроены в эвристическом ключе (частично-поисковый метод проведения). На семинарском занятии требуется организация выступлений студентов, дальнейшая дискуссия между отвечающим, группой и преподавателем по заранее подготовленной информации, которую необходимо обсудить, лично осмыслить и оценить. Для организации ценностно-ориентационной деятельности необходимо поддерживать субъект-субъектный характер взаимоотношений между студентами и преподавателем, предоставлять студентам право на личную точку зрения (мнение, анализ, оценка) по рассматриваемым вопросам, проявлять эмоциональную выразительность, демонстрируя личное отношение по материалу учебного курса. С целью организации ценностно-ориентационной деятельности, использования педагогической рефлексии и самооценки, на последнем занятии данного этапа (круглый стол) происходит обсуждение и обмен мнениями по изученным ключевым вопросам. От студентов может потребоваться конспектирование основных идей и предложений, наиболее понравившихся мнений группы, собственных оценок и соображений, а также выводов преподавателя. На данном этапе могут быть использованы все заявленные средства обучения, что позволит расширить научные представления студентов об инноватике и инновационной деятельности учителя (нормативные документы, учебная и научная литература, электронные и Интернет-ресурсы) и эффективно организовать процесс подготовки будущих учителей к инновационной деятельности (учебно-методические рекомендации для студентов).

На *практическом этапе* технологии подготовки будущего учителя к инновационной деятельности (на примере технологии проектного обучения) приобретенные знания и формирующиеся ценностные ориентации закрепляются в практической проектной деятельности и продолжается формирование субъектных качеств личности будущих учителей, необходимых для осуществления инновационной деятельности.

Для достижения этого представляется целесообразным предложить студентам выполнить основной фронтальный исследовательский проект (например, на тему «Учитель-

новатор»). Для его осуществления возможна разработка мини-проектов, которые могут быть как индивидуальными, так и групповыми, а также разных видов (исследовательскими, практическими, творческими, ролевыми и информационными) и рассматриваются как краткосрочные и среднесрочные (срок выполнения от одной недели до месяца). Возможными направлениями исследований могут быть мини-проекты, посвященные *основам профессиональной деятельности и её совершенствования* («Портрет современного учителя», «Совершенствование профессиональной деятельности учителя» и другие), *актуальным теоретическим и практическим вопросам инноватики* («Инноватика как отрасль педагогической науки», «Новшества в образовательном процессе вуза и школы», «Проблемы распространения и внедрения новшеств в образовательный процесс» и другие), *инновационной деятельности современного учителя* («Актуальные проблемы инновационной деятельности современного учителя», «Творчество в педагогической деятельности» и другие). С целью реализации этого замысла данный этап подготовки может состоять из *двух подэтапов*.

В рамках первого подэтапа возможно проведение классической триады занятий, посвященных технологии проектного обучения (лекция-семинар-практическое занятие). На лекциях целесообразно рассмотреть сущность технологии проектного обучения, ее актуальность и пути реализации. Особое значение имеет такой аспект как взаимосвязь инновационной деятельности учителя с возможностями технологии проектного обучения. Как и на когнитивном этапе, лекция предполагает использование ценностно-ориентационной деятельности (эмоциональная выразительность преподавателя, субъект-субъектные отношения, актуализация рефлексии и самооценки) и проводится в проблемном ключе. На семинарских занятиях рассматриваются вопросы, посвященные видам проектов, возможностям их использования в учебно-воспитательном процессе школы в урочное и внеурочное время и особенностям их оценивания и прочее. Семинарские занятия, как и на когнитивном этапе, выстраиваются в эвристическом ключе, организуется обсуждение между отвечающим, группой и преподавателем, по заранее подготовленной информации. Практические занятия занимают наибольший временной объем прохождения и на первом подэтапе посвящены разработке мини-проектов, тематика которых представлена выше. Их презентацию, обсуждение и оценивание, на наш взгляд, уместно провести на промежуточной учебной конференции.

Работа над основным фронтальным исследовательским проектом (например, «Учитель-новатор» – см. выше) проводится на втором подэтапе, на практических занятиях. Презентация, обсуждение и оценка проекта может проходить на учебной конференции, а обсуждение, обмен мнениями по наиболее значимым и дискуссионным вопросам данного этапа технологии – в рамках круглого стола.

На *рефлексивно-оценочном этапе* технологии преподаватель подводит итоги подготовки, вновь актуализирует педагогическую рефлексию и самооценку, проводит диагностику готовности будущего учителя к инновационной деятельности. Перед экзаменом проводится консультация, в ходе которой преподавателю необходимо раскрыть основные требования к ответам испытуемых, кратко рассмотреть и обобщить вопросы к экзамену, ответить на вопросы студентов. С помощью экзамена можно продиагностировать приобретённые студентами знания, формирующиеся или сформированные ценностные ориентации, необходимые для инновационной деятельности учителя, оценить четкость, широту, глубину, осознанность, логичность ответов испытуемых, их способность высказать и обосновать собственное мнение, привести пример. На рефлексивно-оценочном этапе возможно проведение анкетирования. Мы использовали две авторские анкеты, одна из которых направлена на диагностику готовности будущего учителя к инновационной деятельности исходя из трех критериев готовности. Вторая анкета исследует сформированное отношение к инновационной деятельности учителя в трех аспектах: к новациям в образовании, желанию их использовать, разрабатывая самостоятельно или заимствуя, к пройденному специальному курсу, его значению в их профессионально-личностном становлении. В дополнении к этому на всех этапах подготовки возможно использование такого диагностического метода как наблюдение. С целью его продуктивного применения мы опирались на авторский вариант критериев, уровней и показателей готовности будущего учителя к инновационной деятельности.

Таким образом, рассмотренные в данной статье теоретические основы, концепция, модель и технология позволили нам отразить наиболее существенные теоретические и практические аспекты профессионально-личностной подготовки будущего учителя к инновационной деятельности.

Список литературы

1. Абасов З. А. Подготовка к инновационной педагогической деятельности / З. А. Абасов // Педагогика. – 2002. – №3. – С. 106 – 108.
2. Анисимов Н. М. Обучение студентов решению инновационных задач / Н. М. Анисимов // Педагогика. – 1998. – №4. – С.59 – 62.
3. Асташева Н. А. Учитель: проблема выбора и формирования ценностей / Н. А. Асташева. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. – 272 с.
4. Ахмерова А. Ф. Развитие профессиональной компетентности студентов вузов коммуникативными средствами: автореф. дис. ... канд. пед. наук. / А. Ф. Ахмерова. – М., 2004. – 20 с.
5. Балакирев А. Ф. Затруднения учителей в инновационной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / А.Ф. Балакирев. – Шуя, 2000. – 20 с.
6. Бондаревская Е. В. Теория и практика личностно-ориентированного образования / Е. В. Бондаревская. – Ростов н/Д, 2000. – 352 с.
7. Григорьева С. Г. Подготовка будущих учителей начальных классов к инновационной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / С. Г. Григорьева. – Чебоксары, 2003. – 19 с.
8. Исаев И. Ф. Теория и практика формирования профессионально-педагогической культуры преподавателя высшей школы / И.Ф.Исаев; Моск. пед. гос. ун-т им. В. И. Ленина, Белгород. гос. пед. ин-т им. М.С. Ольминского. – М.: Изд-во Белгород. гос. пед. ин-та; Белгород, 1993. – 217 с.
9. Кларин М. В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии (анализ зарубежного опыта) / М. В. Кларин. – Рига: НПЦ «Эксперимент», 1995. – 176 с.
10. Кузьмина Н. В. Способность, одарённость, талант учителя / Н. В. Кузьмина. – Л.: Знание, 1985. – 32 с.
11. Маркова А. К. Психология труда учителя / А.К.Маркова. – М.: Просвещение, 1993. – 151 с.
12. Митина Л. М. Психология труда и профессионального развития учителя / Л. М. Митина. – М., 2004. – 320 с.
13. Морозов Е. П. Подготовка учителя к инновационной деятельности / Е. П. Морозов, П. И. Пидкасистый // Сов. педагогика. – 1991. – № 10. – С. 88 – 93.
14. Найн А. Я. Опыт инновационной деятельности в системе профессионального образования / А. Я. Найн // Педагогика. – 1994. – № 3. – С. 94 – 111.
15. Подымова Л. С. Подготовка учителя к инновационной деятельности / Л. С. Подымова. – М., 1995. – 164 с.
16. Романовская М. Б. Метод проектов в образовательном процессе / М. Б. Романовская // Завуч. – №1. – 2007. – С. 118 – 143.
17. Селевко Г. К. Педагогические технологии на основе активизации, интенсификации и эффективного управления УВП / Г. К. Селевко. – М., 2005. – 288 с.
18. Сластёнин В. А. Педагогика: инновационная деятельность / В. А. Сластёнин, Л. С. Подымова. – М.: Магистр, 1997. – 224 с.
19. Шеховская Н. Л. Педагогика и философия: духовно-ментальный диалог / Н. Л. Шеховская // Научные ведомости БелГУ. (серия Гуманитарные науки). - №6. – 2010. – С. 33 – 38.
20. Широких О. Б. Генезис ценностных ориентаций профессионально-личностной подготовки учителя в России (вторая половина XIX – 90-е гг. XX в.) / О. Б. Широких. – М.: МПГУ, 2004. – 212 с.
21. Шлома А. В. Личностно-профессиональное самосовершенствование как средство подготовки будущих учителей к инновационной деятельности: монография / А. В. Шлома. – Брянск, 2009. – 174 с.
22. Шушкевич С. Н. Проблема подготовки будущих учителей начальных классов к инновационной деятельности в школе / С. Н. Шушкевич // Педагогические науки. – 2010. – № 1. – С. 93 – 98.

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF FUTURE TEACHERS' PERSONAL DEVELOPMENT AND PROFESSIONAL TRAINING FOR INNOVATION ACTIVITIES

N. L. Shehovskaya¹
S. A. Perekalskiy²

¹⁾ *Moscow State Regional Socio-Humanitarian Institute*

²⁾ *Belgorod National Research University*

e-mail:
s_perekalskiy@mail.ru
Shehovskaya@bsu.edu.ru

The given article deals with theoretical and practical aspects of future teachers' personal development and professional training for innovation activities. It considers the topicality of teachers' innovation activities, its theoretical foundation, conception, training model and methodology.

Keywords: topicality of teachers' innovation activities, theoretical foundation, conception, model, methodology of future teachers' professional training and personality development for innovation activities.

УДК 378-048.78:005.336.2

МОДЕЛЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ГАРАНТИИ КАЧЕСТВА ПРЕПОДАВАНИЯ В ВУЗЕ НА ОСНОВЕ КОМПЕТЕНТНОГО ПОДХОДА: КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ*

М. И. Ситникова
Л. В. Верзунова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
sitnikova@dsu.edu.ru
verzunova@bsu.edu.ru*

В статье представлены требования, предъявляемые к обеспечению компетентности персонала, в том числе и к гарантии качества преподавания. На их основе рассматриваются критерии и показатели эффективности модели обеспечения системы гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентного подхода.

Ключевые слова: гарантии качества преподавания, система, компетентный подход, модель, критерии, показатели.

Обеспечение гарантий качества преподавания в вузе, основывающееся на компетентном подходе в рамках функционирования специально разработанной системы, зависит, прежде всего, от профессорско-преподавательского состава, который должен быть компетентным на основе полученного образования, подготовки, навыков и опыта. Требования, предъявляемые к обеспечению компетентности персонала, в том числе и к гарантии качества преподавания, заложены в MS ISO 9001: 2008 «Системы менеджмента качества. Требования»: определять необходимую компетентность персонала, выполняющего работу, влияющую на соответствие требованиям, предъявляемым к продукции; обеспечивать, там, где уместно, подготовку или предпринимать другие действия с целью достижения необходимого уровня компетентности; оценивать результативность предпринятых мер; обеспечивать осведомленность своего персонала об актуальности и важности его деятельности и вкладе в достижение целей в области качества [1]. Данные требования заложены в основных блоках модели обеспечения системы гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентного подхода.

Модель представляет собой проект взаимодействия субъектов образовательного процесса с точки зрения интересов, как их личности, так и вуза, в котором они работают в рамках определенной совокупности различных блоков, определяющих все процессы, направленные на достижение требуемых результатов. Следствием механизма обеспечения как совокупности процедур принятия управленческих решений является осознание его субъектом того, как достигнутые результаты на основе компетентного подхода скажутся на функционировании и развитии системы гарантии качества преподавания в вузе.

При этом важно также помнить, что система гарантии качества преподавания является педагогической системой, организованной на основе компетентного подхода, включающей субъекты образовательного пространства вуза, взаимодействующие между собой посредством целевого, содержательного, организационно-деятельностного, результативного компонентов образовательного процесса в различных направлениях деятельности в общественно-необходимое время в определенных организационно-педагогических условиях, и реализующейся на уровнях самоуправления и самоуправления [2]. Мы исходим из того, что гарантии качества преподавания в вузе представляют собой процесс обеспечения качества подготовки выпускников посредством профессиональной деятельности преподавателя и ее результатов, выражающих меру ее соответствия распространенным в обществе представлениям о том, каким должен быть процесс преподавания и каким целям он должен служить.

В рамках компетентного подхода содержание модели «пронизывают» идеи концепции всеобщего управления качеством [3], компетентности профессорско-преподавательского состава; требования, предъявляемые к ее обеспечению, в том числе и к гарантии качества преподавания. Данные требования, как было сказано выше, заложены в основных блоках модели обеспечения системы гарантии качества преподавания в вузе на основе

* Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы (Госконтракт № 14.740.11.0575 от 05.10.2010 г.).

компетентного подхода: «анализ состояния системы», «целеполагание», «проектирование работы системы», «ресурсное обеспечение работы системы», «реализация системы», «контроль эффективности реализации системы», «критерии и показатели эффективности системы», «коррекция системы и процесса ее реализации» [4], «механизмы, средства и условия» [5], обеспечивающие оптимальное функционирование системы гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентного подхода (рис.).

Рис. Модель обеспечения системы гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентного подхода

Особую роль играет компетентность персонала, призванного гарантировать качество преподавания в вузе и его соответствие требованиям на основе полученного образования, подготовки, навыков и опыта. Важное место в данном блоке модели занимают обеспечение подготовки или другие действия в целях достижения необходимой компетентности и оценка результативности принятых мер; обеспечение осведомленности персонала об актуальности и важности его деятельности и вкладе в достижение целей в области качества образования.

Модель обеспечения системы гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентного подхода, вне сомнения, должна быть эффективной. В этой связи реализация заявленной модели непосредственно связана с проблемой эффективности. Мы исходим из того, что в основе понятия «эффективность» лежит ограниченность ресурсов, желание экономить

время, получать наиболее качественную продукцию из доступных ресурсов. Эффективность (от латинского слова «effectus») означает исполнение, действие. Понятие «эффективность» в педагогике используется в точном смысле слова: эффективно то, что приводит к результату; эффективный – значит действенный. Другими словами, эффективность – это уровень соответствия результатов какой-либо деятельности поставленным задачам. Эффективность, таким образом, может быть представлена не иначе как совокупная «польза», измеренная относительным способом. Эффективность – это соотношение между результатами деятельности и ресурсами. Абсолютным показателем результата какого-либо действия или деятельности является эффект, предполагающий какой-либо полезный результат как положительный, так и отрицательный. Выделение эффективности проверкой здравого смысла осуществляется путем ответа на вопрос: «А что дают эти ресурсы?». Эффективности модели обеспечения системы гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентного подхода предполагает сопоставление затрат и результатов. Следовательно, рассматриваемая эффективность есть определенная связь между достигнутым результатом и использованными ресурсами.

Оценка эффективности модели обеспечения системы гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентного подхода предполагает разработку системы критериев как важнейших отличительных признаков, характеризующих качественные стороны явления, его сущность. Критерии непосредственным образом декомпозируются в показатели. Эффективность представленной в работе модели может быть оценена по различным взаимодополняющим критериям.

Таковыми критериями в работе являются: организационно-исполнительский критерий, профессиональная компетентность преподавательских кадров, удовлетворенность потребителей качеством преподавания в вузе.

Организационно-исполнительский критерий характеризует качественную сторону эффективности процесса реализации модели обеспечения системы гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентного подхода. Критерий «Профессиональная компетентность преподавательских кадров» позволяет выявить теоретическую и практическую готовность преподавателя гарантировать качество преподавания в вузе. Критерий «Удовлетворенность потребителей качеством преподавания в вузе» находит свое отражение в результатах мониторинга – постоянного или периодического слежения, а также испытания объекта через определенные интервалы времени главным образом с целью регулирования и управления.

Критерии выступают выражением цели многогранного процесса обеспечения гарантии качества преподавания в вузе и предполагают выявление возможностей развития данного процесса. Однако в практической деятельности используется не сам критерий, а построенная на его основе система показателей, каждый из которых в определенной мере отражает элементы рассматриваемого процесса. Показатели эффективности модели, рассматриваемой в исследовании, позволяют сделать вывод о том, насколько она полезна для функционирования и развития системы гарантии качества преподавания в вузе. На основе обозначенных критериев выстроена система показателей, каждый из которых в определенной мере отражает элементы рассматриваемого процесса.

В рамках **организационно-исполнительского критерия** представляется целесообразным выделить аналитико-целевой, проектировочно-прогностический, ресурсно-исполнительский, контрольно-оценочный показатели.

Аналитико-целевой показатель свидетельствует о том, в какой степени цели ориентированы на конкретные действия организационных структур вуза на основе взаимных связей и отношений, на комплексное достижение запланированных результатов работы в сфере в области гарантий качества преподавания в вузе на основе компетентного подхода. Целевая эффективность или эффективность целеполагания (правильность выбора и постановки целей) отвечает на вопрос – «насколько задачи соответствуют действительным потребностям, имеющимся в обществе». Она должна сводиться к разрешению проблем, удовлетворению текущих нужд на должном уровне и открытию перспектив, означающих выход на новые уровни удовлетворения общественных потребностей и означающих его новое более прогрессивное состояние. Целевая эффективность может быть выражена также в вопросах: «Что нужно делать?» и «Насколько это нужно делать?», «Какие неприятности с этим могут быть связаны?», «Что нам это даст?» Эффективность, отражающая, прежде всего, степень достижения преследуемых целей, характеризует процессы и воздействия сугубо управленческого характера, поэтому эффективностью обладает лишь целенаправленное взаимодействие.

Проектировочно-прогностический показатель определяет на уровне основной образовательной программы направления и содержание работы вуза по обеспечению оптимального функционирования и развития системы гарантии качества преподавания на основе компе-

тентностного подхода. Проявление данного показателя говорит о том, в какой степени содержание программы, в том числе рабочих программ дисциплин, программ научно-исследовательской работы и различных видов практик, обеспечивает фиксацию и обоснование основных видов деятельности и планирование мероприятий, направленных на развитие общекультурных и профессиональных компетенций в рамках ФГОС ВПО и универсальных (общенаучных, инструментальных, системных), социально-личностных (социального взаимодействия, самоорганизации и самоуправления, системно-деятельностного характера и пр.), профессиональных компетенций в рамках СУОС ВПО, с установлением конкретных исполнителей и сроков выполнения.

Ресурсно-деятельностный показатель позволяет оценить исполнительскую эффективность предлагаемой в исследовании модели, которая определяется отношением достигнутых результатов к поставленным целям. Крайне важным является определить ресурсное обеспечение работы системы для ее поддержания в рабочем состоянии, а также для постоянного повышения результативности данной системы и удовлетворенности потребителей путем выполнения их требований. Установленный показатель позволяет реально представить кадровое обеспечение и материальные ресурсы.

Кадровое обеспечение определяется научно-педагогическими кадрами, имеющими, как правило, базовое образование, соответствующее профилю преподаваемой дисциплины, и систематически занимающимися научной и (или) научно-методической деятельностью; системой подготовки и повышения квалификации профессорско-преподавательского состава вуза; привлечением научных кадров и специалистов-практиков из числа действующих руководителей и работников профильных организаций, предприятий и учреждений и пр.

Материальные ресурсы оцениваются, прежде всего, как **интеллектуальные активы**, включающие в себя учебно-методические материалы для реализации образовательных программ, инновационные образовательные технологии, в том числе активные и интерактивные методы и формы обучения, продукты научно-издательской деятельности и пр. При этом, методические материалы, обеспечивающие реализацию основной образовательной программы, представляют собой приложения к ней в форме образовательных контентов: лекции и практикумы (образовательные модули) по дисциплине; учебно-методические материалы для лекционных, семинарских и практических занятий по дисциплине; дидактические материалы: демонстрационный электронный ресурс, задания для самостоятельной работы студентов; задачи для домашнего задания, электронные атласы; методические указания к курсовым работам, по использованию лабораторного оборудования по дисциплине, по самостоятельной работе; оценочные средства (тесты) по дисциплине и пр.

В рамках ресурсного обеспечения предполагается, что содержание каждой из преподаваемых учебных дисциплин (модулей) представлено в сети Интернет или локальной сети образовательного учреждения; внеаудиторная работа обучающихся сопровождается методическим обеспечением и обоснованием времени, затрачиваемого на ее выполнение; каждый обучающийся обеспечен доступом к электронно-библиотечной системе, содержащей издания по основным изучаемым дисциплинам и сформированной по согласованию с правообладателями учебной и учебно-методической литературы; библиотечный фонд укомплектован печатными и/или электронными изданиями основной учебной литературы по дисциплинам базовой части всех циклов в соответствии с лицензионными требованиями; электронно-библиотечная система обеспечивает возможность индивидуального доступа во время самостоятельной подготовки для каждого обучающегося из любой точки, в которой имеется доступ к сети Интернет в соответствии с объемом изучаемых дисциплин и пр.

Минимально необходимым для реализации основных образовательных программ бакалавриата, магистратуры, специалитета является перечень материально-технического обеспечения, включающий в себя лаборатории и оборудование: специально оборудованные кабинеты по дисциплинам циклов математического и естественнонаучного, общепрофессионального и профильной части учебного плана, а также помещения, оборудование и расходные материалы для выполнения выпускных квалификационных работ студентов; наглядные пособия, а также мультимедийные, аудио-, видеоматериалы; компьютерные классы с выходом в Интернет и обеспеченные мультимедийными средствами хранения, передачи и представления учебной информации.

Реализация системы гарантии качества преподавания на основе компетентностного подхода осуществляется: во-первых, в соответствии с учебным планом, отражающим требования федеральных государственных или самостоятельно устанавливаемых образовательных стандартов высшего профессионального образования и структурированным двумя взаимосвя-

занными составными частями: компетентностно-формирующей и дисциплинарно-модульной; во-вторых, в условиях реализации документированных процедур: «Реализация образовательных программ ВПО (по всем специальностям и направлениям подготовки)».

Реализация компетентностного подхода предусматривает широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбора конкретных ситуаций, психологических и иных тренингов) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся. В рамках учебных курсов должны быть предусмотрены встречи с представителями российских и зарубежных компаний, государственных и общественных организаций, мастер-классы экспертов и специалистов.

Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах, определяется главной целью программы, особенностью контингента обучающихся и содержанием конкретных дисциплин, и в целом в учебном процессе они должны составлять не менее 20 процентов аудиторных занятий.

Актуальным является применение инновационных технологий обучения, в частности, преподавание дисциплин в форме авторских курсов по программам, составленным на основе результатов исследований научных школ вуза, учитывающих региональную и профессиональную специфику при условии реализации содержания образования и формирования компетенций выпускника.

Контрольно-оценочный показатель включает в себя текущий контроль успеваемости, промежуточную аттестацию обучающихся и итоговую государственную аттестацию выпускников. Для аттестации обучающихся на соответствие их персональных достижений поэтапным требованиям соответствующей ООП (текущий контроль успеваемости и промежуточная аттестация) создаются фонды оценочных средств, включающие типовые задания, контрольные работы, тесты и методы контроля, позволяющие оценить знания, умения и уровень приобретенных компетенций.

Критерий «профессиональная компетентность преподавательских кадров» оценивается степенью проявления таких показателей, как теоретическая готовность к обеспечению гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентностного подхода, практическая готовность к обеспечению гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентностного подхода, конкурентоспособность в условиях развития системы гарантии качества преподавания в вузе.

Профессиональная компетентность преподавателя вуза выражает его теоретическую и практическую готовность к обеспечению гарантии качества преподавания в вузе, в том числе на основе компетентностного подхода. Профессиональная компетентность определяется педагогическими умениями [6].

Показатель «Теоретическая готовность к обеспечению гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентностного подхода» проявляется в обобщенном умении педагогически мыслить, предполагающем наличие у преподавателя аналитических, прогностических, проективных и рефлексивных умений. Содержание *практической готовности* выражается во внешних умениях, которые можно наблюдать: организаторские и коммуникативные. Данный показатель позволяет выявить составляющие организаторских умений (мобилизационные, информационные, развивающие и ориентационные умения) и коммуникативных умений: взаимосвязанные группы перцептивных умений, собственно умений общения (вербального) и умений педагогической техники. Основной формой для определения степени проявления показателя являются проводимые в вузе конкурсы профессионального мастерства. Такими конкурсами, к примеру, являются: «Лучшие программные и учебно-методические материалы НИУ «БелГУ» по пяти номинациям («Лучшая ООП, разработанная на основе ФГОС или СУОС ВПО», «Лучшая рабочая программа дисциплины (модуля), разработанная на основе ФГОС ВПО или СУОС ВПО НИУ «БелГУ»», «Лучший электронный учебно-методический комплекс для студентов, обучающихся с применением дистанционных образовательных технологий», «Лучшие тестовые задания для контроля знаний студентов», «Лучший электронный образовательный ресурс»); «Лучший преподаватель вуза» в двух номинациях: «Дебют» для молодых преподавателей любого профиля, работающих в университете менее пяти лет; «Признание» для преподавателей любого профиля, имеющих опыт работы в вузе более пяти лет.

Показатель «Конкурентоспособность в условиях развития системы гарантии качества преподавания в вузе» определяется квалификацией преподавателя, профессиональной компетентностью, общей культурой, человеческими и моральными качествами. Конкурентоспособность преподавателя вуза представляет собой его способность к корпоративным дости-

жениям в труде, представляющим вклад в реализацию организационных целей вуза, наиболее эффективным способом [7]. Для обеспечения системы гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентного подхода преподавателю уже недостаточно личного опыта, интуиции и учебных программ, включающих в себя обмен опытом на научных и методических конференциях, круглые столы, общение с коллегами на специальных семинарах, позволяющие продемонстрировать собственные достижения, добиться их признания, получить новые стимулы для развития. Современный преподаватель несет профессиональную ответственность не только за передачу, хранение и использование суммы знаний, но и за их приумножение. Преподавателю необходимо иметь, поддерживать и периодически обновлять классические знания в профессиональной области и одновременно перестраивать собственный стиль жизни и работы применительно к системе гарантии качества преподавания на основе компетентного подхода. Данный показатель позволяет определить степень адаптации современного преподавателя вуза к изменяющимся условиям, его участие в формировании имиджа привлекательно-го вуза, как для будущих студентов, так и для бизнес-структур.

Для измерения эффективности модели системы обеспечения гарантии качества преподавания в вузе по показателю «конкурентоспособность в условиях развития системы гарантии качества преподавания в вузе» нами была адаптирована методика измерения факторов, влияющих на уровень конкурентоспособности профессорско-преподавательского состава вуза; сегментации внутривузовского рынка труда преподавателей по критерию их организационной ценности; причин неудовлетворенности трудом ППС [7].

Мы придерживаемся точки зрения, что конкурентоспособность в условиях развития системы гарантии качества преподавания в вузе позволяет судить о восприятии преподавателями стабильности своего существования, т.е. факторов среды существования вуза (Ф1); об их конкурентных преимуществах в обеспечении системы гарантии качества преподавания на основе компетентного подхода, т.е. о факторах, характеризующих человеческие ресурсы вуза (Ф2); о стратегии и тактике включения преподавателя в развитие системы обеспечения гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентного подхода (Ф3) – факторах организации преподавательской деятельности (табл.). При этом, $K_{ппс} = f(\Phi_1, \Phi_2, \Phi_3)$.

Таблица

Факторы, влияющие на обеспечение системы гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентного подхода

Группы факторов	Факторы	Содержание влияния факторов
1. Факторы, связанные со средой существования вуза (Ф1)	Особенности вуза	Внутренние характеристики вуза делают его более уязвимым по отношению к внешним непредвиденным изменениям (рыночная потребность в рабочей силе; динамика потребности в образовательных услугах, изменение структуры обучающихся, состояние рынка труда преподавателей; государственные инвестиции в образование, коммерциализация, образования и пр.).
	Структура вуза	
	Рыночная конкуренция среди образовательных учреждений	
	Давление коммерческого и технологического окружения	
2. Факторы, характеризующие потенциал ППС вуза (Ф2)	Трудовой потенциал вуза	Факторы, связанные с потенциалом ППС, определяют его конкурентные преимущества в четырех крупных областях управления системой гарантии качества преподавания на основе компетентного подхода: компетенции ППС; жизненный цикл рабочей силы; совокупные затраты на ППС; эффективность труда ППС.
	Трудовой потенциал ППС	
	Штатная структура ППС	
	Организационная культура	
	Гибкость компетенции персонала (подвижность ППС)	
	Степень быстроты реакции ППС на внешние возмущения	
Мотивация и открытость персонала внешней среде		
3. Факторы, характеризующие условия трудовой деятельности ППС вуза (Ф3)	Разделение и кооперация труда	Факторы, связанные с условиями трудовой деятельности ППС вуза, меняются эволюционно под воздействием целого ряда причин, складывающихся постепенно, а могут изменяться резко под целенаправленным регулирующим воздействием и повышать качество подготовки специалистов, результативность образования, эффективность труда ППС, конкурентоспособность высшей школы
	Рациональные приемы и методы обучения	
	Организация рабочего места	
	Организация обслуживания рабочих мест (материально-техническое, учебно-методическое и др. обеспечение учебного процесса и т.д.)	

Показателями критерия «удовлетворенность потребителей качеством преподавания в вузе на основе компетентностного подхода» нами определены: современность, актуальность, полезность модели обеспечения системы гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентностного подхода.

Средством для измерения удовлетворенности потребителей системы гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентностного подхода ее процессом и результатом обеспечения является мониторинг. Мониторинг предполагает сбор, переработку и анализ информации, отражающей степень этой удовлетворенности. Источниками информации об удовлетворенности потребителей могут быть: анкетирование; непосредственное общение с потребителями; данные потребителей в отношении качества поставленной продукции; благодарности, претензии в рамках гарантийных обязательств; сообщения в различных СМИ и т.д. К потребителям вуза в сфере образовательных услуг относятся внутренние и внешние потребители. Группу внутренних потребителей составляют ректорат, студенты, профессорско-преподавательский состав, сотрудники, аспиранты, докторанты, соискатели, ординаторы, интерны и др. В группу внешних потребителей входят: работодатели, учебные заведения (школы, лицеи, гимназии, колледжи, техникумы, училища), общество (родители, общественные организации), государственные учреждения. К основным методам получения данных о требованиях потребителей относятся опрос и наблюдение. Опрос является первичным методом, он выполняется в виде анкетирования, интервьюирования, собеседования, телефонных переговоров или переписки с непосредственным потребителем (заказчиком) и пр.

В основу оценки эффективной реализации модели обеспечения системы гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентностного подхода положена степень проявления показателей обозначенных выше критериев.

С учетом выявленных в работе критериев и показателей эффективности рассматриваемой модели формируется технологический и методический инструментарий, обеспечивающий внедрение модели обеспечения системы гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентностного подхода. Инструментарий дифференцируется в разрезе критериев: организационно-исполнительского; профессиональной компетентности преподавательских кадров; удовлетворенности потребителей качеством преподавания в вузе на основе компетентностного подхода.

Эффект по выявленным показателям заключается в экономии временных и трудовых ресурсов. Особо важное значение для выявления заявленной эффективности, на наш взгляд, имеет суммарный эффект всего комплекса ресурсов и тех последствий, которые с точки зрения системности, непротиворечивости, взаимной связанности, оказывают влияние на состояние и развитие системы гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентностного подхода.

Список литературы

1. RU ГОСТ Р ИСО 9001-2008. Системы менеджмента качества. Требования [Текст]. – М.: Стандартинформ, 2009. – 26 с.
2. Ситникова М. И., Михайлов Н. Н. Система гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентностного подхода // Образование. Наука. Инновации. – Ростов-на-Дону, 2011. – № 4 (19).
3. Стандарты и Директивы для Агентств Гарантии Качества в Высшем Образовании на Территории Европы // Европейская Ассоциация гарантии качества в высшем образовании, 2005.
4. Ситникова М. И., Михайлов Н. Н. Модель реализации системы гарантии качества преподавания в вузе на основе компетентностного подхода // Гуманитарные науки и образование. – Саранск, 2012. – № 2 (10). – С. 70 – 74.
5. Ситникова М. И., Рагозина Л. Д., Тарасова С. И. Механизмы, средства и условия развития системы гарантии качества преподавания в вузе // Перспективы науки. – Тамбов, 2011. – № 7 (22).
6. Сластёнин В. А. Педагогика: Учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Сластёнин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов; Под. ред. В. А. Сластёнина. – 2-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 576 с.
7. Сотникова С. И., Козлова О. П. Инновационно-креативное развитие преподавателей высшей школы: проблемы, подходы // Проблемы развития инновационно-креативной экономики – 2009/ Сб. научных статей по итогам Международной научной конференции, С.-Петербург, 19 – 20 мая 2009 г. / Под общ. ред. проф. Горелова Н. А., проф. Мельникова О. Н. – М.: Издательство «Креативная экономика», 2009. – 840 с.

MODEL FOR SYSTEM OF ASSURANCES QUALITY OF TEACHING IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS ON THE BASIS OF A COMPETENT APPROACH: CRITERIA AND INDICATORS

M. I. Sitnikova
L. V. Verzunova

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
sitnikova@bsu.edu.ru
verzunova@bsu.edu.ru

Article represents the requirements shown to ensuring of competence of the personnel, including assurances quality of teaching. On their basis criteria and indicators of efficiency of model of providing system of assurances quality of teaching in higher education institution on the basis of a competent approach are considered.

Keywords: assurances quality of teaching, competent approach, system, model, criteria, indicators

УДК 378.14

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ УЧИТЕЛЯ ИНФОРМАТИКИ И ЕГО КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ РОЛИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

Н. А. Толстова¹
Т. Н. Разуваева²

¹⁾ Ставропольский государственный педагогический институт

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

*e-mail:
nett4610@yandex.ru
razuvaeva@bsu.edu.ru*

В содержании статьи раскрываются особенности профессиональной деятельности учителя информатики и выделяются конвенциональные роли выполняемые учителем информатики в условиях новой информационной реальности. Также автор затрагивает вопрос профессиональной компетентности учителя информатики – как ведущей цели профессионала

Ключевые слова: новая информационная реальность, информатизация образования, конвенциональные роли, профессиональная компетентность учителя информатики.

Последнее десятилетие развития общества ознаменовалось крупномасштабными институциональными изменениями практически во всех сферах его жизнедеятельности. При этом различные средства информатики, новые информационные технологии все более широко и разветвлено пронизывают экономику, науку, образование, культуру, политику, сферы обеспечения экологической и национальной безопасности, бытовую сферу. Соответственно в структуре актуальных теоретико-методологических проблем развития информатики исследователями (Р. Ф. Абдеевым, А. Ш. Абдуллаевым, М. И. Башмаковым, Е. М. Киреевым, К. К. Колинским, И. Б. Новик, Е. А. Ракитиной и др.) выделены и описаны новые по качеству проявления информационные явления, детерминирующие жизнь общества и каждого человека, что привело к появлению понятия «информационная реальность». Без оперирования этим понятием уже невозможно себе представить ни обыденного, ни научного, ни философского языка.

Одним из первых понятие «информационная реальность» еще в конце 1980-х гг. предложил Н. М. Чуринов, однако до сих пор данный термин имеет множество различающихся между собой трактовок.

Так, Р. Ф. Абдеев указывает, что понятие «информационная реальность» в самом широком контексте включает в себя: «1) естественно возникшие информационные структуры неорганической природы; 2) естественно возникшие информационные структуры органической природы; 3) искусственные информационные структуры, созданные целенаправленной деятельностью человека» [1].

Анализ сущностно-содержательного понимания автором того, что из себя представляют данные структуры, позволяет заключить, что структуры неорганической природы – это неживая природа, окружающая человека, все то из чего человек создает, строит, возводит, используя накопленные знания; структуры органической природы – это сами люди, а информационные структуры – это технологии, используемые для обеспечения жизни общества. Другими словами, информационная реальность в данном подходе – это вся сущностная, объективная реальность.

По мнению Е. М. Киреева информационная реальность это физические, математические, химические, биологические, социальные, технические и другие знания, а также материальные ценности, созданные человеком, включая и технологию получения, обработки, хранения и передачи информации [2].

Информационная реальность рассматривается им как характеристика цивилизационного уровня развития человечества, важнейшими показателями которого выступают: система

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. в рамках проекта «Разработка и реализация психолого-педагогических условий развития инновационного стиля профессиональной деятельности будущих специалистов в образовательном пространстве вуза», соглашение № 14.А18.21.0098.

знаний о всех сферах жизни человека, общества, в целом планеты; все материальное, созданное человеком, что определяется как важнейшая предпосылка жизни общества, как безусловная ценность; технология обеспечения функционирования информации.

Юсупов Р. М. информационную реальность определяет как сложную и многоплановую систему, процесс реализации определенного информационного взаимодействия различных ее компонентов. Под «взаимодействием» Р. М. Юсупов подразумевает фундаментальную философскую категорию, отражающую процессы воздействия различных составляющих информационной реальности, их взаимную обусловленность, изменение состояния, взаимопереходы [3].

Автор не называет конкретные компоненты системы, однако из контекста размышлений становится понятно, что в данную систему он включает весь материальный и духовный мир. Главное же для нас в понимании ученым информационной реальности – это наличие глобального информационного взаимодействия, пронизывающего все в данных мирах.

Черных О. П. определяет информационную реальность следующим образом: это область действительного мира, представляющая собой знаково-символическое образование, фиксирующее отношения между запечатленной в знаке информацией и субъектами информационной деятельности [4].

В предложенном определении подчеркивается, что информационная реальность – это определённая отдельная сфера реальности, существование которой возможно лишь при условии тесного взаимодействия людей и информации, а главная цель данного явления взаимодействия – создание искусственных информационных структур.

Таким образом, говоря о феномене информационной реальности, авторы в том или ином контексте обращаются к таким структурам как: субъектная (человек), материальная (созданное человеком) и информационная (информация, технология функционирования информации). Однако заметим, что ряд авторов под информационной реальностью подразумевают совокупность и единство данных структур, в их понимании информационная реальность – это вся существующая реальность, а вторая половина исследователей подчеркивают, что люди не являются частью информационной реальности, они лишь живут в ней, являются ее активными пользователями и преобразователями, т. е. в их понимании информационная реальность – это искусственные информационные структуры в форме всей совокупности знаний и информации, существующей в цивилизации.

Заметим к тому же, что возникновение и существование информационной реальности возможно только лишь в границах определенных систем, способных содержать и передавать информацию.

Так, канадский философ Маршалл Маклюэн, первый исследователь электронных средств массовой коммуникации, предвестник компьютерной и сетевой эпохи, справедливо замечает, что по сути, каждому из этапов развития цивилизации (от первобытности до современной истории) соответствует формирование особой информационной реальности, характерной существующему на тот период доминирующему средству передачи информации.

Вся практика развития общества свидетельствует, что именно смена способа организации и увеличение скорости передачи информации ведет к изменению структуры знания, и, как следствие, меняет структуру информационной реальности.

Фактически история цивилизации развития человека свидетельствует о наличии нескольких «новых» информационных реальностей, рубежами наступления которых явилось возникновение письменности, книгопечатания, электронных средств и т. д.

Становится очевидным, что именно появление и развитие в наши дни интернета как новой формы социальной коммуникации и взаимодействия влечет за собой не просто изменение содержания информационной реальности, которую, на наш взгляд, в данных условиях можно определить именно как новую информационную реальность, а кардинальное изменение способов и характера функционирования всех компонентов реальности. При этом именно информация становится связующим все компонентом, за информацией признается возможность породить новый мир.

В последние полвека именно информация являет собой «принцип, вокруг которого организовано современное общество» [5]. Таким образом, в наше время информация тотальна и, «вовлекая человека в масштабный спектакль, кардинально влияет и на человека, и на окружающую его реальность» [5]. Подобная ситуация порождает новые экономические, политические и культурные нормы, а вместе с тем стиль мышления и мировосприятия. По мнению Скотта Лэша «человечество стоит ... на пороге открытия новой научной картины мира, где объективным началом и основанием становится не вещество или энергия, а информация. На смелую материальному (физическому) миру с его законами и системой ценностей приходит более

сущностный – информационный мир; на смену физической картине мира приходит более объемная и глубокая информационная картина мира» [5].

Сегодня новая информационная реальность уже не просто определяет, а диктует новые параметры жизни каждого человека, накладывая неизгладимый отпечаток на человеческую жизнь, существенно изменяя взаимоотношения между людьми, привычные ценности и стандарты восприятия мира, т.е. в её условиях происходит информатизация всех сфер и уровней жизни и деятельности человека – глобальная информатизация общества. Колин К. К. подчеркивает, что в XXI в. процесс информатизации общества «перешел на качественно новый этап своего развития – он стал системным и направлен на формирование глобального информационного общества, в котором создаются принципиально новые условия для жизни и деятельности человека» [6].

Анализ закономерностей развития общества показывает, что одна из приоритетных социальных сфер, в которых информатизация общества должна проходить ускоренными темпами – сфера образования. Именно образование, как отмечают специалисты, закладывает фундамент информатизации общества в целом.

Информатизация образования, положения которой сформулированы в Концепции информатизации сферы образования РФ, принятой в 1998 г., ставит перед высшей школой ряд задач, которые мы можем сформулировать следующим образом:

- повышение качества подготовки педагогических работников в условиях внедрения информационных и коммуникационных технологий в массовой школе и подготовки будущих учителей информатики, профессиональные обязанности которых в настоящее время требуют активного введения в структуру образовательного пространства и использования информационных и коммуникационных технологий и систем;
- использование современных информационных технологий и систем в качестве средства и метода обучения практически по всем изучаемым дисциплинам;
- повышение мотивационной составляющей у педагогических работников к использованию информационных и коммуникационных технологий и систем в их профессиональной деятельности;
- опережающая подготовка будущих учителей информатики в расчете на введение перспективных информационных и коммуникационных технологий и систем и в учебный процесс образовательных учреждений, и в систему образования в целом.

Становится очевидным, что проблема подготовки учителя информатики – одна из центральных в решении комплекса проблем информатизации образования в условиях новой информационной реальности. Это обусловлено тем, что учитель информатики является центральным субъектом информатизации школы, т.к. именно на него ложится освоение новых обучающих и контролирующих программных средств, проектирование и разработка программных продуктов, поддерживающих деятельность педагогического коллектива школы, именно он, является носителем информационного сознания и проводником этого сознания всем субъектам школы.

Введение стандартов высшего профессионального образования третьего поколения подводят нас к рассмотрению профессиональной деятельности учителя информатики с точки зрения компетентностного подхода.

Профессиональная компетентность учителя информатики в своей главной смысловой основе есть комплексное личностное образование, включающее в себя как общие способности, качества и свойства личности, свойственные для любого педагога, так и специфические способности (способность к информационному творчеству, способность адаптироваться к часто меняющимся условиям и технологиям, способность ориентироваться в потоке информации, способность решать профессиональные задачи средствами информационно-коммуникационных технологий и др.), качества (открытость к инновационным процессам в образовании, ориентированность на осуществление профессиональной деятельности в условиях новой информационной реальности и др.) и свойства (динамичность и мобильность в условиях постоянных изменений на рынке технических средств, программного обеспечения и информационных технологий и др.) личности характерные именно для учителя информатики, а также знания, умения и навыки необходимые для осуществления продуктивной профессиональной деятельности.

Данное интегральное образование личности выступает и как конечный результат профессионально-педагогической подготовки учителя в области информатики и информацион-

ных технологий, и как одно из предпосылочных условий становления личности учителя информатики.

Говоря о развитии профессиональной компетентности учителя информатики в условиях новой информационной реальности, считаем необходимым отметить, что нарастающие темпы информатизации общества порождают необходимость реализации профессиональной компетентности учителя информатики и в его внеурочной деятельности, и в сфере управления образовательным процессом, и во взаимодействии с родителями и общественностью, и в информационной образовательной среде.

Так в последние десять лет, наряду с традиционной учебной, воспитательной и развивающей деятельностью, характерной для учителя информатики, появляются новые виды деятельности, предъявляющие к подготовке учителя информатики ряд специфических требований из области управления – деятельность по управлению обучением учащихся с применением различных методов и средств обучения, деятельность по принятию решений о выборе активных форм и методов обучения сообразно поставленным целям и в соответствии с конкретными условиями обучения, определению целесообразности использования средств информационных и телекоммуникационных технологий в обучении, координации процессов информатизации в образовательном учреждении.

Особо подчеркнем, что появление новых видов деятельности учителей информатики влечет за собой изменение и усложнение основных ролей, выполняемых учителем информатики в условиях новой информационной реальности.

Опираясь на труды Д. А. Леонтьева, роли выполняемые учителем информатики мы отнесли к группе конвенциональных ролей. По его определению конвенциональные роли – «это шаблоны, которым должен следовать любой человек, оказавшийся в данной ситуации: профессиональные роли (учителя, продавца, милиционера), роли пассажира, покупателя, избирателя, роли семейные (отца, матери, старшего брата и др.)» [7].

Детальное изучение работ, посвященных рассмотрению ролей учителя информатики, анализ диссертационных исследований по исследуемой проблеме, а также анализ профессиональной деятельности учителя информатики в условиях новой информационной реальности, позволили нам выделить следующую совокупность конвенциональных ролей, выполняемых учителем информатики:

- непосредственно преподаватель информатики по предмету «информатика»;
- консультант, организатор и помощник по использованию учащимися ИКТ в учебной и вне учебной деятельности;
- мотиватор, консультант и организатор по внедрению ИКТ в учебно-воспитательный процесс образовательного учреждения;
- преподаватель-тьютор в системе дистанционного обучения;
- профессионал-организатор по работе в сетевых сообществах Интернета;
- организатор по созданию информационной образовательной среды (ИОС) школы и работе в ней.

Детальное изучение конвенциональных ролей позволило в структуре профессиональной компетентности учителей информатики обозначить ряд компонентов.

1. Мотивационно-ценностный компонент включает значимые для обеспечения успешного освоения и эффективной реализации профессиональной деятельности параметры ценностного отношения к профессии учителя информатики: открытость к инновационным процессам в образовании; осознанность и принятие целей будущей профессии в условиях новой информационной реальности; принятие социальной значимости своей будущей профессии; осознанность необходимости осуществления эффективной деятельности в системе дистанционного обучения и сетевых сообществах Интернета; ориентированность на обеспечение мотивации школьников к использованию информационно-коммуникационных технологий в учебной и вне учебной деятельности; понимание и принятие необходимости информатизации образования и общества в целом, а также желание донести данную истину до каждого субъекта образовательного процесса; принятие необходимости создания и организации единой информационной образовательной среды школы; принятие необходимости диагностировать себя как создателя и потребителя информации и информационных технологий и пр.

2. Интеллектуально-когнитивный компонент включает в себя: знания в сфере информационного обеспечения образовательного процесса; знания современных подходов и достижений в методике преподавания информатики; знания о способах повышения мотивации и вовлеченности педагогов в процесс информатизации обучения; знания этики сетевого взаимодействия;

знания правил и технологий создания и организации информационной образовательной среды образовательного учреждения, электронной библиотеки, педагогических программных средств; знание основ работы в сетевых сообществах Интернет и в системе дистанционного обучения; знания способов получения информации, ее передачи и совершенствования профессиональных компетенций; знания способов организации межпредметных связей и пр.

3. Организационно-исполнительский компонент включает в себя комплекс умений и навыков, необходимых для эффективной реализации будущей профессиональной деятельности: умения добывать, пополнять, расширять и применять знания необходимые в профессиональной деятельности; умения анализировать, рефлексировать и корректировать собственную профессиональную деятельность; умения и навыки использования современных информационных и коммуникационных технологий в профессиональной деятельности в условиях новой информационной реальности; умения осуществлять эффективную деятельность в системе дистанционного обучения и сопровождения студентов в рамках определенной программы дистанционного обучения; навыки владения инструментами сети Интернет для реализации образовательных задач; навыки создания и организации эффективного функционирования информационной образовательной среды образовательного учреждения; умения использовать различные механизмы формирования межличностных субъект-субъектных взаимоотношений между участниками педагогического процесса и пр.

В 2007 – 2012 гг. на базе государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Ставропольский государственный педагогический институт» проводилась опытно-экспериментальная работа с целью повышения уровня профессиональной компетентности будущих учителей информатики.

Эксперимент включал следующие этапы: констатирующий, формирующий и заключительный.

В ходе формирующего этапа эксперимента был разработан комплекс мероприятий, по повышению уровня профессиональной компетентности будущих учителей информатики в рамках следующих направлений работы:

1. Построение обучения при помощи средств, использующих новые информационно-коммуникационные технологий, а также осуществление подготовки с использованием активных методов обучения при преподавании различных дисциплин на различных этапах занятия;
2. Введение в процесс обучения будущих учителей информатики профессионально направленных воспитательных мероприятий;
3. Создание электронной библиотеки в рамках разработки информационной образовательной среды;
4. Внедрение разработанного спецкурса «Профессиональная компетентность учителя информатики» в процесс подготовки студентов специальности «Информатика».

На констатирующем и заключительном этапах исследования определялся уровень профессиональной компетентности будущих учителей информатики. С этой целью проводилась ее диагностика по ранее обозначенным компонентам (мотивационно-ценностный, интеллектуально-когнитивный, организационно-исполнительский).

Комплекс методик, направленный на выявление уровня сформированности мотивационно-ценностного компонента профессиональной компетентности будущих учителей информатики, включал: анкету «Отношение к будущей профессии», методику-анализ латентной структуры Лазерсфельда и методику выявления коэффициента значимости будущей профессии.

Для выявления уровня сформированности интеллектуально-когнитивного компонента профессиональной компетентности будущих учителей информатики были разработаны тестовые задания. Разработка тестовых заданий и их реализация проводились с использованием программы «AST-Test».

Уровень сформированности организационно-исполнительского компонента профессиональной компетентности будущих учителей информатики оценивался в процессе выполнения студентами ряда практических заданий.

Проведенный по итогам формирующего эксперимента анализ достигнутых результатов показал рост по всем компонентам профессиональной компетентности будущих учителей информатики.

В целом уровень профессиональной компетентности будущих учителей информатики определялся с помощью интегральной оценки по совокупности уровней сформированности её компонентов.

Общий анализ результатов проведенных методик позволил выделить три группы студентов. В *первую группу* (низкий уровень сформированности профессиональной компетентно-

сти) мы включили студентов у которых отмечается неудовлетворенностью будущей профессиональной деятельностью, отсутствие осознания социальной значимости профессии, а также отсутствие понимания целевых ориентиров будущей профессии. Для данной группы характерно преобладание социальных и утилитарных мотивов профессиональной деятельности. При проведении диагностических процедур студенты первой группы продемонстрировали низкий уровень профессионально-значимых знаний в сфере информационного обеспечения образовательного процесса, отсутствие знаний о современных подходах в методике преподавания информатики, неясное представление об этике сетевого взаимодействия. В решении практических задач студенты проявили не желание добывать, пополнять и расширять свои знания необходимые в деятельности учителя информатики. Для данной категории студентов также характерно отсутствие навыков и умений использования современных информационных и коммуникационных технологий в профессиональной деятельности, отсутствие умений пользоваться сетью Интернет для решения профессиональных задач, не умение и не желание анализировать, рефлексировать и корректировать собственную профессиональную деятельность.

Вторую группу (средний уровень) составили студенты, обладающие профессиональной мотивацией к работе учителем информатики, но, как правило, имеющие противоречивое отношение к профессии и относительную осознанность социальной значимости и целевых ориентиров будущей профессиональной деятельности. Для данной категории студентов особенно характерно отсутствие системности профессионально-значимых знаний в сфере информационного обеспечения образовательного процесса. В решении практических заданий студенты второй группы продемонстрировали слабое умение добывать, пополнять и расширять свои знания необходимые в профессиональной деятельности. Для них характерно наличие умений использовать современные информационные и коммуникационные технологии в профессиональной деятельности, наличие умений осуществлять деятельность в системе дистанционного обучения, наличие умений создавать и организовывать единую информационную образовательную среду школы, а также анализировать, рефлексировать и корректировать собственную профессиональную деятельность. Как правило, у студентов данной группы отсутствуют навыки пользования сетью Интернет для решения профессиональных задач.

В третью группу (высокий уровень сформированности профессиональной компетентности) мы включили студентов, обладающих высокой степенью удовлетворенности будущей профессией и высокой степенью осознанности целевых ориентиров будущей профессии. Данную группу характеризует наличие осознания социальной значимости будущей профессиональной деятельности, а также высокий уровень сформированности профессиональной мотивации к работе учителем информатики. При проведении диагностических процедур у студентов третьей группы были выявлены системные профессионально-значимые знания в сфере информационного обеспечения образовательного процесса, знания основ этики сетевого взаимодействия, а также знания правил технологий создания и организации информационной образовательной среды образовательного учреждения. Для данной категории студентов особенно характерно наличие умений добывать, пополнять и расширять свои знания необходимые в профессиональной деятельности. В решении практических задач студенты данной группы продемонстрировали высокую степень владения навыками и умениями использовать современные информационные и коммуникационные технологии в профессиональной деятельности, умениями осуществлять эффективную деятельность в системе дистанционного обучения, а также навыками и умениями анализировать, рефлексировать и корректировать собственную профессиональную деятельность. Они охотно приобретают навыки создания и организации эффективного функционирования единой информационной образовательной среды образовательного учреждения. Как правило, студенты данной группы владеют инструментами сети Интернет для реализации образовательных задач.

Полученные в ходе анализа результаты дают основание утверждать, что уровень сформированности профессиональной компетентности будущих учителей информатики повысился: так, процент студентов в первой группе с низким уровнем профессиональной компетентности снизился и составил 14%, что на 24% ниже исходного уровня; вторая группа со средним уровнем составила 46% рецензентов, что на 11% выше, чем на стартовом этапе эксперимента; а количество студентов третьей группы с высоким уровнем – увеличилось на 13% (с 27% до 40%) (рис.).

Математический и графический анализ полученных результатов свидетельствует о том, что уровень сформированности профессиональной компетентности будущих учителей информатики после проведения формирующего этапа эксперимента значительно возрос. Это подтверждает эффективность реализации предложенного комплекса мероприятий, направленных

на повышение уровня профессиональной компетентности будущих учителей информатики. В рамках проведенной опытно-экспериментальной работы особое внимание уделялось ориентации учебно-воспитательного процесса на воспроизводство модели профессиональной деятельности, протекающей в условиях постоянно меняющейся новой информационной реальности. Проектирование и организация информационной образовательной среды, использование активных методов и информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе, способствовало повышению профессиональной мотивации учащихся, формированию современного научного и профессионального мировоззрения, развитию способности решать профессиональные задачи средствами информационно-коммуникационных технологий и т. д. Включение в образовательную программу подготовки будущих учителей информатики спецкурса «Профессиональная компетентность учителя информатики» способствовало овладению студентом опыта решения профессиональных задач, связанных с собственным профессиональным становлением на основе знаний о профессиональной педагогической деятельности и профессиональной компетентности учителя информатики.

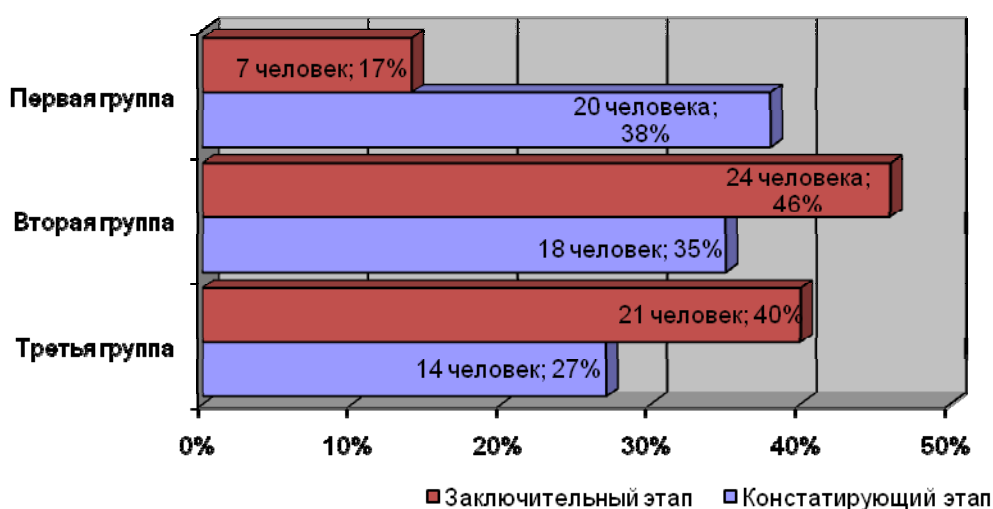

Рис. Динамика сформированности профессиональной компетентности будущих учителей информатики

В заключение подчеркнем, что в условиях новой информационной реальности профессиональная деятельность учителя информатики детерминирована следующими факторами:

1. Появляются новые виды деятельности, а также изменяются и усложняются основные конвенциональные роли, выполняемые учителем информатики в условиях новой информационной реальности, диктующие иные требования к уровню их подготовки;
2. Инновационные процессы в современном высшем педагогическом образовании происходят на основе реализации федеральных государственных стандартов высшего профессионального образования третьего поколения, введение которых обуславливает объективную потребность в компетентных педагогических кадрах, способных творчески организовывать образовательный процесс, умеющих быстро ориентироваться в информационном поле, непрерывно самосовершенствоваться.

Список литературы

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации / Р. Ф. Абдеев. – М.: ВЛАДОС, 1994.
2. Киреев Е. М. Философия информатики: учеб. пособие / Е. М. Киреев. – Воронеж: ГОУВПО «Воронежский государственный технический университет», 2007.
3. История информатики и философия информационной реальности: Учеб. пособие для вузов / Под ред. чл.-корр. РАН Р. М. Юсупова, проф. В. П. Котенко. – М.: Академический Проект, 2007.
4. Черных О. П. Онто-гносеологический анализ информационной реальности. Дис. ... канд. филос. наук / О. П. Черных. – Магнитогорск, 2005.
5. Lash S. Critique of Information / S. Lash. – London, Thousand Oaks: Sage Publications, 2002.
6. Колин К. К. Философские проблемы информатики / К. К. Колин. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010.
7. Леонтьев Д. А. Очерк психологии личности / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1993.

PROFESSIONAL COMPETENCE OF AN INFORMATICS TEACHER AND HIS CONVENTIONAL ROLES IN CONDITIONS OF NEW INFORMATIONAL REALITY

N. A. Tolstova¹
T. N. Razuvaeva²

*¹⁾ Stavropol state
pedagogical institute*

*²⁾ Belgorod National
Research University*

*e-mail:
nett4610@yandex.ru
razuvaeva@bsu.edu.ru*

This article details the peculiarities of professional activity of an informatics teacher and the conventional roles played by an informatics teacher in conditions of new informational reality. The author is also concerned about the question of professional competence of an informatics teacher as a main objective of professional training and identifies its structural components.

Keywords: new informational reality, the informatization of education, conventional roles, professional competence of an informatics teacher.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923:316.6

НРАВСТВЕННОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА КАК УСЛОВИЕ ИННОВАЦИОННОГО СТИЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. Н. Еремина¹
Н. И. Исаева²

¹⁾ Курский государственный университет

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail:
eremina.an@mail.ru
nisaeva@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются социально-психологические аспекты нравственного самоопределения будущих специалистов, как субъектов инновационного стиля профессиональной деятельности. Установлена роль социально-психологической зрелости учебной группы в нравственном самоопределении будущего специалиста.

Ключевые слова: нравственное самоопределение, малая группа, социально-психологическая зрелость группы, организованность, направленность, психологический климат, инновационный стиль профессиональной деятельности.

Проблема. В последние десятилетия в российском обществе происходят социальные изменения, в ходе которых трансформируется система идеалов и ценностей в индивидуальном и групповом сознании. В связи с этим формируются новые требования к специалистам различных профессий. Будущие специалисты должны владеть не только профессиональными компетенциями, но и обладать инновационным стилем деятельности. Однако процесс создания, внедрения и распространения инноваций в профессиональной сфере должен координироваться не только юридическими законами, но также и нравственными нормами.

В сложных социально-экономических условиях моральная деградация общества рассматривается как «междисциплинарный» факт [23]. Знание закономерностей нравственного самоопределения личности становится общественно значимым для формирования направленности и устойчивости нравственной позиции профессионала, от которой зависит линия самореализации субъекта на рынке труда: позитивная самоактуализация личностных ресурсов или негативное самоутверждение, профессиональная маргинализация [7].

Теоретические основания решения проблемы. В психологии самоопределение личности понимается как «сознательный акт выявления и утверждения собственной позиции в проблемных ситуациях» [15, с. 351]. Нравственное самоопределение – как «выбор человеком для себя системы моральных норм и соответствующих им форм нравственного поведения» [44, с. 200].

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. в рамках проекта «Разработка и реализация психолого-педагогических условий развития инновационного стиля профессиональной деятельности будущих специалистов в образовательном пространстве вуза», соглашение № 14.А18.21.0098.

По утверждению А. Б. Купрейченко, структура нравственного самоопределения имеет уровневое строение, представленное в виде «ценностно-нравственного стержня» (идеалы, эталоны, нравственное мировоззрение и т. д.) и «оболочки» (нравственные принципы, этические стратегии, нормы и правила поведения в различных ситуациях и с различными категориями людей и т. д.) [12]. В достаточный минимум элементов самоопределения входят представления о нравственности, морали, нравственные ориентации, нравственные стратегии и оценка явлений окружающего мира [5].

Исследователями выделяются внутренние и внешние детерминанты самоопределения субъекта. К внутренним детерминантам относятся такие субъектные свойства как ответственность, активность, оптимизм, устойчивая положительная самооценка, стойкость и др. [1; 2; 9; и др.]. К внешним детерминантам относятся социально-экономические факторы, жизненные события, групповые факторы и прочее [9; 22 и др.].

В настоящее время с целью развития отдельных компонентов нравственного самоопределения применяются технологии включения личности в социальную среду с высокими духовными характеристиками совместной жизнедеятельности («развивающую социальную среду») [22], в совместную деятельность поисковых групп [3], в добровольческую деятельность [17], тренинговые технологии [6], анализ этически сложных ситуаций, групповые дискуссии и др.

Реализация психологической поддержки будущих специалистов в умении сделать правильный выбор представляется наиболее эффективной через учебную группу, в которой студенты находятся в постоянном контактно-взаимодействии друг с другом. Однако возможность воздействия группы на индивида определяется уровнем ее социально-психологической зрелости. Критерии зрелости различаются в зависимости от используемой авторами теоретической психологической модели групп.

Макаренко А. С. считал, что уровень социально-психологической зрелости, единство во всех сферах жизнедеятельности и самосознание этой социально-психологической зрелости являются основополагающими характеристиками первичного коллектива [13].

Согласно параметрической концепции, разработанной Л. И. Уманским, А. С. Чернышевым и их учениками, уровень социально-психологической зрелости группы определяется по состоянию параметров, составляющих ее психологическую структуру, и группы в целом [18; 21; 22]. Важным для нашей работы являются выделенные авторами три блока психологической структуры группы: 1) «общественный» блок с подструктурами социальной направленности, организованности и подготовленности, отражающими соответственно идеологическую, управленческую и профессионально-деловую сферы групповой жизнедеятельности; 2) «личностный» блок с подструктурами интеллектуальной, эмоциональной и волевой коммуникативности, отражающими три стороны сознания входящих в группу личностей и соответствующих сфер жизнедеятельности группы; 3) блок общих качеств (интегративность, микроклимат, референтность, лидерство, интрагрупповая активность, интергрупповая активность). Это положение сохраняется и в настоящее время в концепции Л. И. Уманского и А. С. Чернышева.

Основываясь на работах отечественных и зарубежных психологов, А. Л. Журавлев выделяет общие и специфические признаки социально-психологической зрелости. К общим признакам относятся: относительная автономность, социальная ответственность за свои поступки и способность к самостоятельному принятию решений, активная социальная позиция и овладение социальными ролями и в целом социальной средой. Все эти признаки имеют позитивную, гуманистическую направленность. Специфическими признаками являются процессы и состояния соотнесения субъектом себя с другими индивидуальными и групповыми субъектами: способности к саморегуляции своего поведения, характеристики процессов самоопределения, рефлексивные процессы и способности, эмпатические способности, способности к децентрации и др. [10].

В связи с этим общей гипотезой исследования является утверждение о том, что нравственное самоопределение будущих специалистов в учебной группе опосредуется уровнем развития ее социально-психологической зрелости.

Частные гипотезы:

- высокий уровень развития социально-психологической зрелости учебной группы обеспечивает оптимальные условия для эффективного нравственного самоопределения будущих специалистов при ведущей роли групповых параметров «направленность активности», актуализирующей гуманистические цели, ценности и мотивы, а также «организованности», обеспечивающей согласованность мнений и форм инициативного поведения;

• актуализация (формирование) нравственного самоопределения личности обеспечивается степенью включенности индивидов в совместную деятельность на основе принятия и реализации норм и ценностей группы.

Организация исследования. Опираясь на изложенные ранее теоретические подходы, было организовано и проведено исследование, в котором приняли участие студенты вуза (ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет»), а также учащиеся средних специальных учебных заведений («ГОУ НПО ПЛ №1», «ОГОУ НПО КПЛ № 27» г. Курска). Всего исследованы двадцать молодежных групп (девушки и юноши 18-20 лет) общей численностью 400 человек.

В исследовании применялись опросники «Карта-схема психолого-педагогической характеристики группы школьников» [22], «Нравственное самоопределение личности» [9], а также лабораторный эксперимент с использованием аппаратных методик «Арка», «Беседка», «Групповой электронный сенсомоторный интегратор» [21, с. 8]. Кроме того, испытуемым предлагалось написать мини сочинение на тему: «Каким я себя вижу через 10 лет». В исследуемых группах проводились диспуты на тему «Успех и нравственность», а также психологическая маршрутная игра.

Обсуждение результатов. В результате исследования выявлена дифференциация учебных групп по уровню социально-психологической зрелости. Среди них преобладают кооперации (75 %). Значительно реже встречаются коллективы (15 %) и ассоциации (10 %) (по терминологии Л. И. Уманского).

Соотношение лиц с различной нравственной позицией различается в группах разного уровня социально-психологической зрелости, что подтверждается с помощью критерия Крускала-Уоллиса (Нэмп. = 7,01; Нкрит. = 5,99; $p < 0,05$). Наибольшее влияние на ее формирование оказывают группы, в которых высоко выражены параметры «организованность» (4,2), «направленность активности» (4,2), «психологический климат» (4,3) и «интеллектуальная коммуникативность» (4), т.е. группы, которые являются коллективами.

В таких группах в качестве *идеала* большинство испытуемых выбирают общественных, политических, государственных деятелей (маршал Г. К. Жуков, В. В. Путин, Петр I, Александр Невский и др.), видных ученых (Д. И. Менделеев, Л. И. Уманский и др.), писателей и поэтов (А. С. Пушкин и др.). Часть юношей считает собственным идеалом родителей.

Представления о нравственности как общественном явлении у большей части членов коллективов (около 40 %) характеризуются согласием с существованием воздаяния за добро и зло, признанием нравственности признаком силы личности и ее ответственности за собственный нравственный облик. Вместе с тем, ими не осознано, насколько абсолютными являются моральные нормы, необходимо ли пересматривать их в зависимости от ситуации. В *этическом поведении* эти юноши считают необходимым придерживаться стратегии обязательности соблюдения нравственных норм и проявления активности, что особенно важно для будущих специалистов с инновационным стилем профессиональной деятельности. У них преобладает мирозидательная и гуманистическая *ориентация личности*, им не свойственна эгоцентрическая ориентация. В целом юноши признают значимость морали для общества как основы существования и сотрудничества людей.

В коллективах представления о нравственности реализуются *на поведенческом уровне*. В согласовании совместных действий и их нравственном аспекте важную роль выполняют лидеры. Кроме того, нравственность проявляется в доброжелательном и уважительном стиле взаимоотношения и взаимодействия членов группы. У них преобладает взаимозависимая форма совместной деятельности, что подтверждает преобладание гуманистической ориентации личности, по сравнению с эгоистической. Признание обязательности соблюдения нравственных норм проявляется в соблюдении правил работы, а именно честности при выполнении процедур в которых возможно улучшение результата за счет недобросовестного соблюдения условий. В целом, в поведении, в том числе и этическом, испытуемые проявляют активность.

В группах среднего уровня социально-психологической зрелости – кооперациях – значения групповых параметров ниже: «организованность» – 3,7; «психологический климат» – 3,6; «направленность активности» – 3,6; «интеллектуальная коммуникативность» – 3,5.

В кооперациях *идеалом* большинство опрошенных считают родственников: отца, дядю, мать, тетю, брата или сестру. Очевидно, что на формирование их идеалов большое влияние оказывает семья. Некоторые будущие специалисты проявляют негативное отношение к идеалу: «идеал мне не нужен», «я – сам идеал для себя», «идеал – это насилие над личностью».

Представления о нравственности как части общественного сознания у большинства членов таких групп, как и в коллективах, состоят в признании воздаяния за добро и зло. Нрав-

ственность рассматривается как признак силы личности. В этическом поведении необходимым признается обязательность соблюдения нравственных норм. Однако, проявлять в нем активность считают необходимым немногие (около 20 %). Юноши осознают важную роль мирозидательной ориентации личности для развития общества, но вместе с тем у них выражена группоцентрическая ориентация личности, что особенно характерно для групп средних специальных учебных заведений. В целом осознается значимость морали для общества, однако некоторыми членами таких групп (20 – 45 %) моральные требования оцениваются как относительные.

Как правило, стиль взаимодействия и взаимоотношений в кооперациях характеризуется сотрудничеством и доброжелательностью. Однако в напряженных ситуациях некоторые члены таких групп проявляют вербальную агрессию по отношению к «виновникам» происшествия. Стремясь показать лучший результат, представители групп-коопераций не всегда соблюдают правила работы. Лидеры групп в некоторых случаях занимают попустительскую позицию. Например, предвидя невысокий результат, лидер одной из групп, вместо внесения организационных изменений предлагал: «не парьтесь, задание не на миллион долларов». В целом поведение участников эксперимента подтверждает признание ими относительности морали, нежели проявление стратегии обязательности соблюдения нравственных норм.

В группах низкого уровня социально-психологической зрелости – ассоциациях – групповые параметры выражены слабо: организованность (3,2), направленность активности (3,1), психологический климат (3,9), интеллектуальная коммуникативность (3,0).

В ассоциациях идеалом большинства испытуемых являются родственники. Встречаются юноши, отвергающие для себя идеал, но таких меньше, чем в кооперациях. Также в качестве идеала для подражания выбираются звезды кино, шоу-бизнеса, спорта.

В ассоциациях отсутствует единство мнений по поводу нравственности. Только 6 – 10 % членов имеют представления о нравственности, характерные для большинства членов коллективов. При этом в ассоциациях около 30 % представителей плохо дифференцируют представлений о нравственности, но в целом считают нравственные нормы обязательными для соблюдения.

Неуверенность в необходимости активности в этическом поведении подтверждается слабым проявлением взаимопомощи в совместной деятельности. При этом ошибки членов группы приводят к временному или даже полному прекращению деятельности, сопровождаются не только вербальной, но и физической агрессией (толчки, затрещины). Члены таких групп мало пользуются речевым общением в процессе совместной деятельности, практически отсутствуют слова и невербальные реакции, выражающие подбадривание и поддержку – взаимность в этическом поведении.

Близость индивидуального и группового сознания как самый оптимальный вариант решения проблемы обеспечивается достаточно высоким состоянием параметра «организованность». В группах с высоким значением параметра «организованность» проявляется способность членов группы в условиях многообразия мнений к согласованным действиям, т. е. способность подчиняться требованиям групповых норм и при этом сохранять индивидуальность. Взаимная требовательность членов группы друг к другу проявляется в представлении ее членов о том, что соблюдение нравственных норм является обязательным. Наличие авторитетного актива, обеспечивающего организованность группы, стремление участников группы к сотрудничеству способствует укреплению их представлений о необходимости придерживаться стратегии активности в этическом поведении.

Кроме того, единство мнений, умение выработать и принять решение, информированность каждого участника группы о состоянии групповой жизни и деятельности обеспечивает интеллектуальная коммуникативность. Низкое значение этого параметра означает наличие различных мнений в группе, что не мешает группе сохранять единство действий, благодаря наличию высокой организованности.

Вместе с тем одной организованности и интеллектуальной коммуникативности недостаточно для обеспечения нравственных отношений и поступков в группе. Необходимо наличие социально и морально одобряемого содержания деятельности группы, которое выражается в параметре «направленность активности». Этот параметр отражает те предметы и явления, которые являются наиболее ценными для группы, основные групповые цели и значимость деятельности группы для общества, что напрямую отражает ее духовность (ориентацию на других).

Позитивный психологический климат, проявляется в доброжелательных взаимоотношениях членов группы друг с другом, взаимной поддержке, совместном переживании успеха и

сопереживании при неудачах, что способствует взаимности нравственного поведения. Однако наиболее значимым является психологический настрой на деятельность.

Выводы:

а) социальные представления будущих специалистов о нравственности носят достаточно выраженный вариативный характер и опосредуются воспитательными возможностями социальной среды в образовательных учреждениях. Оптимальной для профессионалов с инновационным стилем деятельности является позитивная нравственная позиция, которая проявляется в миротворительной и гуманистической ориентации личности, дифференцированных представлениях о морали и нравственности, активности в этическом поведении и обязательности соблюдения нравственных норм;

б) Нравственное самоопределение студентов, как условие инновационной деятельности, детерминировано уровнем развития социально-психологической зрелости учебной группы (внешняя детерминанта), степенью включенности индивидов в совместную деятельность группы (внутренняя детерминанта);

в) Ведущую роль в нравственном самоопределении членов учебных групп играют групповые параметры «направленность активности», актуализирующая нравственные эталоны поведения, и «организованность», обеспечивающая согласованность стратегий самореализации индивидов в условиях совместной деятельности;

г) Необходимым условием формирования нравственного самоопределения является оптимальное включение студентов в разнообразные виды совместной деятельности, предполагающее проявление субъектной активности индивида, пристрастность к активности других, знание и предвидение форм поведения членов группы;

д) Практическое использование технологий формирования социально-психологической зрелости учебной группы выступает одним из направлений опосредованного воздействия на нравственное самоопределение будущих специалистов с инновационным стилем профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Анцыферова Л. И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2006. – С. 355 – 381.
3. Аскоченская Л. И. Социально-психологические особенности личностного развития подростков и старшеклассников в совместной деятельности поисковых групп : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2009. – 23 с.
4. Брушлинский А. В. Психология субъекта. М.: Институт психологии РАН, 2003. – 272 с.
5. Воробьева А. Е. Личностные и групповые факторы нравственного самоопределения молодежи: автореферат дис... канд. псих. наук. М.: Изд-во «Ин-та психологии РАН», 2010. – 26 с.
6. Голубева О. Ю. Развитие духовных характеристик личности в условиях специально организованной деятельности : автореферат дис... канд. психол. наук, Казань, 2005.
7. Дикая Л. Г., Ермолаева Е. П. Нравственные проблемы профессиональной деятельности // Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – С. 361 – 380.
8. Еремина А. Н. Влияние социально-психологической зрелости учебной группы на нравственное самоопределение старшеклассников: автореферат дис... канд. психол. наук, Курск, 2011.
9. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2007. – 480 с.
10. Журавлев А. Л. Социально-психологическая зрелость: понимание и возможности исследования // Психология образования: культурно-исторические и социально-правовые аспекты : Мат-лы III Нац. науч.-практ. конф. М., 2006. Т.1 – С. 178 – 180.
11. Компьютерная экспресс психодиагностика личности и коллектива школьников / Под ред. А. С. Чернышева. М.: Педагогическое общество России, 2003. – С. 89 – 108.
12. Купрейченко А. Б. Концептуальные основы изучения нравственного самоопределения личности // Профессиональное и личностное самоопределение молодежи в период социально-экономической стабилизации России: Материалы второй Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 30 июня – 1 июля 2008 г. / Отв. ред. А. В. Капцов. Самара: Самар. гуманит. акад., 2008. – С. 10 – 15.
13. Макаренко А. С. Опыт методики работы детской трудовой колонии. Соч.: В 7 т. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. – Т. 5. – с. 558.
14. Немов Р. С. Психология. Книга 1. Общие основы психологии. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 2003. – 688 с.
15. Психология. Словарь / Под. общ. ред. А. В. Петровского, М. Я. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. – С. 375 – 377.

16. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2 т. – М.: Педагогика, 1989. – Т. II. – 328 с.
17. Сикорская Л. Е. Организация добровольческой деятельности в городской среде: учеб.-метод. пособие / Под ред. В. А. Ситарова. – М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2008. – 212 с.
18. Уманский Л. И. Психология организаторской деятельности школьников. – М.: Просвещение, 1980. – 160 с.
19. Фельдштейн Д. И. Приоритетные направления развития психолого-педагогических исследований // Бюллетень высшей аттестационной комиссии министерства образования Российской Федерации. 2005. – № 6. – С. 1 – 11.
20. Хвостов А. А. Структура и детерминанты морального сознания личности : автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2005. – 48 с.
21. Чернышев А. С. Социально-психологические основы организованности первичного коллектива (на материале исследования молодежных групп и коллективов): автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1980. – 42 с.
22. Чернышев А. С., Лобков Ю. Л., Сарычев С. В., Скурятин В. И. Социально-одаренные дети: путь к лидерству. Воронеж: Кварта, 2007. – 210 с.
23. Юревич А. В., Ушаков Д. В. Нравственность в современной России // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 1(3). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.04.2010).

MORAL SELF-DETERMINATION OF FUTURE SPECIALIST AS THE INNOVATIVE STYLE OF PROFESSIONAL ACTIVITY: SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS

A. N. Eremina¹
N. I. Isaeva²

¹⁾ Kursk State University

²⁾ Belgorod National Research University

e-mail:
eremina.an@mail.ru
nisaeva@bsu.edu.ru

The article deals with the social and psychological aspects of moral self-determination of future professionals, as subjects of the innovative style of professional activities. The role of social and psychological maturity of the study group in the moral self-determination of the future specialist.

Keywords: moral self-determination, small group, social and psychological maturity group, organization, direction, psychological climate, innovative style of professional activity.

УДК 618.177:159.9:61+616.89

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖЕНСКОГО БЕСПЛОДИЯ

И. В. Карголь

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
kargol@bsu.edu.ru*

Данная статья посвящена изучению воздействия бесплодия на эмоциональное состояние женщин. В статье излагаются основные подходы к изучению эмоциональных реакций женщин на бесплодие. Большинство авторов в качестве эмоциональных последствий бесплодия выделяют тревогу, депрессию, безнадежность, вину.

Ключевые слова: инфертильность, эмоциональные расстройства, вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ).

В современном обществе проблема бесплодия приобрела глобальный размер. Высокая распространенность и широкий резонанс последствий вывел бесплодие за рамки медицины.

Потребность быть матерью заложена в женской природе, а общественные нормы и ценности оказывают определяющее влияние на проявления материнского отношения. В современном обществе все еще продолжает превалировать определение женственности в терминах ее репродуктивных способностей. Поскольку личность женщины привязана к способности деторождения, бесплодие препятствует положительному восприятию себя, создает негативное отношение к своему телу. Поэтому, бесплодие препятствует женщине проявить свою гендерную идентичность, т.е. культуральную роль, выражающуюся в деторождении и воспитании.

Проблему бесплодия на сегодняшний день рассматривают с нескольких позиций. Для нас представляет наибольший интерес психологическая модель бесплодия. Последствия бесплодия внутри психологической модели объясняются также с разных позиций. Среди специалистов, изучающих проблему бесплодия, есть единое мнение о тех чувствах, которые испытывают бесплодные женщины. Бесплодие рассматривается как фактор, значительно влияющий на демографические показатели, экономическое благосостояние и индивидуально – психологическое состояние граждан.

Вопрос о причинно-следственных связях между эмоциональными расстройствами и бесплодием остается открытым. Говоря о причинно – следственных связях, большинство исследователей считают, что проблема бесплодия и расстройств настроения связаны циркулярными закономерностями. Депрессивные, тревожные расстройства снижают вероятность зачатия и, наоборот, длительное бесплодие вызывает психоэмоциональные нарушения.

Кроме эмоциональных последствий, бесплодие оказывает влияние на самоощущение женщины, ее чувство собственного достоинства, идентичность и мировоззрение. Бесплодие влечет за собой изменения в социальной сфере женщин: изменения в супружеских отношениях, трудности в социальном взаимодействии, изменения в отношениях с близкими, коллегами, одиночество.

Чаще всего в литературе описываются прежде всего те последствия бесплодия, которые сказываются на эмоциональной сфере женщин. Проведя анализ публикаций относительно «психологических реакций пациентов на бесплодие», рассмотрим подробнее проблемы, затронутые различными авторами.

Психологические реакции на бесплодие.

1. Эмоциональные (горе/депрессия; гнев/фрустрация; вина; шок/отрицание; тревога).

Анализ публикаций показал, что наиболее популярные темы исследований связаны с изучением депрессивной симптоматики на фоне бесплодия. Хотя жалобы на дистресс - это общее последствие бесплодия, природа отношений между инфертильностью и депрессией все еще не изучена достаточно хорошо (например, серьезность, направленность, каузальность) [3].

Domar и др. изучили распространенность и предсказуемость депрессии у инфертильных женщин. Результаты исследования показали, что для женщин, страдающих бесплодием, в целом характерно наличие депрессии, которая может достигать субклинического уровня. Была обнаружена связь депрессии с продолжительностью лечения; женщины, проходящие лечение

в течение двух-трех лет сообщили о значительно более высоких уровнях депрессии, чем женщины с продолжительностью лечения менее одного года [3].

Также существуют работы, противоречащие результатам Domag, не обнаруживающие существенных различий в уровнях депрессии основной и контрольной групп [1; 3]. Хотя, очевидно, такие противоречия связаны с трудностями в прямом сравнении результатов между двумя исследованиями, так как они использовали различные инструменты сбора данных.

В некоторых исследованиях обнаружена связь между историей депрессивной симптоматики и бесплодием женщин. Например, в ходе Программы Здоровья Потакета (РННР) – это двухлетнее исследование, проводимое в середине 1980-ых гг. прошлого века, были обследованы 2 920 женщин в возрасте от 18 до 45 лет. Анализ данных показал, что, «наличие депрессивных симптомов увеличивает риск бесплодия вдвое» [8, с. 511]. Так же Wagner и Bergenson выявили, что женщины, которые были неспособны забеременеть после 12 месяцев незащищенного общения с партнером, имели в два раза больше шансов быть подверженными депрессивной симптоматикой, чем те которые имели успех в зачатии в пределах 12-месячного периода [9]. Таким образом, мы видим отсутствие ясности в представлении о типе связи между депрессией и бесплодием. Это говорит о наличии скорее циркулярных взаимоотношений между этими двумя видами патологии.

Качественные исследования, которые позволяют более детально изучить личности бесплодных женщин, отражают прочную связь между бесплодием и депрессией. Описаны 11 тем, характерных для данных пациенток: отрицательная идентичность, бесполезность/несоответствие, нехватка личного контроля, гнев/негодование, горе/депрессия, тревога/стресс, низкий уровень удовлетворения жизнью, зависть к женщинам-матерям, потеря мечты о беременности, резкие перепады настроения, изоляцию, симптомы клинической депрессии.

Обратимся к модели, которую широко используют современные психотерапевты и семейные консультанты [10; 11; 14; 15]. Реакция на бесплодие представлена как последовательность стадий. Возможные эмоциональные реакции на бесплодие включают: удивление (шок), отрицание, тревогу, гнев, изоляцию, вину, депрессию, горе и решение [12]. Рассмотрим более подробно каждую из стадий.

Удивление (шок). Большинство женщин фертильного возраста принимает как очевидное, что у них будут дети. Проблемы в репродуктивном здоровье и невозможность зачатия вызывают сильное удивление. Женщины могут испытывать шок, чувствовать себя несчастными в связи с разрушением плана их жизни.

Отрицание. Согласно Menning [12] чувство «это не может случиться со мной» служит защитным механизмом, особенно в шокирующем диагнозе «абсолютное бесплодие», то есть стерильность. По наблюдениям Menning, отрицание может чередоваться с целыми месяцами печали, разочарования или фрустрацией до начала лечения. По свидетельствам Matthews и Matthews [11], этот этап обычно считается первоначальной реакцией на диагноз бесплодия и заканчивается, когда пара начинает подготовку к медицинской диагностике их проблемы: «Я сидела в углу далеко от других пациентов, которые были, вероятно, бесплодны. Я не считала себя одной из них» [10, с. 3].

VanKeep, и Schmidt-Elmendorff клинически подтвердили существование стадии отрицания. Они выявили, что уровень удовлетворенности жизнью снижается, когда пара не получает долгожданную беременность, но увеличивается, как только они обращаются за медицинской помощью в решении проблемы.

Тревога. Женщины, страдающие бесплодием, могут испытывать тревогу на протяжении всего периода бесплодия. Тревога имеет флуктуирующий характер, она может появляться, затем идти на спад и вновь проявляться. По некоторым данным, женщины в большей степени подвержены тревоге, депрессии и когнитивным расстройствам, чем мужчины [16]. Инфертильные женщины часто испытывают тревогу и сомнения относительно привлекательности (или женственности) их тела, своей сексуальности, супружеских отношений [7]. Ежемесячное напряжение и тревога в ожидании менструации или предвкушение ближайшей овуляции, сменяются разочарованием и депрессией, когда беременность не наступает. Эти изменения были названы некоторыми авторами как «американские горки» надежды и отчаяния [6].

Гнев. Гнев как реакцию на бесплодие обычно связывают с потерей контроля над процессом лечения [11]. Гнев – типичное и сильное чувство для инфертильных женщин, возникающее из-за чувства несправедливости их бесплодия.

Страдающие бесплодием могут направить свою боль на неблагополучных детей, родителей, которые недостаточно занимаются воспитанием, матерей – одиночек, и т. д. [12]. Него-

дование и чувство обиды может возникать по отношению к беременным женщинам, работникам здравоохранения, семье и друзьям, которые не понимают напряжения и разнообразия эмоций, связанных с каждым отдельным случаем бесплодия. Наконец, гнев к партнеру может быть вызван конфликтом между жадной лечением и вариантами решения проблемы. Вербальным маркером данной стадии может служить следующие слова, одной из пациенток: «Я ненавижу беременных женщин, которых я вижу в школе, в продуктовом магазине, и даже в церкви. У меня никогда не было таких интенсивных отрицательных чувств к другим, и я презираю себя за это» [10].

Изоляция. Согласно Matthews и Matthews изоляция, связанная с бесплодием изучалась больше, чем любой другой социально – психологический аспект данной проблемы. Menning выделил следующие признаки изоляции [12]:

- потребность пары держать свою проблему и лечение в тайне, желание избежать жалости и советов со стороны окружающих [4, с. 5];
- желание пары избегать ситуаций, в которых им приходится взаимодействовать с детьми или беременными женщинами [13];
- возможное отчуждение между партнерами, поскольку они по-разному реагируют на проблему деторождения [13].

По данным Zoldbrod, мужчины более уязвимы, чем женщины в сроках своей изоляции от других, это связано с возникающим чувством неполноценности (в психоаналитической терминологии «кастрации») от того, что над их традиционной мужской ролью нависла угроза. Поэтому мужчины не ищут поддержки, поскольку считают, что должны поддерживать своих женщин [16].

Изоляция укрепляется тенденцией друзей и родственников, которые знают о бесплодии пары, избегать разговоров на эту тему, например, из-за неловкости, или в связи с желанием уважать их частную жизнь. Также изоляция становится результатом неспособности партнеров, страдающих бесплодием, доверять свои чувства друг другу [9, с. 16]. Это частично связано с тем, что оба партнера, испытывающие чувство утраты, стараются успокоить друг друга, растратив оставшиеся эмоциональные ресурсы.

Вина. Вина – общая реакция на бесплодие, и женщины более остро реагируют, чем мужчины. Некоторые женщины воспринимают бесплодие как катастрофу, отказ от своей женской роли, для большинства женщин бесплодие сказывается на каждом аспекте их жизни. Самоуничтожение и вина часто сосредотачиваются на событиях в прошлом – женщина, страдающая бесплодием, искупает вину за «грехи», приведшие к бесплодию. Некоторые испытывают вину за предшествующий сексуальный опыт, противозачаточные средства, или образ жизни, которые по их мнению, могли привести к бесплодию, или потому что они откладывали попытку иметь детей на потом. Другие чувствуют вину, у которой нет никакого определенного источника [3; 5; 15].

Раньше считалось, что бесплодие – это наказание Богом за ранее совершенные проступки, и до сих пор религия играет существенную роль в индивидуальном сознании бесплодных. Христианское богословие подчеркивает, что единственная цель половых сношений – деторождение. В Талмуде сказано, что «Тот, у кого нет детей – все равно, что мертв» [1]. Пары испытывают чрезвычайные трудности, поскольку они имеют дело со своей виной, божьим гневом, причинившим бремя бездетности. Этот опыт воспринимается как тест их веры, веры в светлого и справедливого Бога.

Горе и Депрессия. Горе часто следует за диагнозом, что бесплодие неизлечимо. Потеря возможности родить ребенка реальна, она вызывает потерю потенциальных детей, потенциальных событий и генетических связей [11]. «Многие люди не понимают, что бесплодие очень походит на гибель ребенка. Вы горюете о ребенке, который не был зачат в этом месяце, и о всех младенцах, которых Вы никогда не будете иметь» [7, с. 121]. Природа кризиса бесплодия имеет сложную структуру. Когда бесплодие является беспорядным, горе может никак не проявляться и никем не поддерживаться. Menning предполагает, что горе бывает трудно выразить открыто. Их «потеря» имеет потенциальный, а не фактический характер и поэтому, возможно, не будет признаваться потерей, как инфертильной парой, так и их близкими [12].

Varan и др., считают, что неуспех в лечении бесплодия приводит к печали, гневу и депрессии среди пар и что эти реакции значительно более выражены у женщин, чем у мужчин. Согласно их данным, почти все женщины (94 %) сообщили о признаках депрессии и тревоги после неудачного лечения бесплодия [1].

Решение. На данном этапе пары приходят к решению либо потратить всю оставшуюся жизнь на попытки забеременеть, либо к тому, чтобы отказаться от этих попыток. Годы попыток

забеременеть и медицинских вмешательств, проходят через удивление, опровержение, гнев, изоляцию, вину, депрессию, и горе, в конечном счете, достигают высшей точки в отрицательном результате лечения или в решении пары закончить процесс лечения.

2. Потеря контроля – как переживание, иллюстрируемое следующим типом высказываний: «Мы не можем забеременеть; моя жена подавлена; я страдаю от разочарования; и я ничего не могу поделать. Ничего из того, что бы я ни сказал или сделал не приносит изменений» [10, с. 343]. Чаще всего выделяют две реакции на бесплодие, которые приводят к потере контроля. Первая касается контроля над событиями, которые являются текущими, включая потерю контроля над повседневными действиями и эмоциями. Вторая затрагивает контроль над проблемами будущего, способность предсказать или запланировать будущее и наметить цели в жизни.

Бесплодие – сопровождается реальной или мнимой потерей контроля над настоящим [10, с. 15]. Например, из-за хронического стресса, связанного с бесплодием, некоторые люди чувствуют, что они неспособны сдерживать себя, и некоторые жалуются на нестабильность настроения. Лечение бесплодия может влиять на планы, связанные с работой или социальным взаимодействием, и таким образом женщины могут чувствовать, что их жизнь им неподвластна. Пары в процессе лечения могут чувствовать, что они теряют контроль над своими сексуальными отношениями и частной жизнью, потому что они должны рассказывать много деталей своему врачу, кроме того терапия обычно делает «назначения» когда и как часто иметь интимные отношения: «Я приношу свои диаграммы доктору как ребенок, приводящий домой табель успеваемости. Скажите мне, я преуспела? Я овулировала? У меня был секс в правильные периоды, поскольку Вы проинструктировали меня?» (12, с. 315).

В добавление к потере контроля над этими аспектами настоящего, зачастую бесплодные женщины испытывают острое чувство потери контроля над своим будущим [7; 8; 11; 15]. Бесплодие исключает способность забеременеть и обрести статус родителя, которые часто являются центральными целям в жизни. Лечение бесплодия может препятствовать продвижению карьеры, поскольку первичные решения в жизни о браке и карьере часто привязываются к наличию ребенка. Бесплодие для некоторых пар вызывает радикальную перемену в перспективе будущего и в восприятии цели жизни, находящейся под отдельным контролем.

«Это – конец семьи Bowes и фамилии Bowes. Они умирает с нами из-за меня. Мой муж – последний из мальчиков в его семье..., это – смерть мечты...» [12, с. 317];

3. Чувство собственного достоинства, идентичность и убеждения

Диагноз бесплодия угрожает чувству собственного достоинства или порождает чувства несостоятельности и неполноценности. Эта проблема активно разрабатывалась зарубежными учеными в 80-е годы прошлого века [8; 10; 11; 15]. Низкая самооценка не ограничена только репродуктивной функцией, она влияет на «сексуальную функцию и желание, физическую привлекательность, деятельность и производительность в других сферах» [1, с. 27]. Проиллюстрируем данное положение одной из пациенток Mahlstedt: «Когда я обнаружила, что бесплодна, я чувствовала себя разбитой. Почему я не могу достигнуть того, что является «естественным»: зачать ребенка? Внезапно моя самооценка пошатнулась. Я чувствовала себя дефектной и неудачницей. Бесплодие было больше чем медицинская проблема. Это было покушение на мое чувство собственного достоинства».

В дополнение к ущемлению чувства собственного достоинства длительное бесплодие вызывает изменения идентичности или изменения в самопонимании. Почти в 70 % случаев, описанных в различных статьях, имеют место сообщения людей, подвергающих сомнению свою половую идентичность, или свою идентичность как супруги или родителя. Некоторые женщины, страдающие бесплодием, также ощущают влияние бесплодия на их самооценку, в некоторых случаях, сообщается о негативном восприятии тела. Эти женщины говорят, что их тело является дефектным, незнакомым, или уродливым, следующие высказывания это демонстрируют: «Я чувствую себя пустой. В месте, где должна быть матка, есть "черная дыра". Я чувствую себя искалеченной [1, с. 148]».

«Это – больше, чем я могу вынести, думая о себе, как о бесплодной. Это походит на проказу. Я чувствую себя "грязной" и дефектной [1, с. 148]».

Значительно реже упоминаются изменения в мировоззрении женщин, страдающих бесплодием. Например, Matthews и Matthews так же как Clark, Henry, Taylor, описывают главную «реконструкцию действительности», которая имеет место после выставления диагноза «бесплодие» [11]. Эта реконструкция может затрагивать значение брака, статуса родителя, и непосредственно существования женщины в этом мире. В исследованиях мотивации бесплодных относительно беременности и статуса родителя, отмечено, что инфертильные женщины оперируют общими, социально принятыми представлениями о детях, они слишком идеализи-

руют родительство как таковое. Многие ищут причины существования бесплодия в нашем мире вообще.

4. Последствия в сфере социальных отношений

Анализ социальных последствий бесплодия ведется исходя из нескольких позиций: супружеские отношения, сексуальное функционирование, социальные взаимодействия в обществе или чувство принадлежности к обществу. Рассмотрим последствия бесплодия на супружеские отношения и удовлетворенность браком.

Во-первых, некоторые люди сообщают о гневе, враждебности, или раздражительности по отношению к своему супругу. Эти эмоции могут быть причиной обвинения партнера или самообвинения в непонимании или недостаточной эмоциональной поддержке супруга, либо в том, что супруг не прилагает усилий, чтобы иметь детей [10; 11; 12]: «Когда мы начинаем говорить друг с другом, мы заканчиваем тем, что вопим. Мы решили, говорить об этом только очень кратко... Я знаю, что он чувствует себя ужасно виноватым, так как бесплодие это - его проблема [1, с. 141]».

Во-вторых, зачастую женщины беспокоятся о статусе своих отношений, они испытывают страх, что муж ее бросит или распадется семья.

В-третьих, женщины испытывают трудности в способности раскрыть свои чувства супругу, увеличивая, таким образом изоляцию от партнера.

Четвертый тип реагирования на бесплодие, в противоположность предыдущим, положительный. Бывает, что бесплодные семьи чувствуют большую близость, любовь и поддержку по отношению друг к другу. Некоторые пары кризис бесплодия сблизил и привел к взаимной поддержке, предоставил возможность осознать свою привязанность к партнеру: «Мне очень трудно предположить, что может случиться нечто серьезнее этого, что это потребует большего от нас, чем за эти прошедшие пять лет. Мы узнали, насколько мы нуждаемся друг в друге. Мы – команда. Наш брак силен...» [1, с. 138].

Говоря о том, к чему приводит бесплодие, к положительному или отрицательному в супружеских отношениях, следует сказать, что фактически все исследователи, которые обсуждают сексуальные последствия бесплодия, описывают их как отрицательные. Многие пациенты сообщают о потере сексуального желания, удовольствия, или спонтанности в отношениях. Нередко сообщается о сексуальных дисфункциях. Часто пациенты жалуются на страхи перед сексуальным несоответствием, считают, что лечение бесплодия приводит к потере частной жизни, контроля и к нехватке общения, а сексуальные отношения теряют интимность и сводятся к клиническому акту репродукции.

Говоря о трудностях в социальных взаимодействиях и отношениях в пределах социальной группы, мы прежде всего подразумеваем изоляцию.

Инфертильные пары или партнеры, чувствуют себя непринятыми или презируемыми другими, ощущают давление со стороны своих семей, друзей, или общества в целом. Многие не чувствуют себя понятыми своими друзьями или семьей и поэтому выражают неспособность раскрыть свои чувства другим. Некоторые полностью уходят от этих отношений.

Вторая трудность в социальных взаимодействиях связана с чувствами ревности, конкуренции, негодования, и зависти к людям с детьми. Эти чувства часто направлены на других членов семьи, имеющих детей, так как родственники биологически подобны, но все же в состоянии иметь детей. Нахождение вокруг людей с детьми может быть дискомфортным, потому что инфертильные женщины делают сравнения во время этих взаимодействий: «Я чувствую себя как второразрядный гражданин, мне некуда деваться. Без ребенка я не принадлежу к группе с детьми, которые играют в парке. Без ребенка мой муж и я не согласуемся с нашими друзьями» [10, с. 338].

В связи со сказанным, мы считаем, что лечение пациенток при помощи вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) должно проводиться с применением методов психологического сопровождения. Необходимо проводить скрининговые исследования с целью выявления психологически неблагополучных пациенток. Индивидуальное консультирование и диагностика дают возможность выявить основные механизмы возникновения и хронификации патологических состояний, которые впоследствии становятся мишенями для психотерапевтической работы.

Кроме того, еще до зачатия, только при планировании деторождения семья часто нуждается в консультации психолога. Мотивы желания иметь ребенка разнообразны. Они могут быть конструктивными, укрепляющими семью, способствующими созданию благоприятных условий для вынашивания беременности, родоразрешения, ухода за новорожденным, могут быть деструктивными и препятствовать этому. Основными задачами перинатальной психоте-

рапии являются: предупреждение отклонений в развитии систем «беременная-плод-будущий отец», а затем «мать-дитя-отец» или раннее их выявление; разработка методов целенаправленных лечебных воздействий психологическими средствами на эти системы для упорядочения их деятельности.

На современном этапе ведутся исследования по эффективности применения когнитивно-бихевиоральной психотерапии инфертильных женщин с депрессивными расстройствами и аномалиями личности. Доказана эффективность когнитивно – бихевиоральной психотерапии в процессе лечения бесплодия с использованием современных репродуктивных технологий.

Целью такого рода психотерапевтической интервенции является достижение большего понимания и мотивации в отношении программы ВРТ, осознания влияния эмоционального состояния на когнитивную сферу и исход лечения. Психологическая интервенция в этом случае обеспечивает также предоставление надлежащей информации о планируемых медико-хирургических процедурах, стимулирование вербального выражения чувств, связанных с разными фазами терапевтической программы (разочарование, ярость, беспомощность, умиление, тревога, чувство вины, восприятие неудачи).

Согласно нашему опыту, супружеские пары, впервые обратившиеся в клинику из-за бесплодия, имеют ограниченное представление о предстоящем лечении, что обуславливает усиление тревоги и ухудшение настроения. Поэтому при первом посещении необходимо проводить беседу относительно возможности использования разных методов ВРТ в лечении бесплодия.

По завершении сеансов психотерапии женщины станут более подготовленными к зачатию или к процедуре переноса эмбриона (в случае ЭКО). В результате полученной психотерапевтической коррекции пациентки получают возможность быть более адаптивными, научатся управлять своими эмоциями и быть эмоционально спокойнее во время проведения лечения (что, вероятнее всего, позитивно отразится на результатах лечения).

Проведение психотерапевтической коррекции в виде когнитивно-поведенческой психотерапии, исходя из полученных нами первичных результатов, уменьшает выраженность стрессовых реакций и соответствующих аффективных нарушений, а также снижает восприимчивость к стрессу, что улучшает социальное функционирование пациенток, повышая возможность наступления желаемой беременности. Это может быть одним из подходов к повышению эффективности лечения бесплодия у инфертильных женщин.

Список литературы

1. Annette L. Stanton, Christine Dunkel-Schetter (1999). *Infertility: Perspectives from Stress and Coping Research*. Plenum Press.
2. Daniluk, J. (1996). When treatment fails: The transition to biological childlessness for infertile women. *Women & Therapy*, 19(2) – pp. 81-98.
3. Domar, A., Seibel, M. (1990). Emotional aspects of infertility. In M. Seibel (Ed.), *Infertility: A comprehensive text* – pp. 23 – 35.
4. Dyer, S.J., Abrahams, N., Hoffman, M., Van der Spuy, Z.M. (2002). “Men leave me as I cannot have children”: women’s experiences with involuntary childlessness. *Human Reproduction*, 17 (6) – pp. 1663 – 1668.
5. Facchinetti F., Matteo M.L., Artini G.P. et al. An increased vulnerability to stress is associated with a poor outcome of in vitro fertilization-embryo transfer treatment. *FertilSteril* 1997; 67. – pp. 309 – 314.
6. Gibson D., Myers, J. The effect of social coping resources and growth-fostering relationships on infertility stress in women. *Journal of Mental Health Counseling*, Jan 2002 Vol. 24, ii – p. 68.
7. Hanigan M., Cyr J., Bickerstaff K. Toward an integrated understanding of the psychological adaptation to infertility - a 10 year review of the literature. *Arch Women's Mental Health* 2001; 3/4: Suppl 2 – p. 102.
8. Lapane KL, Zierler S, Lasater TM, et al: Is a history of depression symptoms associated with an increased risk of infertility in women? *Psychosom Med* 57:000-000, 1995
9. Llewellyn A. M., Stowe, Z.N., Nemeroff, C.B. Depression during pregnancy and the puerperium. *Journal of Clinical Psychiatry*, 58 [suppl 15]. – p. 26.
10. Mahlstedt P. P. The psychological components of infertility. *Fertility and Sterility*, 43. – pp. 335 – 346.
11. Matthews R., Matthews, A. Infertility and involuntary childlessness: The transition to non-parenthood. *Journal of Marriage and the Family*, 48, – p. 641 – 649.
12. Menning, B. The emotional needs of infertile couples. *Fertility and Sterility*, 34(4). – p. 313 – 319.
13. Miall C. Community constructs of involuntarily childlessness: sympathy, stigma and social support. *The Canadian Review of Sociology and Anthropology*, 31(4). – p. 392 – 422.

14. Newton C. R., Heam M. T., Yuzpe A. A. Psychological assessment and follow-up after in vitro fertilization: assessing the impact of failure. *FertilSteril* 1990; 54. – p. 879 – 886.
15. Williams M. E. Toward greater understanding of the psychological effects of infertility on women. *Psychotherapy in Private Practice*. – p. 7 – 26.
16. Zoldbrod A. *Men, women and infertility: Intervention and treatment strategies*. New York: Lexington Books.

PSYCHOLOGICAL REACTIONS TO INFERTILITY

I. V. Kargol

***Belgorod National
Research University***

***e-mail:
kargol@bsu.edu.ru***

This article focuses on studying women's psychological reactions to infertility. The article presents the results of overseas research on infertile marriages. Most of the authors as the emotional impact of infertility produce anxiety, depression, hopelessness, guilt.

Keywords: infertility, emotional disorders, Assisted Reproductive Technology (ART).

УДК 378.14.015.62

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИОННО-ЦЕННОСТНОГО КОМПОНЕНТА ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНФОРМАТИКИ К РАЗВИТИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ*

В. В. Малиатаки¹
Т. Н. Разуваева²

¹⁾ Ставропольский государственный педагогический институт

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

*e-mail:
maliataki@ya.ru
razuvaeva@bsu.edu.ru*

В статье охарактеризованы особенности формирования мотивационно-ценностного компонента готовности будущих учителей информатики к развитию информационной образовательной среды современной школы, раскрывается специфика влияния информационной образовательной среды вуза на его развитие.

Ключевые слова: информационная образовательная среда, готовность профессиональной деятельности, учитель информатики, мотивация к деятельности.

Готовность к развитию информационной образовательной среды (ИОС) образовательного учреждения и развитие соответствующих компетенций и качеств личности в условиях обновления российского образования становится необходимым условием достижения нового качества деятельности учителя информатики, выступая в качестве важного направления его инновационной подготовки.

Выделение готовности к развитию информационной образовательной среды школы в качестве одного из ключевых направлений профессиональной готовности учителя информатики позволит повысить качество образования учителей информатики и подготовить обучаемых к полноценной и эффективной профессиональной деятельности в условиях информационного общества, тем самым способствуя реализации глобальной цели информатизации образования.

Решение проблемы подготовки учителей информатики к работе в принципиально новых условиях профессиональной деятельности требует в первую очередь определения содержания такой подготовки и построение модели формирования готовности будущих учителей информатики к развитию ИОС на основе знаний о сущности и структуре информационной образовательной среды образовательного учреждения.

Включая в состав готовности будущего учителя информатики к созданию информационной образовательной среды образовательного учреждения комплекс качеств, необходимых ему для успешного функционирования в качестве субъекта данной деятельности, мы выделяем четыре компонента такой готовности: мотивационно-ценностный, когнитивный, технологический и оценочно-рефлексивный, содержание которых в целом отображает сущность деятельности будущего учителя информатики по созданию ИОС.

Эффективность формирования готовности будущих учителей информатики к развитию ИОС школы во многом обуславливается их ценностным отношением к будущей деятельности в этой области, пониманием ее значимости.

В связи с этим, основной целью данной статьи стало описание этапа опытно-экспериментальной работы, направленной на формирование мотивационно-ценностного компонента готовности будущих учителей информатики к развитию информационной образовательной среды современной школы.

Экспериментальной базой исследования стало отделение «Информатика» психолого-педагогического факультета государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Ставропольский государственный педагогический институт. В формирующем этапе эксперимента приняло участие в общей сложности 58 студентов психолого-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. в рамках проекта «Разработка и реализация психолого-педагогических условий развития инновационного стиля профессиональной деятельности будущих специалистов в образовательном пространстве вуза», соглашение № 14.А18.21.0098.

педагогического факультета Ставропольского государственного педагогического института, обучающихся по специальности «Информатика».

Динамика формирования мотивационно-ценностного компонента готовности изучалась нами с использованием теста-опросника Т. Д. Дубовицкой для определения уровня профессиональной направленности (УПН) студентов и авторской анкеты «Профессиональная деятельность учителя информатики», позволяющей выявить отношение студентов к такой деятельности учителя информатики как создание ИОС школы и вычислить индекс удовлетворенности студентов будущей профессиональной деятельностью.

Изучение динамики формирования *мотивационно-ценностного компонента* с использованием теста Т. Д. Дубовицкой дало возможность осуществить определение уровня профессиональной направленности студентов, проявляющегося в степени выраженности стремления к овладению профессией и работе по ней.

Анализ результатов диагностики позволил установить, что для большинства студентов 2 курса (группа ПИ2) (80 %) характерны низкие и средние показатели сформированности уровня профессиональной направленности (по 40 % соответственно). Высокие результаты УПН характерны лишь для 4 студентов группы (20 %).

Для выявления степени удовлетворенности студентов специальности «Информатика» будущей профессиональной деятельностью по организации ИОС, мы воспользовались приемом измерения, связанным с формированием логических индексов. Для построения логического квадрата в анкету были включены три взаимодополняющих друг друга вопроса, направленных на выявление степени удовлетворенности будущей профессиональной деятельностью. Данные диагностики степени удовлетворенности студентов 2 курса специальности «Информатика» будущей профессиональной деятельностью по организации ИОС показали, что для многих студентов (45,5 %) характерно неопределенное отношение к такой деятельности, для 24,2 % испытуемых характерен показатель «Скорее неудовлетворен», 15,15 % показывают явное неудовлетворение. На наш взгляд, это можно объяснить как недостаточным уровнем мотивации и профессиональной направленности, так и недостаточным уровнем знаний о деятельности учителя информатики по развитию (совершенствованию) ИОС.

Полученные результаты подтвердили необходимость проведения специально организованной работы по формированию мотивационно-ценностного компонента готовности будущих учителей информатики к развитию ИОС школы.

Особое внимание в процессе данной работы было уделено формированию у студентов ценностного отношения к будущей профессиональной деятельности, понимания значимости создания информационной образовательной среды в образовательном учреждении, а также получению ими научно-обоснованного мировоззренческого представления об использовании информационных технологий в образовании.

На решение выше обозначенных задач был направлен авторский факультативный курс «Основы педагогической информатики». Целью курса являлось получение студентами комплексного научно-обоснованного мировоззренческого представления о педагогических и психологических основах применения информационных технологий в образовательном процессе и деятельности ОУ и перспективах их использования в образовании. При реализации содержания курса «Основы педагогической информатики» особое внимание уделялось использованию на лабораторно-практических занятиях проблемных заданий и кейсов, ставящих своей целью показать прикладную значимость роли учителя информатики в создании ИОС ОУ.

Формирование мотивационно-ценностного компонента готовности производилось с применением активных методов обучения, моделированием конкретных профессиональных ситуаций и т. п. Учитывая низкие показатели уровня профессиональной направленности студентов и степени их удовлетворенности будущей деятельностью по развитию ИОС, в процессе реализации курса «Основы педагогической информатики» в каждом рассматриваемом проблемном задании был сделан акцент на одну из ведущих ролей учителя информатики в работе по информатизации ОУ и созданию информационной образовательной среды школы.

Повторная диагностика уровня профессиональной направленности студентов показала повышение показателей УПН. Позитивная динамика была зафиксирована и при повторном проведении методики логического квадрата. Так, у 15 % испытуемых стала наблюдаться максимальная удовлетворенность будущей деятельностью, ситуация «Скорее удовлетворен» стала свойственна 33,5 % студентов, 45,5 % студентов характеризуются средней удовлетворенностью будущей деятельностью, показатель низкой удовлетворенности характерен только для 6 % студентов.

Следовательно, можно утверждать, что разработанный нами курс «Основы педагогической информатики» оказывает положительное влияние на процесс формирования мотивационно-ценностного компонента готовности студентов к развитию ИОС.

Помимо информационно-образовательного наполнения системы подготовки будущих учителей информатики и формирования у них мотивации и личностной направленности на развитие ИОС современной школы, в качестве важного направления мы выделяем необходимость участия студентов в деятельности по совершенствованию ИОС вуза. Это определило второе направление работы по формированию мотивационно-ценностного компонента готовности будущих учителей информатики к развитию ИОС современной школы – подготовку студентов к будущей профессиональной деятельности с активным использованием возможностей профессионально ориентированной информационной образовательной среды вуза и их работой в этой среде.

Реализация содержания подготовки будущих учителей информатики к развитию ИОС школы внутри ИОС вуза направлена на обеспечение понимания студентами значимости и осознание необходимости информационной образовательной среды ОУ, что, в свою очередь, будет положительно влиять на успешность формирования у них мотивационно-ценностного компонента готовности к развитию ИОС.

С целью проверки организационно-педагогического условия о положительном влиянии на формирование мотивационно-ценностного компонента готовности будущих учителей информатики к развитию ИОС школы использования возможностей профессионально ориентированной информационной образовательной среды вуза и организации участия студентов в деятельности по ее развитию, были внесены изменения в содержание и методику проведения курса «Основы педагогической информатики». Данное условие было введено в следующем учебном году в группе ПИЗ, выступившей таким образом в качестве экспериментальной группы.

Результаты диагностики на констатирующем этапе эксперимента показали следующий уровень сформированности профессиональной направленности студентов группы ПИЗ.

Таблица 1

Уровень профессиональной направленности студентов в группе ПИЗ на констатирующем этапе эксперимента

Уровни профессиональной направленности	Количество студентов	% от общего количества
Низкий уровень	11	44%
Средний уровень	10	40%
Высокий уровень	4	16%

Оценка степени удовлетворенности студентов группы ПИЗ будущей профессиональной деятельностью наглядно представлена на следующей диаграмме.

Рис. 1. Степень удовлетворенности студентов группы ПИЗ будущей профессиональной деятельностью на констатирующем этапе эксперимента

Интерпретация результатов методики показала, что высокая степень удовлетворенности будущей деятельностью характерна для 4 % студентов, средний уровень удовлетворенности характерен для 52 %, показатели ниже среднего и низкой удовлетворенности характерны для 44 % испытуемых.

В соответствии с целями формирующего этапа опытно-экспериментальной работы была расширена тематика семинаров курса за счет включения вопросов, посвященных рассмотрению и анализу информационной образовательной среды ГОУ ВПО СГПИ. В лабораторно-практические занятия были также включены такие формы заданий как создание электронных учебников, составление коллекций цифровых образовательных ресурсов и т. п.

Согласно результатам повторной диагностики студентов экспериментальной группы, было выявлено повышение показателя УПН у значительного количества испытуемых. Результаты диагностики представлены в следующей таблице.

Таблица 2

Уровень профессиональной направленности студентов в группе ПИ 3 на контрольном этапе эксперимента

Уровни профессиональной направленности	Количество студентов	% от общего количества
Низкий уровень	2	8%
Средний уровень	11	44%
Высокий уровень	12	48%

Результаты диагностики показателя УПН в группе ПИ 3 на контрольном этапе эксперимента отразили возросшую динамику развития уровня профессиональной направленности по сравнению с группой, выступающей в качестве контрольной, что визуально представлено на следующей диаграмме:

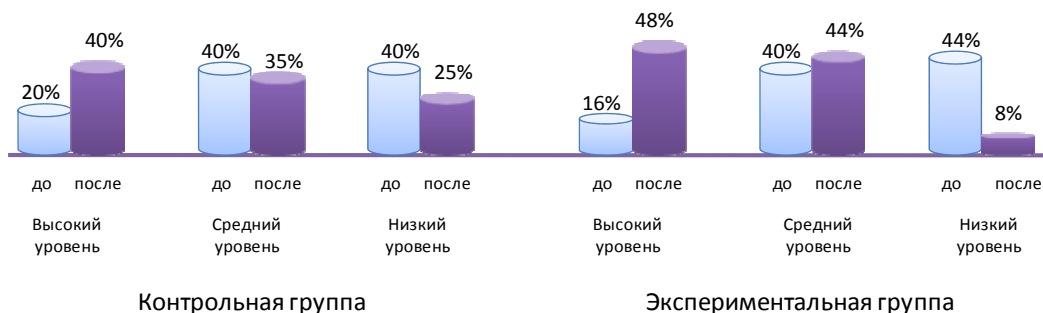

Рис. 2. Соотнесение результатов диагностики уровня профессиональной направленности в контрольной и экспериментальной группах

Показатели удовлетворенности студентов экспериментальной группы будущей профессиональной деятельностью по развитию ИОС также оказались более высокими. Ни один из испытуемых не показал низкую степень удовлетворенности деятельности, средний уровень был продиагностирован у 20% студентов, у 80% студентов зафиксирован высокая и очень высокая степени удовлетворенности будущей деятельностью. Количество студентов экспериментальной группы, проявляющих высокую степень удовлетворенности профессиональной деятельностью, таким образом, увеличилось в 1.5 раза.

Рис. 3. Степень удовлетворенности студентов группы ПИ3 будущей профессиональной деятельностью на контрольном этапе эксперимента

Сравнительные результаты эксперимента по формированию такого элемента мотивационно-ценностного компонента готовности к развитию ИОС как удовлетворенность будущей профессиональной деятельностью представлены в следующей таблице.

Таблица 3

Сравнение удовлетворенности будущей профессиональной деятельностью в контрольной и экспериментальной группах

№ ситуации	Группа ПИ 2		Группа ПИ 3	
	констатирующий этап	контрольный этап	констатирующий этап	контрольный этап
1		5	1	7
2	5	11	3	13
3	15	15	10	4
4	8	2	8	1
5	5		2	
6			1	

Таким образом, результаты проведенного среза после окончания изучения студентами курса «Основы педагогической информатики», обогащенного элементами работы с ИОС вуза, позволили отметить факт появления различий в распределении студентов по сформированности у них мотивационно-ценностного компонента готовности к развитию ИОС. Так, в экспериментальной группе после реализации вышеописанного организационно-педагогического условия, число студентов с высоким уровнем сформированности мотивационно-ценностного компонента в среднем увеличилось на 20% по сравнению с контрольной группой, в которой организационно-педагогическое условие нами не вводилось.

Мы не ставили перед собой задачи однозначно сформировать за короткий период времени высокую профессиональную направленность будущих учителей информатики на такой вид деятельности как развитие ИОС школы, нашей задачей было формирование осознания студентами своей роли в данной деятельности и создание предпосылок успешного овладения ими профессией.

Следовательно, можно говорить о том, что разработанная нами система подготовки будущих учителей информатики позволяет оптимизировать процесс формирования мотивационно-ценностного компонента их готовности к формированию ИОС современной школы.

Список литературы

Дубовицкая Т. Д. Диагностика уровня профессиональной направленности студентов / Т. Д. Дубовицкая // Психологическая наука и образование. – 2004. – № 2 – С. 82 – 86.

THE PECULIARITIES OF FORMING OF VALUE-MOTIVATIONAL COMPONENT OF READINESS OF FUTURE INFORMATICS TEACHERS TO THE DEVELOPMENT OF INFORMATIONAL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF CONTEMPORARY SCHOOL

V. V. Maliataki¹
T. N. Razuvaeva²

¹ *Stavropol state pedagogical institute*

² *Belgorod National Research University*

e-mail:
maliataki@ya.ru
razuvaeva@bsu.edu.ru

This article details the peculiarities of forming of value-motivational component of readiness of future informatics teachers to the development of informational and educational environment of present-day school, the specificity of the influence of informational and educational environment of institutions of higher education on its development.

Keywords: informational and educational environment, readiness to the professional activity, informatics teacher, motivation for the activity.

УДК 159.992.4

АДАПТАЦИЯ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ К СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ УСЛОВИЯМ ВУЗА

Е. П. Непочатых*Курский институт
социального образования**e-mail:
nepochatyh83@mail.ru*

В статье представлены результаты исследования особенностей адаптации российских студентов к социокультурным условиям вуза; рассматривается влияние таких демографических факторов на межкультурную адаптацию студентов, как «пол», «место проживания – город / район, сельская местность», а также фактор «образование».

Ключевые слова: *межкультурная адаптация, социокультурная среда вуза, аккультурационные стратегии, этническая толерантность.*

Введение. Проблемы межкультурной адаптации в современной психологии являются предметом многих исследований. В отечественной психологии исследуются процессы адаптации мигрантов (В. В. Гриценко), социально-психологической адаптации в условиях межкультурного взаимодействия (Л. М. Дробужева, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко и др.), в условиях трансформации этнической идентичности (Н. Л. Иванова, Н. М. Лебедева, В. Н. Павленко, А. Н. Татарко и др.), взаимной аккультурации принимающего населения (москвичей) и инокультурных мигрантов (Н. М. Лебедева).

Также следует выделить направление исследований адаптационных процессов, проявляющихся в условиях кратковременных контактов с новой социокультурной средой, в первую очередь, это касается иностранных студентов, обучающихся в России (Е. Н. Резников, Н. Л. Иванова, И. А. Мнацаканян, В. И. Казаренков, Т. Б. Казаренкова и т. д.). Многочисленные исследования данной проблемы обусловлены высокой динамикой образовательной миграции в российских вузах.

Образовательная миграция в вузах города Курска имеет тенденцию к серьезному росту. Практика подготовки специалистов для зарубежных стран в Курском регионе ведется с 1990 года [3]. В настоящее время в курских вузах обучаются более двух тысяч иностранных студентов из 40 стран мира. Так, в Юго-Западном государственном университете обучаются 296 иностранных студентов из 32 стран дальнего зарубежья (Африки, Азии, Латинской Америки). Курский государственный университет (КГУ) ведет подготовку 188 студентов из 14 стран мира. Кроме того, ежегодно КГУ с целью межкультурной и языковой подготовки принимает аспирантов, стажеров из других стран.

В Курском государственном медицинском университете обучаются 1255 студентов из 38 стран мира [2]. В настоящее время дальнее зарубежье представлено странами Юго-Восточной Азии (около 82 % всех студентов); Африки (9 % студентов), Ближнего Востока и Латинской Америки (по 4 % студентов); Европы (менее 1 % студентов). Основными странами, из которых молодые люди приезжают на обучение, являются Малайзия (около 50 % всего контингента иностранных студентов); Шри-Ланка (19 %); Индия (11 %); Нигерия (7 %); Бразилия (около 5 % студентов). Страны ближнего зарубежья представлены в основном государствами СНГ: Армения, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Молдова, Украина, Узбекистан [2].

Таким образом, социокультурная среда вузов резко отличается от школьного обучения расширением межкультурных контактов, связанным с совместным обучением российских и иностранных студентов, участием в международных конференциях, полиэтнически ориентированных проектах, прохождением различных видов стажировок и практик в других странах и т.д. Образовательная среда вуза предполагает межкультурное взаимодействие студентов при проведении воспитательных и спортивных мероприятий, участиях в акциях, а также в рамках межличностного общения студентов, обучающихся в поликультурных студенческих группах. Особые трудности возникают у студентов, ранее не имевших или имевших фрагментарный опыт межкультурного и межэтнического взаимодействия. По результатам нашего исследования 123 первокурсников курских вузов 54,15 % испытуемых, проживающих в городе и 73,64 % студентов, проживающих в районе или сельской местности, в период обучения в образовательных учреждениях ни разу не выезжали в страны дальнего зарубежья, и не имеют опыта межкультурного взаимодействия с представителями других стран. Студенты испытывают трудно-

сти в знаниях особенностей традиций, культуры, языка, с представителями которых происходит обучение, в навыках межкультурного взаимодействия, умениях устанавливать контакты с представителями других стран. В связи с этим, поступив в высшие учебные заведения, студенты проходят этап не только социально-психологической адаптации к условиям обучения в вузе, но и период адаптации к новым социокультурным условиям.

Стефаненко Т. Г. обобщает факторы, влияющие на процесс межкультурной адаптации. Автор выделяет индивидуальные (демографические и личностные) и групповые факторы. К первой категории Т. Г. Стефаненко относит возраст, пол, образование, личностные характеристики, мотивацию, ожидания и жизненный опыт мигрантов. Вторая категория включает характеристики взаимодействующих культур – степень сходства или различия между культурами; особенности культуры, к которой принадлежат мигранты; особенности страны пребывания. Т. Г. Стефаненко выделяет также ситуационные факторы (уровень политической и экономической стабильности, уровень преступности и т. д.) [8].

Методы исследования и характеристика выборки. Цель исследования – изучение особенностей адаптации российских студентов к социокультурным условиям вуза. В качестве показателей межкультурной адаптации студентов выступали стратегии межкультурного взаимодействия, уровень этнической толерантности, актуализированность и позитивность / негативность этнической идентичности, социальная дистанция.

В психодиагностической части исследования применялась анкета, включающая вопросы-индикаторы [5] межкультурной адаптации: восприятие студентами межэтнической напряженности в обществе (вопрос «Какие, на ваш взгляд, в настоящее время складываются межэтнические отношения в России; в городе; в вузе; в вашей студенческой группе»). В качестве вариантов ответов испытуемым были предложены варианты: «благополучные», «спокойные», «напряженные», «враждебные», «не знаю». Изучалось также мнение российских студентов о том, каких стратегий межкультурного взаимодействия должны придерживаться иностранцы в России (утверждения «Иностранцы, приезжающие на учебу из других стран в Россию, должны сохранять свои культурные традиции и не усваивать русские», «Иностранцы, приезжающие на учебу из других стран в Россию, должны сохранять свои культурные традиции и усваивать русские» и т. д.) [1]. Berry J. W. предложил четыре стратегии межкультурного взаимодействия (интеграция, ассимиляция, сепарация, маргинализация) в основе которых лежат два критерия ориентации людей: 1) на собственную группу (предпочтение сохранять свое культурное наследие и идентичность) и 2) на другие группы (предпочтение контактировать с более широким обществом и принимать в нем участие наряду с другими этнокультурными группами). При сохранении собственной культуры, а также установки на взаимодействие с другими культурами, осуществляется стратегия *интеграции* (положительный ответ на оба утверждения). *Ассимиляционная* стратегия предполагает утрату ценностей, традиций своей культуры при наличии взаимодействия с другими культурными группами (отрицательный ответ на первое утверждение и положительный – на второе). При доминировании этнической идентификации и слабой мотивации к осуществлению межкультурного взаимодействия индивид выбирает стратегию *сепарации* (положительный ответ на первое утверждение и отрицательный – на второе). При утрате сохранения своей культуры и слабой мотивации к осуществлению межкультурного взаимодействия преобладает стратегия *маргинализации* (отрицательный ответ на оба утверждения) [6].

Кроме того в исследовании применялись следующие методики: модифицированный тест Куна и Макпартленда «Кто Я?» (в модификации Г. У. Солдатовой) с целью выявления актуализированности этнической идентичности; экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгерова), цель которого изучение уровня этнической толерантности; методика Э. Богардуса (в модификации О. Л. Романовой) выявляла длину социальной дистанции к представителям разных этногрупп, проживающим в регионе*.

* В качестве автостереотипа выступал образ собственной этнической группы – типичного представителя русской национальности. В качестве гетеростереотипов были выбраны, во-первых, типичные представители этнических групп, проживающих в непосредственной близости, имеющих общую с русскими историческую судьбу, отношения между которыми в настоящее время претерпевают значительные изменения. В данном случае, нас интересовало отношение студентов к украинцам. Во-вторых, нас интересовало отношение студентов к типичным представителям этнических групп, которые временно проживают в г. Курске – это *вьетнамцы, цыгане*. В-третьих, определенный интерес в связи с событиями на Кавказе вызывало отношение к *армянам, чеченцам*. Также представляли интерес особенности восприятия студентами представителей стран, являющиеся в настоящее время объектом достаточного пристального внимания. В данном случае в качестве стимульного объекта был выбран образ типичного *американца*.

В исследовании приняли участие студенты 1 – 2 курсов курских вузов - Курского института социального образования (филиал) РГСУ, Курского государственного медицинского университета и Курского государственного университета. Исследование проводилось в период с октября 2010 года по май 2011 года для студентов 1 курса (123 человека) во 2 семестре и 2 курса (93 человека) в 3 семестре, когда студенты уже имели возможность получить опыт межкультурного взаимодействия в условиях совместной деятельности и межличностного общения. Общий объем выборки – 216 человек. Среди испытуемых 122 девушки и 94 юноши. Из них 136 студентов проживают в городе и 80 студентов проживают в районах области и сельской местности.

Согласно целям нашего исследования предполагался анализ влияния таких демографических факторов, как «пол», «место проживания» на межкультурную адаптацию российских студентов. Исследовательский интерес представлял фактор «образование», в содержание которого мы вкладывали особенности социальной среды, в которой проходит обучение в вузе (наличие иностранных студентов, специфика профессиональной подготовки, наличие межкультурных контактов в процессе обучения и т. д.).

По фактору «образование» нами были выделены 3 группы. В выборке студентов группы 1 контакты в процессе обучения с иностранными студентами, представителями других стран либо отсутствуют, либо очень редки и фрагментарны: 13 % из респондентов один-два раза посещали другие страны в рамках туристических поездок. Во вторую группу вошли студенты, имеющие фрагментарные опыт межкультурного взаимодействия («Группа 2»). В беседе с испытуемыми группы 2 было выяснено, что контакты с иностранными студентами связаны с совместным участием в общеуниверситетских мероприятиях, студенческих конференциях. Также возможно фрагментарное межличностное общение в спортзале, в столовой и т. д. Никто из опрошенных студентов не имеет друзей из числа иностранных студентов. 26 % респондентов один-два раза посещали другие страны в рамках туристических поездок. Студенты третьей группы в процессе обучения имеют межкультурные контакты («Группа 3»). Все испытуемые данной группы обучаются на факультете иностранных языков. Специфика обучения предусматривает наличие у испытуемых определенного уровня языковой и межкультурной подготовки. Кроме того, в связи со спецификой обучения в вузе данная категория испытуемых имеет наибольшее количество межкультурных и межэтнических контактов с иностранными студентами, обучающимися в вузе, а также приезжающими в вуз на стажировку из других стран. В беседе с испытуемыми было выяснено, что 56,12 % из них один-два раза посещали другие страны с целью развития языковой и культурной компетентности.

Результаты исследования. Студентам был задан вопрос, который отражал их мнение и оценку межэтнических отношений в обществе: «Опишите кратко в произвольной форме межэтнические отношения, которые существуют на сегодняшний день в России; в городе; в вузе». В таблице 1 приводятся данные по субъективному восприятию студентами уровня межэтнической напряженности в обществе.

Таблица 1

**Оценка студентами межэтнических отношений в России;
в городе; в вузе, %**

Вариант ответа	Благополуч.	Спокойные	Напряжен.	Враждебн.	Не знаю
В России	12,35	13,53	63,45	7,26	3,41
В городе	13,35	65,31	13,68	1,12	6,54
В вузе	19,94	68,34	-	-	11,72

Как видно из табл. 1, около четверти всех опрошенных студентов (25,88 %) оценивают межэтнические отношения в России как «благополучные», «спокойные». Однако большинство студентов (63,45 %) охарактеризовали этническую обстановку в России как «напряженную», «нестабильную», «сложную». Ответ «враждебные» набрал 7,26 %, при этом отмечалось, что «страшно поехать куда-то», «можно пострадать от террористов» и т. д.

На фоне обострения межэтнических отношений в стране ситуация в г. Курске, по мнению 13,35 % опрошенных студентов, «благоприятная», 65,31 % – «спокойная». Вместе с тем, негативно воспринимают межэтнические отношения в городе около 15 % студентов. Так, 13,68 % студентов отмечают, что этническая ситуация в г. Курске «напряженная», что «мы практически все работаем на людей другой национальности», «на рынках одни «кавказцы»,

«таджики», «узбеки»; 1,12 % студентов характеризуют этническую обстановку в городе как «враждебную». 6,54 % студентов затруднились ответить на этот вопрос.

В восприятии студентов наиболее благополучно межэтнические отношения складываются в вузе. Так, 19,94 % характеризуют их как «благополучные». Среди них 11,21 % вообще «не видят в вузе этнических проблем» и подчеркивают, что «в вузе нам делить нечего». 68,34 % студентов делают акцент на определении их как «спокойные», «нормальные». Вместе с тем 11,72 % студентов затруднились ответить на этот вопрос.

Таким образом, в целом по выборке выявлена позитивная оценка межэтнических отношений. В большинстве своем (78,66 %) студенты характеризуют межэтнические отношения в городе как «благополучные» и «спокойные». В вузе оценка межэтнических отношений характеризуется испытуемыми также как «благополучная» и «спокойная» (88,28 %).

Если анализировать гендерные различия в восприятии испытуемыми межэтнических отношений, складывающихся в России, в городе и в вузе, то можно сделать вывод о том, что юноши склонны воспринимать ситуацию несколько более негативно, чем девушки.

По каждому критерию существуют различия от 0,5 до 3 %. В России склонны оценивать межэтнические отношения как «благополучные» и «спокойные» 14,18 % девушек и 11,7 % юношей. Однако, «напряженностью», «враждебностью» оцениваются межэтнические отношения в России практически одинаково юношами (35,29 %) и девушками (35,42 %). Между тем, отношения в городе также более позитивно воспринимают девушки, чем юноши: характеристики «благополучные» и «спокойные» межэтнические отношения выделили 41,3 % девушек и 37,36 % юношей. «Напряженностью», «враждебностью» оцениваются межэтнические отношения в городе практически одинаковым количеством юношей и девушек (7,86 % и 7,44 % соответственно). В вузе, по мнению респондентов, существует достаточно позитивная межэтническая обстановка. Об этом свидетельствуют выборы характеристик межэтнических отношений как «благополучные» и «спокойные» 44,26 % девушек и 44,02 % юношей.

Таким образом, большинство юношей и девушек практически в равных пропорциях оценивают межэтнические отношения как «благополучные» и «спокойные» в городе и вузе. Однако, девушки склонны характеризовать эти отношения несколько более позитивно, чем юноши. Между тем, процент ответов респондентов по критериям «напряженные», «враждебные» у юношей и девушек практически совпадает.

Если рассматривать следующий фактор – «место проживания – город / район, сельская местность», то городские студенты склонны более позитивно воспринимать межэтнические отношения в целом в России, в городе и в вузе, чем студенты из сельской местности [табл. 2].

Таблица 2

Оценка студентами межэтнических отношений в России; в городе; в вузе, %

Вариант ответа	Благополуч.	Спокойные	Напряжен.	Враждебн.	Не знаю
В России: <i>город</i>	8,30	8,40	30,22	3,20	2,11
<i>район, сельская местность</i>	4,05	5,13	33,23	4,06	1,20
В городе: <i>город</i>	6,35	33,11	6,32	0,12	3,24
<i>район, сельская местность</i>	7,00	32,20	7,36	1,00	3,30
В вузе: <i>город</i>	9,24	32,14	–	–	7,70
<i>район, сельская местность</i>	10,70	36,20	–	–	4,02

Как видно из табл. 2, отношения между этносами как «благополучные» и «спокойные» оценивают 16,70 % городских студентов и 9,18 % студентов из района, сельской местности. «Напряженностью», «враждебностью» оцениваются межэтнические отношения в России 33,42 % испытуемыми из города и 37,29 % из района, сельской местности. Межэтнические отношения в г. Курске оценивают как позитивные 39,46 % студентов из города и 37,20 % из района, сельской местности. «Напряженностью», «враждебностью» оцениваются межэтнические отношения в городе 6,44 % респондентами из города и 8,36 % из района, сельской местности.

Между тем, позитивные отношения в вузе более позитивно склонны характеризовать студенты из района, сельской местности (46,90 %), чем городские жители (41,38 %). В целом, можно отметить, что при оценке межэтнических отношений в регионе и вузе в сумме максимальные процентные значения ответов респондентов сосредоточены на уровне «благополучные» и «спокойные» (78,66 % и 88,28 % соответственно).

Если анализировать различия по фактору «образование», то можно отметить, что в целом по выборке значимых различий в процентных соотношениях по группам не выявлено.

Таким образом, анализ гендерных различий в оценке межэтнических отношений показал, что более позитивно склонны воспринимать данный факт девушки, чем юноши. В восприятии студентов, живущих в городе, межэтнические отношения более позитивны в России в целом и в городе. Что же касается студентов из района, сельской местности, то более позитивно и спокойно ими воспринимаются межэтнические отношения в вузе. Данный факт свидетельствует о том, что студенты из города более адаптированы к современным городским условиям. Сельские студенты достаточно комфортно и спокойно оценивают межэтническую обстановку в вузе, что может свидетельствовать о социальной безопасности этих студентов в вузе.

Резюмируя выше сказанное можно сделать вывод о том, что низкая степень субъективно воспринимаемой респондентами межэтнической напряженности в городе и вузе является показателем этнической толерантности студентов и будет способствовать более успешной межкультурной адаптации. Вместе с тем, высокий уровень субъективного восприятия межэтнической напряженности в России в целом может способствовать формированию негативных стереотипов, интолерантности по отношению к представителям этнических групп, с представителями которых происходит взаимодействие испытуемых.

Анализ ответов респондентов на утверждения анкеты, позволяющие выявить мнение российских студентов о том, какой стратегии должны придерживаться иностранцы в России, показал, что 48,67 % студентов считают приемлемой для иностранцев стратегию интеграции, 30,85 % - ассимиляции, 14,80 % - сепарации, 5,68 % - маргинализации.

Детальный анализ результатов опроса показал, что наибольшие показатели предпочтительных для иностранцев стратегий взаимодействия с принимающей стороной зафиксированы в группе 1 и в группе 3. Стратегия ассимиляции во всех группах находится практически в равных соотношениях. Что касается мнения студентов о стратегии сепарации в предпочтении взаимодействия иностранцев с местным населением, то в преобладающем процентном соотношении данная стратегия зафиксирована в группе 2. Таким образом, большинство опрошенных студентов считают, что приезжающие иностранцы должны как сохранять свои этнокультурные особенности, так и стремиться придерживаться норм и правил доминирующей этногруппы.

При анализе полученных результатов на модифицированный тест Куна и Макпартленда «Кто Я?» ответы были отнесены к объективным или субъективным характеристикам. В число объективных входили характеристики, связанные с семейными ролями, с полом, профессией (в нашем случае – «студент / студентка»), то есть с группами людей, к которым принято принадлежать, существуя в обществе. Они были разделены на базовые (половая, семейная, профессиональная идентификации) и этнополитические (этническая, гражданская идентификации) категории. В число субъективных характеристик вошли самоидентификации, которые являются личностными признаками, ролевыми характеристиками, позитивными и негативными самооценками.

Как свидетельствуют результаты теста, наиболее важными объективными характеристиками для студентов являются профессиональная / учебная («будущий психолог/врач/педагог», «студент / студентка») и семейная («дочь / сын», «сестра / брат » и т.д.) принадлежность. Данные категории в идентификационных матрицах отметили 76,11 % и 68,14 % студентов соответственно. Половая принадлежность отмечена в 37-х идентификационных матрицах, что составляет 47,77 % от общего числа опрошенных студентов. Базовая категория «человек» занимает четвертое место среди объективных характеристик и составляет 40,71 %. Среди субъективных характеристик студенты выделяют позитивные самооценки и ролевые характеристики (84,07 %).

В наименьшей степени у испытуемых выражено осознание этнической и гражданской принадлежности. Этнополитические категории в идентификационных матрицах респондентов представлены у 12,39 % опрошенных респондентов. При этом этническую принадлежность («русский(ая)» отметили 7,08 %. «Гражданином России», «россиянином(кой)» ощущают себя лишь 3,54 % испытуемых; 1,77 % студентов выделяют региональную принадлежность («курянин(ка)» и др.).

Если анализировать гендерные различия, то можно сделать вывод о том, что в идентификационных матрицах респондентов-юношей этнополитические категории представлены у 9,86 % по сравнению с 2,53 % девушек.

Наиболее важными объективными характеристиками для девушек являются семейная (40,00 %) и профессиональная (30,05 %) идентификации. Субъективные характеристики выделили 64,02 % девушек. Между тем, наиболее значимой характеристикой для юношей является профессиональная идентификация (46,07 %). Наряду с этим для юношей практически в равных пропорциях значимыми являются семейная (28,14 %), половая (27,57 %) идентификации, категория «человек» (25,21 %), а также характеристики самооценки и самоопределения (20,05 %).

Этническую принадлежность («русский(ая)») отметили 7,08 % испытуемых-юношей, испытуемые-девушки выделили данную категорию в два раза меньше (2,00 %). «Гражданином России», «россиянином» ощущают себя 3,01 % юношей и лишь 0,53 % девушек. Региональная идентификация отражена в идентификационных матрицах 1,77 % студентов-юношей. Девушки данную идентификацию матрицах не выделили.

Если анализировать особенности выраженности объективных характеристик в идентификационных матрицах студентов из города и района, сельской местности, то можно сделать вывод о том, что полученные процентные данные представлены практически в равных соотношениях. Однако, существуют определенные различия в базовых категориях. Так, для студентов из района, сельской местности в равных пропорциях важны семейная (35,02 %) и профессиональная / учебная (35,05 %) идентификация. У студентов из города наиболее важными объективными характеристиками являются профессиональная (41,07 %) и семейная (33,12 %) идентификации. Субъективные характеристики в идентификационных матрицах выделили у студентов из города (50,02 %) по сравнению со студентами из района, сельской местности (34,03 %).

Этнополитические категории у студентов из района, сельской местности и города в процентном соотношении выражены в равных пропорциях (6,33 % и 6,06 % соответственно). Между тем, наиболее выраженной является этническая идентификация у студентов из города (4,08 %) по сравнению со студентами из села (3,00 %). Однако «гражданином России» более ощущают себя студенты из района, сельской местности (2,33 %) по сравнению со студентами из города (1,21 %).

Таким образом, анализ идентификационных матриц показал, что в целом по выборке в наименьшей степени у испытуемых выражено осознание этнической и гражданской принадлежности. В большей степени студенты ориентированы на половые, семейные, профессиональные идентификации и категории «человек».

Анализ идентификационных матриц с учетом демографических характеристик испытуемых (пол, место рождения – проживания) показал, что в большей степени студенты из города отождествляют себя с профессиональной / учебной деятельностью, семьей, выделяют субъективные категории. В наименьшей степени у городских студентов выражены этнополитические категории. У студентов из района, сельской местности наиболее выраженными являются в равных пропорциях семейная и профессиональная / учебная идентификация, а также самооценки и ролевые характеристики. Также наименее выраженными являются у студентов из района, сельской местности этнополитические категории. Между тем, сравнительный анализ показал, что студенты из города в большей степени осознают свою этническую принадлежность, чем студенты из района, сельской местности. Однако, гражданская принадлежность более выражена у студентов из села.

Качественный и количественный анализ результатов экспресс-опросника «Индекс толерантности» свидетельствует о наличии толерантных и интолерантных установок студентов.

Анализ гендерных различий показал, что по субшкале «Этническая толерантность» количество толерантных утверждений среди респондентов юношей и девушек отличается незначительно – на 0,8 % и соответствует (35,4 % и 36,2 %) [табл. 3].

Таблица 3

Анализ гендерных различий

Группа	Этническая толерантность	Социальная толерантность	Личностная толерантность
Юноши	35,4	44,23	53,21
Девушки	36,2	42,71	54,23

Детальный анализ толерантных утверждений по данной шкале показал более высокие проценты толерантных утверждений среди девушек по утверждениям «К кавказцам станут относиться лучше, если они изменят свое поведение» (на 1,13 %); «Нормально считать, что твой народ лучше, чем все остальные» (на 3,01 %); «Я хочу, чтобы среди моих друзей были люди разных национальностей» (на 1,15 %).

Анализ таких различий по месту проживания респондентов показал также незначимые различия в проявлении этнической толерантности / интолерантности [табл. 4].

Таблица 4

Анализ различий по месту проживания респондентов

Место жительства	Этническая толерантность	Социальная толерантность	Личностная толерантность
Район, сельская местность	53,2	43,03	56,21
Город	52,4	41,12	54,31

Детальный анализ толерантных утверждений по данной шкале показал незначительные расхождения в процентных показателях толерантных утверждений среди студентов из города: «К кавказцам станут относиться лучше, если они изменят свое поведение» (на 2,47 %); «Нормально считать, что твой народ лучше, чем все остальные» (на 2,19 %). Однако на утверждение «Я хочу, чтобы среди моих друзей были люди разных национальностей» большую толерантность проявили студенты из района, сельской местности: разница в процентном соотношении толерантных утверждений по данному утверждению составляет 3,12 %.

Анализ различий по фактору «образование» показал, что по субшкале «Этническая толерантность» количество толерантных утверждений среди респондентов в группах различно. Так, наименьшее количество толерантных утверждений зафиксировано в группе 1 (48,17 %). В группах 2 и 3 процентное соотношение толерантных утверждений составляет 53,48 % и 53,51 % соответственно [табл. 5].

Таблица 5

Анализ различий по фактору «образование»

Группа	Этническая толерантность	Социальная толерантность	Личностная толерантность
Группа 1	48,17	43,78	64,23
Группа 2	53,48	44,81	61,38
Группа 3	53,51	42,18	62,31

Как видно из табл. 5, большую этническую толерантность (53,51 %) проявляют респонденты, имеющие опыт межкультурных контактов (группы 2 и 3). Между тем, толерантность как черта личности в процентном соотношении преобладает в группе 1 (64,23 %). Процент толерантных утверждений по шкале «Социальная толерантность» преобладает в группе 2 (44,81 %).

Таким образом, качественный и количественный анализ результатов экспресс-опросника «Индекс толерантности» свидетельствует о наличии толерантных и интолерантных проявлений студентов.

Показатели социальной дистанции интерпретировались следующим образом: чем выше средний показатель этой шкалы, тем выше приемлемость и позитивность восприятия испытуемых представителей других этнических групп, что может свидетельствовать об аккультурации студентов. Чем ниже показатель социальной дистанции, тем больше стремление испытуемых обособиться от других этнических групп, что может рассматриваться также как неготовность к межетническим контактам и низкий уровень межкультурной адаптации [7].

Результаты нашего исследования показали наличие тесных установок студентов со своей этнической группой. Средний балл социальной дистанции по отношению к русским составляет 19,49 балла (при максимуме 21 балл). Меньшую степень социально-психологического принятия отмечают студенты с американцами и украинцами. Средние показатели размера социальной дистанции с американцами 17,03 балла. Средний балл социальной дистанции по отношению к представителям украинского этноса равен 12,92. Неприемлемость контактов, отчуждение демонстрируют испытуемые по отношению к армянам (5,67), вьетнамцам (4,31). Цыгане (2,30), чеченцы (2,68) остаются практически «за чертой» по степени желаемой близости студентов с ними [табл. 6].

Таблица 6

Среднегрупповые показатели по шкале социальной дистанции*

Гетеростереотипы						Автостереотип
Ар	Ам	В	У	Ц	Ч	
5,67	17,03	4,31	12,92	2,30	2,68	20,49

Анализ гендерных различий показал, что наименьшую социальную дистанцию юноши демонстрируют по отношению к собственной этнической группе (20,51), а также близкие к ней – «американцы» (15,00), «украинцы» (14,16) [табл. 7].

Таблица 7

Среднегрупповые показатели по шкале социальной дистанции

Гетеростереотипы							Автостереотип
Пол	Ар	Ам	В	У	Ц	Ч	
Юн.	5,40	15,00	2,12	14,16	1,98	2,18	20,51
Дев.	5,86	18,86	5,87	11,68	3,01	3,33	20,47

Как видно из табл. 7, наибольшую социальную дистанцию юноши демонстрируют по отношению к представителям следующих этнических групп: «цыгане» (1,98), «чеченцы» (2,18), «вьетнамцы» (2,12). Среди девушек иерархичная структура предпочтения представлена также. Однако девушки демонстрируют более длинную социальную дистанцию по сравнению с юношами по отношению к представителям следующих этнических групп «цыгане» (на 1,03), «чеченцы» (на 1,15), «вьетнамцы» (на 3,75), «американцы» (на 3,86). По отношению к представителям Украины девушки по сравнению с юношами демонстрируют более короткую дистанцию (на 2,48).

Анализ различий по месту проживания показал, что студенты из района, сельской местности наименьшую социальную дистанцию демонстрируют по отношению к собственной этнической группе (20,71), а также к гетеростереотипам «американцы» (15,11), «украинцы» (13,16) [табл. 8].

Таблица 8

Среднегрупповые показатели по шкале социальной дистанции

Гетеростереотипы							Автостереотип
Место проживания	Ар	Ам	В	У	Ц	Ч	
Район, сельская местность	5,26	15,11	3,22	13,16	1,60	2,03	20,71
Город	6,20	18,13	4,60	12,78	3,36	3,23	20,50

Как видно из табл. 8, наибольшую социальную дистанцию студенты из района, сельской местности демонстрируют по отношению к представителям следующих этнических групп: «цыгане» (1,60), «чеченцы» (2,03), «вьетнамцы» (3,22). Среди городских студентов иерархичная структура предпочтения представлена также. Однако студенты из города демонстрируют более длинную социальную дистанцию по сравнению со студентами из района, сельской местности по отношению к представителям следующих этнических групп «цыгане» (3,36), «чеченцы» (3,23), «вьетнамцы» (4,60), «армяне» (6,20), «украинцы» (12,78), «американцы» (18,13).

Таким образом, анализ результатов по шкале социальной дистанции Э. Богардуса показал наличие тесных установок студентов со своей этнической группой, что свидетельствует о позитивной этнической идентичности. Меньшую степень социально-психологического принятия отмечают студенты с американцами и украинцами. Неприемлемость контактов, отчуждение демонстрируют испытуемые по отношению к армянам, вьетнамцам. Гетеростереотипы цыган, чеченцев остаются практически «за чертой» желаемой близости студентов. Что касается различий с учетом демографических характеристик, то значительных расхождений в процентных соотношениях у респондентов не выявлено.

Выводы. Исследование особенностей адаптации российских студентов к социокультурным условиям вуза показало, что образовательная миграция в вузах города Курска имеет

* Здесь и далее: Ар – армяне; Ам – американцы, В – вьетнамцы, У – украинцы; Ц – цыгане; Ч – чеченцы.

тенденцию к серьезному росту. Социокультурная среда вузов характеризуется расширением межкультурных контактов, связанным с совместным обучением российских и иностранных студентов, участием в международных конференциях, полиэтнически ориентированных проектах, прохождением различных видов стажировок и практик в других странах и т.д.

В исследовании респонденты различались по полу, месту проживания – город / район, сельская местность, а также фактору «образование», характеризующийся нами степенью интенсивности межкультурных и межэтнических контактов в студенческой среде.

В качестве показателей межкультурной адаптации студентов выступали стратегии межкультурного взаимодействия, уровень этнической толерантности, актуализированность и позитивность / негативность этнической идентичности, социальная дистанция.

В целом по выборке выявлена позитивная оценка межэтнических отношений. В большинстве своем (78,66 %) студенты характеризуют межэтнические отношения в городе как «благополучные» и «спокойные». В вузе оценка межэтнических отношений характеризуется испытуемыми также как «благополучная» и «спокойная» (88,28 %). Это является показателем этнической толерантности студентов и может способствовать их успешной межкультурной адаптации. Анализ различий в оценке межэтнических отношений по демографическим характеристикам показал, что более позитивно склонны воспринимать данный факт девушки, чем юноши.

Большинство студентов считают приемлемой для иностранцев стратегией интеграции, т.е. стремление как сохранять свои этнокультурные особенности, так и придерживаться норм и правил доминирующей этногруппы, и ассимиляции, т.е. ориентации на нормы и правила, принятые в стране пребывания. Между тем, около 15% студентов рассматривают стратегию сепарации как наиболее приемлемую для взаимодействия иностранных студентов с принимающей стороной.

В большинстве своем респонденты проявляют этническую толерантность. Большую этническую толерантность проявляют респонденты, имеющие опыт межкультурных контактов.

Наибольшую социальную дистанцию студенты демонстрируют по отношению к представителям следующих этнических групп: «цыгане», «чеченцы», «вьетнамцы». Самая короткая дистанция зафиксирована по отношению к автостереотипу, что может свидетельствовать о позитивной этнической идентичности.

Таким образом, такие демографические характеристики как «пол», «место проживания», «образование» в разной степени оказывают влияние на межкультурную адаптацию студентов. Социокультурная среда вузов создает предпосылки для более успешной межкультурной адаптации. Между тем, важную роль в этом процессе играют как ряд личностных характеристик респондентов, так и ситуационные факторы.

Список литературы

1. Абрамова М. А., Гончарова Г. С. Аккультурационные стратегии учащейся молодежи Якутии // Социологические исследования. – № 3. – 2009. – С. 108 – 115.
2. Лазаренко В. А. Тенденции и перспективы учебной миграции на примере Курского государственного медицинского университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: fms.kursk.ru/files/kgmu-migr.doc. (дата обращения 22.09.2011).
3. Отчет о работе общественно-консультативного совета при Управлении Федеральной миграционной службы по Курской области за 2011 год // Официальный информационный сайт Управления Федеральной миграционной службы по Курской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fms.kursk.ru/2012-02-21-10-46-04/item/1620-0t4et_o_rab_2011.html. (дата обращения 02.03.2012).
4. Непочатых Е. П. Социально-психологические аспекты формирования этнической толерантности учащихся городской школы: региональный опыт. – Курск: ООО «Учитель», 2009. – 183 с.
5. Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. – М.: Смысл, 2008. – С. 147 – 161.
6. Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003. – 718 с.
7. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
8. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: Учебник для вузов / Т. Г. Стефаненко. – 3-е изд., испр. И доп. – М.: Аспект пресс, 2004. – 368 с.

ADAPTATION OF THE RUSSIAN STUDENTS TO THE SOCIOCULTURAL CONDITIONS OF THE UNIVERSITY

E. P. Nepochatykh

*Kursk Institute
of Social Education*

*e-mail:
nepochatyh83@mail.ru*

The paper presents the results of studies of the adaptation of the Russian students to the sociocultural conditions of the University, examines the impact of demographic factors on students' intercultural adaptation, as «sex», «place of residence – city / region, the countryside», and also the factor of «education».

Keywords: cross-cultural adaptation, socio-cultural environment of the university, acculturation strategies, ethnic tolerance.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аматов А. М.** – заведующий кафедрой английского языка и методики преподавания факультета романо-германской филологии Белгородского государственного исследовательского университета, доктор филологических наук
- Багана Ж.** – профессор кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Величкова С. М.** – аспирант кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Воронина Л. В.** – доцент кафедры немецкого языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Верзунова Л. В.** – доцент кафедры педагогики факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Гурова Ю. И.** – доцент кафедры английского языка Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, кандидат филологических наук
- Данилова Е. С.** – ассистент кафедры теории и практики перевода факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ермакова Л. Р.** – доцент кафедры иностранных языков № 2 факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Еремина А. Н.** – старший преподаватель кафедры педагогики и психологии развития Курского государственного университета, кандидат психологических наук
- Ерошенкова Е. И.** – доцент кафедры педагогики факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Ирхина И. В.** – профессор кафедры педагогики факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор педагогических наук
- Исаев И. Ф.** – заведующий кафедрой педагогики факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор педагогических наук
- Исаева Н. И.** – профессор кафедры возрастной и социальной психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор психологических наук
- Карголь И. В.** – ассистент кафедры общей и клинической психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Козлова Е. В.** – ассистент кафедры иностранных языков Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского
- Кожмякин Е. В.** – заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, профессор, доктор филологических наук
- Куприева И. А.** – доцент кафедры английского языка и методики преподавания факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук

- Ларина Е. О.** – ассистент Института дополнительного профессионального образования Саратовского государственного технического университета
- Малиатаки В. В.** – старший преподаватель кафедры математики и информатики Ставропольского государственного педагогического института
- Нагорный И. А.** – профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Непочатых Е. П.** – доцент кафедры психологии и педагогики Курского института социального образования, кандидат психологических наук
- Нойгебауер Т. А.** – учитель немецкого и английского языков гимназии им. Джека Штайнбергера, г. Бад Киссинген, Германия
- Окунева И. О.** – доцент кафедры английского языка Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва
- Перекальский С. А.** – старший преподаватель кафедры начального, дошкольного и специального образования Московского государственного областного социально-гуманитарного института
- Прохорова О. Н.** – профессор кафедры английского языка и методики преподавания факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Разуваева Т. Н.** – заведующая кафедрой общей и клинической психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, профессор, доктор психологических наук
- Ромашина О. Ю.** – доцент кафедры английского языка и методики преподавания факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Седых А. П.** – профессор кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Синельников Ю. Г.** – заведующий кафедрой французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, профессор, кандидат филологических наук
- Синельникова И. И.** – доцент кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Ситникова М. И.** – профессор кафедры педагогики факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор педагогических наук
- Скокова Т. Н.** – доцент кафедры немецкого языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Солженицына М. В.** – преподаватель кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
- Солодовник И. П.** – заведующий кафедрой немецкого языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук, профессор
- Стебунова К. К.** – ассистент кафедры педагогики и методики начального образования факультета педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета

- Таранова Е. Н.** – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2 факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Толстова Н. А.** – старший преподаватель кафедры математики и информатики Ставропольского государственного педагогического института
- Толстолицкая Е. В.** – соискатель кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного университета Белгородского государственного университета
- Хангану Аурелия** – сотрудник Центральной научной библиотеки им. Андрея Лупана Академии наук респ. Молдовы, доктор филологических наук
- Харченко В. К.** – заведующая кафедрой русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Чекулай И. В.** – профессор Белгородского государственного института культуры, доктор филологических наук
- Шаталова Ю. Н.** – специалист по учебно-методической работе факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шафель Али Шаиф Хусейн** – аспирант кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шеховская Н. Л.** – профессор кафедры педагогики факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор педагогических наук
- Шмелева Т. В.** – профессор кафедры журналистики Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, доктор филологических наук

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

1) по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

2) по электронной почте редакторам разделов: «Русская филология» – nagorny@bsu.edu.ru (Нагорный Игорь Анатольевич – заместитель главного редактора); «Романо-германская филология» – prokhorova@bsu.edu.ru (Прохорова Ольга Николаевна – заместитель главного редактора); «Методологические проблемы гуманитарных наук» и «Журналистика и связи с общественностью» – korochnensky@bsu.edu.ru (Короченский Александр Петрович – главный редактор); «Педагогика» – Isaev@bsu.edu.ru (Исаев Илья Федорович – заместитель главного редактора); «Психология» – NIsaeva@bsu.edu.ru (Исаева Надежда Ивановна – заместитель главного редактора).

Ответственный секретарь серии журнала – vedomosti@nm.ru (Карпенко Ирина Ивановна); сайт журнала: <http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлекцией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлекцией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ» СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология»

В материалы включается следующая информация:

- 1) УДК научной статьи;
- 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков);
- 3) ключевые слова;
- 4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны);
- 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук);
- 6) текст статьи;
- 7) ссылки.

*на русском
и английском
языках*

*на русском
языке*

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4. Без переносов.
2. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
 - гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
 - размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.
4. Абзац:
 - отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
 - межстрочный интервал – одинарный.

5. Ссылки:

- номер ссылки размещается в квадратных скобках перед знаком препинания (перед запятой, точкой);

- нумерация – автоматическая, сквозная;
- текст сноски внизу каждой страницы;
- размер шрифта – **10 пт.**

6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт).**

7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.

8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи

УДК 808.2-318+802.0-318

**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ДИХОТОМИЯ
ЗНАКОВ ЯЗЫКА И РЕЧИ¹****Н. Ф. Алефиренко***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
alefirenko@bsu.edu.ru*

Вопреки принятой в современной лингвистике знаковой теории языка в статье предлагается решение одной из важнейших проблем теоретического языкознания: разграничение знаков языка и знаков речи. Методологической основой такого разграничения служит концепция языка как явления психики и опирается на дихотомию «язык – речь».

Ключевые слова: язык, речь, знак, функции языка и речь, когнитивно-дискурсивная деятельность.

Если исходить из основного положения дихотомии языка и речи, утверждающего, что единицы речи объективируют (реализуют) единицы языка, будет уместно, как мне представляется, использовать данную аксиому во благо развития современной лингвосомиотической теории. Кстати, не лишним было бы упомянуть, что, пожалуй, впервые идею о целесообразности различения знаков языка и знаков речи высказал Ф.Ф. Фортунатов...

COGNITIVE-DISCURSIVE DICHOTOMY OF LANGUAGE AND SPEECH SIGNS**N. F. Alefirenko***Belgorod National
Research University**e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru*

Contrary to the present-day sign theory in linguistics in the article it's proposed a solution for one of the principal issues of theoretical linguistics: distinction between language signs and speech signs. Methodologically this distinction is based on the assumption that language is a mental phenomenon and it is rested upon language/speech dichotomy.

Keywords: language, speech, sign, language and speech functions, cognitive-discursive activity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**Алефиренко Н.Ф.**

– профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук.

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на двух страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская обл.	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская обл.	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Продолжение той же таблицы, расположенной на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и подрисуночную подпись, расположенные ниже рисунка и отцентрированные.

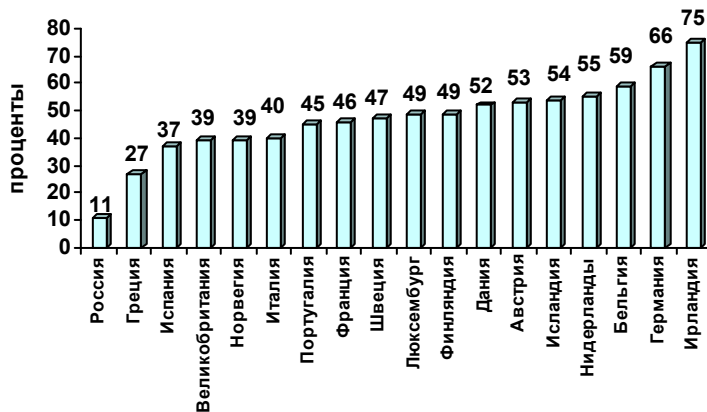

Рис. 1. Уровень активности медиапотребителей в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

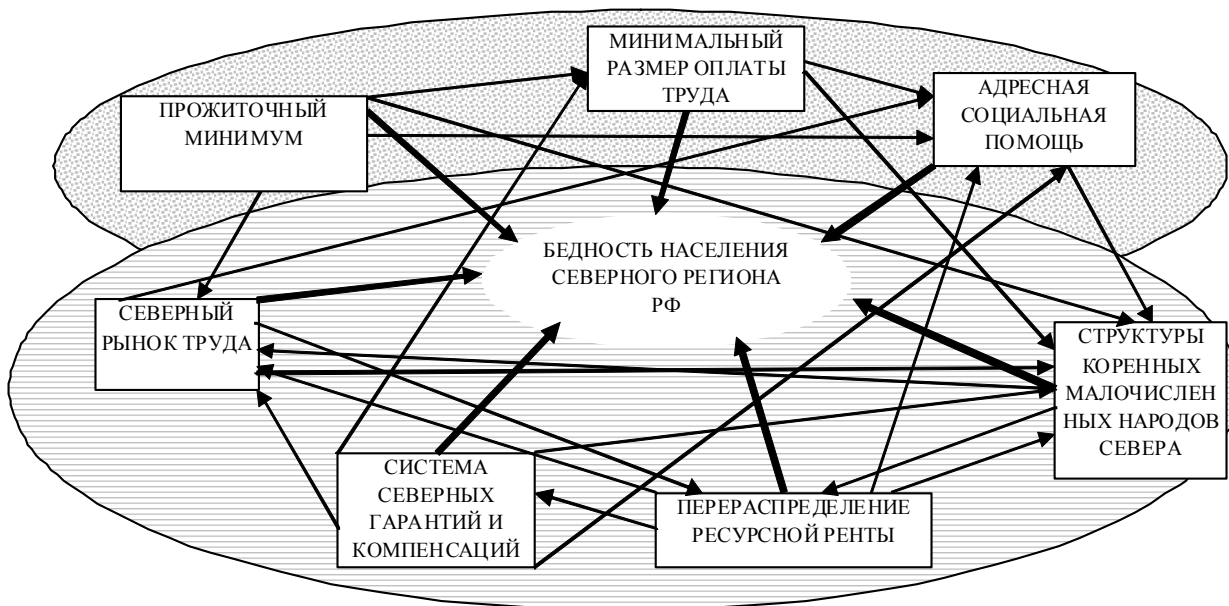

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.